

БЛАГА СЧАСТНАЯ

A man and a woman in historical costumes standing in a forest. The woman is wearing a white dress with a red and white patterned belt and a headband. The man is wearing a red and black patterned tunic with a red collar and a red sleeve. They are standing in a forest with trees and a path.

Пламя моей души

Annotation

Судьба Елицы сплетается тугим узлом с судьбами княжичей — и не отринуть, не сбежать. Зазывает в жёны Чаян, да душа всё пытается разгадать младшего его брата Ледена, который близко, но и далеко от неё. Оборачивается враждой кровная связь, становятся чужими отчие дома. Разгорается пожар со всех сторон. А нить, ведущая к Сердцу, путается в чащобе прошлого, что хранит давние тайны. Где найти силы одолеть недолю и понять, чего на самом деле желает собственное сердце?

- [Елена Счастливая](#)

-
-
- [ГЛАВА 2](#)
- [ГЛАВА 3](#)
- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ГЛАВА 8](#)
- [ГЛАВА 9](#)
- [ГЛАВА 10](#)
- [ГЛАВА 11](#)
- [ГЛАВА 12](#)
- [ГЛАВА 13](#)
- [ГЛАВА 14](#)
- [ГЛАВА 15](#)
- [ГЛАВА 16](#)
- [ГЛАВА 17](#)
- [ГЛАВА 18](#)
- [ГЛАВА 19](#)
- [ГЛАВА 20](#)
- [ГЛАВА 21](#)
- [ГЛАВА 22](#)

- [ЭПИЛОГ](#)

Елена Счастливая

Сердце Лады. 2. Пламя моей души

ГЛАВА 1

Весть о смерти Светояра, видно, сильно подкосила обоих братьев. Елица и не видела их больше ни разу в тот день, как гонец из Остёрска прибыл. Услышала только от Веи, что случилось — и не поняла даже, как к тому относиться. Теперь, получается, кто-то из них князем станет, а значит, противиться им и свободу свою, пусть и столь зыбкую, удержать ещё сложнее окажется.

Не попались они и на другое утро, не вышли даже в гридницу — Елица Миру отправила проверить, покуда сама в трапезной сидела вместе с Зимавой и Вышемилой, которые тоже как будто поникли — молчали всё и переглядывались порой. Только на лице княгини то и дело мелькал свет предвкушения. Уж она много сил потратила, чтобы Чаяна к себе привязать, чтобы привык он к ней и подумывать начал о женитьбе. А тут уж сразу и князь: вече решать станет, но и так понятно, что он старший — и наследство, стало быть, его. Оттого-то, верно, и заходило сердце Зимавы: то бледнела она, то румянцем заливалась от каких-то только ей известных мыслей.

И напряжённо так становилось во всём детинце, словно воздух комками скатывался. Мира всё ж разузнала, что Светоярычи отбыли оба в своё становище — верно, до самого вечера там пропадут. И никто из них не захотел Елице хоть что-то сказать: чего ждать теперь, да когда к отъезду готовиться.

Пытаясь унять тревогу, что нарастала тем сильнее, чем дольше хранили братья молчание, Елица решила к Вышемиле сходить: время скоротать за рукоделием, а то и поговорить о чём-то. Боярышня встретила её приветливо, словно ждала давно. Отложила в сторону бисер, которым расшивала широкую тканую ленту и поднялась с лавки, раскрывая объятия, будто и не встречались нынче утром. Никогда они с Вышемилой не дружили раньше: та, как Елица замуж собиралась, ещё маловата была, и ничего их не связывало. А тут хоть одна душа в этом доме ей, кажется, искренне рада.

— Как ты, Мила? — Елица присела рядом с ней и опустила взгляд на вышивку.

Ровная и красивая: бусина к бусине. Никак приданое себе боярышня готовит. В таком очелье и княгине на люди показаться не зазорно. Девушка заметила её интерес и улыбнулась загадочно, но ничего об украшении говорить не стала.

— Тело зажило давно, — сказала, снова помрачнев. — Кто бы память мне залечил теперь... Я ведь их рожи до сих пор едва не каждую ночь вижу. Только... Только когда он рядом, так и легче становится. Он ведь... всех нужнее мне. Понимаешь?

О ком говорит, и кумекать долго не нужно — и так понятно. Да как будто имя его боярышня даже произнести боялась — кабы Зимава не услышала вдруг. И может, хорошо, что в Ледене она отдушину нашла — хоть и опасно это для неё, а вернее, для сердца девичьего, которое любви жаждет. Елица задумалась на миг, что её-то обиду душевную некому излечить. Хоть и знает Чаян — догадался — что Гроздан с ней творил в Зуличе, а раскрываться перед ним ещё больше не хотелось. Пыталась и Вея поддержать, да слова её всё как-то мимо проходили. Одно утешение давало: что удалось уберечься, не понести от княжича. Иначе совсем худо пришлось бы.

— Что же, тех татей ещё не нашли? — Елица мягко пожала руку девушки, отвлекаясь от своих мыслей.

Та вздохнула, покачав головой.

— Не нашли. Следы их на большаке затерялись. Только на том месте, где всё случилось, мои обереги отыскиались. Я и не сразу вспомнила о них, представляешь? А тот тать, что старшим мне показался, гривну мою сломал, когда я отбивалась. Одного оберега не хватало. Вот думаю, может, он забрал. Говорят, такие любят на память себе что-то оставлять.

Вышемила невесело усмехнулась, а после провела пальцем по новой серебряной гривне, что висела на её шее: ровная, витая. Сразу видно, что не из отливки сделана: по три прутика друг с другом свиты, а после ещё три сплетённых — между собой. На гривне висели все обереги боярышни. Она выбрала один, подхватила на ладонь: лунница с зернью и узорами тонкими.

— Леден подарил? — спросила Елица — и сама испугалась.

И с чего взяла, что он? Но почему-то именно эта мысль пришла в голову первой — и тут же вырвалась наружу вопросом. Она прикусила губу, ожидая недоумения, а то и лукавой насмешки Вышемилы, но та только потупилась и накрыла оберег ладонью, прижимая к груди.

— Леден, — произнесла она его имя так, что аж в горле что-то замерло. — И гривну новую — он. Только Зимаве не говори.

— Не скажу, — Елица погладила её по плечу.

Княгиня и так всё поймёт рано или поздно. А она не хотела больше ни в чём девушку упрекать. И напоминать, что Леден — не друг никому здесь, не тот, за кого замуж надо собираться. Многое менялось прямо на глазах, как очертания облаков в небе. Да и, видно, Вышемиле ничего уже не втолкуешь. Но отчего-то разлилась в груди смутная горечь. Словно на миг тяжело дышать стало. И взгляд сам собой всё возвращался к луннице, что поблескивала на витом обруче, который обхватывал стройную шею боярышни.

Да вдруг вспыхнуло что-то в памяти смутное — не разберёшь поначалу. Как будто укололо. Елица осторожно взяла пальцами оберег и приблизила лицо.

— Говоришь, такого оберега не хватало на сломанной гривне?

Она подняла вопросительный взгляд на девушку, которая уж было и снова за рукоделие взялась, перекаывая в мелкой мисочке блестящие бисерины. Та посмотрела на неё недоуменно и кивнула, словно подумала в этот миг, что Елица разом поглупела. Она встала порывисто, разом позабыв о намерениях, с которыми сюда пришла, и, распрощавшись покамест с Вышемилой, выбежала вон. Спустилась во двор и пошла было к княжескому терему, да вспомнила, что Светоярычей там нет. Ждать придётся.

Словно на иголках сидя провела она весь день до самого вечера. И выглядывала, постоянно отвлекаясь от тканья, во двор, надеясь увидеть там признаки того, что братья возвратились. А после услышала, как темнеть начало, отдалённый топот копыт и оклики тихие, сердитые. Приехали, стало быть. Да не в духе.

Она быстро закончила работу и, оставив Вею в светлице — завершать сегодняшний урок, вновь направилась через двор, в горницу Отрада. Только и успела почувствовать, как мазнул по щекам запах разогретых на солнце цветов поздней яблони — и вспомнила вдруг на миг, как намеренно гуляла в саду с Чаяном. Многого княжич себе не

позволял, но так и тянул руки — дотронуться невзначай. Но Елица сторонилась всё: от мысли о любой близости с мужчиной аж внутри всё переворачивалось и колом застывало. Княжич, кажется, понимал и терпел. Да только надолго ли его хватит?

Она прошла по полутёмному, усыпанному пятнами теней и света переходу да скрылась в тереме, пропитанном как будто насквозь мужским духом. Сразу понятно, что не женщины и девицы здесь живут. Распахнула она дверь горницы, только краем разума успев подумать, что надо было, верно, постучать наперёд. Леден обернулся к ней — и по лицу его пробежала как будто тень разочарования. А от чего — то пойди разбери. Может, не её ждал?

— Здрав будь, Леден, — Елица остановилась в нескольких шагах.

Так лучше, спокойнее, ведь когда он совсем близко — душа словно на части рвётся: от необходимости держаться на расстоянии и от желания одновременного придвинуться. Но неправильно это, нечестно — не должно такое чувствовать рядом с тем, кто жизнь твою едва до основания не разрушил.

— Поздорову, княжна, — холодно и ровно бросил он. — А Чаян как раз за тобой посылать хотел. В путь нам собираться надо. В Остёрск. А там, как решится всё с княжением, за Сердцем вновь отправимся.

Она и позабыла на миг, зачем пришла. Вот так вот решили всё между собой, а ей только за ними тащиться и остаётся.

— Я знаю, кажется, кто Вышемилу ссильничал, — выпалила она быстро, боясь, что рвение братьев покинуть детинец сметёт её, раздавит, и всё остальное окажется неважным, потонет в глубинах памяти, отложенное на потом.

Леден так и замер, вцепившись в застёжку широкого и красивого пояса, унизанного серебряными чеканными бляшками, на который Елица обратила внимание ещё в первую встречу с княжичем. Он вновь повернулся медленно, а по губам его пробежала гримаса решимости, словно он тотчас же готов был бы кинуться на расправу с супостатом.

— Кто он? Из наших кто? Как узнала? — посыпались вопросы, словно осколки льда — только рукой от них и загораживаться.

Елица отступила даже — настолько большая недобрая сила норовила сейчас сбить её с ног.

— Когда я в Зуличе была, — начала она, сглотнув сухой комок в горле, — встречала там одного кметя. Или наёмника, не знаю. Он в ближней дружине Гроздана был. Зовут его Камян. Похож он на того, кого Вышемила описывала. И на гривне его я видела женский оберег. Такой же, какой пропал в тот день у неё.

И самой аж липко и мерзко во рту стало от понимания, какой нужно быть мразью, чтобы у девушки, которую ты силой взял, боли столько ей причинил и отдал на растерзание своим подручным, ещё и оберег забрать на память. Видно, Леден подумал о том же — таким неподвижным стало его лицо.

— Я встречусь с ним, обязательно, — проговорил он глухо. — Только сейчас не могу себе позволить в Зулич ехать. Но после — кишки ему вырву.

— Надеюсь, что так и будет, — Елица потупилась, робея под его тяжёлым взглядом.

Словно в этот самый миг он уже представлял, как будет вспарывать Камяну брюхо.

— Кровожадная ты, княжна, — усмехнулся Леден, но его лицо снова стало серьёзным. — Он тебе-то ничего не сделал?

— Нет, — ответила она поспешно.

И это, видно, всколыхнуло в княжиче большое подозрение. Он подошёл в два широких шага. Коснулся пальцами подбородка — и Елица подняла на него взгляд, стараясь ничем не выдать той бури неприятных воспоминаний, что поднялись изнутри, стоило только снова о Зуличе заговорить.

— Точно? — спросил так, будто ранку скосырнул. — Вы что-то скрываете от меня с Чаяном, вижу. Не лги мне, Еля.

Ну, вот опять. Полоснуло по сердцу жгущей болью, стиснуло грудь негодованием и страхом — от того, что не должен он так звать её. А как звучит его голосом это короткое имя, которым отец назвал в детстве, брат да Радим потом — люди самые близкие и любимые — так слушать хочется снова и снова. Склонилось его лицо ближе, повеяло от губ лёгкой прохладой, как и от руки его. Уже привычной, почти ласковой.

— Тебе какое дело, что со мной там случилось? — Елица отшатнулась, боясь, что сейчас, в этот миг разверзнутся где-то внутри

него врата в Навь, и снова хлынет жизнь туда, без надежды на возвращение.

— Есть дело, коли спрашиваю, — огрызнулся в ответ Леден.

Елица развернулась и пошла прочь: сказала ведь всё, что хотела. А остальное — это уже ненужное, пустое. Игра крови и воображения.

Быстро разнёсся по детинцу приказ Чаяна собираться в дорогу. Забирали братья с собой большой отряд воинов: путь неблизкий впереди. Оставался снова за старшего воевода Буяр, а из становища ещё кмети в городские стены перебрались. И тогда почувствовала Елица остро, что прорастают Светоярычи здесь корнями гораздо сильнее, чем ожидать можно было. И никто тому особо не противится. Кажется, даже велеборчане уже привыкли.

В ночь перед отбытием поднялся страшный ветер, зашумел в ветвях, захлопал где-то неплотно прикрытыми дверьми. Показалось даже, крыши рвать начнёт: до того угрожающе всё плоскрипывало и погромыхивало со всех сторон. Недобрый знак, казалось бы: гневился Стрибог, натравливал своих внуков на хрупкое людское жильё — и стонали яблони в саду от их ударов. В хоромине сразу холодно стало; Елица лежала под сшитым из лоскутов одеялом и подумывала даже взять шкуры — зябь неприятная пробирала, проносилась по открытой коже. Но скоро она всё ж уснула, словно колыбельной, убаюканная голосом наступающей непогоды.

А наутро ожидаемо затянуло ясное небо нечёсаными, свалянными в огромную кошму тучами. Погасли последние лучи Дажьбожьего ока, увязнув в плотной трясине их, и наполнился воздух предчувствием дождя. Беспокойно поднимали кмети взоры к хмурому небу, ожидая, верно, что скоро понесётся Перунова повозка, загремит — да и ливень хлынет, а там уж какая в такое ненастье дорога. Но хляби молчали, угрожающе нависнув над крышами терема, почти цепляясь за них — и сборы продолжались. Не рассеялись ещё последние сумерки, продлённые тем, что заря утонула в непроглядном мареве — и все, кто выезжать должен был, собрались во дворе.

Вышла провожать Чаяна Зимава, более не стесняясь никого, не страшась новых сплетен, что и так били её хлыстом людского неодобрения постоянно. Обнять княжича хотела, да тот так хитро извернулся, что и в руки её не попал, и не дал повода ей краснеть от

неловкости. Елица, что неподалёку от него стояла, готовясь подниматься в седло, услышала лишь, как сказал Чаян княгине:

— Как доберусь в Остёрск, готовься с сыном встретиться. Там, где условились.

Зимава и осерчала на него, кажется, за сорванные объятия, но охолонула вмиг, провела по его груди ладонями и ответила что-то, склонившись к уху. Елица и заметила, как коснулась она всё ж могучей шеи княжича губами. А тот дёрнулся отстраниться и на неё посмотрел коротко. Зимава увидела — и лицо её сделалось будто из льда вырубленным. Но всё ж легче было на разгневанную княгиню смотреть, чем на то, как Вышемила с Леденом прощается. И хоть робела боярышня под строгим взглядом сестры да Эрвара, который наблюдал за всеми с высокого крыльца, а веяло от каждого её движения и тихо сказанного слова бесконечной нежностью и тайной, что между ними с княжичем зародилась.

Как уселись все наконец на лошадей, первым выехал из ворот Чаян, после Елица, а вслед за ней — Леден. Так уж условились, будто боялись, что она по дороге внезапно сбежать задумает. Но нет, теперь понимала она, что лучше уж под присмотром братьев быть — они меньшее лихо из тех, что поджидать могут. Скоро минули посад и весь, что недалеко от стен раскинулась. Проплыло в стороне дымящее кострами становище — туда и заезжать не стали.

Всю дорогу до первого привала Елица чувствовала на своей спине пытливый взгляд Ледена. И всё хотела обернуться, да не решалась.

Закончились обширные палы, потонули среди бескрайних лесов, то светлых, приветливых, то смурных, что взгляд отшельника. Но всё ж родные это были места, знакомые. Хоть раз, бывало, но проезжала этими дорогами Елица вместе с отцом или братом — по делам важным, чтобы не засиживаться в детинце. Но теперь лежали впереди земли чужие и враждебные, как казалось с самого детства. И жили там едва не чудовища: голос обиды застарелой редко когда бывает справедлив.

Мелькали веси и города вдоль большака, что вёл на юго-запад, то и дело пуская в стороны ростки более мелких дорог. Попадались навстречу богатые и скромные купеческие обозы: самое время теперь торговать — и многие из них ехали в Велеборск.

Однажды только остановились надолго в крупной веси Калиногосте, что лежала уж совсем близко от Остёрских земель: телегу обозную понадобилось смазать, да лошадь у одного кмета переменить. Охромела вдруг. Хоть и можно было за оставшееся время проехать ещё с полдесятка вёрст и добраться до небольшого селения, что чуть западнее лежало, а Чаян приказал становиться тут: и место удобнее, и избы побольше. Велел даже Брашко и своему отроку Радаю справить для всех бани: у старейшин здешних да жителей попросить вежливо. Погода после недолгого хмаристого ненастья, что то и дело громыхало вдали грозами, встала дюже жаркая, совсем по-летнему. Расходилась буйством к Ярилину дню, аккуратно к которому и должны были до Остёрска добраться. Разбрелись кмети по веси: кто на торг местный заглянуть, раз оказия случилась, кто до речки сходить — неспешной и глубокой Калинки, проверить, насколько студёна да можно ли купаться, а кто и за понятным делом — с девицами здешними познакомиться.

Кому забава, а Елице пришлось к старосте здешнему идти: договариваться, чтобы при встрече с княжичами сильно-то брови не хмурил. От того только хуже станет. Тот пожевал губами недовольно, но пообещал стычек с остёрцами не устраивать попусту. А то и встретить их, как подобает.

Потому-то вечером, как нагулялись парни по окрестностям, попарились от души в баньках — сил понабраться перед другой половиной дороги — созвал всех староста Алкун у себя. Да не просто так, оказалось: повод у него случился добрый — внучка родилась не далее как два дня назад. Большая у него изба была: раньше всей семьёй в ней жили, пока дети не разлетелись птахами по своим домам, не обзавелись отдельным хозяйством.

Огромная Божья ладонь уместила всех гостей. Окутала печка-каменка старая, да хранящая самое доброе тепло, уютом. Княжичей усадили на места почётные: поближе к ней. Елицу тоже устроили хорошо, хоть и не так, как хотелось бы — подле Ледена. Выкатили пиво из закровов: мёд, как при княжеском дворе в простых весях, посчитай, водился не так часто. Да и без браги не обошлось, конечно. Засновали кругом девицы, нарочно призванные от соседей, чтобы воинам когда хмельного подлить, принести полные братины, коль опустеют, или посуду ненужную убрать.

Девушки, хоть и помнили, верно, что сидят за столом всё больше остёрцы, а всё равно удержаться не могли против того, чтобы то и дело обратить на кого из них лукавые взгляды. Свои-то парни, небось, надоели до оскомины, знакомые с самого детства, едва не кровь одна.

Вея, что рядом с Елицей сидела, вздыхала всё укоряюще, наблюдая за тем, как девушки вертят перед кметями нарядно вышитыми, точно на праздник, подолами, да прикладывала руку к груди, как проносился по хоромине зычный молодецкий хохот, вызванный очередной басней, рассказанной кем-нибудь и воинов.

Елица их почти не слушала: все они одинаковы. Что в гриднице детинца, что за столом в избе старосты: похвальба одна да порой случаи похабные, от которых у калиногосток даже кончики ушей краснели, если удавалось самое интересное услышать.

Скоро Вея позвала и спать идти — засиделись, а на рассвете уже вставать. К тому времени мужи захмелели совсем, даже взгляд старосты Алкуна подёрнулся мутной пеленой, хоть и жена посматривала на него строго. Да тот отмахивался всё, огрызаясь и повторяя каждый раз всё более растянуто и зло:

— У меня ж внучка родилась намедни, — будто этого за сегодняшний вечер ещё никто не слышал.

Наперсница проводила Елицу до гостинной избы и оставила одну. Сама пошла помогать на пиру хозяйке: унимать раздухарившихся мужей и драть косы совсем уж опьяневшим от их внимания девушкам, которых те уже начали усаживать себе на колени. Да сна что-то нынче не было ни в одном глазу. Накатили вдруг мысли о том, что скоро, в Остёрске, встретится Елица и с братцем Радимом, по которому не слишком, признаться скучала — ведь не видела его, посчитай, всё то время, что он рос — но за жизнь которо чувствовала постоянную ответственность. Хоть и смягчился, кажется, Чаян, разрешил Зимаве с ним повидаться: как раз на этом вот погосте, как узнать удалось. Она посидела в одиночестве, глядя на догорающую понемногу лучину и слушая треск дров в нежарко растопленной печи. Пыталась представить, что дальше будет, да раз за разом понимала, что угадать это решительно невозможно: уж столько раз жизнь ей то доказывала в последние луны.

Решив, что так только измается, Елица вышла в сени и встала на пороге: вечерним воздухом подышать, да послушать, как заливается

соловей в зарослях черёмухи. Зазвучали вдалеке, приближаясь, тихие ещё голоса. Видно, кмети уже возвращались: у многих хватило разумности не засиживаться до утра, не терзать вынужденно гостеприимных хозяев излишней навязчивостью. Они прошли небольшой толпой впереди, в нескольких саженьях от избы: пошатываясь и гогоча то и дело над неловкостью кого-то из товарищей. Но отделился от гурьбы один — и в сторону Елицы направился. Та и попыталась укрыться в тени сеней, да, видно, всё равно тот её заметил. А через мгновение узнала она Чаяна.

Неверные шаги выдавали, как сильно он захмелел. Пожалуй, первый раз приходилось видеть его таким. Но зато шёл он по точно намеченному пути — а зачем, об этом только и гадать оставалось. Пожалуй, и дверь не убережёт, коли прорваться захочет. И где же запропастилась Вея?

Елица уже метнулась было в избу, не на шутку испугавшись, что в голову княжича сейчас может прийти что худое. Но неведомо как он нагнал её у самой двери.

— Постой, — прошептал жарко, обнимая поперёк талии и прижимая спиной к своей груди. — Постой...

Припал губами к шее, обдавая чуть кисловатым запахом пива, провёл ими вверх да мочку уха прикусил слегка.

— Пусти, Чаян, — попыталась вывернуться Елица. — Дурной ты сейчас. Наутро жалеть станешь.

Княжич хмыкнул, уткнулся лицом в её распущенные перед сном волосы, втянул запах, зарылся неспешно пальцами в волнистые пряди. Простонал тихо — даже у Елицы всё внутри дрогнуло от звука этого, пронизанного мучением. И в этот самый миг поняла она, как сильно он жаждет её, и как тяжело приходится ему, когда сдерживаться нужно.

— Приеду в Остёрск, невестой своей нареку, — зашептал он почти безумно. — Плевать, что вдовая. Не бойся, Елица, я говорил тебе, что не возьму, пока сама не захочешь. Но сделаю так, чтобы ты захотела.

Рука его стальным кольцом сдавила поперёк груди. Прижались бедра тесно, а губы так и зашарили жадно по шее, скулам — да Елица отворачивалась, цепляясь всё за ручку двери и пытаясь открыть её, чтобы внутри укрыться. От него, но и от себя тоже — страшно становилось, хоть прикосновения Чаяна не были грубыми и резкими,

как те, которыми Гроздан не раз одаривал. Прошлась тяжёлая ладонь по ягодицам вниз, отделяя на миг от его наливающегося горячей твёрдостью паха.

— Пусти, тебе говорят! — она со всего размаху наступила ему на ногу.

Чаян охнул, слегка скособочившись, но покамест не отступился, продолжая мягко теснить её к бревенчатой стене и гладить уже между ног, пока ещё сквозь ткань.

— А ну отойди, дурень! — прогремело вдруг ещё со двора.

Громкие шаги — и гневное дыхание где-то рядом. Чаян качнулся назад, размыкая объятия, будто за рубаху его кто рванул. Елица прижалась лбом к бревну, судорожно поправляя развязанный им ворот, что уже съехал с плеча. Подняла упавший на пол платок. Обернулась — и встретилась взглядом с Леденом, который и правда держал брата за шиворот. И с укором таким смотрел на неё, словно уж в постели их застал. Чаян вырвался и одёрнул рубаху, гневно, да не слишком-то, на него поглядывая.

— Чего нос свой суешь, куда не следует? — огрызнулся уже осмысленней, словно протрезвел слегка. — Кто тебя просит?

— Да тебя, беспутного, одного оставь, так ты дел натворишь, — младший отряхнул ладони, словно замарался. — Чего к княжне попёрся? Неужто силой хотел взять?

— Не хотел, — Чаян посмотрел на неё хитровато: почувствовал! Почувствовал, что уже начала она поддаваться — на волосок, может, но всё же. Глянул — и снова серьёзным стал. — Я не Гроздан. Я обещание давал.

Он опять разгладил рубаху и пошёл прочь, всё ещё слегка покачиваясь. Леден проводил его взглядом и вновь к Елице повернулся.

— Стало быть, скрывали от меня всё ж. Так и думал, что паскуда эта зуличанская не удержится.

— Что было, то прошло, Леден, — Елица улыбнулась горько. — И хорошо, что так. Что хуже не обернулось.

Княжич опустил голову и посмотрел исподлобья. Сжал пальцами пояс свой знатный — да так сильно, что костяшки побелели.

— Трудно с тобой, Елица, — он отступил на шаг, словно стену между ними выстраивал. — Головы дуришь похлеще мёда. Чаян ведь

не такой. Никогда даже по пьяни против воли девиц под подолы к ним не лазил. А с тобой...

— Тебе чего бояться? — усмехнулась она, сжимая у шеи концы платка, который на плечи снова накинута.

— Нечего, верно, — бросил княжич и ушёл тут же вслед за пропавшим уже из вида братом.

Елица выдохнула, показалось, первый раз за всё то время, что он смотрел на неё. Ещё долго стояла она в сенях, не в силах отойти от стены, к которой спиной прижалась, словно к опоре единственной. Страшно, признаться, становилось. От силы страсти, которая толкала нынче Чаяна накинуться на неё. От нарочитого холода Ледена, что, как будто, слегка отступив, с каждым днём теперь становился всё более лютым.

Но понемногу успокоилось внутри смятение, что подняли, словно муть с илистого дна, братья Светоярычи. И доколе они будут терзать её: вниманием своим и недомолвками? Стало быть, точно решил Чаян жениться — как бы вразумить его теперь? И как понять, где верный путь? Может, и правда — под защитой его? Ведь не зверь, не чудовище, каким воображение его рисовало до встречи. Уж лучше Гроздана — а тот, может, ещё и не оступится, вновь за своё примется, как рану залечит.

Лился запах расцветшей липы в сени, успокаивал, словно отвар горячий, который перед сном пьют. Елица наконец вернулась в избу, дождавшись, как стихнут совсем голоса кметей, что в соседних избах на ночлег устроились. Скоро вернулась Вея — и по виду её сразу поняла, что случилось что-то. Села напротив за стол, посмотрела спокойно и внимательно.

— Скоро решится всё, — сказала тихо. — Закончатся твои мытарства.

— Вот уж не знаю, — Елица пожала плечами, медленно смахивая с Божьей ладони несуществующие крошки. — Он говорит, я мёда хмельного хуже. Будто я виновата, что некоторые мужи кровь свою унять никак не хотят, что от головы у них отливает, да бьёт не в то место.

И до того это зло прозвучало, что и самой впору подивиться. Другие девушки, может, и рады тому были — а ей скинуть бы это всё поскорей, как путы.

— Кто сказал-то? — Вея чуть склонилась над столом, заглядывая в лицо.

Елица вскинула голову, не поняв сначала вопроса: мысли разбегались всё куда-то.

— Леден.

Наперсница усмехнулась, встала и пошла к своей лавке, на ходу развязывая повой. Оглянулась через плечо на Елицу, которая так и ждала от неё хоть каких-то слов, от которых стало бы легче и прояснилось бы что в голове.

— А то ты глупая, не понимаешь, — она покачала головой, укоряя. — Даже толстый лёд тает, коли его долго тёплым мёдом поливать.

Больше ни о чём они говорить не стали, а Елица так и уснула с мыслями беспокойными.

Отночевали в Калиногосте, собрались в путь дальнейший с больными головами многие. Мужики поутру всё у бочек с водой толклись, умывались, сбрасывая остатки хмеля. Друг у друга спрашивали, не пришлось ли натворить каких глупостей спьяну. Но раз не пришли здешние мужики к гостинным избам с кулаками да топорами — никаких девок они ночью не попортили и буйств не учинили.

Елица с Веей наблюдали за ними без сочувствия — с насмешкой незлой. До того забавно они выглядели, словно с дуба высокого желудями попадали только что — да не могли теперь в толк взять, как тут оказались да зачем.

Пришёл староста Алкун, гостей дорогих и не очень провожать — и на его лице лежала тоже нынче печать беспокойной ночи. Вышел к нему Чаян — вот уж по кому нельзя было сказать, насколько сильно вчера хмель ударил ему в голову. Выглядел княжич таким же, как и всегда. Они о чём-то тихо поговорили со старостой в сенях. И Елица даже догадывалась, о чём. Но смотрела на них вполглаза, перебирая неведомо зачем вещи в седельной суме и ожидая, как выйдут уже во двор все.

Но Леден появился последним, когда все уж ждали его в сёдлах — оттягивал этот миг. И лишь потом, в дороге, Елица услышала от Брашко, что спал он сегодня снова паршиво. С каждым таким днём

отрок всё больше пугался, что однажды он и вовсе не проснётся, потонет где-то в недрах своих кошмаров.

И услышав это, Елица теперь каждую ночь, что ещё остались до Остёрска, просыпалась — всего на миг распахивала глаза и слушала тишину вокруг, боясь услышать в ней хоть что-то, что сказало бы о том, что с Леденом снова случился его недуг. А после засыпала.

Как миновали по добротному мосту неширокую и мелкую, почти как ручей, реку, земли Велеборские закончились. Начиналась теперь неприятельская сторона. Подобрались кмети, чуя скорое возвращение домой, посмурнела Вея, опасаясь, что Елицу не ждёт здесь ничего хорошего.

Пока ехали по хорошо прибитой колёсами и копытами дороге к Остёрску, Елица всё высмотреть пыталась в тех весях, которые на пути попадались, знаки того, что люди здесь бедствуют. И находила: ведь при должном рвении даже воображение станет подкидывать разуму то, чего, может, и нет вовсе. Да только казалось ей, что избы в Велеборском княжестве добротнее, дворы шире, лядины зеленее от всходов. И люди — беззаботнее, хоть, как погиб Борила, всё равно радости среди них поубавилось. А как косяки начали буянить — так и вовсе.

Ожидала увидеть Елица большие невзгоды, разруху и голод — всё, чего не увидела — а вот от вида Остёрска даже оробела, признаться. Был он старым: верно, самый первый город, что на землях этих отстроился. Тёмные, почти чёрные стены протянулись в стороны неведомо насколько, может, и на несколько вёрст: с той дороги, что лежала среди богатого дубового бора, не видно было её границ. Покоился, захваченный огромной его пастью берег реки Острицы внутри, а на спускающемся с холма лугу рассыпаны были избы ближней веси. Огромные, словно утёсы, башни нависали над дорогой, надо рвом и насыпями у стен — и мелькали в бойницах светлые фигурки стражников. Вновь оскудевшее светило лениво скользило лучами по крышам и брёвнами, по пыльной полосе большака. Стелилась волнами короткая трава по сторонам, обрамляя покрытые нежной зеленью молодых всходов нивы.

— Что ты, княжна, думала тут избу кособокую увидеть? Вместо города-то? — колкая насмешка в голосе Чаяна выдернула Елицу из любования грозным видом Остёрска.

Она повернулась к нему слегка, посмотрела искоса. Княжич улыбался сдержанно, а как встретились они взглядами, так и вовсе засиял, что ковш латунный, начищенный.

— Нет, не избу. Пару изб хотя бы.

Княжич покачал головой, тихо засмеявшись, оглянулся на брата, что чуть позади него ехал.

— Слыхал? — окликнул его. — Пару изб. Ладно хоть так.

Младший только фыркнул, на Елицу и не посмотрев даже. Скоро застучали копыта по толстым брёвнам моста, посыпался мелкий мусор в ров. Подле него торговали здесь не так бурно, как в Велеборске или даже Лосиче, но и тут торговцы норовили едва не за подол схватить, чтобы на их товар внимание обратили. Нависли ворота над головой, а с них смотрел вниз, на всех гостей — с добрыми, злыми ли помыслами — белёсый череп тура. Совсем как дома. Проезд через стену был устроен в Остёрске хитро: не одни ворота здесь были, а двое, с внешней стороны толстенной стены и с внутренней. То для неприятеля, кто посмеет на город напасть, очень неприятной неожиданностью может оказаться. Прорвёшься в одни — и зажмут в нешироком проходе — перестреляют даже малым числом защитников, пока толчёшься и пытаешься дальше проскочить. Похоже, много заковок хранил в себе древний Остёрск — знать бы, какие из них самые опасные.

Посадские явно радовались возвращению братьев-наследников. Приостанавливались на улице — пропустить и посмотреть на них, задрав головы — приветствовали выкриками. Девушки махали руками то ли Светоярычам, то ли воинами их, что позади ехали. А как замечали люди Елицу, так и вовсе гомонить принимались без умолку да и откровенно громко вопросом задавались: зачем она приехала? Уж не в жёны ли кому из княжичей? От их внимания и любопытства чесаться хотелось, будто в кошму её нагой завернули.

Она старалась ни на ком взгляда не останавливать — только озиралась. И тут ожидания, отравленные неведомо как поселившимся в голове предубеждением, её обманули: улицы Остёрска были широкими, много новых изб было остроено ближе к стенам, где ещё оставалось свободное для них место. Теснились справные овины, житницы и бани позади домов. Полны ли были закрома — то другое дело — но город и люди в нём выглядели вполне обычными, не

измождёнными, не озлобленными недолей. Видно, боролись и жили, как могли, да как Боги позволяли.

Как показалась впереди стена детинца, Чаян явно пустил своего жеребца быстрее: уж, видно, совсем ему не терпелось дома поскорей оказаться. За ним поторопился и Леден, подгоняя Елицу в спину: казалось, словно конь его сейчас кобылу за хвост цапанёт. Ворота оказались приветливо открытыми. Стаража, выстроившись вдоль протоптанной тропы, встречала уже Светоярычей, выпрямив спины и держа прижатыми к плечам длинные копья. Так князей не всегда встречают.

А уж впереди поджидала сыновей княгиня Любогнева. Стояла она у подножия высоченного крыльца, что двумя изгибами всхода охватывало сразу два яруса толстостенного, мрачноватого терема с рядами маленьких окошек в стенах. Сразу видно, что построен давно, а вот украсили его коньками, наличниками, резными карнизами уже гораздо позже: дерево ещё не потемнело от воды и света Ока. Любогнева смотрела, кажется, строго на подъезжающих к ней княжичей, но чем ближе они становились, тем отчётливее проступала улыбка на её красивых, хоть и чуть тонковатых губах. И глаза её, такие же, как у сыновей, всё яснее озарялись радостью. Она шагнула им навстречу, качнулись богатые, в три кольца каждый, колты у её висков.

— Здравствуй, матушка, — Чаян спешился резво и поспешил к ней.

За ним — Леден, первый раз за много дней, искренне и ласково улыбаясь. Они поочерёдно обняли мать, что-то тихо у неё спрашивая, а та отвечала, хмурия изогнутые светлые брови. Стало быть, об отце справлялись да о том, как она одна его смерть тут переживала. Наблюдая за встречей княгини с отпрысками, Елица спрыгнула на сухую землю, подняв над ней пыль. И даже совестно стало: почти по-мужицки получилось. Уж она в седле за две последние луны насиделась вдоволь, привыкла даже.

Любогнева посмотрела на неё поверх плеча Ледена и вдруг, отодвинув его в сторону мягко, пошла к ней. Елица и растерялась даже: что говорить? Как объяснить свой приезд, коли спрашивать начнёт? Но княгиня остановилась напротив, сложив руки перед собой, окинула её взглядом спокойным и неожиданно заговорила первой:

— Здрава будь, Елица, — уголки её губ дрогнули, но линия рта осталась твёрдой.

— Поздорову, княгиня, — Елица поклонилась ей почтительно.

Женщина только подбородок выше вздёрнула, как снова они взглядами встретились.

— Вот уж не думала, что дочь Борины когда-то здесь увижу. В этих стенах, из которых он сбежал, словно вор. Что же привело тебя сюда? На привязи ведь никто не тащил, верно?

— По моей воле приехала, — подоспел на выручку Чаян. Обнял мать за плечо, будто пытаясь утихомирить. — Помогать нам в поисках Сердца. Не гневись, матушка. Она о делах своего отца мало что знает.

Та взглянула на него подозрительно, взяла пальцами его подбородок, слегка за бороду короткую ущипнув. Усмехнулась, что-то, видно, прочитав на лице сына.

— Всё ясно с тобой, — бросила только — и отпустила. — Что ж, проходи в дом, княжна. Будешь дорогой гостьей.

Та снова поклонилась слегка, невольно робея под взглядом этой надменной, словно изваяние Богини, женщины. Да та и не увидела, верно. И не знала бы Елица, какая беда приключилась с Леденом в детстве — подумала бы, что от неё он свою холодность унаследовал. Чаян пошёл подле матери, лишь коротко обернувшись и одарив короткой ободряющей улыбкой. А вот младший вдруг рядом оказался.

— Не бойся её, — проговорил тихо. — Она с виду грозная, а на деле добрая. Только подружиться с ней надо.

Он придержал её под локоть и повёл к терему. Елица успела только взглядом выхватить взволнованное лицо Вей, которая уже почти затерялась среди захлопотавших кругом челядинок.

— Как же подружиться с ней? Если она меня, верно, терпеть не может. Даже не зная.

Елица взглянула на княжича, подняв к нему лицо. И заметила, что как будто изменился он слегка, потеплел: видно, дом отчий так его согревал. Пальцы Ледена сжались на её руке чуть сильнее — аж дрожь лёгкая по спине прошла — до того сильно захотелось, чтобы ладонь в его ладони оказалась. Глупое желание. Несвоевременное. Но мысль эта выстрелила в голове неожиданно и растеклась по телу жарким волнением.

— Подружитесь, — ободрил её княжич. — Вот присмотрится и поймёт многое. А там и злиться на тебя перестанет за деяния твоего родителя.

Елица повела плечом и ступила на крыльцо, всё так же ощущая поддержку его. Перед тем, как войти в терем, Чаян ещё раз оглянулся — и мгновенно взор его словно тучами затянуло — того и гляди Перунов огонь из них пыхнет. Вместе с Леденом вошли они в сумрак дома. Елица не сводила взгляда с прямой спины Любогневой, рассматривала широкую полосу вышивки по вороту её бледно-синей рубахи. И сердце всё сильнее трепыхалось: не оставит её княгиня без внимания, снова допытываться начнёт да рассказами недобрыми об отце сыпать.

Поднялись они скоро на второй ярус терема — в женскую его часть. Где-то позади тихо переговаривались челядинки, неся вещи Елицы в хоромину, которую ей подготовили. Хоть и прикинулась Любогнева, что не жала её, а знала всё равно, что приедет. Гонца вперёд отряда давно отправили. Чаян повёл матушку дальше, а Леден остановился у другой двери, за которой тут же пропали хлопотливые служанки, исподволь на них поглядывая.

— Я с братом увидеться хочу, — почти шёпотом сказала Елица, опуская взгляд.

А княжич всё продолжал её держать, словно забыл убрать руку.

— В трезной на обедне встретитесь. А там будешь с ним столько, сколько захочется, — уверил. — Пока он не отбудет на встречу с Зимавой. Чаян ей обещал.

— Как так он пообещал ей? — интересно вдруг стало, хоть дела это, верно, личные между Чаяном и мачехой.

— За то, что она расскажет, куда ты пропала, когда похитили тебя зуличане. Ведь он не знал поначалу, — Леден покривил губами, словно мысль эта неприятной ему показалась.

Елица усмехнулась только и головой качнула: эх, Зимава. И тут выгоду себе нашла, не подумав о том, что в Зуличе может ждать дочку супруга почившего очень большое несчастье. Да и, верно, решала она, как бы от неё избавиться. Может, и надеялась, что, несмотря на старания Чаяна, та всё ж не вернётся.

— Спасибо, — только и смогла она ответить.

Рука княжича скользнула вниз, и пальцы твёрдые, вечно скованные стужей, сжали на миг ладонь Елицы. Она вскинула взор, ткнувшись им в ледяную стену его глаз. И захотелось на миг увидеть, что же на самом деле скрывается за ней. Интересно, а Вышемила видела?

Княжич отпустил её и пошёл назад, хватаясь за черен ножа, что у пояса висел.

Горница оказалась просторной, хоть и чуть темноватой по сравнению с той, что в Велеборске осталась, да всё ж светлее, чем изба Сновиды в Звянице. Пахло внутри приятно — ландышами. Стоял небольшой букетик их в низком горшочке на столе у окна. Одна челядинка поправляла и без того аккуратно застеленную лавку. Другая расставляла посуду: кувшин с водой и кружки. Вдруг княжне с дороги попить захочется. Едва не ткнувшись Елице в спину, вошла Вея — и тут же девушек прогнала.

Скоро собрались они к обедне: проводила одна из челядинок в трапезную, где дожидались уже княжичи и матушка их. А подле Чаяна, словно под его присмотром особым, сидел Радан, ничуть, кажется, не испуганный уже. Видно, привык к новому месту, да никто его здесь не страшал. Мальчик поднял ясный взгляд на Елицу — и не узнал, конечно. Она как в Звяницу уезжала, он совсем ещё младенцем несмышлёным был. А потому она вдруг растерялась, как теперь быть.

— Здравствуй, Радан, — Елица улыбнулась, чувствуя, как дрожат губы.

— Здравствуй, — буркнул мальчик растерянно и покосился на Чаяна.

Больше и сказать было нечего: ободрить бы княжича маленького, да какими словами это сделать можно? Он ведь домой, кажется, и не рвётся вовсе.

Свотоярычи встали почти одновременно. Чаян коротким движением провёл по поясу и опустил на Елицу тёплый взгляд.

— Мы оставим вас. Верно, вам есть, о чём поговорить. А нам надо бы и вече созывать.

Братья поклонились матушке и вышли, оставив Елицу почти наедине с княгиней. Радан лишь посматривал то на одну женщину, то на другую, и помалкивал, чувствуя себя, верно, так же неловко.

Елице и кусок в горло не лез под пристальным взглядом Любогневы — она только шевелила в миске нежеланную вовсе еду и ждала, что, может, княгине наскучит это занятие и она отправится к себе.

— Чаян сказал, что ты не знала почти ничего о том, что сделал твой отец, — заговорила она вдруг, едва не заставив вздрогнуть.

— Я знаю только, что вражда князей была из-за Сердца. Больше ничего, — Елица отложила ложку, совсем передумав есть.

— Началась она вовсе не с этого. Кража Сердца только всё осложнила.

— Так что же случилось?

— Женщина случилась, как часто бывает, — покривила губами княгиня. — Потому и рассорились друзья. Кровные братья. Потому как не поделили её. Светояр ей был мил, а она — Борилю. Князь женой младшей хотел её сделать. Но она, говорят, с Борилю сбежала. А кто судачит, что похитил он её.

Елица сглотнула тихо: так сильно засвербило в горле. И догадки ясные тут же полезли в голову: уж не её ли матушку побратимы не поделили? Или была другая до неё? Чьё имя теперь уж никто, кроме Любогневы, и не вспомнит?

— Ты хочешь сказать, княгиня...

— Хочу сказать, что, видно, кровь у тебя с твоей матушкой недобрая — что она распрю между братьями кровными поселила, что ты теперь пытаешься Чаяна и Ледена разделить!

Любогнева встала, упёрлась пальцами в стол — и даже Радан как-то сжался от её грозного вида.

— Не хочу я их разделить! — Елица вдруг разозлилась в ответ. — Я за мысли их и надежды не в ответе!

Княгиня покивала, хоть лицо её и осталось недоверчивым.

— Коли доведёшь их до беды, рассоришь, княжна, то я тебя собственными руками удушю, — пообещала она спокойно. — На их судьбы много недоли и без тебя выпало.

С этими словами Любогнева плавно повернулась и покинула трапезную.

ГЛАВА 2

Подле кургана, в котором лежал теперь отец, было тихо. Как и должно быть в таком месте. Тянулась дальше, к самому лесу, гряда насыпей, где покоились предки рода от самого первого князя — Милогнева, делаясь ниже и ниже: время прибило дождями, обтесало ветрами старые усыпальницы. Леден опустился на землю у подножия кургана, посмотрел, обернувшись, на огонь, что горел на его вершине. Чаяну, как и всегда, на месте не сиделось: он решил пройтись вдоль всего Пращурного поля, чтобы вспомнить каждого из них, отдать дань уважения.

Только здесь, верно, становилось спокойно на душе, хоть и жаль было, что с отцом до срока повидаться ещё раз не удалось: погрязли они среди препон, что судьба им, не скупясь, подкидывала раз за разом. Забыли о времени, забыли, признаться, и об Остёрске, и о тех, кого оставили здесь — в ожидании. Словно в морок какой попали или околдовал кто. Стало как будто важным что-то другое. И весь мир сомкнулся вокруг Елицы огненным кольцом — аж внутри всё горело. Не только у Чаяна. Неправильно было это: негоже забывать об истоке, откуда ты вышел. Но и сейчас была княженка где-то рядом. В паре вёрст отсюда, но в то же время словно шею трогало её дыхание. Правда ведь, точно волшба какая опутывает.

Тихо фыркнул жеребец, что гулял неподалёку, безмятежно пощипывая молодую, самую сочную траву. Тряхнул гривой, отгоняя приставших мух. Конь Чаяна — Зорько — посмотрел на товарища круглым глазом и неспешно отошёл, не отрываясь больше от увлекательного занятия.

— Что ж ты, отец, — мысленно обратился к Светояру Леден. — покинул нас, а как будто и половины всего не рассказал, что должен был.

Что мог бы ответить ему курган, коли мог бы говорить? Теперь казалось, что отец скрывал что-то от сыновей намеренно. Оттого-то и не сходились ниточки к одному клубку, оттого-то и затянулись поиски Сердца. Захотелось расспросить матушку, да та, разве, если бы знала что-то да хотела поведать — неужто смолчала бы?

— Что-то ты совсем поник. Будто тебя дождём полило, — прозвучал, приближаясь, голос Чаяна.

Брат сел рядом, опустив руки на согнутые колени и заглянул пытливо в лицо.

— Здесь можно себе это позволить, — Леден устремил взор вдаль, в глубину лесной чащобы. — А там, как закончится всё это, так и легче, может, всем станет. Веселее.

— Кабы не пришлось мне тебя оставить, когда вече случится. Не смогу покинуть Остёрск. Не так скоро, — вздохнул Чаян, словно уже знал доподлинно, что его князем выберут.

Самоуверенность всегда была одной из главных черт его норова. Никогда он не допускал мысли о том, что не всё может получиться так, как ему нужно. И потому-то, верно, почти никогда не проигрывал.

— Справлюсь как-то, — хмыкнул Леден, коротко на него посмотрев. — От тебя в поисках Сердца всё равно толку мало.

— Да и ты сможешь его узнать или нет — то бабка надвое сказала, — не остался в долгу братец.

— Вот и посмотрим. Да только ты бы вперёд лошади не бежал. Вече будет, люди скажут своё слово.

— Думаешь, тебя могут выбрать? — Чаян усмехнулся снисходительно.

— Оно мне нужно, это счастье...

— Зато представь, как Вышемила-то обрадовалась бы, — уколол брат. — Сейчас-то она и не думает о том, что женой князя может стать.

Леден только плечом пожал. Уж с кем ему хотелось о девицах говорить в последнюю очередь, так это с ним. А уж о Вышемиле — тем более. Изгрызало его все те дни, как случилась между ними та близость на ристалище, ясное осознание ошибки. Да он всё увещевать сам себя пытался, что боярышня в жёны годится не хуже других. Может, даже и лучше.

Потянуло дымом, что в преддверии наступающего с запада дождя сполз по плечу кургана и заструился над землёй, когда костёр потух. Показались над краем пала, протягивая к земле тёмные густые нити ливня, хмурые набухшие влагой тучи. Леден встал, отряхнулся. Мысль о том, что и он случайно может князем стать, показалась до того странной, что аж пронеслась холодком где-то в груди. Нет, Чаян с детства к тому готовился, свикался, ему и княжить — люди не могут

это не понимать. А его сторонились всегда, словно он мог что-то выкинуть непотребное в любой миг, как нави и положено.

Догнал со спины Чаян, они погрузились на коней и отправились в сторону Остёрска — через весь, что рядом лежала, за полосой редкого перелеска. Ехали молча, только иногда оглядываясь, чтобы успеть вернуться в город то того, как ливанёт прямо над головами. Западали первые крупные капли, ощутимо ударяя по плечам и голове, как подъехали только к воротам. А как на улицу, ведущую к детинцу, вышли — так и вовсе хлынуло так, что хоть в башне ближайшей прячься или в избу к кому просись — переждать. Но они ударили коней пятками и помчались скорее дальше. Как добрались до терема — уже были мокрыми оба до нитки.

Оставив жеребца на попечение конюшонка, что прятался от ливня под рогожным плащом, пригибая голову, Леден разделился с братом в одном из переходов дома и дошёл до своей горницы, на ходу уже снимая рубаху. Да так и остановился, войдя, у дверей, как увидел, что внутри его матушка поджидает. Она от вида полуголого сына не смутилась, вестимо, даже оглядела его с гордостью, радуясь, верно, мысленно, что вырастила такого воина. Хоть и не без изъянов.

Леден быстро выхватил из сундука сухую рубаху и натянул, жалея, что совсем переодеться пока не может.

— Что-то случилось? — он подошёл к Любогневе, которая, величаво оперевшись локтем на Божью ладонь, наблюдала за ним со спокойной гладью в серых очках.

Мать встала вдруг, обхватила его лицо ладонями и посмотрела в самую глубину глаз, погладила щёки большими пальцами, словно он мальчишкой стоял перед ней, задрав голову, чувствуя безмерную её любовь и купаясь в ней, точно в тёплой запруде.

— Как я соскучилась по вам, — княгиня улыбнулась печально. — Век бы смотрела теперь. И не хочу, чтобы что-то скверное с вами случилось.

Леден осторожно обхватил её запястья, скованные красивыми расписными обручьями. Отвёл от лица её ладони, не понимая, к чему она ведёт. Женщины порой как начнут загадками говорить, так понимай, как хочешь. А как поймёшь — да неверно — только хуже станет.

— Отчего же ты решила, что худое может с нами приключиться? — он улыбнулся, пытаясь унять неожиданную тревогу матери. — Верно, что могло, то уже приключилось давно. Проклятия свои уж сколько лет на плечах несём, может, скоро доведётся от них избавиться наконец.

— А то что княженке Велеборской я не доверяю, — без раздумий пояснила Любогнева, и голос её прозвучал точно перезвон серебряных колтов. — Как оказия случится, так быстро она вас с хвоста скинет.

— Не скинула ещё, — возразил Леден, делая шаг назад и отпуская руки матери. — Хоть и были оказии. Не одна даже. Да в лесу она не бросила, как мавка меня увела. И за спину княжича Зуличанского прятаться не стала, хоть и могла. Ты не знаешь её.

И захотелось вдруг, чтобы мать ушла. Зря, видно, он посчитал, что она к Елице теплом проникнется, как только парой слов обмолвится с ней. Уж слишком большую тень бросали поступки Борины на дочь, которая вынуждена была сейчас за него отвечать.

— И ты туда же, — княгиня усмехнулась с укором в изгибе красивых губ. — Ладно Чаян, у него сердце горячее, всё рвётся куда-то. Очаровала его княженка, верно, тем, что до сих пор подол перед ним не задрала. А ты? Ты чего хмаришься? И защищаешь её.

— Попусту я не стал бы это делать, — буркнул Леден. — Да и что я? Не живой, что ли?

Княгиня так и ладонь к губам прижала: он краем глаза заметил, хоть и не смотрел на неё. Подошла, обняла за плечи и прижалась щекой к спине.

— Живой, конечно, — шепнула. — Просто ты рассудительный и не такой ветреный, как он.

— Может, тогда тебе надо прислушаться к моим словам?

Любогнева кивнула смиренно и вернулась на лавку у стола.

— Так расскажи мне, куда вы после веча путь держать будете? Раз Сердце не сыскалось до сих пор.

— В святилище, что недалеко от Яруницы лежит. Туда нас дорога ведёт. Может, там другую ниточку отыщем.

Княгиня и с места не двинулась, а всё равно как будто дёрнулась где-то внутри. Растеклась бледность по её губам, а пальцами она крепко стиснула край Божьей ладони, словно опору найти хотела.

— Так нет там ничего, — проговорила испуганно. — Давно уж нет. Да и как Сердце может быть на наших землях? Ведь его украли.

— Ты что-то знаешь о том капище? — насторожился Леден.

Уж того, как поменялось лицо матушки, стоило ей только услышать о покинутом святилище, наводило на большие подозрения.

— И раньше мало кто знал, а теперь и подавно. Сердце там хранилось испокон веку. А как пропало оно оттуда, так и сгорело капище в тот же год, — тихо ответила Любогнева и встала поспешно, собираясь, видно уходить.

Леден дорогу ей преградил, собираясь теперь уж выведать всё, что можно.

— Ни ты, ни отец нам ни разу такого не говорили.

— Потому как только мы знали. И... жрицы. Которые теперь уж умерли обе. Другим незачем! — вновь вернулась к матери твёрдость голоса.

— Стало быть, ты считаешь, что нечего там искать?

Мать вскинула подбородок, снова ярясь на что-то.

— Говорю же, водит вас княжна эта за носы. Головы дурит. Может, знает она давно, где Сердце, а вас только впустую мотает.

— То мы поймём.

— Я очень на это уповаю. Что хотя бы ты подвох распознаешь. Чаян уж не сможет, видно.

Любогнева всё ж обошла его и покинула горницу. Показались некоторые её слова справедливыми. Но и не верить Елице Леден не мог. Да вот теперь невольно присматриваться к ней будет ещё внимательней.

А вот то, что родители молчали о важном так долго, и дальше, верно, стали бы — тревожило и печалило гораздо сильнее. Будто не только Борила скрыть хотел многое в своей жизни, а и они, получается, тоже. И повязывало это их друг с другом ещё сильнее. И в голове как будто начало встраиваться что-то смутное, что могло бы дальше проступить более ясными очертаниями, а может, и повести за собой по самому верному пути.

Скоро начали собираться старосты и бояре на вече. Не просто так, усы макать в мёд на пиру — выбирать будущего князя, кто дальше их за собой вести будет. Прибыли и волхвы, самые уважаемые, особенно те, кто Перуну служит — сейчас он в особом почёте. Потому как самого главного предводителя всех воинов Громовержец должен тоже одобрить. Готовились требы большие, что будут принесены на капище

у его идола, хлопотали бабы в поварне, собирая пир для многих мужей.

Суетно стало даже в посаде: люди тоже предвкушали, что займёт скоро княжеский стол новый правитель. Может, и чаяли, что вместе с тем скоро станет всем легче. Уж даже шептались порой — захочешь, так услышишь — что Светояр, может, недолго и с собой забрал.

Одним из первых приехал стрый Ледена и Чаяна — Знаслав. Отец порой к брату младшему, но разумному, обращался за советом, когда совсем худо приходилось, и земли самые южные, посчитай, под его присмотром были много лет, особенно тогда, как князь захворал.

Леден повстречал его во дворе, как тот лишь в ворота заехал. Где-то позади догоняло его сопровождение, много сетуя, верно, на проворность боярина. Стрый по-молодецки лихо спешился и окликнул братича громко — что тот, уже скрывшись за стеной терема, его поначалу и не заметив, услышал и сразу по голосу узнал.

— Вот же ты, Леден, — захохотал Знаслав, обнимая его крепко, до хруста костей, — всё думаю, когда в плечах раздаваться прекратишь? А ты всё могучее и могучее становишься. Девичьим взорам услада, врагу — страх.

Тот усмехнулся только. Стрый всегда на слова был горяч: на пиру порой только его одного и слышно, а другие лишь сидят, жуют да слушают его. И себя он восхваляет, брата ли или его отпрысков — а звучит это порой не хуже, чем сказитель под гусли споёт.

— Ты чего не предупредил, что едешь? Встретили бы тебя все у ворот, — Леден высвободился и хлопнул ладонью его по плечу.

Позади уже спешивались кмети из его ближней дружины, беззлобно подначивали знакомых стражников да поглядывали на челядинок, которые недалёко пробегали по двору с корзинами полными снеди — для пира будущего.

Стрый прищурил жгуче карие глаза, пряча улыбку в курчавой и тёмной, словно медвежий мех, бороде. Похож он был на Светояра, да так, будто все черты родительские, что им обоим достались, проявились в нём гораздо ярче. Светояр не такой был: более светловолосый, почти русый и с глазами не цвета старой сосновой коры, а скорее мёда липового. А уж как смешалась его кровь с кровью жены, которая, хоть северянкой и не была, а очень на тех женщин

походила, так и вовсе вряд ли кто из незнающих теперь мог признать в Знаславе стрья княжичей.

— Так я что, не знаю, куда ехать? — разулыбался боярин. — Встречать и провожать меня не надо. Не маленький и не чужеземец здесь.

Вот уж верно говорит: детинец всегда ему домом был. Княжичем он родился, да землями своими отдельными обзаводиться не пожелал. И у отца не стал просить, чтобы тот надел ему какой отрядил, как оно порой бывало. Остался служить старшему брату, посчитай, наместником его стал в отдалённых краях княжества.

Знаслав снова окинул Ледена одобрительным взглядом, а после ему за спину посмотрел — и глаза его вдруг округлились, а лицо, точно яблоко, аж залоснилось.

— Что за пава? — он качнул головой вперёд. — Нешто кто-то из вас жениться уже успел, пока не виделись? Тогда чего на свадьбу не позвали?

Леден оглянулся — да и сам едва не обомлел, понимая чем так восхитился даже бывалый стрый. Шла со стороны женского терема Елица вместе со своей наперсницей и парой челядинок из терема — видно, до посада собрались на торг или ещё куда. Всего пару дней она ему не попадалась — да Леден нарочно встречаться с ней не хотел — а сейчас была по глазам своей величавой красотой, словно первый раз они встретились. Зелёная рубаха её с тёмно-синей вышивкой так ярко подчёркивала глаза княженки, что даже издалека заметно было. Клетчатая понёва её с одного конца была заткнута за пояс, открывая вязь узоров по подолу. На округлой груди Елицы покачивались при каждом шаге бусы в три ряда, позвякивали тихо обереги на них. Синий повой оттенял лёгкую загорелось её кожи. Леден смотрел на девушку так, что шею свело от неудобного положения, и сам себе дивился: чего ж так вперился, словно и правда впервые заметил? Знаслав дёрнул его за рукав и ехидно усмехнулся растерянному: “А?” — когда он вновь к нему повернулся.

— Вот же тебя жахнуло. А я всегда говорю, что женщины — они опаснее меча или топора. Тебя сейчас хоть копьём колоть можно было — ты и не заметил бы.

Леден только глаза закатил на подковырку родича. Тот махнул, веля идти своим людям, которые топтались неподалёку, решая ждать

его или нет — и те тут же потянулись вглубь двора к дружинными избам. Тем временем Елица подошла — знакомиться с новым человеком, видно. А то невежливо ведь — мимо пройти, ни словом не обмолвившись.

— Это княжна из Велеборска, Елица Бориловна, — представил её Леден.

И руки нарочно за спину спрятал — так сильно сейчас захотелось её коснуться, увериться, что она и правда существует. Что не порождение сна его, в котором он застрял, не в силах очнуться. В тот самый день, как увидел.

— А я и вижу сразу, что княжна, — улыбнулся Знаслав, когда девушка почтительно ему поклонилась, как старшему. — Ты попытайся пойдти среди простых девиц такую стать встретить. Меня Знаславом кличут.

Он прищурился хитро. Уж увидела бы жена его, как масляно он на молодых смотрит, так уж всыпала бы ему — не погляди, что боярин. Впрочем княженка от похвалы его даже не зарделась: быстро раскусила и осталась спокойной, что гладь озера в безветренный день.

— Это Знаслав Миладович. Стрый наш с Чаяном, — добавил к его словам Леден.

Елица глянула на него понимающе, и по губам её скользнула едва заметная улыбка. Знать, залихватский вид боярина только её забавил.

— Верно, ты на первых порах поддержишь нового князя, как займёт он стол. Мудрый совет старшего — самое ценное, что можно получить в это время, — она снова кивнула стрью.

А тот сразу перестал сиять, как стекляшка, на которую попал свет Дажьбожьего ока.

— Поддержу, а как же, — буркнул уже без рвения. — Я теперь им после отца самый близкий человек.

— Куда направляешься, княжна? — всё ж поинтересовался Леден, поглядывая на наперсницу её и челядинок, что стояли в ожидании чуть поодаль.

— В посаде прогуляемся, — коротко бросила она. — Скоро обернёмся.

Повернулась плавно и вновь к воротам пошла, а женщины — за ней, тихо что-то обсуждая между собой.

— И чего бы это княжне Велеборской здесь быть? — стрый посмотрел им вслед задумчиво. — Или вы всех отпрысков Борины решили в одном месте собрать?

— Ясно, зачем, — Леден повернулся уж вновь идти к терему. — Помогает нам поручения отца выполнить.

— И как? Узнали что-то? — в голосе Знаслава прорезался острый интерес.

— Что узнали, то проверим. А там и всем расскажем, не утаим.

Стрый помедлил чуть, словно задумался, и последовал за ним. Там и разошлись по своим хороминам. Нынче будет в гриднице шумно — у Знаслава и кмети такие же громкие и болтливые, как и он.

Так и собрались на вечерю — стрья чествовать — Чаян велел. Угощение не было великим: куда уж, когда весна закончилась, а до новых урожаев ещё далеко. Да и неизвестно, какими они нынче будут, хватит ли всем, или снова придётся травы да коренья по лесам собирать да за дичью гоняться по многу дней. Но всё ж раздобыли кмети на охоте нескольких особо неосторожных глухарей да уток. И было это большой удачей.

Пришла к вечеру и матушка, хоть брата мужа не очень-то любила: пустозвоном считала, будто не ведала, что он и дела умеет вести не хуже, чем языком чесать. Зато Знаслав поприветствовал Любогневу тепло и радостно, несмотря на её кислый вид, расспросил о многом, и о том, как она переживает потерю мужа. Княгиня отвечала неохотно, но не отмалчивалась — и стрый скоро оставил её в покое.

Чуть позже пришла и Елица, сразу приковав к себе взгляды собравшихся мужей. И казалось бы, есть девицы краше её: ослепительные, манящие так, что тело всё сводит — а никто сейчас не поспорил бы с невыносимой притягательностью княжны. Словно светом её охватывало, стягивался он к ней отовсюду, от каждой лучины в гриднице. Она села подле княгини, а та в её сторону и глянуть не пожелала. Но княжна и не расстроилась, кажется. Взор её весь вечер был отстранённым, чужим, словно не здесь она была, а где-то далеко. Доносили на хвосте местные сороки, что почти всё время она с братом проводит: и гуляют они много, и заботится она о мальчишке — верно, одна-единственная для неё отдушина. Всё здесь чужое и враждебное.

Да Чаян едва на месте не подпрыгивал, как хотелось ему поближе к Елице подобраться, а уж выпитое за здоровье стрья пиво и вовсе

разгорячило его кровь. Казалось Ледену, что налегать на хмельное он стал теперь гораздо охотнее — как будто заглушить хотел что-то, унять. Или забыть. Кабы вновь не стал дурить, на буйну-то голову. Но больше всего братца беспокоило, что приехал этим же вечером в детинец ещё один гость важный — боярин из Житолицы, и привёз с собой дочь свою молодую и ладную — Зденку. Ни о чём доподлинно он с Еримиром не уговаривался, зато известно было давно, что Любогнева сына старшего женить на пригожей боярышне вовсе не прочь. А Светояр, как жив был, и не противился, хоть и понимал, что жених из Чаяна сейчас не слишком-то завидный.

Девушка тоже сидела сейчас подле женщин, по другую сторону от княгини — и на неё та смотрела гораздо благосклоннее. А Зденка только иногда — как и положено скромной девице — поднимала взгляд на Чаяна или отца, что устроился близко от него. Оттого-то, верно, брат и ёрзал нынче сильнее обычного.

Веселье стало буйным, как навалилась ночь. Мужи, подвыпивши, наевшись дичи, заговорили громче, яростнее загромыхали чарки о стол, чаще вздрагивали челядинки от резких всплесков хохота и щипков за мягкие места, в которых пирующие уже не могли себе отказать.

Леден сидел за столом уж больше для того, чтобы без присмотра ничего здесь не оставлять, чем для того, чтобы веселиться. И вовсе не нравилось ему то, что стрый быстро о смерти брата позабыл, да и других забыть пытался заставить. В том и не было ничего плохого: мёртвым в своем мире лучше живётся, коли в Яви живые не печалются и слёз напрасных подолгу не льют. Но уход отца казался ему недобрым знаком, словно от этого всё только запуталось сильнее.

Не выдержала шума и Елица. В какой-то миг встала и собралась было уходить. Вскинулся на своём месте Чаян, вырвал руку из хватки Ледена, который попытался его удержать от глупостей. Все вокруг даже на миг замерли и притихли, ожидая, как сейчас что-то случится.

— Куда ты, Елица? — гаркнул он на всю гридницу. — Останься ещё, выкажи уважение нам и гостям нашим.

Княжна только взглядом его тяжёлым окинула, а после опустила его на княгиню, которая неподвижно сидела рядом и внимательно смотрела на сына.

— Я выказала его достаточно. На утренней, знать, свидимся.

Она вышла степенно из-за скамьи и к двери направилась. Чаян лишь взглядом её проводил. Еримир смотрел на него неодобрительно, но молчал. Хоть и понимал, верно, что дочь его княжича и вполтину так не привлекает, как Елица. Только на неё тот смотрел весь вечер и ждал хоть одного слова.

Княжна ушла, а Чаян сел на своё место. И после уж, как ни развлекал его разговорами и байками Знаслав, как ни улыбалась ему боярышня, когда удавалось ей перехватить его взгляд, а ничто не сумело вернуть ему живости и благого расположения духа.

Леден тоже, признаться, посматривал на пустующее место Елицы — и не понимал ещё, чего там увидеть желает. Благо его в Остёрске никто из девиц не ждал, а то было бы сейчас ему так же неловко и тяжело, как и брату.

Наутро, как поднялось светило над густыми дремучими лесами, над тёмными, что земля вала, стенами города, начали собираться люди на вечевом поле. И те, кому ответ держать придётся, кому стол княжеский теперь занимать, и просто посадские — посмотреть, послушать, а то и вмешаться, если понадобится. Шумно становилось, нарастала толкотня, каждый пытался подобраться ближе к середке, чтобы ничего не упустить. Пришли бояре и старосты, что прибыли в Остёрск к назначенному дню. Вышли к народу Леден с Чаяном, поднялись на помост, что срубили только накануне — он ещё пах стружкой и смолой. И от запаха этого, что сопровождал каждый раз изъятие людьми своей воли, становилось внутри так беспокойно, и вспоминалось снова, что умер недавно отец. Иначе долго ещё не пришлось бы стоять здесь, вдыхая дух сосновых оструганных стволов и людского нетерпения да любопытства.

Чаян, казалось, был спокоен, а может, просто вял после буйно проведённой ночи: когда Леден отправился к себе в горницу, он ещё сидел за столом вместе с Знаславом и ближней дружиной своей, уничтожая очередной бочонок браги. Плечи его нынче укрывало корзно из дорогой узорной ткани, привезённой когда-то из Ромейской империи знакомым купцом. Леден надел нынче такое же, только не черное, а синее — такое ему больше подходит. Вставали рядом с ними, как на ратном поле — плечом к плечу — ближники. Для охраны тож, если кому побуяннить захочется, хоть княжичи и сами за себя постоять могли.

Но даже Чаян потерял невозмутимость, загорелся, как появилась у помоста Елица с неизменной своей наперсницей, которая, кажется, с каждым днём всё строже становилась. Словно и правда девицу оберегала. Брат ловил взгляд её, да всё безуспешно. Не смотрела на него княжна, озиралась в толпе, разглядывала лица бояр, словно уже по ним прочитать хотела, кого они князем новым назовут. И вдруг на Ледена взор подняла. Прямо, ничуть не скрываясь — и он хотел бы понять, что кроется в нём, таком внимательном, открытом — и не мог.

Как собрались наконец все, кто должен был, заговорил первым волхв из святилища Остёрского: давеча он требы принёс большие на капище Перуна, чтобы спросить его совета, кому из братьев должно стол княжеский отдать. Никого, кроме других волхвов, на обряд тот не допустили, и ждали теперь слова волховьего все, затаив дыхание. Порой его лишь хватало, чтобы решить судьбу одного из сыновей, как и случилось однажды с Знаславом и Светояром. Тогда и веча-то долго не было: узнали люди, что Перун огонь свой опустил на чашу старшего сына — так и порешили. Чего языками зря молоть?

Вышел вперёд, встал перед Леденом и Чаяном, повернувшись лицом к толпе, волхв Ёрш, не молодой, да ещё не совсем старый муж. По ним, жрецам Богов, не всегда и понять можно, сколько им лет накапало. Он качнул своим посохом с оловянными подвесками на сучковатом навершии, опираясь на него удобнее — и те тихо зазвенели, словно капель по весне.

— Справил я требу щедрую Перуну, — начал он размеренно и как будто задумчиво слишком. — Ждал, как опустит в одну из чаш огонь свой Громовержец. Жгли девять костров вокруг него, видели девять зарниц над лесом, с южной стороны. Девять кругов обошли по святилищу посолонь и девять раз обратились... И никакого ответа я не получил.

Толпа вздохнула, как одна большая грудь богатыря. Ощутимо разлилось в стороны разочарование людей, непонимание, как такое могло случиться. Ведь ни разу ещё не бывало такого, чтобы Перун не пожелал знак свой подать, выбрать того из достойных праправнуков. А тут... Как понять теперь?

Даже сам волхв, похоже, того не знал. Он стоял, вцепившись обеими руками в свой посох и молчал теперь, сказав, видно, всё. Но

посадские вместе боярами таращились на него, словно ждали, что он ещё что-то поведает, развеет сомнения.

— Может, попутал ты что, Ёрш? — выкрикнул кто-то из толпы. — Может, был всё ж огонь, да ты решил, что выбор Перуна небе неугоден?

Волхв обернулся на зубоскала, но тот либо хорошо спрятался, либо и вовсе поспешил сбежать. Да его, верно, остановили бы.

— Раз Перун волю свою не изъявил, значит, нам решать теперь. По-людски, — нарушил повисшее на вечевом поле молчание воевода Забура. Голос его громкий и сочный — таким только приказы и отдавать — пронёсся над головами посадских, и те зашевелились наконец, сбрасывая оцепенение. — Я считаю, что старший сын Светояра должен стол княжеский занять. Уж это право никто из Богов не может оспорить.

Неуверенный одобрительный гомон прокатился по толпе. Сложно сказать что-то против Богами данного права первому сыну место отцовское перенимать. И казалось уже, что вот оно, решение — принято. Погалдят люди, и тем всё закончится, как бояре поддержат воеводу. Но рокот десятков голосов стих, а вместо него раздался вдалеке тихий раскат грома от надвигающейся грозы. Сизые, точно ворохи журавлиных перьев, тучи нависли над лесом и поползли, захватывая ясный с утра небосклон кусок за куском, словно пожирая.

— Это ли не знак Перуна? — вскинул руку к небу Ёрш. — Он согласие свое даёт на то, чтобы старший сын Светояра княжил!

Люди позадирали головы, наблюдая за медленным наступлением темноты, что тащили вслед за собой набрякшие от готового пролиться дождя тучи. Послышались отдельные выкрики в поддержку слов волхва. Но многие и молчали. Да Чаян всё равно приосанился, затоптался в ожидании и на Ледена покосился.

В тягость было стоять здесь неведомо зачем. Только взгляд один ещё держал его от того, чтобы не оборвать вече, отказавшись от всего своим словом. Смотрела на него Елица. То и дело касался её взор кожи — ощутимо, до странности ласково. Словно жалела она его, что ли? Но сейчас жалость её не раздражала, не злила, а будто придавала сил оставаться на месте и ждать решения, как того требовал закон.

— А может, это гнев его? — выкрикнул кто-то из толпы. — Может, не хочет Перун, чтобы Чаян князем стал — вот и злится?

— И верно, — поддакнули с другой стороны, — какой из него князь? Когда он жену свою любую убьёт, коли дитя родить той надо будет?

Чаян стиснул зубы едва не до скрипа. Вперёд шагнул уже вступаться за себя самого, но смолчал покамест.

— А я согласен с людьми, — выступил среди бояр ещё один муж, высокий, седоголовый Проскей.

— Что же? — взъелся тут же воевода. — Ледена на княжение предложишь? Так он, кажись, не лучше будет, коли о наследниках говорить. И вовсе пуст, что кувшин старый — никого зачать не может.

— Проклятие снять бы. Да как?.. — рассудил о своём Ёрш.

Тут и Ледена в груди раскалённой кочергой царапнуло. Стоят, судят, что на торгу, какого жеребца лучше взять, да всего изъяны находят, чтобы цену сбить. Он встал рядом с братом. Тот повернулся к нему, тая злой огонёк в глазах, и вдруг ко всем обратился:

— Всем ведомо, что проклятие на нас, это верно, — И люди притихли совсем. — Да мы снимем его, как Сердце Лады отыщется. А то, что скоро это случится, в том и сомнений нет никаких. Когда это немочь бездетная какому князю править мешала? Наука та не между ног болтается, а здесь, — он постучал себя пальцем по виску. — А уж остальное приложится. И решится как-то. Что Леден в силе полной, годами молод, что я. Так что вы уж прекратите в штаны нам заглядывать, кто что может. Я отступаться не собираюсь. У меня и невеста есть достойная — любому о такой только и мечтать!

— Я дочь свою за тебя, душегуба, не отдам, пока ты неделю свою не скинешь! — хмыкнул громко Еримир, проталкиваясь к Чаяну ближе. — Хоть и не ты в том виноват, а всё равно. Вот как станешь мужик мужиком, там и решим всё.

А у самого лицо так и залоснилось от удовольствия — оттого, что дочь его за невесту принял. Видоков, вон, много, попробуй теперь на попятный пойти.

— А я не о твоей дочери говорю, Еримир, — безмятежно улыбнулся братец. — Уж прости. Княжну Елицу я в жёны возьму, как всё наладится, как истечёт срок её вдовства.

И нельзя было сказать, что никто такого не ожидал. Особливо княгиня, что на высоком стуле с резной спинкой восседала: уж так побелело её лицо, и губы сжались гневно. А всё равно рты люди

пораскрывали — и все, как один, вытаращились на Елицу, которая от вести такой только за повой, вокруг шеи обёрнутый схватилась.

— Я согласия своего тебе не давала, — сказала она твёрдо, но не повышая голоса. — Как и права за меня решать.

— Сама понимаешь, что так всем лучше будет, — мягко проговорил Чаян, ничуть не смущаясь. — И я доли себе другой не желаю. И жены другой, кроме тебя. Так перед всем людом и говорю!

Леден прикрыл веки на миг — только потом заметил — так ударило его где-то в груди. Изнутри да до хруста рёбер. А как распахнул он глаза снова — столкнулся с взглядом материнским. И черты её вдруг смягчились. Она покачала головой, укоряя Чаяна за опрометчивость и поспешность, но яриться вдруг перестала. Смолчала и Елица, потупив взор да слушая тихие слова наперсницы, что та говорила сейчас размеренно, склонившись к её уху.

— У Ледена, я знаю, тоже невеста есть, — встала вдруг княгиня, и все повернули головы к ней. — Боярышня из княжества Велеборского. Вышемила Чтиборовна. Дева во всём достойная. И любит его, ждёт, как вернётся за ней.

И только подивиться осталось, откуда она всё это разузнала. Да большого труда на то не надобно, если уж сильно хочется выведать. Уж тем паче о сыновьях. Да только раздражение внутри качнулось от того, что и от себя она приукрасила. Неведомо зачем: видно, невестами бояр не задобришь.

— Мы не обручены ещё, — буркнул Леден, совладав с пересохшим, словно кусок тряпки, языком и резкой, как взмах клинка, вспышкой гнева.

— Ну и что? — улыбнулась Любогнева обезоруживающе. — С отцом её уговориться легко можно. А как только закончишь дело свое великое, так сватов заслать в Логост недолго.

— Вот как дело завершу, там и видно станет, — не желая покупаться на её ласковый голос и непрощенную заботу, бросил он.

Люди заговорили тихо и озадаченно, вновь не одобряя его резкий тон и неуверенность, с которой он о собственной невесте говорил. Да и пусть их! Лгать, как Чаян, не спросив желания той, кого в жёны взять хочешь, он не собирался. Хоть и права матушка: Вышемила, верно, ждёт его.

Елица подняла на него взгляд и опустила вновь, а после вдруг развернулась и пошла прочь среди расступающейся перед ней толпы. Чаян шагнул было за ней — остановить! — да одумался вовремя. Сверкнуло вдруг ярко совсем близко, где-то у стены Остёрска. Грохнуло, словно огромными жестянками друг о друга, прямо над головами людей — и они все пригнулись, робея от гнева Перуна.

— Никого из братьев мы на стол сажать не будем! — перекрикивая последние стихающие раскаты, вступил вдруг в спор Велизар, боярин Остёрский, надзирающий за многими делами в посаде. — Никто из них не годится пока для этого. Пусть сначала со своими жизнями разберутся, Сердце вернут, а там снова вече соберём.

— И что же, до тех пор княжество бесхозное будет? — пророкотал Забура. — Хочешь, чтобы и к нам косяки носы сунули? У нас и так особо грабить нечего. А то и последнее растащат, как крысы.

— Почему же? — тот развёл руками. — Пусть Знаслав княжение принимает. Он их наследник, раз сами они не в силах...

Бояре расступились, открывая взору посадских стрья, который всё это время молчал почему-то. Ни за одного братича не выступил, ни за другого. Тот и взгляд вскинул, как будто только заметил, что на вече находится, посмотрел наперво на Чаяна, а после и на Ледена — и лицо его вдруг поменялось. Не стало доброго и шепутного брата отца, а остался только боярин, суровый нравом и словом крепкий — а Светоярычам чужой будто бы.

— И то верно! — на удивление дружно поддержали предложение Велизара остальные мужи, грянули почти одновременно.

Только Забура посмурнел пуще неба грозового, с которого уже посыпались первые тяжёлые, словно камешки, капли.

— Точно! Пусть стрый их княжит! Он мужик толковый! — заголосили в толпе один за другим.

И у Чаяна даже плечи опустились. Тут уж возражай, негодуй, сколь угодно, а против такого единодушия людского не попрёшь.

Начали расходиться люди, как окрепчал ливень: а что, дело-то решённое, больше не о чем говорить. Поспешили спуститься с помоста и бояре, пряча глаза от братьев, да между собой тихо переговариваясь. Увели, прикрывая растянутой над её головой холстиной, княгиню челядинки подручные, самые ближние. Мать тоже ничем больше увещевать мужей нарочитых стала. Остались только

Леден и Чаян последними. Да Знаслав, внезапно, пусть и на время, ставший князем. Брат долго смотрел на него, не замечая, как намокает, тяжелеет под дождём его плащ дорогой. А после отвернулся и тоже к детинцу пошёл, не оборачиваясь и не говоря больше ничего.

— Вы находите Сердце поскорей, — бросил стрый ему, как тот мимо проходил. — Тогда всё на места встанет.

Да Чаян только плечом дёрнул.

— Вот спасибо тебе, стрый, — хмыкнул Леден. — Как хорошо всё для тебя получилось...

Он направился было вслед за братом, да Знаслав за локоть его поймал, посмотрел в глаза серьёзно и долго.

— Я того не желал. Так народ решил, — проговорил так, словно камнями закидал.

Леден высвободился и спустился со скользкого помоста, но отправился не в терем, а в святилище Перуна, что недалеко от него стояло — самое главное в Остёрске. То и дело протирая глаза от дождя, он прошёл через ворота высокие, резные, украшенные щитами и встал перед изваянием мужа оружного, с окладистой бородой да в шапке с богатым меховым околышем. Обвёл взглядом две каменные чаши, что стояли по обе стороны от него — одна, уже наполовину наполненная дождевой водой, и правда была чистая, не тронутая огнём. А во второй — чернела смытой со стенок её сажей лужа. И то была чаша, предназначенная для Ледена.

ГЛАВА 3

Буйствовал нынче ветер за окном, гонял сорванные с ветвей листья, шелестел травой и поскрипывал где-то чуть расшатавшейся кровлей. Зимава ворочалась на неудобной лавке, хоть всегда застилала её челядинка мягко. И всё что-то трепыхалось в груди, словно птица или зверёк какой. Ан нет — сердце собственное, встревоженное, беспокойное. И был всё Стрибогов внук во дворе, плакал, бился в закрытый волок и свистел, отыскав где-то маленькую щель.

Страшно было перед отъездом. Как будто не с сыном встретиться собиралась, а на бой шла. Но она должна была увидеть Радана, попытаться вернуть его. Ведь столько дней прошло — как вечность целая. Пора прекращать всё то, до чего сама довела. Избавляться от власти княжичей — загостились. Так скоро люд начнёт кого из них за правителя держать. А вот о ней забудут, да и возможность снова стать княгиней при князе правящем стала настолько прозрачной, неосязаемой, что и не разглядишь. Яснее ясного было теперь, что Чаян Елицу в жёны взять хочет. Только самая ленивая челядинка о том, верно, не болтала. Да и сама не глухая и не слепая тоже — уж видела, как смотрит княжич на девушку: с ожиданием, словно обещание между ними какое-то. Может, и чаял о многом он из того, что сам себе выдумал, но не просто так к ней тянулся, значит, сердце того требовало. А Зимаву изнутри это раздирало, словно крюками острыми: ожидание встречи с ним и понимание, что в своей постели он хотел бы видеть другую.

И пока лежала Зимава, размышляя, не могла признаться себе, чего же не хватает ей — так сильно. Или кого? И только отпираться и обманывать кого-то — дело бестолковое. Лишь вспомнила Чаяна — и пробежала тут же нетерпеливая, жаркая дрожь по телу — как бы ни злилась, а ведь его и не достаёт. Вот же княжич проклятый! Впустила его не только в город, а и в жизнь свою — накрепко засел. Теперь как прогнать? Да только так хотелось рук его повсюду: на груди, спине, бёдрах. Пальцев длинных, что скользили по коже с нажимом, оставляя тлеющий след, как борозды в душе — каждый раз. Зимава вздохнула тихо, запрокидывая голову — и провела ладонью по животу поверх

рубахи, чувствуя, как наливается он тяжестью. Приподняла подол, ясно видя перед собой лицо Чаяна: серые глаза сияющие неуёмной жаждой жизни, волнистые русые пряди, непослушные, падающие на лоб, обрамляющие скулы. Пальцы будто сами собой скользнули между бёдер...

— Не спишь, чтоль? — шепнула Оляна, которую Зимава попросила сегодня остаться в горнице с ней.

Та быстро убрала руку и повернулась набок, прикусывая край покрывала, чтобы сдержать стон разочарования. Подруга приподнялась на своей лавке, посмотрела сквозь темноту, сверкая белками глаз.

— Не сплю. Как уснёшь тут?

Оляна снова легла, протяжно вздохнув.

— Увидишься с Раданом — полегчает, а там, верно, скоро и вовсе вернут его тебе. Не кручинься, — сонно растягивая слова, попыталась она успокоить. — Уж думается мне, Чаян не станет лютовать и дитю вредить.

Зимава только усмехнулась тихо. Коли княжичу понадобится — и отыграется он на Радане — не остановится. Если княжество захочет всё ж при себе оставить или брату своему милостью отдать — им тогда да Елице, которая, верно, старшего Светоярыча окрутила совсем, он только помеха.

— Ты не знаешь Чаяна, — возразила Зимава чуть погодя, думая, что Оляна уже и не слышит — заснула.

Но та шевельнулась внезапно, словно вздрогнула.

— А ты знаешь как будто. Уж прости, а то, что ложе с ним делила, ничуть тебя к нему ближе не сделало. Как был сам по себе, так и...

— Да знаю я.

Вот и хотела она вызволить Радана из власти остёрцев — потому как надежды ни на Елицу, ни на княжичей, милость их, уже давно не осталось. Опасный план предложил Эрвар. Да все они были у него один другого опаснее. И Ледена убить, сговорившись с зуличанами, которым, признаться, оба княжича поперёк горла стояли теперь, он придумал — жаль только, ничего не вышло. И теперь вот — Радана выкрасть да снова в стенах городских укрыться, а там уж никого не пускать. А с воеводой Буяром можно и в детинце справиться. А там вече решит Радана малолетнего на стол княжеский возвесть —

предательница Елица тут никому не нужна. Уж больно близко с остёрцами знается последнее время.

Всё казалось просто, если вот так размышлять, лёжа в темноте и пытаясь разглядеть свод бревенчатый над головой. Складно, как и должно быть. А всё равно — страшно.

Зимава заморгала часто, чувствуя, как режет глаза бессонная ночь. Встала с лавки своей и, нашарив платок в ближайшем сундуке, вышла из горницы, а там — в переход между теремами. Княжеский сейчас почти пустовал: Буяр не хотел занимать никаких покоев — спал в дружинной избе вместе со своими кметями. Хоть и гридней в хоромаш оставил: чтобы слушали и смотрели за теми, кто ещё недавно был здесь хозяевами.

Тёплая ночь, звёздная настолько, что небо казалось почти белым, обхватила ласково за плечи, тронула распущенные по плечам волосы, бросила паутинкой в лицо спутанные от метаний по подушке пряди. Обдали сверчки почти ощутимыми кожей трелями, тревожа в душе что-то глубинное, из детства самого. Как бывало, сбегала Зимава с подругами вот такими ночами из дома — гулять и звёзды смотреть, разлегшись в траве на лугу за околицей.

— Что же тревожит тебя, Зимава? — долетел со спины голос будто бы из сна.

Она так и подумала поначалу, решив, что случайно задремала, оперевшись на перила резные. И хотела было даже на этот вопрос сама себе ответить, но за ним прозвучали и шаги тихие. Скользнула по спине тяжёлая широкая ладонь — и рядом встал Эрвар. Там, где привычно было его видеть всегда.

— Чего не спишь? — она удивилась вяло — на другое и сил уже не хватало.

— Ты не спишь, и я не сплю, — просто ответил он.

Зимава подняла на него взгляд, рассматривая суровое, грубо высеченное лицо. Белые пряди выбритых с одной стороны головы волос падали густым чубом на другую: своих шрамов он не скрывал. Показывал нарочно. Чёрное небо в небрежно брошенной по нему муке звёзд делало глаза варяга и вовсе глубоко синими, отражаясь в них. Как море северное, верно. Таким Зимава представляла его себе, хоть и не видела никогда. Она подняла руку и провела кончиками пальцев по

длинному рубцу вдоль виска Эрвара. Он резким движением поймал её руку.

— Я не княжич твой, Зимава. Молодой, глупый. Со мной играть не надо, — взглянул искоса.

— Я не играю, — она вывернула запястье, высвобождаясь. — Понять хочу просто...

— Что? — варяг нахмурился.

— Почему ты служишь мне? И убивать решаешься, хоть никто мне не угрожает?

Он ничего отвечать не стал. Подтянул к себе ближе и обхватил рукой за талию. Впечатались его губы крепким поцелуем, выпили дыхание — до помутнения в без того шалой уже голове. Натянулись волосы, когда намотал их Эрвар на кулак. Потянул вниз и по шее губами прошёлся, языком между ключиц. А ладонь его с талии спустилась, смяли пальцы округлости, сильно, до боли. И отпустили.

— Не девчонка ты, Зимава, — проговорил он, касаясь губами уха. — Всё понимаешь. Убью за тебя любого, глотки вырывать стану голыми руками, если скажешь.

— И ничего взамен не попросишь? — просипела она, чувствуя мягкие поглаживания ниже спины.

А волосы-то он ещё не выпустил, так и держал, заставляя запрокинуть голову. И обдавал горячим дыханием кожу шеи.

— Просить не стану. Я брать привык. Когда нужно.

Он выпустил Зимаву из объятий, вовсе не ласковых, но волнующих, наполняющих душу смятением. А мысли — воспоминаниями о том, что случилось всего раз, как стала она невестой Бориле. Как поймал её в хоромаш Велеборских уехавший с ней из отчего дома вместе с некоторыми соратниками молодой варяг. И обнимал, помнится, так же крепко, целовал неистово и уговаривал бросить всё — уехать с ним. Да она тогда уже княгиней себя считала. И о том, что тяга такая у Эрвара к ней — не знала вовсе. Растерялась, разозлилась дюже и приказала больше не касаться себя — иначе мужу будущему всё расскажет, а там и выгонит тот его взащей.

А теперь иначе всё выглядело. Единственным верным ей человеком остался варяг. И за него только и приходилось цепляться. А Чаян поплатится ещё за то, что так легкомысленно с ней поступил. За то, что быстро променял одну юбку на другую.

Эрвар просто стоял теперь рядом с ней, словно ничего только что не случилось, и казалось, что мысли все её знает наперёд. И все — поддерживает. Только как начало затягиваться молчание и прохлада ночи пробралась под одежду, варяг вздохнул:

— Иди спать, Зимава. Завтра с утра в путь.

Она тут же повернулась и пошла к себе. А там лишь голову донесла до подушки, как уснула. Да утро пришло скоро.

Загомонили кмети во дворе, заверещали, громко переговариваясь, отроки и конюшата. Загромыхало что-то — и Зимава открыла воспалённые глаза, которые тут же заслезились. Оляна уж поднялась, оказывается — а она и не услышала.

Скоро и выходить время пришло: ждали её одну. А она всё стояла в горнице своей да с повоем справиться не могла: казалось, что не так повязывает, неудобно, криво, а то и вовсе не той стороной. Подруга стояла за её плечом, не вмешиваясь, но всё равно раздражая. Но сборы всё ж были окончены — и Зимава спустилась во двор.

За ночь ветер нагнал туч, и текли они по небу теперь непроглядным кудлатым туманом, что спускал свои щупальца, казалось, к самой стене детинца да путался в кудреватых кронах сосен вдалеке. Как бы не было дождя...

Вышла провожать сестру Вышемила, отчего-то печалась сильно. Да она, как Леден уехал, и вовсе потускнела, словно застыла в ожидании его возвращения. И больно было видеть её такой, зная, что младший Светоярыч никогда не сможет подарить ей того тепла, которое она заслуживала. А сестрица глупая, восторженная, только страдать будет, что не любит он её так как она — его. Вообще не любит.

Зимава обхватила личико Вышемилы ладонями, погладила по щекам, заглядывая в безмятежные глаза её, словно пасмурной дымкой теперь заволоченные.

— Хоть ты возвращайся скорее, — пролепетала сестрица. — А то без тебя, без него мне здесь совсем худо будет.

Тут же в груди словно шипом укололо. И сейчас не могла обойтись без того, чтобы Ледена помянуть!

— Да что ж ты... — заговорила она с укором, но постаралась злобу в голосе унять. — Что он сделал такого, что ты маешься о нём постоянно?

Приподняла лицо её, чтобы на неё посмотрела сызнова — и вдруг — поняла всё. Всё до единой мысли сестриной, нехитрой. И то, как зарделись щёки Вышемилы, лишь выдало её пуще.

— Люб он мне, — выдохнула девчонка. — Вся ему принадлежу. Вся без остатка. Потому и жду. Вернётся ко мне обязательно — обещал. Но как вытерпеть?

— Стало быть, подол уж задрала перед ним, — Зимава покачала головой, почти задыхаясь от гнева, но сдерживаясь. — Ну и глупа же ты.

— Не глупее тебя, — запальчиво фыркнула та.

И даже рука зачесалась пощёчину ей дать хорошую. Но не на людях же.

— Отец не рад будет, — она поразмыслила чуть. — Вернусь — и домой поедешь, как миленькая. В Логост. Хватит, нагостилась на свою и мою голову.

Она повернулась и пошла прочь, оставив Вышемилу давиться подкатившими слезами. Потеснила в повозке Оляну, которая вместе с ней ехала, и скоро покинула детинец, окружённая кметями Доброги и воинами Эрвара.

Давно уж она не выезжала из детинца так далеко. Даже отец с матерью сами наведывались в Велеборск — к Борице, да и погостить по-родственному. А она, оказывается, всё это время город и не покидала. Кружили заботы домашние да вокруг Радана, который рос так быстро. А как случилось посадение на коня — так и вовсе не заметила, как зимы одна за другой выюжили.

И вот теперь поездка эта в удобной повозке, на скамье, усиленной мягко шкурами, казалась чем-то настолько необычным, что только по сторонам головой вертеть и остаётся. Ехал рядом верхом Эрвар, не смотрел почти на Зимаву, да она всё равно его взор ощущала. И в эти мгновения начинал вдруг гореть на губах поцелуй вчерашний. Неловко становилось и томно в груди, словно непотребная тайна какая теперь их связала. Такого даже с Чаяном она не испытывала. Там всё было так, как должно, как хотела она и представляла себе. А тут — не знаешь, что и делать теперь, куда глаза прятать от него, ведь кажется, что все непременно замечают её смятение.

А потому всё ярче пыталась она представить себе встречу с сыном долгожданную. Верно, он вырос хорошо за эти седмицы. Так было без

него тоскливо, всё казалось, что выбежит откуда, раздастся во дворе или в хоромах его звонкий голос. Да после гибели отца он, конечно, сник сильно, всё поверить не мог. А после... после его просто забрали, словно оторвали часть души.

Хотелось добраться до Калиногоста поскорей. И путь туда лежал недалёкий, а казалось, что дни тянутся больно уж долго. В других весях, где останавливаться приходилось, немногие узнавали в Зимаве княгиню — да то и хорошо было. Любопытства людского она и не вытерпела бы теперь.

Как ни пыталась она время торопить, а показались очертания изб Калиногоста через столько дней, сколько нужно. Тогда бы Зимава и сама не отказалась на облучок сесть и скорее припустить до погоста, но пришлось терпеть, как с должной степенностью все доберутся до дома старосты местного Алкуна, который гостей, названных Чаяном, уж ждал, верно, давно.

Оказались глазастыми калиногостцы: как остановилась повозка у большой старостовой избы, он уж на пороге сеней встречал — доложили. Разулыбался, вышел к калитке самой, открыл ворота вместе с одним из своих отпрысков, в котором почудился даже на миг Радан — Зимава аж вздрогнула.

Помог Эрвар сойти на землю — а староста уж тут как тут. И жена-то его уже из избы выглядывает, поправляет платок, чтобы перед княгиней не совестно было за небрежный вид.

— Здрава будь, княгиня, — Алкун поклонился даже почти в пояс, хоть и почтительность его слегка нарушал любопытный взгляд, которым он то и дело одаривал.

— Поздорову, — та едва кивнула, уже выглядывая поверх его плеча и сжимая крепко руку Эрвара, который рядом стоял. — Сына моего уже привезли?

Мужик только руками развёл растерянно и оглянулся на своих домочадцев, что едва не толпились, готовясь приветствовать гостью.

— Дык не привезли ещё. Чаян Светоярыч сказал, что скоро. Но то когда было... Как он сам со своими людьми здесь останавливался. Может, задержало что...

Зимава даже шаг назад сделала, и первая мысль, что в голове тяжёлой после дороги качнулась: обманул Чаян. Посмеяться решил за всё, что она во зло Елице сделала. Какой бы уговор между ними ни

был, а ни к чему это княжича не обязывало, если уж по совести-то рассудить.

Эрвар только ладонь её большим пальцем погладил, успокаивая.

— А давно сами княжичи тут были? — обратился к Алкуну.

— Да уж почти две седмицы как. Да до Остёрска от нас ближе, чем до Велеборска, — он потёр бороду. — Ты не переживай, княгиня. Со дня на день приедут. До гостинных изб тебя и людей твоих проводим: там уж всё готово. А пока проходи, подели с нами хлеб-соль.

Зимава улыбнулась напряжённо, не желая обижать старосту невежливостью или пренебрежением. Прошла за ним, как снова он к избе повернул. Эрвар мягко погладил по плечу, так и оставаясь подле неё.

— Я воинов отправлю, прошарят дорогу на пути к Остёрску, — проговорил тихо, чуть к ней склонившись. — Там и прознаем, собирается ли Чаян вообще сына твоего сюда везти. А то вдруг недоброе что задумал.

Зимава подняла на него взор: на лице варяга ничего не отражалось — суровым оно было и серьёзным, как и всегда. Только рука ласковая необычайно придерживала сейчас её за талию — и не тревожило его, видно, что кмети, которые позади шли, всё видели. Странное дело — её тоже это уже не волновало. Лишь бы Радана всё ж увидеть.

Приняли в доме старосты тепло, хоть и смущённо слегка. Собралась вся большая семья его — еле уместились все за столом, да видно, к такому наплыву гостей тут были уже готовы. Светоярычи и большим отрядом тут проезжали.

Женщины: жена староства да дочь младшая — посматривали на Зимаву с колким любопытством, хоть и скрыть пытались. Уж она догадывалась, что о ней болтали во всех весях княжества, да как-то свыклась уже — теперь другое беспокоило. А острый интерес местных баб — пусть. Уедет она да, может, больше никогда здесь и не появится.

Пока гостили в тёплой избе, уж и вечер наступил — разошлись все отдыхать. Даже Зимава нынче уснула хорошо, хоть и тревожилась ещё за сына. А наутро, как встала, узнала от Оляны, что Эрвар, прихватив своих воинов, уже отбыл дальше по большаку: разведывать, не торопятся ли из Остёрска люди Чаяна.

А Зимава в ожидании вестей от него — худых или радостных — пришлось время коротать на погосте. Собрались они с подругой на торг здешний: большой невидали там, конечно, не встретишь, да случается такое, что рукодельницы да мастера в отдалённых от столицы весях дивные украшения могут творить, каких и на прилавках заморских купцов не встретишь. А уж Калиногост славился тем, что в реках здешних, что с недалёких старых гор стекают, находят самоцветы диковинные. Не так часто, да от того они лишь ценнее становятся. Да стекло варят здесь узорное, чистое: мол, песок на берегах особенный. Потому и решила Зимава, что сумеет отвлечься хоть немного да любопытное что сыскать.

Прошли они с Оляной среди недлинных, но щедро выложенных товарами рядов, озираясь, проходя мимо ничем не интересных, дальше. Останавливались лишь изредка — чтобы взглянуть и дальше пойти. Да только разговор между двумя торговками, на прилавках которых лежала одежда вышитая да рушники справно выбеленные, привлёк вдруг — стоило лишь услышать упоминание имени, которое так и тревожило до сих пор душу, сколько бы дней ни прошло.

— Не стал князем-то. Старший-то Светоярыч, — тихо, да не так, чтобы совсем уж скрыть, проговорила одна из женщин. — Вече ни того, ни другого не захотело на стол княжеский сажать.

Внутри так и похолодело всё. Зимава замерла, бездумно щупая ненужную ей вовсе рубаху. Кажется, мужскую даже. Оляна тоже уши наострила, поглядывая на неё.

— Да куда ж им, — махнула рукой вторая торговка. — Того и гляди беду какую ещё пуще прежней на люд навлекут.

Зимава улыбнулась сдержанно, как баба уставилась на неё вопросительно. Та и рот уже было открыла — сказать чего, а то и отвадить от прилавка, если ничего брать не собирается, но, окинув взглядом, тут же смягчилась. А подруга её продолжила ворчать:

— Они и тут дел натворили. Княжну забрали, княжича малого... — она вздохнула. — Думаешь, изгонят их теперь?

— Да хоть бы и изгнали — кому от того хуже станет... — торговка снова повернулась к Зимава. — Приглянулось что?

Оляна её и за локоть тут же схватила да потащила прочь. Наслушались — хватит. Они прошли дальше, пока не скрылись из

виду сплетницы. Зимава наконец высвободилась из судорожной хватки подруги и приостановила спешный шаг.

— Что же теперь? — выдохнула, запыхавшись совсем. — Если власти они теперь в Остёрске не имеют, то и Радана не привезут?

Так и сковало всё внутри страхом и разочарованием. Если изгонят их и правда, то что же будет с сыном? Вряд ли тому, кто станет княжить в Остёрске, нужен чужой отпрыск под боком. По телу пробежала холодная дрожь, а после Зимава и вовсе заколотило, как в лихорадке. Шаг и вовсе сбился, расплылись торговые ряды кругом. Оляна обеспокоенно заглянула ей в лицо, взяла за плечи, легонько встряхивая.

— Всё будет хорошо, слышишь? — донесся её голос глухо, словно Зимава вдруг стала туга на ухо.

— Всё рушится, — только и прошептала та, неподвижно глядя перед собой. — Права была Анисья. Пойдём назад.

Они вернулись к гостинным избам. И ничто уже не могло пробить глухую завесу страха за сына, что заволокла душу. Не радовало щедрое Дажьбожье око, тепло, что струилось между калин, которые и правда в изобилии росли вокруг и едва не в каждом дворе погоста. Не сулило больше ничего хорошего грядущее — всё отправило страшное понимание ошибок собственных и опрометчивости.

Зимава только и укрылась в отведённой для них с Оляной избе, не желая больше показываться на глаза никому. Словно всё вокруг стало вдруг давить булыжником на плечи, стискивать грудь, не давая дышать толком. Подруга собрала вечерю и почти силой заставила поесть. Что Зимава в себя запихнула, и не поняла толком. А после попросила лишь приготовить ей отвар сонный — иначе как уснуть? А сон — не только отдых, но и спасение от тягостных мыслей.

Да только ночь, глухая и тёмная, словно бесконечная глубина колодца Макоши, не принесла облегчения. За топкой, душной мглой пришёл сон, которого и не было бы лучше. Стояла Зимава посреди того овина, где Анисья ей судьбу предсказала. И пусто было кругом: ни хлеба, который просушить надобно, ни души хоть одной, кроме неё. Человеческой. Только в углу тёмном, далёком словно скреблось что-то. Зимава и хотела разглядеть маленькую скрюченную фигурку, что шевелилась там, не выходя под скупой свет то ли луны, то ли затянутого плотным покрывалом облаков светила — ничего нельзя

было понять через тонкую, словно нить, полоску приоткрытого волока. И струился сквозь него такой свежий, хоть и ничтожный, ручеек свежего воздуха, что хотелось припасть к нему немедленно. Чтобы раскрылась будто бы спеленутая грудь и тело вновь жизнь почуяло. Да шаг сделать было страшно, потому как чудилось всё, что тварь эта, которая в углу притаилась, обязательно кинется и худое сотворит.

А босые ступни жгло сквозь половицы огнём, разведённым в ямнике. Словно сам Сварожич решил наказать за всё, воздать. И духом прелой соломы забивало всё нутро. И бежать бы надо отсюда, да с места никак не ступить.

Зазвучала тихая песня-заговор из сенцов, заплескала вода в огромной чаре — и Зимава вновь увидела мутные разводы в ней, которые покачивались, словно обрывки кожи, змеей скинутой. Они плыли перед взором неспешно, переплетаясь и сматываясь в тугие клубки, а после снова расходились, истончались и утекали, будто дымные нити, куда-то во мглу закопчённых стен овина.

Зимава вглядывалась в затейливые узоры, пытаясь понять, что делать ей дальше, чего ждать от грядущего, перебирала пальцами пряжу судьбы, не ею спрядённую — пойдёшь разберись. Да не ворожея она — читать по разводами на водной глади не умеет. Горели подошвы, словно в угли закопанные, поднимался жар, струился под подол, окутывал ноги, наполнял теплом нутро. И вдруг из сумрака дальнего угла выскочила та тварь неведомая — вцепилась когтями тонкими в плечи, а зубами острыми вонзилась в шею.

Зимава закричать хотела, да забулькала только, хлебнув собственной крови. А в другой миг — проснулась.

И поняла вдруг, что во дворе шумно, словно приехал кто-то. Она вскочила с постели и принялась быстро одеваться: оказалось, что уже полдень почти: светило стояло уж высоко на небосклоне. То и дело выглядывая в открытое окно, Зимава наконец привела себя в порядок: и где Оляна запропастилась? Но не успела она ещё завязать, как надобно, платок, как подруга вошла внутрь, радостно улыбаясь, отчего её округлые щеки аж лоснились.

— Привезли, — она сложила руки у груди. — Привезли всё ж! Иди скорей встречать!

Ловя разлетающиеся концы так и не завязанного повоя, Зимава выскочила во двор. Там толпилось несколько всадников: не больше

десятка — а между ними стояла повозка аккуратная, и спрыгивал с неё мальчик, сам, без помощи старших.

— Радан! — окликнула его Зимава.

Он вскинул голову, разметал лёгкий ветерок его русые вихры. Сын припустил тут же к избе, не обращая внимания на оклики кметей, что сопровождали его. И совсем скоро окунулся в раскрытые объятия. Зимава уткнулась лицом в его шею теплую, мягкую, погладила по волосам ласково, не находя уже слов, какие можно было бы сказать. Всё нутро светом как будто наполнилось от встречи с Раданом, от ощущения его маленьких ладошек на плечах, от дыхания его, что путалось в прядях и касалось легонько уха.

— Я так скучала. Так скучала... — Зимава и хотела бы прижать его к себе сильнее, да боялась, что просто раздавит таким усилием.

— Я тоже скучал, матушка. Почему ты со мной не поехала? — Радан отстранился и посмотрел не по-детски серьезно в её глаза.

Как же вырос за эти луны! Вытянулся как будто и лицо его чуть поменялось, стало взрослее. Всего на чуточку — но и это было заметно.

— Я не могу. Не могу, не позволяет мне княжич с тобой быть. Но скоро всё закончится. Всё, слышишь? И мы вместе всегда будем.

— Я хотел бы, чтобы ты в Остёрск ко мне приехала, — улыбнулся мальчик, глядя её по голове поверх сползшего уже на сторону платка.

— Я тоже так хотела... — она осеклась. Горечью пронеслось в груди воспоминание о Чайне и о том, что не сбылось. И уж теперь не сбудется, верно. — Тебе плохо там одному? Страшно?

Она слегка встряхнула сына за плечи. Но тот покачал головой.

— Без тебя плохо. Но там все хорошие. И учили меня кмети уж побольше, чем наши, — он выпятил губу, выказывая обиду на Велеборских воинов, которые хоть и возились порой с княжичем, да не слишком охотно: мал ещё даже для отрока.

— Не обижали тебя?

— Нет же! — возмутился Радан. — А ещё Елица туда приехала. Красивая такая. Она приехала, а ты не можешь!

Зимава снова его в охалку сгребла, унимая негодование. Кабы могла она объяснить ему всё, что на сердце камнем лежало. Да разве поймёт сейчас, в годы свои малые? Она окинула взглядом двор, где уже собрались и кмети, что с Зимавой приехали, и поняла вдруг, что

нет здесь Эрвара и людей его. Неужто разминутись на дороге какой? Ведь должны были Радана встретить и с ним сюда вернуться. Поселилась тут же тревога в душе: как бы ничего дурного не случилось. Но и её теперь застилала радость от того, что Чаян всё ж обещание сдержал, что бы в жизни у него ни творилось. И отступила как будто жгучая на него обида — вновь под натиском сожаления, что не получилось его удержать. Да теперь уж как-то придётся без надежды на его благосклонность жизнь свою устраивать.

Дав наобниматься с Раданом, подошёл кметь из тех, что привезли его сюда. Окинул Зимаву пытливым взглядом, потрепал по макушке мальчика — и сразу видно стало, что и правда никто его не страшает, никто зла причинить не хочет.

— Два дня вам даёт Чаян повидаться, — проговорил он сухо. — После назад поедem. И вот ещё...

Он сунул руку в поясной кошель и вынул оттуда свёрнутый трубочкой листок бересты тонкой. Вложил в ладонь Зимавы и, опустив взгляд на Радана, который смотрел на него едва не с обожанием, подмигнул ему.

Она быстро развернула послание и улыбнулась даже, пробежав взглядом по строчкам, написанным рукой Чаяна. Едва удержалась, чтобы не коснуться.

“Даю срока два дня вам, чтобы вместе побыть. После, уж прости, Радан вернётся в Остёрск. Куда не увела бы меня сейчас недоля, а пока не разрешится всё, жить он будет там. Но ты поняла уж, что слово я своё держу. Потому, коли не станешь больше препоны мне и Елице строить, покушаться на жизнь брата моего, то и сын к тебе вернётся, как срок придёт”.

От каждого слова веяло нестерпимой стужей, будто заставлял он себя писать это, через себя переступал. И мерзостно так стало от понимания, что сама она до того довела. Но когда заметила, что на Елицу Чаян смотрит совсем не так, как хотелось бы, она уж ничего не смогла поделать с ревностью жгучей, которая, словно щёлок, душу разъедала. И толкнула на все поступки, от которых лишь сожаление теперь осталось, оседая липкой копотью на сердце.

Но сейчас она всё ж уверялась, что Чаян и правда её не обманет. Что не попытается вместить на сыне её ту злобу и обиду, которую на Зимаву затаил. И оттого казался замысел, вместе с Эрваром

составленный да оговоренный десяток раз, теперь неоправданным и слишком жестоким. Ведь прольётся снова кровь тех, кто ничего не знал толком и ни в чём не был виноват. Да хоть кметь этот молодой, серьёзный, который стоял сейчас рядом, наблюдая, как Зимава раз за разом перечитывает послание Чаяна.

— Спасибо, — она снова сложила лист.

Взяла было Радана за руку, чтобы увести с собой, но воин остановил её, перехватил ладошку мальчика — а тот и шагнул за ним послушно.

— Он останется с нами, под присмотром, — сказал дружинник веско. — Ходить где будете, гулять — тоже под надзором, и жить он станет в нашей избе.

Зимава скомкала бересту жёсткую в пальцах, едва удерживая резкие слова, что жгли горло. И шагу теперь с сыном не сделать без соглядатаев! Но остыла быстро — пусть так. Теперь бы дожждаться возвращения Эрвара и сказать, что весь их уговор, вся придумка с тем, чтобы княжича отбить у остёрцев, останется только в словах. Пусть. Так ей спокойнее житься будет. А там, глядишь, всё разрешится и Радан вернётся к ней по воле Чаяна.

Но прошёл день до вечера самого, красноватого, залитого ответами багряного заката, что протягивал по небу своё полупрозрачное полотнище едва не до другого края. А Эрвар с дружиной своей так и не приехал. Зимава отвлеклась на сына, забылась в хлопотах и возне, совсем обычной, какая была раньше в Велеборске. И потому очнулась лишь перед сном самым, когда уж косы расплела и гребнем редким расчесала волосы, сидя на краю своей лавки. Она повернулась к Оляне, которая складывала рушник после того, как протёрла им миски.

— А Эрвар так и не возвращался сегодня? — подумала, может, что просто не довелось встретиться.

Подруга посмотрела на неё, приподняв бровь и плечом дёрнула недовольно.

— Уж не знаю, куда ты его отправила и где он запропастился, но нынче не приезжал.

Зимава так и руки опустила на колени, а после провела ладонью по груди, которую словно тисками сдавило. Что ж такое творится? Если одно налаживается, так обязательно в другом приходится худо.

Оляна скоро улеглась, а Зимава ещё полночи прислушивалась к звукам во дворе, надеясь вот-вот услышать топот копыт и голоса варягов, что дали бы понять, что все тревоги были пустыми. Но всё ж сморила и её усталость после суматошного дня, хоть она и хотела бы ещё отодвинуть утро, наслаждаясь мыслью о том, что у них с сыном есть ещё целый день впереди.

Но утренняя заря, ранняя после недавно отгремевшего повсюду Ярилиного дня, не собиралась задерживаться в угоду людским заботам. Пролился свет её в хоромину сквозь приоткрытое окно. Ворвались первые голоса проснувшихся кметей и отдалённый шум веси. Зазвенел где-то у стены одинокий комар, раздражая и заставляя то и дело взмахивать рукой, отгоняя его. Зимава всё ж встала, потеряв надежду подремать ещё немного.

Она быстро собралась, не желая больше терять время, которое можно было бы провести с Раданом. Но всё ж, как пошли они вместе к реке — прогуляться, половить бабочек да посидеть на траве, щурясь от ласкового светила — она всё ж заглянула в соседнюю избу и справилась, не появлялся ли ещё Эрвар. Кмети, мрачно на неё посматривая, только головами замотали.

Стараясь не думать пока о словно провалившемся сквозь землю варяге, Зимава взяла Радима за руку и повела прочь от погоста, прислушиваясь к неспешным шагам остёрцев, котрые без присмотра их оставлять вовсе не собирались, а потому сопровождали повсюду.

Минул день ещё быстрее, чем предыдущий. Зимава и готова была сковать сына объятиями и не отдавать больше никому, не отпускать в Остёрск, да некуда было ей деваться. Да и лучше пусть так будет — спокойнее. Не придётся переживать о возмездии от Чаяна, о погоне. Не вздрагивать и не шарахаться от каждой тени, куда бы ни завела дальше жизнь. А всё рано или поздно образуется. Верно, надо было то понять ещё как княжичи в ворота Велеборска въехали, не тревожить судьбу, не ворошить — и тогда на душе было бы сейчас легче. Да всего сделанного уж не воротишь.

Наутро отбыли остёрцы обратно, позволив попрощаться с Раданом, сколько душа требовала — не торопили, не одёргивали, хоть и видом своим давали понять, что слишком испытывать их терпение и задерживать не стоит. Зимава проводила вереницу воинов, что окружали повозку, которая увозила сына прочь, пока не пропали они

совсем из вида. Прослониалась она по веси целый день, будто сама не своя: вспоминала всё те мгновения, что с ним рядом была.

Заволновались на другое утро кмети совсем уж буйно. Собрались во дворе изб гостинных, чтобы решить, как быть дальше: ждать возвращения Эрвара и людей его или отправлять кого на поиски их. Беспокоилась и Оляна, то и дело в окно выглядывая да причитая:

— Что ж случилось с ним такого? Не Леший же их проглотил?

Может, и Леший, — думалось в ответ на её ворчание. Для него варяги, верно, лакомые, что печиво с маком и мёдом: уж их души давно заблудшими стали за то время, что служили они наёмниками далеко от своих земель. Таких только в чащобу и заводить да губить на потеху. Но только думалось, что вовсе не Хозяин леса их умыкнул. Может, сила гораздо более злая, чем он, а может, дела какие, о которых Эрвар княгине своей сказать не соизволил.

Пришлось почти день ждать их: никто из кметей Доброговых так за ними и не поехал. Решили выждать ещё немного. И вот, когда уж надежда увидеть их почти растаяла, показался отряд на подъезде к гостинным избам, на тропе той, что с другой стороны веси к ним подбегала, выскакивая покрытой бурой хвоей лентой откуда-то из его недр.

Зимава, о том прослышав, тут же во двор выскочила, пригляделась и обомлела тут же, ровно так, как опешили и кмети, вышедшие встречать заморских соратников. Не сразу в глаза бросилось, а когда подъехали они чуть ближе, что в отряде из людей убыло. Да и те, что возвернулись, выглядели потрёпанными хорошенько. Многие ранены оказались, перевязаны кое-как. Руки у некоторых стягивали повязки тугие, у кого бедро, а то и плечо. Один лишь Эрвар, который ехал, вестимо, впереди всех, оказался, как будто невредим: да тут и удивляться нечему. Мало кто с ним потягаться мог в деле ратном.

Зимава так и бросилась к нему, едва не спотыкаясь о камни и собственный подол, который поддёрнуть пришлось. И бились слова в груди, которые произнести хотелось тут же, да боялась она услышать ответ. Эрвар поймал её за плечи, пока совсем уж на него не налетела, махнул рукой людям своим, которые спешили уж, добравшись до изб — идите. Да те всё ж задержались, как окружили их кмети, расспрашивая, какая-токая нелёгкая задержала на столько дней.

— Здравствуй, Зимава, — проговорил варяг хрипло.

— Где пропадали? — она обвела взглядом его перепачканное тёмными разводами подсохшей крови и пыли лицо.

— Поручение твоё выполняли, — он хмыкнул невесело.

Она посмотрела ему за спину, ожидая, как появится из леса ещё всадник, который вёз бы на седле Радана, а то и повозка его. Но нет. Тенистая глушь хранила тишину и переливалась только светлыми пятнами гуляющих среди ветвей лучей Ока.

— И что же?

— Остёрцы сильны оказались. Не зря их кашей по утрам в детинце кормят, — Эрвар повёл, видно, ушибленным крепко плечом.

И заметно тут стало: едва на ногах стоит от усталости, да не торопится отговориться и пойти отдыхать. Хранит что-то внутри, что сказать ещё надобно.

— Увезли его? — Зимава облегчённо улыбнулась. — Ну и пусть. Я всё равно хотела сказать тебе, чтобы не нападали на них. Так лучше. Ему не плохо там вовсе. Можно и подождать. Уверена, что Чаян...

— Убили его, Зимава, — уронил варяг. — Случайной стрелой. Не хотели мы, чтобы пострадал он, да так случилось. Забрать хотел тело, тебе привезти. Да остёрцы быстрее нас успели. А люди мои преследовать их отказались. Потрепало нас. Сама видишь.

Зимава выпрямилась, шаря взглядом по лицу Эрвара. Вливались слова его в уши, да всё казались вздором одним. Не могло так случиться. Не могло. Она же в руках Радана не третьего дня держала... Обнимала, гладила по вихрам волнистым, нежным, что цыплячий пух. А сейчас понять нужно, что нет его больше?

Она вцепилась в локти Эрвара. Он говорил ещё что-то, может, успокоить пытался, может, объяснить... Но Зимава, видя теперь перед собой лишь размытые пятна вместо лиц, изб и леса, слышала только стук сердца собственного — какой-то глухой, медленный, словно хотело оно уже остановиться.

— Зимава... — прорвался оклик варяга.

Она оседала в его руках прямо на землю. Валилась кулём таким тяжёлым, будто набитым камнями. Но сил в теле вовсе не осталось, чтобы на ногах устоять. Эрвар пытался её удержать, да как будто и не мог. Ползла по ладоням ткань его рубахи, слепило небо будто в насмешку — ясное. Зимава всхлипнула, задыхаясь, и лишилась чувств.

ГЛАВА 4

Не хотели долго братья задерживаться в Остёрске, который вдруг стал к ним холоден и неприветлив. Только княгиня одна, кажется, не хотела от себя сыновей отпускать, хоть и понимала тоже, что рано или поздно уехать им надо будет: иначе без Сердца никто больше их не признает за наследников Светояра. А вот остальные, похоже, только и ждали пока братья отсюда уберутся уже. Словно, проживши здесь столько лет, они оставались под одной лишь защитой князя.

Елица на Чаяна сильно осерчала: мало того что облапил бесстыже в Калиногосте, так после ещё и невестой своей без согласия назвал при всех! А потому она старалась с княжичем нигде не встречаться, хоть он того и хотел. Сколько раз просила она Вею, чтобы та отваживала его от двери и напрямую говорила: княжна видеть наглеца не желает. Чаян сопел гневно, прорваться в горницу пытался, но наперсницу, конечно, сильно не теснил, хоть и мог силой-то своей её легко в сторону отодвинуть.

А нынче утром, всё ж оттолкнув слегка Вею, протиснулся одним плечом и сказал громко, заглядывая внутрь:

— Негоже так, Елица. Поговорить надо бы, — он отступил, когда женщина вновь на его пути встала. — Прошу. Прогуляемся нынче у озера. Всё мне выскажешь.

Так и не дождавшись от Елицы ответа, княжич вздохнул и, перестав сопротивляться рьяному напору Веи, ушёл. Она глянула на дверь, когда наставница ту закрыла, и снова отвернулась к окну, у которого и сидела, наблюдая бездумно, как снуёт челядь по двору, будто бы чуть напуганная после того, как стол княжеский занял неожиданно-негаданно Знаслав.

— Может, всё ж поговоришь с ним? — Вея подошла и села на лавку рядом. — Вон как мается, бедный. С лица даже сошёл как будто.

— А нечего было меня невестой без воли моей называть перед всеми людьми, — фыркнула она. — Я ему согласия ни на что не давала. Да и есть у него невеста, оказывается...

— Да разве ж то невеста... — наперсница осеклась под резким тяжёлым взглядом Елицы.

— Мало мне нелюбви Любогневых, так он ещё под гнев бояр своих подставляет.

— Ну, хочется ему, чтобы ты невестой его была, — Вея всплеснула руками. — Разве ж в том его укоришь?

— А чего это ты его защищаешь? — Елица взглянула на женщину с подозрением. — Что же он? Когда другом мне успел стать, когда любим?

— Но поговорить-то ты с ним можешь. Там и скажешь всё то, что мне сказала.

Елица повела плечами, глядя, как вышедший из женского терема Чаян идёт через двор, лохматя волосы пятернёй. Рассердился крепко: то ли на неё, то ли на себя больше. Может, и правда, стоит его выслушать? Бегай, не бегай, а в путь вместе снова отправляться, как Радан вернётся в детинец. Так уж княжич решил, что возвращения сына Зимава дождётся и приглядит-распорядится, чтобы тут его не обижали. А в дорогу лучше, верно, с лёгкой душой отправляться, чтобы не висело между ними никаких недомолвок, которые так и стягивали будто бы шею с того вечера в Калиногосте, когда многое себе княжич позволил, да потом вид сделал, словно не случилось ничего.

Чаян как будто прознал о её размышлениях, а потому после обедни послал отрока своего Радая к Елице снова — выведать, что она решила. Мальчишка, ожидая ответа, долго переминался на пороге светлицы под взглядами женщин, которые рукоделием в этот миг здесь заняты были. Елица помолчала, конечно, после его вопроса — и отрок даже вспотел слегка от напряжения.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Передай Чаяну, что встречусь с ним.

Парень кивнул и поспешно скрылся за дверью.

Вечером, как снова пришёл посыльный от княжича, Елица прихватила с собой Вею и пошла за ним, отложив все дела до завтра. Радай проводил её до ворот детинца, где ждали уже лошади запряжённые. Наставница хмыкнула насмешливо, переглянувшись с Елицей: видно, ещё одного человека на прогулке Чаян никак не ждал. Он уже стоял тут же, держа под узду своего коня. Заметив Вею, помрачнел, конечно, но смог всё же натянуть на губы приветливую улыбку.

— Я с тобой хотел поговорить, Елица, — вздохнул с сожалением, уже собираясь отослать женщину прочь. — Но никак не со всем теремом вашим.

— А Вея ничем нам не помешает, — она качнула головой упрямо. — И от неё я ничего скрыть не хочу. Да и тебя это как-то урезонит малость, если вздумаешь руки свои распускать.

Чаян осерчал немного, похоже, но перечить не стал. Махнул рукой отроку, который всё ещё поблизости околачивался, и сказал что-то тихо. Мальчишка кивнул и умчался. А скоро выкатил к воротам повозку небольшую запряжённую — как раз только троим туда и поместиться. На облучёк вскочил сам Радай, Чаян помог подняться в неё Елице и Вее, улыбнувшись наперснице нарочито ласково.

Выехали они в посад шумный, а скоро и вовсе за околицу, через весь тихую и малолюдную уж по вечернему часу. Проскакали по застывшим после дождя колдобинам широкой дорожки, что бежала от стен Остёрска вдоль рва сначала, а потом выворачивала к реке. Недолго пришлось до озера того добираться — их тут было очень много: обширных и маленьких, словно запруды.

Но то, что лежало, раскинув блестящие воды далёко во все стороны, было большим: другой берег его терялся где-то вдалеке тонкой тёмной полоской растущего по берегу леса. Елица, как остановилась повозка, тут же сама наземь прыгнула и пошла к воде, любуясь тем, как золотится спокойная гладь светом приближающегося заката.

— Вот хитрый какой, — усмехнулась за спиной Вея. — Знал, куда везти.

Чаян фыркнул тихо на её слова с заметным самодовольством. И быстро нагнал, пошёл рядом, пока ничего не говоря. Наставница осталась всё ж в стороне вместе с отроком. Тихо курлыкали птицы в зарослях молодой осоки, что едва только выглядывала ещё из воды. Но стоило приблизиться к ним — смолкли. Вспорхнул пёстрый кулик поодаль и снова скрылся в траве, метнувшись вдоль берега.

Елица остановилась, неспешно, с наслаждением вдыхая сырой воздух, что перетекал прохладными потоками над озером, трогал осторожными пальцами камыши и рогоз.

— Нравится? — тихо спросил Чаян, выждав пару мгновений.

Елица повернулась к нему, обвела взглядом лицо, спокойное, умиротворённое даже, словно края родные, с детства знакомые, умели унимать любую бурю в его душе.

— Красиво у вас, — она вновь посмотрела в даль. — Так и не скажешь, что Сердца вы лишились. Будто бы всё, как обычно. Как и у нас.

— Так мы ж тут не в чаще лесной живём, не лычаки одни с весны до весны носим, — княжич пожал плечом. — Мы и есть — такие же, как и вы. Только трудностей нам выпадает, наверное, больше. И я хотел бы избавить людей, которые страдают везде, где ни появились бы, от этой недоли... — он помолчал немного. — И хочу, чтобы ты была рядом, Елица. Не потому, что ты княжна и наследница Борицы.

Она открыла было рот, чтобы возразить что-то, но Чаян поднял руку, останавливая. Она выждала чуть, выслушав несколько собственных быстрых вдохов и выдохов. И всё же ответила:

— Меня ты забыл о том спросить. Разве гоже мне сходить с тем, кто воевал с моим отцом так долго? Столько людей погубил в княжестве. Земли разорил по весне. Всё забылось, думаешь?

Чаян покривил губами, будто выслушал в очередной раз то, что гнал от себя постоянно. Да кто из них сейчас мог бы похвастаться поведением праведным, тем, за которое не стыдно ни перед кем?

— Отец твой тоже разорил наши земли. Только по-другому. И людей своих сам погубил, когда не захотел возвращать отцу то, что ему по праву принадлежало. Но я не о том хочу от тебя услышать. Не об ошибках наших родичей, за которые нам выпало расплачиваться. Услышать хочу, согласишься ли моей женой стать? Как скину я проклятие. Как сватовство вновь станешь принимать.

Он осторожно коснулся кончиками пальцев ладони Елицы, задержал на миг, выжидая, что делать станет. Она отстранилась — и княжич кулак сжал, а по лицу его, сглаженному мягким светом, что путался в его светлой бороде, в прядях, почти кучерявых, пробежало нечто на боль похожее.

— Я не могу тебе ничего сказать, Чаян, — Елица сделала шаг в сторону, разрывая самую тонкую, связь и не позволяя выстроить её вновь. — Слишком быстро всё. Слишком торопишься ты, хоть и не знаешь меня вовсе.

— Знаю, — княжич покачал головой. — Будто всю жизнь. Тогда скажи мне, что я надеяться ещё могу. И того мне станет достаточно.

Елица вздохнула тихо, набрав перед тем полную грудь воздуха. И билось в этот миг внутри что-то, взмахивало трепещущими крыльями, тревожно, словно от опасности скрыться хотело, да вырваться не могло. Растекалась по телу дурнота от волнения, и Елица с горечью и досадой понимала, что не может сказать сейчас Чаяну резкое “нет”. Но и подтвердить его надежды — тоже. Так и молчала она, наблюдая, как подкатывает к самым ступням озёрная вода, гладит песчаную полосу берега, смывает с него обломки веточек и мелкие камушки, а после возвращает, словно извиняется за шалость.

Чаян выждал немного, позволяя обдумать всё, а после пошарил на поясе и вынул из кошелька что-то блестящее. Елица невольно скосила глаза: он держал, перекатывая в пальцах, обручье серебряное, в пядь шириной с узором в виде Макоши и всадников её по обеим сторонам. Тонкая работа, выполненная явно человеком, который смыслил в бережных знаках многое.

— Коли ничего мне больше сказать не хочешь, то уж прости меня за всё. За всё, чем обидел тебя. И вот, — он протянул обручье. — Коли решишь вдруг, что я сгожусь тебе в мужья, то надень просто — и я пойму всё.

Холодное украшение легло в ладонь, которую Елица протянута почти неосознанно. От мысли, что может прийти такой день, когда доведётся надеть его, становилось как-то горячо в голове. Ещё несколько лун назад она и подумать о том не могла бы. А сейчас... Разобраться бы в том, что Макошь ей нитями на судьбе напутала. А там и видно станет.

Пока она подарок Чаяна спрятала от глаз Вей — а то неровен час расспрашивать примется да домысливать на свой лад то, что Елица говорить ей не захочет. А коли одна баба знает, так и все, посчитай. И без того её почти что замуж за княжича выдали, а там и вовсе спасения от сплетен не будет.

— Спасибо. Но то, что я приняла его, не значит ничего, — всё ж решила уточнить Елица.

Чаян покивал и вдруг опустился наземь, сложил руки на согнутые колени и в озёрную, уже подёрнутую к вечеру туманом даль уставился.

— Езжай обратно. Я сам до детинца доберусь, — бросил отстранённо.

Как будто осерчал люто, несмотря на все объяснения. Словно уязвила Елица его самые лучшие чувства. Она медленно пошла обратно к повозке, слушая ещё его дыхание ровное, хоть и рассерженное, а после — шорох травы под ногами и тихий плеск воды.

Радай, кажется, вовсе не удивился решению Чаяна остаться на берегу, молча сел на облучок снова, перестав гонять веточкой муравьёв на тропинке, и к городу резво повернул. А Елица не удержалась — обернулась всё ж на княжича, пока ещё не скрылись в лесу. Он сидел, уперев лоб в ладонь, крепко о чём-то задумавшись. И как будто даже жаль его стало на миг: ведь ехал в Остёрск с надеждами на то, что князем станет, а вот теперь он такая же неприкаянная душа, как и она. И, верно, остаётся одно: вместе путь этот продолжать да искать ответы, которые могли бы жизнь их снова вернуть в привычное спокойное русло. Но только она, как и река, вечно текущая и обновляющая воды, прежней уже никогда не станет.

До Остёрска добрались, как смеркаться уж начало. Наполнила воздух зыбкая мгла, перетекали в ней, словно в киселе, голоса сверчков и птиц, что уже скоро должны были смолкнуть. И всё было, кажется, спокойно, да навстречу повозке выскочил, едва под копыта не попав, отрок совсем ещё юный. Елица-то и своих в Велеборске не всех по именам знала, а тут и вовсе.

Он выпучил глаза, схватился за повод мерина, который, напугавшись больше, чем он, теперь недовольно пофыркивал и прядал ушами.

— Княжна, — выпалил мальчишка, выглядывая из-за лошади. — Скорее, твоя помощь нужна.

Она тут же из повозки выбралась, гадая, зачем понадобится кому-то могла, да ещё и так скоро. Махнула Вее — в горницу иди. Но не успела ещё отрока ни о чём расспросить, как вышел со двора дружинного навстречу Леден, оглядывая всех, кто возле повозки сейчас стоял.

— А Чаян где? — бросил сухо, без приветствия, хоть и не виделись ещё сегодня. — Вы вместе с ним уехали, кажется?

И такое негодование страшное вдруг в груди вспыхнуло, как не было в мгновения самых страшных обид на старшего Светоярыча. Но и в глазах Ледена сейчас плясали злые искры, словно крошево льдистое пересыпалось. А может, просто казалось так. Но княжич был явно рассержен чем-то. Уж тем, что случилось, или прогулкой Елицы с братом?

— Чаян остался. Решил один побыть, — ответила она в том же духе.

Леден и брови приподнял слегка, внимательно оглядывая её лицо. И, кажется, успокоился даже немного.

— Идём, тут без тебя, знать, не справиться, — он повернул к терему, безмолвно приказывая за ним идти.

Елица и пошла, едва на бег не сбиваясь, чтобы догнать его — таким широким шагом он шёл, вовсе не заботясь о том, что она отстаёт.

— Так что случилось-то? — спросила, как сумела с ним поравняться.

— Радана привезли недавно. Можно сказать уж, только что, — Леден заложил руки за спину и опустил на неё взор. — Ранен он сильно. Говорят, почти в себя не приходит. Мучается всё, жар у него.

Елица так и ухватила княжича под локоть: колени её подкосило прямо на ходу. Леден поймал за руку, сжал в ладони своей, обдав до локтя лёгкой прохладой. Потянул за собой вверх по всходу и отвёл внутрь терема. И всё это время Елица даже слова вымолвить не могла лишнего: до того страшно стало за Радана. Как случиться такое могло?

— Кто ранил-то? — всё ж спросила она, пока шли до нужной хоромины.

— Кмети говорят, после встречи с Зимавой по дороге на них варяжья ватага налетела. Да быстро они отхлынули, как поняли, что совладать не смогут. Наверное, Радана забрать хотели. Да сами же и ранили случайно.

— Варяги? — Елица сильнее сжала пальцами ладонь Ледена, за которую так и продолжала цепляться. И отпускать её не хотелось. — Откуда?

— А как ты думаешь, откуда им рядом с княгиней взяться?

— Эрвар?

Леден кивнул только. На миг он приостановился перед дверью и открыл её, пропуская Елицу внутрь. Душно тут было, травами пахло и раной несвежей — едва заметно, сладковато.хлопотали в полумраке две челядинки, заменяя воду в кадке, что стояла у лавки, на которой лежал, вытянувшись, Радан. Мальчик не шевелился, только дышал рвано и часто. Иногда грудь его замирала на миг — тогда внутри аж ёкало — вдруг не начнёт вздыматься снова?

Елица быстро подошла к нему, одеяло отогнула и осмотрела рану, что осталась в боку Радана, едва затянутая зыбкой коркой, воспалённая, даже чуть потемневшая на рваных краях. Наконечники на стрелах, видно, хитрые были. Да много раз она слышала, что ватажники с севера, затерявшись в дружине Борицы, исподволь служили Эрвару одному, его приказы выполняли. Да Зимавы, вестимо. И порой они сражались нечестно, подло, используя как раз вот такие уловки: если и ранил стрелой, хлопот этим много доставил, потому как наконечник достать сложно. Да только кабы знали они, что этим могут и невинной вовсе душе навредить.

— В ближайшей веси от места того, где напали на отряд наш, лекарка вынула стрелу. Травками залечить попыталась, но плохо помогло, — снова заговорил Леден, остановившись рядом. — Вот его сюда и повезли. Решили, что наши лекари всяко лучше.

— А я чем могу помочь? — едва ворочая онемевшим языком, пробормотала Елица. — Я ж не лекарка, не знахарка и не травница.

— Заговаривать раны ты умеешь, кажется, лучше многих, я слышал, — в голосе княжича послышалась ободряющая улыбка. — Помогать можешь там, где лекарки не могут.

— Ты выдумал всё, — Елица повела плечом. — У тебя другое было...

И вдруг легла его ладонь рядом с шеей, сжала слегка — и по спине пронеслась дрожь лёгкая — не от холода вовсе или страха. Захотелось вдруг вынуть из кошеля обручье, что подарил Чаян и показать ему, спросить, что он о женитьбе брата думает? Увидеть на его лице хоть какие-то ответы. Елица слегка склонила голову к его руке — да не коснёшься ведь.

— Я не выдумал. Этот ты в себя веришь мало. Ты посмотри, может, поймёшь чего? Как помочь можно.

Елица, отогнав челядинку, села рядом с лавкой, где лежал Радан. Попробовала заговор простенький, чтобы на рану его наложить, успокоить хворь, что растекалась уже во все стороны от неё по телу. Но не нашла отклика даже самого малого, словно душа мальчика, жива его внутренняя, забились уже куда-то очень глубоко, готовясь совсем уйти. И пустота такая расплескалась в груди от понимания этого — холодная, гулкая. Елица отдёрнула руку.

— Я не могу. Он... — слова вдруг закончились все разом.

Она смотрела в неподвижное, бледное лицо Радана, так ясно, как никогда ещё в жизни, понимая, что помочь ему и правда не сумеет. Не дотянется. Заканчивается её власть там, где жизнь ещё теплится, где стремится ростком хотя бы самым малым к свету — протяни руку, помоги словами сильными — и вызволишь. А тут всё погрязло во мраке и, кажется, потекла уже душа маленького княжича к реке Смородине.

— Что? — переспросил Леден.

Она встала резко и тут же попала в оковы рук его, что схватили за плечи. Елица и хотела бы вытряхнуть из души тот сор безысходности, которым она наполнилась — как из мешка старого пыль — а не могла. И слёзы застыли в глазах жгучие — не разреветься бы. Леден встряхнул её легонько, призывая посмотреть на него.

— Я не смогу. Не смогу дотянуться.

— Если ты не сможешь, то некому больше, — укорил её княжич за слабость невольную и сомнение.

Она всё ж посмотрела на него. Скользнула по губам Ледена едва заметная улыбка — дух её поднять хоть немного. А ладони его легонько потёрли плечи — вверх и вниз. Елица прищурилась, всматриваясь пуще, и вдруг едва не вздрогнула от догадки смелой, но пока что неверной. Она обхватила его лицо так резко и неожиданно, что княжич едва назад не прыгнул. Но замер в ожидании, слегка, кажется, побледнев. Елица погладила его колючие щёки большими пальцами, улыбаясь невесть чему. И почувствовала внутри него знакомый уже холод, которого исподволь стала опасаться немного меньше с той ночи в пещере, хоть и понимала, что вреда он может причинить много, если в недобрый миг с ним столкнуться.

— Еля, — хрипло сказал Леден, видно, не понимая её совсем, но не отстраняясь. — Скажи хоть что-нибудь, иначе...

— Ты можешь ему помочь.

Княжич нахмурился и всё же отступил, выскальзывая из её рук, оставив на ладонях будто изморозь тающую. Елица шагнула за ним. Как бы объяснить теперь смутные свои ощущения, как бы указать дорогу верную, по которой ему пройти нужно, чтобы помочь Радану. Да и захочет ли?

— Ты шутишь, — покачал головой Леден. — Я никому не могу помочь. Особенно к жизни вернуться. Не для того меня Морана в Явь возвращала.

— А для чего?

— Чтобы больше жизней в её мир отправил.

— Так то любой воин может. А ты — особенный. Ты в Навь ходить можешь, и в Яви живёшь. Между мирами находишься постоянно, а не замечаешь того, потому что привык.

Леден, похоже, бежать из горницы передумал: прислушался да призадумался крепко. Не всякий раз легко можно осознать то, что изо дня в день сопровождает, словно дыхание собственное. Кабы каждый задумывался над тем, как оно — ходить — так и спотыкаться бы стал на каждом шагу.

— Особенный, — хмыкнул он наконец. — Так если на по грани хожу, чем выручить могу мальчишку?

— Укажи ему верный путь — назад.

Елица подошла снова и осторожно взяла его ладони, пытаясь хоть немного почувствовать в нём этот надрыв, его незаживающую рану, что осталась с самой юности. Призвала на помощь Макошь и силу её всетворящую, силу Матери Земли. Первый раз она хотела понять другую его сторону, стараясь отринуть страх перед ней. И, кажется, начала вдруг проваливаться будто бы в песок мокрый, погружаться медленно всем телом.

— Ты только подскажи мне. Подскажи, Еля, — Леден склонил голову, всматриваясь в глаза её неподвижно — словно тонул. — А я...

Он положил осторожно ладони ей на талию и к себе чуть привлёк, на полшажочка. Сердце дрогнуло, обдавая всё тело душным трепетом. Елица провела по скулам княжича вверх, расчесала пальцами волосы на висках. И он обволок её сильнее — собой как будто, силой своей внутренней, дарованной Мораной. Так, верно, умирают во сне. Затихает всё внутри, угасает, а разум в этот миг качает на волнах

сновидения: спокойного ли, страшного — не важно — может, и того, и другого вместе. Как сейчас хорошо было смотреть в глаза Ледена, чувствуя тяжесть его рук, чувствуя, как поглаживает он мягко поверх ткани, и в то же время не по себе становилось смутно.

Качнулась ткань платка и подол лёгкий — рубахи, как открылась дверь в хоромину. Леден отпустил Елицу, а она — его — и вдохнула наконец. Обжѣг сухой душный воздух гортань и глаза будто песком присыпало. Кололо легонько кончики пальцев, точно держала она в них только что вынутую из подклета холодную крынку молока. Она обернулась медленно, словно перестала телом своим владеть и заново к нему теперь привыкала.

Чаян стоял у двери, дыша тяжело, будто бежал-торопился сюда от самого озера. Окинул взглядом брата поначалу, а после и Елицу — да кулаки сжал.

Елица уж и приготовилась вразумлять его, гнев унимать от того, что неверно он всё понял увиденное. Да не пришлось.

— Что, совсем плох мальчонка? — покосился княжич на Радана, который и не шевельнулся ни разу за всё это время.

Странно, что Чаян так скоро вслед за Елицей в детинце оказался. Да, похоже, простояли они с Леденом здесь дольше, чем им обоим привиделось.

— Совсем плох. Но надеюсь, что лучше будет, — спокойно ответила Елица.

И сил не было сейчас ни на одно слово лишнее. Она была теперь в этой хоромине, и в то же время как будто осталась частью своей в теле Ледена, словно пленил он её, забрал себе — и сейчас стоял рядом, молчал, и взгляд его был отстранѣнным и мутным.

— Это как же? — Чаян свѣл брови, вопросительно рассматривая братца: верно, заметил, что с ним творится что-то неладное.

— Леден ему поможет. Вызволит с грани между мирами. Выведет с берега Смородины, — словно чужие слова произносила Елица. Словно говорил сейчас за неё кто-то более в этом сведущий. Макошь или Морана то была? — Я живу свою ему отдала. На время. Так легче ему будет за Явь удержаться и Радана вывести.

— Живу отдала? — мгновенно взъярился княжич, уже было успокоившись. Шагнул к ней, да Елица отшатнулась. — С ума сошла? Он сожрѣт всё, не вернѣт потом!

— То я решу, тебя не спрошу, Чаян, — ответила твёрдо. — Ты жизни моей не хозяин. И ничьей! Уразумей уж. А по-другому не могу брата спасти. Только через него.

Чаян вздохнул резко, словно рвались с губ его слова недобрые, злые. Точно кулаком наотмашь ударил он Ледена взглядом, да тот и с места не двинулся, погружённый глубоко в себя — только повернул чуть голову, склонил, приглядываясь к брату. И казалось сейчас, что кинется на него одним прыжком, раздавит, размелет в пыль той мощью, что явственно перетекала в нём. Будто жива Елицы наполнила его такой бурей, которую не удержать.

— Мешаешь только. Сгинь, — бросил он веско. — Без тебя разберёмся.

Чаян и воздух втянул шумно, дрогнула верхняя губа его в недобром оскале, но — удивительно! — он просто развернулся и прочь вышел. Елица, удивлённая тем немало смотрела ему вслед ещё пару мгновений.

— Что делать — рассказывай, — почти шёпотом проговорил Леден прямо над плечом.

Мазнуло его дыхание по виску — а пальцы самыми кончиками коснулись платка её у затылка — и не почувствуешь, может, если ждать не будешь. А она ждала, хоть и не задумывалась о том. Ведь сейчас они словно нитями тонкими да вместе спутанными связаны до самого мига, как разорвать их придётся — и потому Ледена тянуло к ней, будто к части своего собственного тела. И хотелось — стыдно признаться даже самой себе — чтобы так всегда было.

Елица шагнула вперёд — к лавке, где лежал Радан, сглотнула слюну липкую и горькую, будто полыни пожевала.

— Я направлю тебя, а ты должен его увидеть и назад позвать. Тогда и рана начнёт затягиваться.

Она присела на корточки перед постелью княжича и рукой махнула Ледену — рядом садись. Тот повиновался, не сводя с неё взгляда замороженного. И дышал он сейчас так жарко, полной грудью, словно надышаться не мог.

— Что творится со мной, Еля? — всё ж спросил, хоть и не хотел, верно.

— Пройдёт, — она отвернулась, чтобы не видеть его одухотворённого лица.

А то и сама ведь проникнется. Взяла прохладную ладошку Радана в свою, стиснула крепко. Хотя и жар его мучает, а тело уж пустеет, не держит тепла и жизни. Другую руку мальчика она вложила в пальцы Ледена. И вновь облепила со всех сторон словно земля, дождями пропитанная. Влажная, холодная — от неё зябло всё до костей самых. Плеснуло в лицо водой — ни холодной, ни тёплой — никакой. Лишь осталось дыхание Смородины, бегущей нынче где-то рядом, каплями тяжёлыми, дорожками тонкими, что, стекая, тревожили самые мелкие волоски на коже. И вкуса у воды этой тоже не было. Как не было вкуса у смерти. Хотя у каждого она своя.

Мелькнуло светлое пятно незапятнанной ошибками и печальми души, остановилось вдалеке, покачиваясь, словно растворяясь. То принимало оно очертания мальчишеской фигуры, то снова расплывалось — ещё немного, и поздно станет.

“Зови”, — прозвучал в голове голос, свой и чужой как будто.

Елица сжала крепче маленькую ладошку княжича. А её вдруг оказалась похожа на лапку птичью — такая сухонькая, тонкая. Жива внутренняя вдруг вся хлынула в Ледена, который рядом сидел, не отвечая и не уходя. Застлало взор фигурой высокой и тёмной, что осколок зимних сумерек. Елица отшатнулась от неё, испугавшись — и совсем перестала видеть хоть что-то, словно кувшином тонкостенным упала на камни и разбилась.

Очнулась она словно в колыбели, в которую запихнули её неведомо какой силой и зачем. Тепло было, тесно, но и спокойно так, будто оказалась и правда в далёком прошлом, когда укачивала её матушка, напевая тихую песню. Не понимала она слов, лишь звучал повсюду, наполняя хоромину просторную, голос её — ласковый, самый приятный на свете. Елица не помнила матери до этого — та умерла, когда она ещё совсем мала была и не понимала, верно, ничего — остались только обрывки образов. Запах её, молока и трав, песня, почти неразличимая в вечерней тишине. “Не шали, Отрад, — всплеском строгим. — Спит Еля”.

Она протянула руки, как тянет младенец их к матери, узнавая знакомые черты её лица среди огромного мира — и неожиданно обхватила вдруг шею крепкую и слишком широкую для женщины. Распахнула глаза и уставилась тут же на губы Ледена, которые были

так близко — прямо перед глазами. А она продолжала тянуть его к себе.

— Отдал всё, что взял, — губы шевельнулись. Мелькнули белые зубы. И дыхание привычно прохладное скользнуло по лицу. — Но, если хочешь, ещё больше отдам, Еля.

Она подняла взор: серо-голубые глаза княжича улыбались, тая лёгкую насмешку. Тёплую, что капля мёда, которая тает в прозрачной воде. Елица отдернула руки — и Леден выпрямился, освободившись от неожиданно крепкой её хватки. Вот уж вцепилась — даже совестно.

— Прости, — она потупилась.

Что ещё сказать? Неловко так вышло. Елица села на лавке, на которую её уложил, верно, тоже Леден. И оказалось, что в горнице своей уже — а за окном ночь прозрачная, сиреневая — летняя.

— Не за что извиняться, — он всё же провёл по шее ладонью, чуть потянул её, поглядывая с притворным укором.

— Получилось?

Леден кивнул. Качнулся на его лице свет лучин, делая глубже следы усталости на нём. Елица-то, хоть и в беспамятстве, да отдохнула немного. А он ещё не спал, хоть час совсем уж поздний. Кашлянула тихо Вея, которая тоже, оказывается, здесь была. И по щекам вовсе румянец горячий растёкся: всё видела. Подумает ещё, что на княжича с ласками кидалась.

Тот встал с пола, где сидел, оказывается, у лавки её. Давно? Или не слишком долго ждать пришлось, как в себя она придёт снова? Одёрнул рубаху, чуть влажную, верно, от пота — да и не удивительно. Каких усилий стоило ему вытянуть Радана от реки, что звала его, увлекала в Нижний мир. Качнулся в воздухе запах его острый, но не сказать, что неприятный — мужской. Стали, ночи душной, грозы, что закипала в чёрных тучах на дальнем окоёме. И кожи, влажной и липкой — Елица чувствовала её под ладонями, когда обнимала его.

— Спасибо, княжна, — Леден шагнул к двери, стараясь не смотреть на неё, сколько бы она ни пыталась поймать его взгляд.

— За что? — она улыбнулась недоуменно, обхватив себя руками за плечи.

— За то, что дала почувствовать себя... наполненным.

Он улыбнулся криво и, кивнув на ходу Вее, вышел из горницы. Наперсница вздохнула, коротко глянув на дверь, а после подошла

только. Села вновь рядом и, обняв Елицу, притянула её к себе.

— Всегда знала, что ты непростая, — заговорила она тихо, покачиваясь назад-вперёд. — Но чтобы так. Верно, Сновида не зря свой хлеб ела, когда учила тебя. Раскрыла силу твою внутреннюю.

— Так отец разве платил ей? — Елица попыталась посмотреть на женщину, но та не позволила — удержала.

— Не платил, да помогал всё ж. Привозили от него и зерно ей, и хлеб, и другое, что нужно. Они давно с Борилой знали. Говорили одно время, что помогла она ему чем-то.

О том Елица и сама знала. Да только чем Сновида помогла отцу — о том ни её, ни его не спрашивала. Мало ли какие дела давние их связывают. А сейчас вдруг таким важным это показалось. Выведать бы у кого, да теперь уж не получится: может, и Сновида умерла уже. Как узнать, через столько-то вёрст?

Елица промолчала, не находя больше слов. Хоть и вернулись силы к ней, что она отдала Ледену, чтобы справился он с той заковыкой, которая перед ними встала, а всё равно в голове словно муть какая билась тугим комком.

И никак не удавалось прогнать из памяти образы размытые, казалось бы, но такие яркие, что стояли они до сих пор перед взором.

Наутро, лишь рассвело, Елица поднялась, преодолевая застоялую немочь во всем теле. Будто болела долго, в лихорадке лежала, а теперь вот отпустил наконец жар, но каждая мышца ещё хранит отголоски пережитых мучений. Она собралась и провела Радима. Мальчик был ещё слаб, но хотя бы в себя пришёл — и оттого радостно становилось, что не пришлось силы зря тратить. Пусть радость эта и оказалась подёрнутой мутной пеленой горечи. Зимава-то, верно, сына своего теперь мёртвым считает.

А на обратном пути до своей горницы Елица повстречала челядинку, которая разыскивали её по велению Чаяна.

— Княжич передать просил, — запыхавшись, выпалила та, — что завтра в путь нужно отправляться. Потому сказал, чтобы собиралась ты, княжна. Раз брат твой теперь на поправку пойдёт.

Уж кто бы сомневаться мог, что Чаян пожелает как можно скорее из детинца уехать, как только всё, что ещё задерживало их здесь, закончилось. Елица отпустила челядинку и вернулась к себе,

собираясь нынче отдохнуть, заглушив голос совести: всё ж не слишком сейчас хорошо ей, а путь впереди неведомо какой длинный.

ГЛАВА 5

Вышемила ждала возвращения сестры, точно наказания какого. Уж лучше бы ей побыть побольше с Раданом, а там и подобрела бы, может. Угроза е, что придётся в Логост возвращаться, так и засела в нутре, пугая каждый день, вспыхивая в мыслях внезапно и в любой миг: за рукоделием или работой, перед сном и сразу после пробуждения. Словно в холодную воду окунало понимание: с Леденом свидеться она и не успеет больше, до того, как уехать придётся. А там, может, и забудет он о ней, коли с глаз исчезнуть, или решит, что больше ей и не нужен? Как хотела бы Вышемила совета у кого спросить, да с Зимавой о княжиче остёрском, что так крепко в душу запал, она говорить не решилась бы. У Елицы своих забот столько, что и вздохнуть ей, бедняжке, некогда. А Тана, как скажешь ей что, так сразу родителям передаст при первой же оказии.

И может, в том не виделось ничего страшного: надеялась Вышемила, что Леден всё ж не бросит её после всего, что случилось. Только уверенности в том, конечно, не было. Да ещё и отец не всякого жениха примет: сам решать станет, кто достоин. Правда, знать не знает пока, что с ней в Велеборске случилось.

И потому хотелось отложить отъезд хоть ненадолго, а там — вдруг судьба благоволит? — и Леден сюда вернётся. А может, и за ней всё ж?

А пока она оставалась в Велеборске, к которому привыкла уже за луну последнюю, как к дому родному. Верно, потому что было здесь то, к чему душа рвалась. Никуда особо выходить она не пыталась: после случая того, как напали на неё в лесу тати, она вообще старалась оставаться там, где много надёжных людей — оттого ей становилось спокойнее. Ведь, хоть и пыталась она показать, что всё хорошо, что забылся тот вечер, отболел, а невольный страх пробирал от одной лишь мысли, чтобы с девушками знакомыми куда-то за городские стены пройтись: к реке, посекретничать, или пособирать листы земляники для душистых отваров. Тана ругала её, конечно, за это добровольное затворничество. Выгоняла каждый день хотя бы в саду

пройтись: там-то, кажется, никто подкараулить не мог — и сопровождала постоянно везде.

Вот сегодня, чтобы отвлечь подопечную от нерадостных мыслей о возвращении в Логост, Тана позвала её по торгу пройтись: прибыло последний раз много купцов разных, которые и с севера на юг добирались через Велеборск, и в обратную сторону — никто не забывал в городе остановиться, чтобы и здесь поторговать. Как такую выгоду упустить? Принимал порой каждый день Доброга тех, кто желал благосклонность свою и признательность за то, что в Велеборске торговать разрешили, выразить. До отъезда принимала их Зимава, а теперь вот, кроме старшего боярина, и некому было. Совсем все в невзгодах своих и заботах погрязли. Но стража городская, что у ворот все обозы встречала, работала справно под надзором выученных десятников — а потому порядок в посаде оставался нерушимым.

Дажьбожье око сияло нынче жарко, едва прикрытое зыбкой, влажной пеленой облаков, предвещающих скорый дождь. Стояла духота в воздухе такая, что казалось, будто даже волосы от неё постепенно намокают, а одежда тяжелеет, оттягивая плечи. Похоже, и сама Тана пожалела о том, что пришлось выбраться из детинца.

Они с Вышемилой прошли по усыпанной ореховой шелухой улице почти до стены городской, а там уж на торг вывернули. И тут же охватила ко всему прочему их суeta здешняя — со всех сторон. И запахи: печива да пыли, стали, нагретой под Оком, и пота. То и дело слышались разговоры непонятные, хоть и знакомые. И с берегов южного моря заезжали сюда торговцы: оружие своё предложить, не столько в бою местным воинам привычное, сколько диковинное и украшенное дивно. Хоть и дорогим было оно, да охочие до него всегда находились: за них порой и золота-серебра отсыпали столько, сколько сам клинок весит вместе с ножнами. И ткани хитровытканые да окрашенные травами теми, что в здешних краях не растут, мелькали яркими пятнами то тут, то там. За ними-то и охотились порой девицы, у кого кошель не пуст, кто мог позволить себе купить отрез: на рубаху праздничную — вышить да подол с рукавами и воротом после украсить. А то и на очелье в приданое. Боярыни с дочками присматривались к перстням с диковинными самоцветами в них, что сияли и переливались в лучах светила так, что аж слепило глаза. Но всё ж чаще ставили на Велеборском торге прилавки купцы, что на том

же языке разговаривали. Лишь поговору да одежде можно было понять, с какой стороны прибыл.

Остановилась Вышемила у одного такого прилавка с обручьями широкими: бронзовыми да серебряными — женскими и мужскими, на солидную руку. В таких и княжичу не зазорно появиться. И смотреть бы на более тонкие — для девичьей руки предназначенные — а взгляд всё к ним возвращался. И мысль в голове расцветала всё яснее: Ледену бы подарок сделать. Вышемила потянулась даже за одним: украшенным ладными, выполненными явно искусной рукой узорами — и Тана тут же одёрнула её. Та глянула грозно, пресекая все возражения наставницы.

— Думаешь, вернётся к тебе? — прошипела та тихо, поглядывая на торговца, который наблюдал пока за ними молча. — А ты тут из кожи вон лезть станешь, стараться для него?

— А вот и стану! — огрызнулась Вышемила.

— На такую тонкую ручку надобно обручье поменьше, — заговорил вдруг молодой мужчина, что подошёл к ним сбоку и пока, кажется, сам лишь приглядывался к товарам.

Вышемила повернулась к нему гневно: и он туда же! Незнакомец улыбнулся сдержанно, отчего его дивного медового цвета глаза чуть сощурились, пустив от уголков в стороны тонкие лучики добрых морщинок. Молод он оказался, сам, видно, не так давно женихом стал зваться. Но добротная, из заморской же ткани зелёная рубаха с щедрой вышивкой, обувь справная: не лычаки, не поршни, а сапоги крепкие — чтобы в дороге не износились быстро — выдавали в нём человека не такого уж и простого. А вот загар на лице гладком, почти юношеском, говорил, что под светом Ока ему приходилось бывать много. Стало быть, и сам купец или сын купеческий, что с отцом в путь отправился этой весной?

Окинул он ответным приветливым взглядом, отчего злиться на него совсем расхотелось — и взял с прилавка тонкое витое обручье, словно предложить его взамен выбранного собирался.

— А если подарок я выбираю? — прищурилась Вышемила, всё же ещё сердчая на него за то, что в разговор с наперсницей вмешался.

— Отцу или брату? — обезоруживающе улыбнулся мужчина.

И как будто знал всё, а нарочно так говорил: поддеть пытался.

— Жениху, — твёрдо бросила она.

Тана только вздохнула и очи горе возвела. Не считала она, конечно, что Леден женихом подопечной приходился — вот и злилась. А незнакомец взглядом внимательным за ней проследил, отчего на щеках сразу жаром вспыхнул румянец, словно во лжи только что уличили. Вышемила даже ладонь приложила невольно — и захотелось тут же уйти. Лучше уж в другом месте посмотреть украшение: верно, не только здесь продаются. Но обручье было до того красивое, что отойти прочь оказалось совершенно невозможным.

— А хочешь, подарю? — мужчина наклонился к ней ближе, и его хитроватое лицо теперь можно было рассмотреть лучше.

Короткая рыжеватая бородка обрамляла твёрдо высеченный подбородок и слека скрывала резкие скулы. Необычно тонкий нос выдавал в нём уроженца северных земель, что лежали ещё дальше и чуть западнее Зуличского княжества. Там много торговали с варягами на островах, да и кровь их, кажется, примешивалась к крови местных чаще, чем вдалеке оттуда.

— Вот просто так и подаришь? — покачала головой Вышемила, одёрнув себя наконец: уж больно рассматривает его пытливо. Как бы не возомнил чего.

— Нет, конечно, — усмехнулся тот. — Только если имя своё назовёшь.

Торговец, что наблюдал за всем уже с явным интересом, прислонившись плечом к опоре прилавка, только хмыкнул громко и руки на груди сложил. Даже Тана притихла, почти что дыхание затаила, не пытаясь вмешаться. И по лицу её блуждало странное выражение: будто ждала чего-то.

— Вот прямо это обручье и подаришь? — Вышемила указала на выбранное. — То, которое я жениху своему приглядела? И надо тебе тратиться на незнакомого человека?

— Очень уж имя твоё узнать хочу, — мужчина улыбнулся шире. — Да и человек тот, видно, хороший, раз такая красавица подарок ему выбирает и перед наставницей своей его отстаивает.

Она призадумалась крепко. Не всякому, конечно, хочется имя своё называть — для того хоть толика доверия в душе должна быть. Но разгорелось в груди чувство такое, когда на любую шалость или смелость пойти хочется. Аж распирает. Да и ничего дурного, кажется, незнакомец не таил.

— Вышемилой меня кличут, — ответила она, решившись.

И ладонь раскрытую протянула нарочито требовательно, улыбаясь мужчине в ответ. Пусть уж за слова свои, неосторожно сказанные, отвечает.

— А меня как зовут, узнать не хочешь? — тот опустил взгляд на её руку и поднял вновь.

— Такого уговора у нас не было. Зачем мне твоё имя? — она пожала плечами.

— Тоже верно, — он покачал головой, а после повернулся к торговцу. — Дарко, заверни девушке то обручье, которое она выбрала.

Торговец цыкнул, поглядывая на него с притворным укором, но полез под прилавок и достал небольшой холщовый мешочек, в который и опустил украшение — да тесьму затянул.

— Перед батюшкой как за обручье будешь оправдываться? — хмыкнул, не сдержав всё ж улыбки.

— Разберусь, — тот махнул рукой беспечно и принял от него мешочек, после чего только протянул его Вышемиле.

Стало быть, не ошиблась, сын купеческий. То-то он так смело решил подарок сделать всего-то за имя одно. Она с сомнением посмотрела в его тёплые глаза, а после невольно — на Тану, которая губы кривила, надо сказать, не слишком-то довольна. Кабы за косу не отдёргала после.

— Хороший ты человек, наверное, — проговорила уверенно. — Да всё ж негоже, чтобы так. Сколько просишь за него?

— Подарок это, — настоял на своём купчик. — Денег за него не приму и Дарко по рукам надаю, если возьмёт.

И таким голос его стал серьёзным, что и совестно теперь отказываться: сама в игру эту ввязалась. Вышемила вздохнула глубоко и мешочек с тяжёлым обручем в нём приняла.

— Так как тебя зовут? — взглянула чуть исподлобья — ведь правда, интересно стало.

— Зареславом зовут, — он ещё чуть помедлил, прежде чем отпустить подарок из пальцев. — Надеюсь, как будешь ты видеть это обручье на запястьи своего жениха, так и обо мне иногда ненароком вспомнишь.

Снова жар по шее вверх бросился: и верное ведь. Невольно станет оно напоминать о случае этом коротком и необычном. Да только что ж

плохого в том? В сердце её всё равно Леден один, Ледок её. А этот улыбчивый купчич забудется со временем. Как бы ласково сейчас ни улыбался, как бы лукаво ни посматривал, радуясь, что удалась его проказа.

— Всего тебе доброго, — торопливо бросила она, отворачиваясь.

Как бы сбежать теперь поскорей. И упёрся тут же в спину взгляд мужчины любопытный. А встретил укоряющий — Таны. И обручье это сразу потяжелело в ладони. Ох, не надо было соглашаться на вздор такой! Не иначе, околдовал её купчич окаянный, заморозил взглядом своим. Да теперь уж на попятный и вовсе идти глупо. Вышемила крепче сжала мешочек и пошла прочь, махнув рукой Тане, чтобы не отставала.

— Ох и наторгуешь, коли обручья станешь всякой девице пригожей дарить, — не слишком громко, да всё ж так, что расслышать удалось, упрекнул Дарко Зареслава.

А тот лишь хмыкнул в ответ.

— Не всякой... — бросил.

До самого детинца Вышемила встречу эту в мыслях, словно камешек гладкий, перекаtywала. И странно от неё становилось, и злость жгучая на себя саму разбирала. Вот уж приготовила Ледену подарок, другим мужчиной подаренный — хоть выбрасывай теперь. Да жалко красоту такую!

Но только вошли с Таной в ворота распахнутые — сразу всё пустое позабылось: пахло ещё пылью, поднятой копытами, ещё не все кмети разошлись со двора, спешившись. Вернулась Зимава. В груди так всё и обдало полынной горечью: не успела Ледена дождаться.

Но и это разочарование вдруг отступило, как увидела Вышемила сестру, которой Эрвар помогал с повозки спуститься: и она это была, и кто-то другой будто. Словно не живой человек наземь сходил, а утопленница омертвевшая давно, бледная почти до синевы. И двигалась она медленно, нарочито плавно, словно боялась что-то внутри расплескать. Или разбиться на мелкие черепки от неосторожного взмаха руки да шага резкого. Варяг заглядывал тревожно и виновато в её лицо. Что-то спрашивал тихо. Да она как будто и не слышала его.

Вышемила быстрее пошла — встретить её, спросить, что такое случилось. Неужто обманул Чаян, не позволил с сыном встретиться, а

то и что худое ему причинил? Старший Светоярыч всегда казался мужем хоть и приветливым, но и жестоким тоже, твёрдым, что берёза северная. От него многих бед ожидать можно, хоть и мягко стелет он порой. Но стоило только подойти к сестре, как взмахнул рукой Эрвар, останавливая молча — и Вышемила как к месту приросла. Зимава повернулась так, будто шею ей продуло, глянула отрешённо и дальше в терем пошла.

Осталось лишь взглядом её проводить. Да как узнать, что стряслось, если варяг и слова сказать ей не даёт?

Вышемила вместе с Таной в горницу вернулись. Она спрятала обручье в ларец и на полку убрала. Наперсница тоже казалась озадаченной нерадостным настроением Зимава, да узнать о том, что в такую печаль её повергло, оказалось не у кого. Кмети, что сопровождали её, молчали, сколько ни допытывайся, а потому даже бабы вездесущие только догадками и маялись. Так и обедня наступила скоро, но сестра к ней не вышла. Попыталась было Вышемила отыскать Эрвара, да тот, оказывается, всё у Зимава был: его одного она видеть желала теперь. Даже челядинкам не удавалось в горницу к ней попасть. И что уж о них говорить: и Оляна в стороне отсиживалась да скрывала всё, как и остальные.

Муторно становилось на душе чем дальше, тем сильнее. Но всё же день не прошёл ещё, как подруга сестрина к себе Вышемилу позвала, в хоромину свою небольшую и чисто убранную всегда — пососедству с княгининой. Как вошла — Оляна махнула рукой на стол, где стоял кувшин, накрытый рушником, да кружки, от которых пар шёл, извиваясь тонкими, словно волоски, змеями и пропадая. По запаху понять можно было: отвар травяной с мятой. Чтобы спалось лучше. Стало быть, вести недобрые и правда, раз о спокойствии боярышни Оляна озаботилась. Вместе они сели на скамью. Женщина помолчала ещё немного, крутя свою кружку и глядя куда-то в недра её.

— Ты к Зимаве лучше не ходи пока, — заговорила тихо. — Не знаю я, что с ней дальше будет. Горе большое. Радана убили...

Вышемила так и поперхнулась отпитым отваром, словно кипяток проглотила, хоть и был он только чуть горячим.

— Остёрцы убили? Обманул Чаян?

Да, признаться, удивляться тому не приходится. Зимава, говорили, много дел натворила из-за тяги своей к княжичу. И Елице вредила,

судачили, хоть сама княгиня в том не признавалась, конечно. И Ледена, может, извести пыталась — для чего Эрвар варягов созвал тайно, чтобы напали на него — но в то верить совсем уж не хотелось. Вышемила ни в чем её винить не могла, потому как не знала точно, хоть и вовсе не удивилась бы, найдись вдруг подтверждение всем людским толкам.

— Может, остёрцы. Может, и свои... — пожала плечами Оляна и тоже отпила из кружки своей, морщась, словно гадость какая-то там была. — Схватка случилась. Княжича хотела она отбить и в Велеборск вернуть. А там... Кто его знает, что делать собиралась. Она как узнала, что Чаян-то к Елице ластится, так сама не своя стала. Я говорила ей: вздор придумала вместе с Эрваром своим. Так вот...

Женщина вздохнула, махнув рукой сокрушённо.

— И что же? Тело ей не отдали, получается? — Вышемила сложила руки на коленях, не зная даже, куда их деть.

Хотелось ёрзать на месте, словно тревога вспыхнувшая во всё тело разом иголками впивалась. И сердце колотилось так глухо, тяжело: жалко было Радана жуть как. И в голове мысль о смерти его не укладывалась — всё ворочалась, будто жернов мельничный пустой.

— Не отдали, — Оляна глянула в окно, что впускало в горницу тихие звуки со двора.

Там почти никого и не появлялась сегодня, хоть и пытались дружинники да челядь вести себя, как обычно. Да и они чувствовали недоброе, а потому показывались на глаза гораздо реже, словно вспугнуть боялись ещё большее лихо.

— Так что ты Зимавин порог не обивай пока. Она не в себе теперь дюже, — продолжила женщина. — Как весть эту Эрвар принёс, она и слова больше никому не сказала. И мне даже. Так вот и ходит только рядом с ним. С ним, может, и говорит о чём-то. Взгляд у неё сейчас... страшный.

Смотрела Зимава и правда теперь совсем уж безумно. И спокойно, кажется, и в то же время понятно становилось, что в душе её сейчас пустота неизбывная. Не знала, конечно, Вышемила, что значит сына терять. Но и представить могла, какая боль терзает сестру.

Придёт ли в себя теперь?

— И что мне делать? — она снова взглянула на Оляну, своим вопросом заставив ту вздрогнуть. — Зимава велела мне домой

возвращаться, как только приедет она вновь в Велеборск. А сейчас... Как оставить её?

— Стало быть, возвращайся, раз велела, — в голосе женщины прорезалась знакомая твёрдость, которой она, верно, набралась от Зимавы. — Ждать тут нечего. Не нуждается она в тебе. Иначе позвала бы. А как, может, разрешится что, так и пришлю тебе весточку в Логост.

— Что ж я родителям скажу? — забилась в груди тупая, словно обух топора, паника.

Ведь отец, как узнает, что стряслось с дочерьми обеими — неведомо что с ним самим станет. А уж что о матушке говорить, хоть та порой и проявляла стойкость поболее него. Что у Зимавы, что у Вышемилы, жизни под откос пошли, и только теперь гадать остаётся, чья быстрее с самую пучину скатится. Если Леден не приедет в Логост свататься, то выйдет всё совсем нерадостно. Одна на него надежда.

— Скажешь, как есть, — Оляна отставила наконец кружку с совсем уж остывшим отваром и встала. Прошлась по хорошине тесноватой, размышляя о чём-то. — Может, и Зимаве лучше будет домой вернуться, как возвратится сюда Елица. Не будет им жизни бок о бок спокойной. Думается мне, во много она княженку винить будет.

Больше и добавить к тому было нечего. Вышемила посидела ещё немного, а там к себе вернулась, под присмотр Таны. И надеялась всё же, что сестра пожелает с ней увидеться, но в горнице её как будто и вовсе никого не было — такая тишина стояла.

Пришлось на следующий день и сборы в дорогу начать. Отправили гонцом в Логост кметя из тех, что на пути в Велеборск сопровождали, чтобы родичей предупредил. Время им, видно, понадобится, чтобы к вестям худым подготовиться. Свыкнуться с тем, что жизнь младшей дочери в столице не сложилась пока.

На другое утро уж и выезжать всё было готово. Свежий ветер, чуть сырой после ночного дождя, пригибал к земле чахлую траву, что островками росла во дворе, почти напрочь вытоптанная. Ещё моросило тихо, но небо на западе уже очищались помалу, рисуя над окоёмом, изрезанным башнями городской стены, прозрачно-голубую полосу. Стояла во дворе повозка, толклись воины из отцовской дружины, обсуждая тихонько грядущую дорогу назад. Наблюдала за всем с крыльца Оляна, словно хотела хоть как-то заменить собой

сестру, которая так и не попалась ни разу на глаза, ни слова не передала хотя бы через Эрвара своего. Вышемила всё поглядывала на терем, пока садилась в телегу, с ожиданием и упрёком, наверное. Уж как можно было подумать, что настолько окажется она не нужна Зимаве. Будто была Радану чужой. Хоть и любила с ним гулять да играть, когда в гости приезжала или когда сестрич её маленький наведывался в Логост с нянькой — увидеть бабушку да дедушку.

Так и выехала Вышемила из ворот, покачиваясь на мягко устланном сидении повозки — лицом к терему, к детинцу, который всё отдалялся, словно таял в перестуке колёс по мостовой. А после — и к Велеборску самому. Только череп тура, всё такой же грозный и безразличный ко всем, кто приезжал в город и покидал его, смотрел протяжно вослед. И стояли ещё долго перед взором его глазницы чёрные, как пропал он из виду. Осталась за толстыми стенами Зимавы, такая далёкая теперь не потому что разделяли их длинные вёрсты, а потому что, как приехала Вышемила в дом её, так и ни разу тепла сестринского не ощутила, что исходило бы от неё. И не могла теперь понять, когда случиться могло, чтобы так их жизнь разделила — словно по разным берегам широкой холодной реки кинула.

Одно грело сейчас: обручье в ларце, что уложен был в сундук. Предназначалось оно для того, кого полумертвяком звали за стужу, которую он в сердце нёс. Но который оказался с Вышемилой гораздо приветливей и ласковей многих. И взгляд сам собой скользил то и дело по всадникам, что ехали рядом с повозкой, словно увидеть пытался в лицах их черты остёрского княжича — хотя бы отдалённо.

Потянулись недвижимым частоколом леса, то истончаясь, становясь прозрачнее, то уплотняясь, словно колосья в снопе так, что и проехать, кажется, через чашу эту никак нельзя, если и захотелось бы. Иногда распахивали они будто врата широкие — и открывался простор ветренный то с одной стороны дороги, то с другой: нивы зеленеющие, залитые светом Ока, отчего казались они полотнищами, окрашенными пижмой. И плыли над ними облака, то крутобокие, пухлые, перекатываясь, толкаясь и пряча за собой светило — да не надолго. То, словно вытянутые из Макошиной кудели пряди, почти не заметные, тающие. Только и оставалось порой в дороге, что в небо смотреть, к счастью, нынче благосклонное, будто сам Сварог решил Вышемилу до отчего дома проводить и детей своих усмирить, чтобы не случилось

никакой в пути заминки. И незаметно так случилось, что показались уж впереди стены Логоста, тесные да невысокие — это после Велеборских-то! И даже сердце защемило: и от радости, что отца с матерью увидеть вскоре доведётся, и печалью смутной. Покидала она дом с такими чаяниями светлыми, что хоть со всеми вокруг делись. Но померкли они все за время жизни в Велеборске и теперь только тени от них, точно сажи разводы, остались.

Логост жил, как и всегда, как помнила Вышемила с детства самого. Казалось, что и здесь должно измениться что-то, как поменялось в душе её, но нет: никто о тревогах её не знал, а стенам бревенчатым, на долгие зимы построенным, всё равно. Они вмещали в себя переживания всех людей, кто жил под их защитой.

Во дворе детинца, почти игрушечном теперь на взгляд Вышемилы, пока никто не встречал. Но сразу прыснули, словно кузнечики из-под ног, отроки к терему, как увидали вернувшуюся боярышню.

И не успела ещё Вышемила в дом подняться по всходу, как вышла навстречу мать. И ничего они друг другу не сказали: только обнялись. И лишь от этого уже стало понятно, что Ранрид обо многом догадывается. Вряд ли добрый случай вернул бы дочь домой, когда было наказано ей рядом с сестрой оставаться.

Накрыли скоро обедню, но оказалось, что отец на ней так и не появился. Увели его вновь дела важные прочь из Логоста, и должен был он появиться со дня на день. Жалко было: хотелось его увидеть, человека самого близкого и теплого — с детства самого. Жалиться ему, конечно, Вышемила не стала бы о доле своей, да и просто встретить участливый взгляд Чтибора было бы теперь хорошо.

Обо всём матушке она в тот же день рассказала, сидя в её горнице, наполненной родным, знакомым запахом лучин и отвара кожевеного: как та любила. Ранрид опечалилась крепко: это Вышемила умела замечать даже по её невозмутимому чаще всего лицу. Другой бы сказал, что не тронули дурные вести души боярыни, но дочь знала наверняка, как сильно её сейчас кольнуло болью и тревогой за Зимаву. О себе Вышемила пока ничего говорить не стала. То ли совестно было самой за себя, то ли просто неловко омрачать мысли матери ещё больше.

Дня не прошло, вернулся и отец да собрал всех домочадцев в трапезной: привёз с торго и вина кувшин: дорогого, но на диво вкусного — словно само в горло льётся. Не знал, что вести его здесь ждут вовсе нерадостные. Матушка сразу обо всём ему поведала: ещё Вышемила с ним свидеться не успела. Больно рано возвернулся: лишь светило взошло. Какой отклик горе Зимавы в его душе нашло — ведь внука он, вестимо, очень любил — никто не узнал в доме. Словно боярин скрыть всё это хотел. Да всё за обедней и выяснилось.

Мрачнее он оказался самой глухой чащи. Встретил Вышемилу взглядом тяжёлым и разочарованным. Сухо поздоровался, словно первый раз в жизни был не рад её видеть. Она, робко поглядывая на мать — отца приходилось видеть таким совсем нечасто — села напротив него и тут же взор опустила.

— Видно, братья остёрские, принесли с собой недолю большую на эти земли. И людей, что с ними столкнулись, ею наделили, — заговорил Чтибор после долгого и тягучего молчания. — Вот и Зимава...

Он взглянул на Вышемилу исподлобья, будто и она к тому оказалась причастна.

— Зря ты на них... — попыталась было она заступиться, но мать глянула на неё так, что все слова тут же застряли в горле.

— А ты помалкивай лучше, — добавил Чтибор. — Думаешь, нравится здесь кому-то, что Светоярычи эти в княжестве хозяйничают? Что они Зимаву и Елицу страшат? Да пока вынуждены мы молчать. Косляки нас треплют, да и остёрское войско ещё не делось никуда. Но только не надо защищать их. Коль я считаю, что они горе за собой несут, то ты уж никак этого не изменишь.

— Они не такие уж плохие. Я знаю, — упрямо возразила Вышемила. — Я две луны рядом с ними прожила. А Зимава... Она...

— Вот пожила, и хватит, — перебил отец. — Лучше бы и не отправлял тебя туда. Мне уж Тана обо всём рассказала, что приключилось с тобой, — Вышемила только и открыла рот да закрыла вновь. Чтибор зубы стиснул, не сводя с неё пытливого взгляда. — Что скажешь на это? А я ведь не просто так уезжал. Жениха тебе сыскал хорошего. Да только как прикажешь теперь перед ним оправдываться за то, что невинной ты должна быть, а оказалось...

— Как будто я в том виновата! — вспылила наконец она, вставая, да отец рукой махнул резко, приказывая снова сесть — и пришлось повиноваться.

— Ты виновата, а кто ж? — сказал он уже спокойнее. — Что с княжичем спуталась. Оттого и беды.

Вышемила только прикусила губу, чтобы тут же не расплакаться. С сочувствием смотрела на неё матушка, но молчала пока, не вмешивалась, а отец, кажется, готов был в пыль её размолоть за то, что не по её вине-то и случилось.

— Он приедет за мной, — сказала тихо. — Я уверена.

— Вот, коли приедет, там и думать будем. Если не опоздает, — хмыкнул Чтибор. — А пока ты к мысли привыкай о том, что замуж скоро выйдешь. Не позже, чем по осени. Объявится твой княжич или нет, а я попытаюсь Белояра уговорить, чтобы женщиной они тебя взяли в свой род. А жених — Любор скоро и со сватовством приедет. Ты же знаешь его.

Конечно, она знала Любора, сына боярина Истопского — Белояра. Виделись они и в детстве частенько, а после и по юности, случалось. Да только разве она подумать могла, что однажды тот мужем ей стать вознамерится. Отец с договорами такими не слишком-то торопился, всё приглядывался к тем, кто женихом мог стать для дочери молодой, обручать её раньше времени не хотел. А тут на тебе — за несколько дней всё решил, словно поскорее дело это завершить придумал. Не иначе о том, что с Вышемилой в Велеборске случилось, узнал он раньше её возвращения. Да только разве признается, разве выдаст теперь того, кто всё ему рассказал?

— Думается, меня ты и спрашивать не станешь, хочу ли я, и кому моё сердце отдано? — Вышемила отодвинула от себя миску, где уж остыли свиные почки с горохом и сметаной приготовленные, и снова взор на мать обратила, ожидая хотя бы её понимания.

— Хватит перечить. Коли отец так сказал, так и будет, — приговорила та да не то, что хотелось. — А против рода своего пойдёшь, тебе только хуже станет. Ни люди, ни Боги тебя не поддержат. Встречала я твоего Ледена. Красивый он и сильный воин. Да только... лучше тебе за Любора пойти.

Вышемила больше ничего слушать и не стала. Не успокоил её ровный и спокойный, что неспешный вечерний ветер, голос матери. И

строгий взгляд отца не вызывал в душе робости. Наоборот — ещё сильнее наперекор им пойти хотелось. Она встала и, не слушая резких откликов в спину, вышла из трапезной и к себе направилась.

Там она и просидела почти до вечера самого, размышляя, что же дальше ей делать, да как не выйти замуж за того, кто ей вовек не сдался, хоть парнем был и неплохим. Да пока ничего не придумывалось толкового.

От лютой головной боли её спасла только челядинка, что прибежала из небольшой веси Быстрянки, лежащей подле Логоста — почти у стен его. Пришла она из дома старосты Дубовы, с дочкой которого Даринкой она водила давнюю дружбу. Холопка и передала просьбу прийти нынче в беседу к девушкам, повидаться с подругами, надолго оставленными. И, не сказав о том ни Тане, от которой улизнуть удалось, нарочно не предупредив ни отца, ни мать, Вышемила отправилась прочь из детинца, который стенами своими будто раздавить её норовил.

Девушки оказались рады видеть её. Долго они просидели, неспешно вытягивая из куделей нитки. И разговоры всё нынче текли в беседе незамысловатые, но тёплые, от которых словно всё тело отдыхало.

Ночевать Вышемила осталась у Даринки. Солгать пришлось матушке её и отцу, что Чтибор и Ранрид о том знают. Укрылись они в закутке девичьем, лежали обнявшись и говорили ещё долго, пока сон не сморил. Да только о Ледене слова всё как-то и не пришли: не хотелось ни перед кем, даже перед подругой давней, о княжиче остёрском говорить, словно любой мог разрушить неосторожно чаяния о нём.

Но ещё не отступила мутная туманная ночь, не пролились первые лучи светила в окно, как раздался снаружи страшный шум. Проснувшись, Вышемила не сразу поняла, что это. Только через мгновение, сев на лавке и прислушавшись, различила людской гомон. И вдруг полыхнуло вдалеке, словно огонь Перунов, да не холодный, как блик на клинке, а горячий, жаркий — пожар. Загрохотало что-то, послышался посвист лихой и страшный в этой тихой ещё мгновение назад ночи. Словно вздрогнули синие предрассветные сумерки. Вышемила встала, отодвинула волок шире, потревожив еще сонную

Дарину — и бросился в хоромину запах гари; голоса и выкрики стали громче.

Где-то занялся уж пожар — и отсветы его оранжевые дотягивались до середины веси.

Вскочил первым староста Дубова, оделся скоро, а переполошенным женщинам велел в избе оставаться, не покидать её, коли надобности не будет.

— Косляки? — спросила его жена — Лияна — почти обыденно.

Ведь не первый раз нападают, а особенно после этой зимы. К такому, конечно, не привыкнешь, но что-то со временем в душе словно успокаивается, не вызывает уже той страшной паники, которая терзала поначалу и выметала мигом из головы все мысли, кроме одной: “Что делать?”

Староста прихватил оружие, что было у него: меч ещё дедовский да топор увесистый.

— Они, кто ж ещё.

— Может, уйти всё ж надо? — Вышемила принялась одеваться, не сидеть же в сорочке одной, ожидая неведомо чего.

— Много их нынче, похоже. Вон как шумят. Коль подбираться близко станут, уходите в лес. А пока тут безопаснее. Может, остановим ещё, — Дубова последний раз окинул женщин взглядом и вышел.

Но скоро понятно стало, что изба, её толстые стены не защитят. Лияна начала и вещи кое-какие в узелок собирать. Младшая и помогать ей пыталась, да мешала только больше. А Дарина и вовсе в оцепенение страшное впала. Казалось, и с места её теперь никак не сдвинуть. Ор страшный стоял кругом, лязг, громохание, словно гроза надвигалась, и казалось, что даже в избу струится уже запах пыли, поднятой копытами лошадей, и крови.

Вышемила и думала, как поступить лучше. Жалела, что так долго они выжидали, время теряли здесь. И страшно было от того, что до детинца теперь не доберёшься: на улицах суматоха и косляки, которые шарили уже по всем избам подряд. Да делать нечего. Если тут оставаться, то ждёт их верная гибель, а то и полон — тут уж не поймёшь, что хуже.

— Уходим, скроемся в лесу, а там переждём, — уговаривала Вышемила подругу.

Да ту словно ужас сковал страшный, пришлось её едва не силой одевать и за руку тащить прочь из избы. Уже и мать её остальных детей собрала: никто здесь оставаться и ждать косяков не собирался. А отец Дарины, как и все способные сражаться мужи, теперь в самой гуще схватки. Хотелось бы думать, что вернётся.

Скоро все они выбрались во двор, огляделись, прислушиваясь к отдалённому, но неизбежно нарастающему шуму. Повела всех за собой Лияна, поддёргивая за руку младшего сына. Уходили тропой знакомой: бывало, случались такие налёты, что тоже укрываться приходилось. И спокойна она была, словно в лес по грибы или ягоды отправилась. Коли все начнут суетиться и от страха, как Даринка неметь, то ничего толкового, конечно, не выйдет.

Вышемила глянула только в сторону Логоста, который, казалось бы, неприступной громадой, стоял вдалеке — будто скала чёрная на фоне светлеющего перед рассветом неба.

— Ох зря ты вчера в гости к нам наведалась, — покачала головой Лияна, посматривая на неё. — Было бы теперь тебе спокойнее за стенами детинца.

— Было бы, — согласилась та. — Может, можно ещё туда добраться? И вы скрылись бы.

Женщина тоже оглянулась на город, головой покачала.

— Далеко слишком. Может, косяки уже там, у стены собрались. Нынче очень их много.

И Вышемила дальше не стала спорить и уговаривать — споры только могут задержать. Скоро миновали околицу, обойдя самую яростную сечу закоулками и заросшими тропками. Издалека видно стало, что занялись уже в веси пожары — со всех сторон: косяки отовсюду сразу налетели, словно вороны. А пока долетит весть до Логоста, пока подспеют кмети сюда — то и поздно может стать — особенно, если не закрутит их необходимость город защищать, ведь нынче косяки были настроены серьёзнее обычного.

И такая тревога сковала нутро: за отца и матушку, будто они оказались в самой большой опасности, а не Вышемила, которая бежала прочь, чтобы хоть в чаще укрыться. Видела она вдалеке тёмны фигурки и других селян, которые тоже не желали в руки косякам попасть. Все они двигались в сторону полосы леса, кто поодиночке, кто сбившись гурьбой — и все пропадали в глубокой тени деревьев. Да

только не успели ещё и близко подобраться к укрытию, как визги страшные и крики кинулись навстречу — оттуда, где ждало, кажется, спасение. Лияна встала, схватившись за сустугу плаща, не зная, что и делать теперь. Вышемила, продолжая подругу за руку держать, едва в спину её не ткнулась, не успев вовремя остановиться.

Ещё мгновение стояли они, слушая собственное рваное дыхание и тишину, нутужную, звенящую, как снова взметнулись высокие женские голоса в отчаянном ужасе — и из леса выехали всадники, да вышли пешие. Тут даже издаля поймёшь, что не свои. Черноголовые, словно смолой облитые, скуластые. Они гнали коней, будто через широкий овраг прыгать собирались. Лияна развернулась и помчалась прочь.

— Скорее, пока не заметили! Спрячемся там, — она указала на негустой островок деревьев чуть в стороне.

Но они не успели. Медленно поднялось над палом широким, что лежал под ногами, Дажьбожье око. Самым краешком, кажется — но бросило косые лучи по траве, по лядине зелёной от всходов. И осветила фигурки бегущих в ужасе женщин так ярко, что косяки тут же загикали, слегка поворачивая в их сторону. Накрыл плотным пологом глухой топот приближающихся всадников.

Их окружили быстро. Вышемила остановилась, поняв, что не прорваться, хоть лесок спасительный был уже совсем близко — всего в нескольких саженях впереди. Даринка взвизгнула, до боли впиваясь пальцами в её руку. Всадники нависли, разглядывая добычу насмешливо и отрывисто переговариваясь на своём языке. Наверное, так и хорошо — не знать его. Но, судя по лицам, говорили они что-то похабное и присматривались всё, решая что-то. А стоило лишь дёрнуться прочь — в просвет между ними — как они сомкнулись плотнее. И закружили неспешно, заставляя женщин жаться друг к другу. Подоспели и пешие скоро, собрались полукругом, обсуждая между собой новых пленниц — это уж можно было понять по тому, как глядели. Лица их приплюснутые будто, казались жёлтыми в рассветных лучах, а в маленьких глазах почти не отражалось света, и потому казались они тёмными, хоть такими и не были. Первый раз Вышемила видела косяков так близко, а надеялась, что такого не случится никогда.

— С нами пойдёте, — гаркнул один, выходя вперёд. Говор его оказался чистым: знать, часто на чужом наречии обращаться к кому приходилось. — Шевелитесь!

Первой подтолкнули в спину Лияну, распознав в ней старшую, а уж остальные за ней поплелись, озираясь пока и помалкивая. Лучше не злить попусту.

— Что будет теперь? — шепнула Дарина. — Лучше бы дома сидели...

И захныкала тихо, поглядывая с опаской на косяков пеших, поднимая голову на всадников, что со всех сторон теперь охраняли.

— Тут путей у нас немного, — вздохнула Лияна. — Коль не вызволят свои, продать могут. Или себе оставить рабынями. Всё одно хуже не придумаешь.

— Отец нас выручит, как узнает, — постаралась как можно увереннее сказать Вышемила, чтобы женщин приободрить. — Обязательно.

Те посмотрели на неё недоверчиво и уставились перед собой, каждая, видно, размышляя, как бы сбежать. О том и надо думать, да понять вначале придется, куда их отведут и зачем.

И мало как будто случилось беды, да навстречу отряду косяцкому другие всадники со стороны веси выехали. И хотелось бы верить, что свои, только не так это было. Старшой их коня подогнал и первым приблизился к пленницам, которых сводили с разных сторон в одну гурьбу. Вышемила лишь мельком на него глянула — и омертвела вмиг. Рожу эту вовек не забудешь, коли увидела один раз, да ещё и близко так, когда нависал он над ней, взглядом своим волчьим давя и вбиваясь в неё резко.

Мужик обвёл взором довольным женщин и на ней вдруг остановился. Расплылась по его губам улыбка похабная, он спешился и подошёл, приглядываясь, будто подумал, что и обознался. Но чем ближе становился, тем яснее на его лице отражалось узнавание. Он оттолкнул Даринку в сторону и схватил Вышемилу за подбородок. Пахнуло в нос его запахом кисловатым и душным. Она дёрнулась, но тать удержал.

— Эту я заберу, — бросил, оборачиваясь на жожака косяков.

Тот лишь кивнул безразлично и дальше поехал.

ГЛАВА 6

Светило нынче знатно припекало макушку. Только белый льняной повой защищал от его неласковой нынче длани, которая поутру гладила легонько и мягко, а к полудню отяжелела. Елица убрала концы платка с шеи и завязала под затылком. Лёгкий, почти неощутимый ветер тут же тронул влажную кожу, пробрался под ворот легонько — и в голове словно тиски разжались.

— Справный день выбрали, чтобы ехать, — тихо проворчала челядинка, которую оставшаяся в Остёрске Вея отправила с Елицей.

Она подёргала рубаху на груди, гоняя под ней воздух.

— Выбирать уж не приходится, — хмыкнул Чаян, который держался всё время рядом с повозкой, куда женщин и усадили.

Хотела Елица снова верхом ехать, да братья настояли, чтобы не мучила себя уж. И как ни хотелось воспротивиться — неведомо зачем — а пришлось повиноваться. Уж сёдла ей эти надоели, признаться, до оскомины. Но вот сейчас, спокойно сидя в добротной телеге с широкой удобной лавкой у заднего борта её, она всё ёрзала, считая, что двигаются они больно уж медленно. И до Яруницы ещё неведомо сколько вёрст — состариться можно. Когда пролегает дорога по местам незнакомым, то и тянется она — конца и края ей, кажется, не будет вовсе.

Брашко, что на облучке сидел вместе с другом своим — отроком Радаем, откинул со лба пряди влажные от пота. Ему-то сейчас тоже нелегко приходилось. Лучи Дажьбожьего ока жалили, кажется, даже сквозь листву, что прикрывала тропу широкую ненадёжным, трепещущим от каждого обрывка ветра пологом. Чаян тоже то и дело сдувал с чела влажные вихры, а тут и вовсе не выдержал: пошарил в суме седельной, вынул ремешок кожаный плетёный и волосы повязал, чтобы не мешали.

Одному Ледену, похоже, было всё равно, какая погода сопровождает его в пути. Холод ли сырой, пекло ли душное — а на лице его и в жестах ничего не отражалось. Едет себе впереди и едет, хоть на рубахе вдоль спины и проступила тёмная мокрая полоса. Но ни

разу он не вздохнул, не пожалился, когда все вокруг хоть раз да поворчали.

А чем ещё в дороге заниматься: только о погоде говорить да о том, что ждёт впереди, даст ли очередная весь, которым, того и гляди, счёта не будет скоро, хоть какие-то ответы.

И много ещё в Остёрске осталось нерешённого: Чаян велел Зимаве покамест о том, что сын её с того света выкарабкался, весть не отправлять. Пусть помается, мол — заслужила за все свои козни. Хоть и пыталась Елица уговорить его не отвечать ей злом — ведь кто знает, как смерть его мнимая на княгине отразится. Но тот и слушать не стал, сердчая и на неё сильно. Как уезжали они, Радан ещё в постели больше лежал, исхудал сильно — вот Вея и осталась за ним присматривать: хоть один близкий человек — из Велеборска.

То и дело от чуть тряского покачивания повозки нападала дрёма. Тогда закрывались глаза сами собой, и Елица наваливалась слегка на плечо челядинки. Плясали, путаясь в ресницах, блики перед глазами, пересыпаясь, дрожа. Вливался спокойно в грудь воздух неповоротливый, сухой, налитанный, словно тина — водой — пряными запахами разнотравья, что стелилось среди деревьев и по лугам. Ненадолго откинувшись на спинку лавки, Елица всё ж вздрагивала снова от звука голоса кого-то из спутников или выкрика птицы в чаще, и снова садилась прямо, соловьё моргая.

Облегчение наступило лишь вечером, когда скатилось Дажьбожье око за частокол леса, ещё бросая между бронзовыми рябыми стволами сосен, что росли здесь в страшном изобилии, широкие срезни лучей, растеклось по зелёному ковру трав, золотя ещё пуще круглые головки только распустившихся купавок, обращая серебряным кружевом тонкие паутинки, натянутые среди ветвей.

— Эх, не доберёмся сегодня до Яруницы, — вздохнул Чаян после долгого молчания, что редко прерывалось нынче едва не с утра самого.

Боянка губами покривила, конечно, но роптать в очередной раз не стала. Её дело маленькое — княжну сопровождать и помалкивать побольше.

— Тогда и остановимся, может? — Елица оживилась, почувствовав наконец прохладу подступающих сумерек. — Я видела, тут река неподалёку течёт. Можно встать на берегу.

— Я бы умылась, правда, — горячо поддержала её челядинка. — Да и всем не помешает. Ярило нынче шалит уж больно. Измаялись.

Леден обернулся на девицу, а после и на Елицу глянул коротко. После того, как вместе они выручили Радана, княжич как будто отстранился ещё больше, хоть казалось, что приблизиться должен, потеплеть. Да как будто в тот день, когда довелось ему ощутить внутри чужую живую, опустел он ещё сильнее. Порой Елица задумывалась о том и жалела, что не нашла тогда другого пути.

Проехав ещё с полверсты, княжичи, не сговариваясь, но удивительно одновременно, повернули по еле заметной в траве тропке в сторону, туда, где растекался латуною закат меж раскидистых — на полянах — и тонких, вытянутых — в самой гуще леса — сосен. Скоро начал бор редеть, подбираясь ближе к широкой Яруне. Повеяло от воды свежей, дурманящей расплавленную за день голову сыростью. Качался горячий воздух волнами у самого края её, смешиваясь с прохладными потоками. Кружила мошकारа над остриями густой осоки. Квакали где-то в болотистой глуши лягушки. Тихо звенела река, словно трогала подвески на ожерельи Матери Земли.

Телега легко проехала среди широко расставленных сосен. Брашко остановил её, как выкатились на поляну, что полукругом раскинулась на дерновом берегу. Парни поспрыгивали наземь и принялись мерина распрягать. Спешились княжичи, встали, озираясь кругом и оставив своих коней спокойно гулять — далёко не убегут: наученные.

— Хорошее место, — Елица выбралась из повозки и встала рядом с ними, да чуть в стороне. — Но до Яруницы доехать было бы лучше.

— Завтра, — бросил Чаян.

Осмотревшись вдоволь, все решили, что лучше места для становища на ночь они не сыскали бы. Тут явно не раз уж останавливались путники или те, кто добирался в такую глушь из ближних весей: на охоте за зверьём или ягодами сладкими.

Справившись с телегой, отроки взялись расседлывать коней княжичей. Да те тоже бездельничать не стали: отправились собирать сушняк да валежник для костра. Да осмотреться в округе тож не помешает.

Елица прошла вдоль берега от края до края поляны и вернулась к Боянке — помогать вечерю готовить для всех. Но та отмахнулась

только:

— Пойди, княжна, искупайся, что ли. Жарко как было весь день. А я уж после.

Елица и хотела было настоять, да, признаться, больше всего на свете ей хотелось сейчас в прохладную текучую реку окунуться. Потому спорить зря с челядинкой она не стала. Авось ещё успеет вернуться до того, как княжичи веток для костра принесут. Она прихватила рушник и быстрым шагом прошла вдоль густых ивовых зарослей в сторону от становища: не на виду же отроков плескаться и не гнать же их прочь. Найти только местечко укромное, и быстро смыть с себя следы сегодняшней дороги.

Подходящее для купания место сыскалось скоро: всего-то пришлось пройти по высокой траве, что буйно росла в тепле и сырости, перепрыгнуть через подтопленный овражек и пробраться через молодую можжевеловую поросль. Раскинулась перед ней тесная полянка, зато хорошо укрытая со всех сторон от ветра и взглядов чужих.

Сонно посвистывали в ветвях иволги, звенели комары, осмелев к вечеру да у воды. Елица распустила поясок и сложила понёву на земле. Огляделась ещё раз и скинула рубаху, оставаясь и вовсе нагой. Ничего, никто сюда не сунется — не знают ведь и поостерегутся. Она распустила косы одну за другой — уж больно хотелось пыль да пот из волос выполоскать — и, медленно ступая по усыпанной старой хвоей траве, дошла до воды. Ступила на самую мель и замерла, тихо зашипев от того, какой неожиданно прохладной оказалась Яруна. Видно, питали её многие студенцы, не давая нагреться даже под щедрым нынче Дажьбожьим оком. Привыкнув, Елица пошла дальше, покрываясь гусиной кожей, вздрагивая и отгоняя мысли повернуть назад. Но как окутала вода живот, почти обжигая, она выдохнула и окунулась до шеи. Сразу стало хорошо. Яруна приняла её, точно дочь свою. Подхватила, обласкала. Рассыпались в стороны блестящими в закатном свете иглами мальки, щекоча руки и бока. Елица встала, упираясь самыми кончиками пальцев в слегка тинистое дно, и откинула голову, погружая волосы в воду. Ещё немного поплавав вдоль берега, она повернула назад. Вышла — и словно родилась только что — такая лёгкость наполнила всё тело. Наспех обтеревшись рушником, Елица натянула липнущую к телу чистую рубаху, достала из кошелья

гребень резной и уселась на мягкую травку — влажные волосы расчёсывать. После принялась сплести их в косы нетугие, чтобы и сохли понемногу, и не мешались. Распутывала она прядь за прядью, глядя в гаснущую вместе с вечерней зарёй даль, и сама не заметила, как напевать стала одну из песенок девичьих, что не раз затягивали они вместе с Веселиной в беседе на посиделках. Растекалась оттого горечь в груди, и сами собой подкатывали к глазам слёзы, да Елица гнала их — чего о былом вздыхать?

Она уже доплетала вторую косу, как вздрогнула слегка, заслышав будто бы тихий шорох в густых ивовых зарослях, что обрамляли тесную, словно обрывок платка, полянку. Замерла, насторожившись, но звук не повторился. Она обернулась, вытягивая шею: мелькнула как будто в переплетении ветвей светлая рубаха.

— Леден? — Елица привстала, даже забыв закончить косу.

Почему он? Она и сама себе ответить не могла. Скорее можно было подумать, что Чаян глядеть на неё придёт. Но в который раз срывалось имя младшего Светоярыча с губ раньше, чем Елица успевала о том подумать. Может, это и вовсе просто игра последних лучей светила на листве? А шорох — дыхание неспешного ветра? Никто ей не ответил, не прозвучало больше ни единого звука — только отголоски шума, что лился с недалёкого становища, метались тихим эхом — а больше ничего.

Решив больше здесь не задерживаться, Елица поднялась и вернулась в лагерь, уж не замечая обратного пути и того, как цепляются за влажную рубаху и волосы жадные ветки, как режет щиколотки острая трава. Подгоняемая смутной тревогой, от которой озноб по спине бегал пуще, чем от воды студёной, она едва не выкатилась на поляну, выдохнув с облегчением.

Боянка уставилась на неё недоуменно, так и не подвесив ещё котелок над разведённым уже огнём. Оглядели княжну отроки, и Чаян, что у костра сидел, складывая набранные им с братом ветки в аккуратную кучу. Елица отдышалась чуть и до того глупо себя почувствовала: и чего неслась назад, словно гнался кто? Оправив подол, она подошла к огню и села рядом с челядинкой, складывая понёву и рушник на коленях.

— Случилось что? — поинтересовался Чаян, пытаясь заглянуть ей в лицо.

— Да так... — она улыбнулась. — Напугалась неведомо чего.

Взглянула на княжича: не удастся ли понять, видел он её, укрываясь среди ив, словно худое задумал — или нет? Но лицо его было спокойным, усталым и чуть красноватым после целого дня под взором Дажьбожьего ока — каким угодно, но только не таким, каким должно быть, подглядывая он за ней и впрямь. Радай громко шлёпнул ладонью по шее, убивая комара, который, несмотря на дым костра, всё ж к нему подобрался — и разрушил лёгкое напряжение и тишину.

Тихий всплеск со стороны реки заставил ещё раз вздрогнуть. Въедливо разглядывая Чаяна, Елица не сразу и заметила, что у огня собрались не все. Из воды вышел Леден, придерживая на поясе мокрые, облепившие его сильные ноги порты. Обрисовывала ткань, признаться, не только их — Елица тут же взор отвела, хоть блестящая от стекающей тонкими дорожками воды кожа его так и притягивала — рассмотреть, подмечая каждую мелочь, запоминая до каждого шрама, изгиба тела, что в свете пламени выглядело сейчас словно из глины умелой рукой вылепленным.

Брашко подскочил с места и споро подал княжичу полотнище — обтереться, а больше, кажется, прикрыться всё ж. Потому как и Боянка задышала сбивчиво, пряча взор, всё ж нет-нет, да на княжича поглядывая.

— Хороша водица, — довольно рыкнул Леден, подходя к костру, растираясь до красноты. — Да после такого дня я бы и полыньё прыгнул.

Чаян понимающие усмехнулся: он-то уже, видно, искупался. Подсыхали на ветру его завитые от влаги тугими кольцами волосы. Леден ненадолго скрылся в палатке и вернулся уже одетый в сухое.

И всё то время, пока они все вечеряли, Елица посматривала то на одного княжича, то на другого, и всё больше убеждалась, что тот шорох в ивняке и рубаха белёная ей всё ж почудились. Чего только не увидишь в незнакомой чаще.

Наутро, как сквозь туманную пелену пробилось встающее над лесом светило, все не сговариваясь повыбрались из палаток и принялись за спешные сборы. До Яруницы надо было добраться сегодня — не иначе. Дым от огня смешался с влажным маревом, что стелилось над водой, скрадывая противоположный берег, перетекало над землёй, путаясь в траве, розоватое в лучах Дажьбожьего ока.

Отроки позёвывали, сворачивая укрытия, Боянка хлопотала над утренней, неохотно принимая помощь Елицы. Словно сама хотела за всеми мужами вокруг ухаживать.

В скорости выбрались снова на дорогу: туман густой, оросив траву щедрой росой, растаял, открыв взору чистое небо. Стало быть, день нынче будет таким же жарким.

Протянулась вдаль знакомая тропа, затряслась телега по колеям и камням вновь, и оставалось только уповать на то, что в пути больше ничто не задержит. Попадались навстречу и путники, что добирались из одной веси в другую или в Остёрск. Охотно подсказывали, когда доводилось сталкиваться с ними на коротких привалах, что до Яруницы осталось всего ничего. И многие поглядывали на братьев с любопытством, узнавая, может, в них княжичей отринутых собственным домом и боярами, да спросить не решались.

А к вечеру на одном из широких, вытянутых вдоль Яруны палов показалась и весь долгожданная: росыпь невысоких изб и полуземлянок с покрытыми густым дёрном крышами. Таких домов Елица почти и не видала: только в юности, разрушенными на окраинах самых южных земель княжества. Там, откуда двинулось их племя на север, обживая угрюмые леса, селясь вдоль глубоких, величавых рек. И жильё они себе устраивали бревенчатое, просторное, не скупясь, но испросив разрешения, брали у Хозяина леса деревья, выбирая только лишь подходящие, добрые. А здесь люди ещё хранили умения предков строить так, что сила вся в дом из земли шла. И было в их избах всё, верно, так, как и много десятков зим назад. Но и от северных соседей они давно уж переняли многое, придавая их укладу свои черты.

И потому Елица с трепетом необычным в душе озиралась по сторонам, пока добирались до дома старосты здешнего. Верно, он или жена его должны знать, где нужное святилище есть. Сами княжичи дороги до него, конечно, не ведали. Рассказала им что-то Любогнева, да они о том Елице ничего не передали. И показалось ей тогда, что после разговора с матерью они ещё долго были смурными и озадаченными. Видно, не только она, узнавая обрывки минувшего, всё больше убеждалась, что закавыка та с Сердцем совсем уж недобрая.

Ярунчане быстро распознали в приезжих княжичей: то ли от того, что многим из них частенько доводилось в Остёрске бывать, то ли внимательными они оказались. Заметили и коней справных, и повозку

добротную, явно не для того, чтобы мешки с зерном возить. Они на миг приостанавливали свои дела во дворах, придерживали шаг, возвращаясь в свои дома — чтобы проводить неожиданных и знатных гостей взглядами. Уж, верно, до них скорее всех дошли слухи о том, что случилось на вече в Остёрске.

Встречать княжичей у калитки старостовой избы, что невысоко поднимала над землёй острую крышу, словно выросший после дождя гриб, первым вышел молодой совсем парень. То ли сын, то ли и внук вовсе. Отвлекли его, видно, от работы некой, потому как он, приближаясь к Ледену, что спешил к воротам первым, неловко и явно стесняясь, поправлял пропитанную на спине и под мышками потом рубаху. А при виде женщин и вовсе покраснел, словно ошпарился.

— Мира вам в дороге, — произнёс он громко.

Мгновение поразмыслив, поклонился, да не очень-то низко, будто передумал вдруг — скорее кивнул.

— Здрав будь, удалец, — бросил Леден, заглядывая поверх его плеча во двор. — К старосте Макуше мы прибыли. Расспросить надобно о важном.

Высунула нос из тесных сеней девчонка, сверкнув яркими веснушками, рассыпанными по щекам. Была она ещё в рубахе длинной без понёвы: совсем сопля — и до того ей, видно, любопытно стало, кто приехал, что не удержалась. Парень на неё рукой махнул, чтобы не лезла зря. Та фыркнула и снова скрылась в доме.

— Отца и матушки нет. Не вернулись ещё с поля, — он поднял взгляд в небо. — Но будут уж скоро.

Он задумался явно, не зная, пускать на двор пришлых или дожидаться уж родителя, этому дому хозяина. Да раздумывать долго ему не пришлось. Заметил он кого-то на улице вдалеке и лицом просветлел тут же. Все повернули головы, увидев взгляд его радостный: шёл быстрым шагом к гостям муж высокий да крепкий, как из поленца широкого вытесанный. Видно, торопился: так не идут, натрудившись за день в поле. Стало быть, кто-то проворный уж рассказал старосте, что к его дому пожаловали княжичи.

На плече его висели связанные друг с другом лычаки. Босые ноги взбивали пыль на дороге, что тут же оседала на закатанных до колена портах его, поношенных и не раз латанных: хорошо из таких следующим летом пшеницу сеять. Свободная, выцветшая рубаха его

покрылась пятнами пыли и пота: попробуй в такую жару поработай. Ни в зной, ни в ненастье всё одно покоя нет, коли хочешь быть сытым зимой. А уж в Остёрском-то княжестве, верно, и подавно.

— Здравы будьте, Светоярычи, — поздоровался он ещё издалека.

А как остановился у калитки, так и женщинам, что ещё с телеги сойти не успели, кивнул вежливо, не зная, как обратиться.

— Поздорову, Макуша, — Чаян отдал повод своего коня наконец открывшему невысокие ворота парню. — Как нынче всходы?

Мужик плечами пожал только, раздумывая, верно, что ответить.

— Милостью Лели да Ярилы, уродится что-то. Коли напасть никакая не случится.

— Так вот о напастях поговорить мы и хотим, — Леден, не глядя уже, привычно подал Елице руку, как решила она с повозки сойти. — Коли всё сложится, так и будет хороший урожай этим летом.

Макуша и брови приподнял, наморщив лоб недоверчиво. Взглянул на Елицу, словно сама Лада перед ним вдруг встала. Гикнул Брашко, загоня телегу на двор — и староста вздохнул, моргнув заворуженно. Даже не по себе стало: и чего такого в ней увидал?

Все прошли скоро в избу, да ещё рассестись не успели по лавкам для разговора важного, а то и долгого, так может случиться, как едва не бегом влетела в избу девица молодая, только-только на выданье. Раскрасневшаяся от бега, чуть встрёпанная, да как будто светом Ока вся напитавшаяся: до того золотились её кожа и волосы тёпло-русые, что просо обмолотое.

— Матушка меня отправила к гостям, — выдохнула она с порога и охнула тут же, словно всех только заметила.

Прошла внутрь уже степеннее, неловко пытаюсь прикрыть краем понёвы ступни чуть пыльные. И мужи все, молодые да постарше, в девицу так вперились, словно вилу у воды встретили. Притягательная она была, как пятно света, что на стол из окна по утру падает. Оказалось, зовут её Озара — имя до того ей подходящее, что диву и даваться только. Поздоровались с ней, как подобает — и девица во дворе скрылась, прихватив рушник да ковш. Но скоро вернулась, уже обутая и причёсанная даже аккуратно: и когда всё успела?

Захлопотала она у печи, доставая кой-какую снедь, хоть и явно небогатую. Хоть и скудно в житнице, так гостей всё равно без угощения не оставишь. Выскочила из закутка отгороженного и

молодая девчонка, косясь на собравшихся незнакомцев — и принялась ей помогать на удивление справно и серьёзно.

— Слышал я, что на вече приключилось, — заговорил после недолгого молчания Макуша. — Стрый ваш мужик, конечно, толковый... Да нехорошо, что наследников Светояра, которым стол по праву Богов предназначен, потеснили.

— Будет милость Макоши, скоро всё станет, как должно, — улыбнулся на его ворчание Чаян, наблюдая за лёгкой суетой Озары. — Только подскажи нам, ты ведь знать должен, всю жизнь здесь живёшь. Как бы нам до святилища старого добраться?

Макуша аж горло озадаченно прочистил, не торопясь отвечать. Махнул рукой вошедшему в избу со двора сыну, приглашая сесть рядом. Как остановилась рядом с ним дочка — поставить на стол миски для всех, шепнул ей что-то. Та кивнула и повернулась было идти, да на сестрицу младшую неосторожно налетела, которая под ноги ей попалась. Девушки вскрикнули досадливо вместе. Полетела на пол крынка полная. Чаян и руки подставил — поймать — верно, быстрее, чем подумать успел. Молоко белоснежными всплеском обдало его рукава, потекло по пальцам, капая на штаны. Зато кувшин целым остался. Княжич замер, наблюдая, как струятся по его рукам белесые разводы, и вздохнул.

Озара и ладонь прижала к губам, растерявшись на миг. А после притворным замахом сестрицу неловкую прочь шугнула.

— Я сейчас, — выдохнула и метнулась было за рушником, да передумала.

Подбежала вновь к Чаяну, который спасённую посудину уже на стол поставил и встряхивал теперь руки, слегка кривая губы. Девушка повела его в угол, где стоял ушат глубокий с водой и принялась ему на ладони лить, быстро зачерпывая ковшом.

— Так что скажешь? — громко напомнил о деле Леден, пока старший умывался. — Тропу нам верную до святилища укажешь?

Макуша головой покачал, словно на миг понадеялся, что разговор этот прервётся. На Елицу вновь посмотрел, да она не стала пока никому мешать, вмешиваться. Пусть мужи между собой решают. Её дело здесь маленькое. Теперь уж княжичи на своих землях: она здесь невластна.

— Тропу-то указать могу, — староста потерябил кончик бороды. — Да не стану. Раньше туда мужам ходить не дозволено было, кроме волхвов, а нынче и подавно никому.

Чаян вернулся на своё место и внимательно прислушался к его словам.

— Это ты сказать хочешь, что на просьбу нашу ничем не ответишь? Так и отправишь восвояси? — в голосе княжича мелькнуло злое недоумение. — Так, может, есть в веси такие люди, что могут нас уважить? Нам и того будет достаточно.

— Из веси никто не пойдёт, — возразил Макуша твёрдо. — После всего лиха, что там деялось. Жрицы пропали одна за другой. Одну, говорят, умыкнули да опоили чем-то. А вторая на капище том волшбу свою злую творила. А после и вовсе сгинула где-то. И пожар этот полосой прошёл прямо по капищу. Ничто почти не пострадало, кроме него. Разве не воля это Богов праведных, что захотели место светлое да запятнанное после уничтожить? Значит и нам не надо туда ходить!

Леден вздохнул не то чтобы тяжко, да так — натужно, будто давил в это миг внутри вспышку страшную гнева. Даже Елице сложно было слышать вдругорядь, как люди отказываются идти туда, где однажды отец её побывал. Словно повсюду оставлял он недобрый след. А пуще всего худо было думать, что матушка-то за ним как будто не по своей воле пошла. Да как такое быть может, если всегда казалось, что любили они друг друга всю жизнь, пока недлюя их не разделила?

Леден сжал кулак на колене, а Елица, заметив то, накрыла его ладонью своей. Уж неведомо, отчего успокоить его захотелось, ободрить. Княжич едва не вздрогнул — да и сама она испугалась. Хотела руку убрать, да он быстро её поймал — успел за самые кончики пальцев. Чаян того, к счастью, не заметил, полностью занятый яростным разглядыванием невозмутимого лица старосты, который смолк, не собираясь, видно, больше ничего добавлять к своему отказу.

— Вот уж, Макуша, — с упором приговорил он, чуть выждав. — Думал ты отцу моему друг. А получается...

— Друг, не друг, — махнул тот рукой. — А есть то, что от дружбы нашей не зависит. Какие требы Лешему ни принеси, а светлее те места не станут. И приветливее.

Закончив расставлять на столе посудыны с кашей и курятиной, в горшочках запеченной, Озара села рядом с отцом. Прислушалась к

словам его последним и небрежно плечами пожала, будто не увидела ни в чём большой заваyki.

— А Дими́на? — она вспыхнула румянцем, когда братец её под столом пнул легонько, и уставилась на него непонимающе.

— Кто такая Дими́на? — тут же зацепился за это имя Леден.

Макуша с ответом не поторопился, быстро наминая кашу из миски: после работы самое важное — силы подкрепить. Все смотрели на него с ожиданием. Видно, и дочка его старшая могла о том рассказать, да она притихла совсем, сердито поглядывая на брата, который строго тарасил на неё глаза, безмолвно веля молчать.

— Травница здешняя. Живёт там давно вместе с мужем молодым, в избушке, которая от тех жриц ей и досталась. Появилась она там, как прошёл пожар, — Елица от тех слов поёрзала даже, а староста коротко взглянул на неё. — А просле замуж вышла, как убрались с наших земель велеборцы после сечи давней, что ещё здесь случилась. Наши ходят к ней. Она снадобья хорошие делает. Хоть и странная сама немного. И травы она, говорят, собирать ходит как раз к тому капищу старому. Мол, силы там особые.

— Так, стало быть, она нас проводить может? — одним только тоном укорил его Чаян за молчание намеренное.

— Может, и может, — тот пожал плечами. — Говорю же, странная порой. С придурью.

— Все они, бабы, со своей придурью, — хмыкнул Леден, продолжая сжимать пальцы Елицы своими.

Да она тут же их высвободила — и княжич посмотрел на неё виновато. Вот, значит, как! И её, верно, с придурью считает. Но вспышка негодования быстро угасла.

— И далёко до неё добираться? — спросила мягко у Макуши — тот едва не поперхнулся, словно не ожидал, что гостья велеборская нынче вообще хоть слово скажет.

— Да меньше полудня, — улыбнулся вдруг. — Но вы всё равно у нас оставайтесь до утра. Негоже на ночь снова в путь трогаться.

И верно, пока сидели рядились да слово за словом у старосты вытягивали, уж и смеркаться начало. Мало какой путник решит в дорогу выйти вечером: недобрый для того час. Придётся оставаться в здешних гостинных избах, что стояли на окраине веси, где и положено.

Да и отдых, верно, не помешает, а там кто его знает, что ждать будет, когда доберутся они всё ж до капища старого и страшного.

Трапезу закончили скоро. Добрались почти до околицы пешком, ведя лошадей в поводу. Княжичей то и дело окликали с разных дворов: видно, знавались они с местными хорошо. Особенно с парнями молодыми, такими же, как и они сами. Да только у знакомцев их — заметишь, коли и не захочешь даже — семьи у всех, посчитай, были. Выглядывали жёны пригожие, с кем это их мужья здороваются. И детишки пробегали, бывало. И оттого, верно, братья становились чем дальше, тем всё мрачнее. Переглядывались смурно, словно мысли друг друга в этот миг слышать могли. Им бы сейчас самим о семьях своих заботиться, жён ласковых обнимать, а так уж их судьба сложилась.

И Елица вдруг ощутила отчасти вину за то, что с ними случилось, хоть и не родилась в то время ещё, как проклятие на них обрушилось. Потому как кровь несла в себе отцовскую, того, кто Сердца их лишил — со злого умысла или нет — и той, которая кровных братьев рассорила.

Скоро устроились они в избах, таких же приземистых, врытых землю слегка — так, что из сеней приходилось в хоромину по невысокому всходу спускаться. Непривычно в них было, сыровато и прохладно — от дыхания земли, что держала их в своих объятиях. Вечером вышли Елица и Боянка прогуляться по веси, пока не стемнело ещё. Прошлись по сумрачным тропинкам за околицей, среди дворов небольших, теснящихся боками друг к другу: насиделись в телеге-то почти за два дня. Да и тепло так было, чуть влажно. Юлил ветер меж изб, меж лип высоких и тёмных, усыпанных мелкими, сладко пахнущими цветками. Проносился он, трогая подол — и пропадал в сосновой чаще. Раздавались кругом из каждого дома голоса. И почему-то хотелось, чтобы всё у этих людей, добрых и, несмотря ни на что, неунывающих, стало хорошо. Чтобы чуть полегчало им — хотя бы на душе.

Вернулись Елица с челядинкой уже как стемнело почти. Пошли до избы старостовой неспешно, а там и дальше — до старых, гостинных — на другой конец Яруницы. Собрались в мужицкой парни местные: с княжичами поговорить-посудачить о чём-нибудь. Расспросить о многом. Да те их и не гнали, кажется. Слышался гогот громкий,

разудалый, и всплески его то и дело прокатывались навстречу вдоль дорожки, пугая ещё не смолкнувших по вечернему часу птиц.

— Ты иди в избу, я посижу ещё, — Елица остановилась у завалинки опустила на скамью.

Челядинка кивнула и быстро в сенях скрылась: дел у неё ещё много перед сном. Не хотелось торопиться внутрь, чтобы наступала ночь, а за ней утро. А там — встреча с травницей и дорога, может быть, последняя в этом пути затянувшемся к Сердцу. Страшно от того становилось, хоть и полегчать должно было. Елица опёрлась спиной на стену избы, ещё тёплую после солнечного дня. Прикрыла глаза, слушая дыхание приближающейся сизой тьмы: перешёптывание деревьев, стихающее посвистывание птиц, кваканье лягушек где-то в стороне, у бочек наполненных. Неспешный, словно рассказ бабкой кощуны перед сном, шёпот засыпающей веси нарушило поскрипывание калитки, неплотно закрытой: надо бы пойти, затворить лучше.

Елица и привстала уже — идти-то недалёко, как услышала и шаги чьи-то. А там и голоса: явственно мужской да женский, взволнованный, прерывистый. Мелькнули в полоске последнего не погасшего закатного света, что между изб падал, две фигуры. Остановились они вдалеке, соединились руками — и мужчина девушку в сторону потянул. Там-то и узнала Елица Чаяна, а подле него — Озару, смущённую, румяную: даже в сумерках видно.

Княжич, не заметив никого в тени сруба избового, прижал девицу к стене, за которой так и громыхали мужские голоса, обнял жарко и к губам её припал, прерывая шёпот неразборчивый. Зашарил руками по бёдрам — та и отбивалась, кажется, да не слишком рьяно. Пополз подол вверх, открывая стройные лодыжки и, потеряв терпение, Чаян задрал его парой рывков ещё выше.

Любой мог сейчас во двор выйти да увидеть их, верно, хоть и спрятались они, кажется, между близко стоящих стен двух изб. Да опасность застигнутыми быть княжича, кажется, распалая только пуще. Он жадно мял округлости девицы поверх рубахи, зарывался пальцами в волосы её, не щадя справно заплетённую косу. И позвякивали тихо подвески на бусах её, видно, нарочно для княжича надетых. Елица встала с лавки резко и бесшумно — уходить надо, не смотреть же дальше! Только и заметить успела напоследок, как

развернул Чаян Озару к себе спиной, заставил опереться ладонями на стену и спину прогнуть. Укрыли её сени тёмные, отделили от всего, что во дворе сейчас творилось. И понимала, кажется, Елица, что не невеста Чаяну — сама называться ею отказалась — да никогда она и не хотела никаких прав на княжича заявлять, а всё ж кольнуло неприятно. Да что с него взять, шебутного? Чему удивляться? Наверное, тяжело таким мужам, что в силе полной, без женщин мыкаться по дорогам да между весей. Пусть тешится, раз Озара то ему позволяет, раз согласна лишь на одну ночь с ним да ещё и так...

Да только всё прислушивалась Елица к голосам да шуму тихому снаружи, пока спать не улеглась — и обида вгрудь разрасталась грозным, набрякшим тяжестью облаком.

Наутро встали рано, все справно выспавшись. А уж Чаян выглядел нынче довольнее всех. Может, и замечала это Елица лишь потому, как знала, что вечером у неё под боком дейлось. Да, кажется, любой сейчас заметил бы, как сияет лицо княжича сыто, будто у кота, который сливок со стола успел стащить, пока хозяева не видят. А вот по тяжёлому словно валун, который с обрыва падает, взгляду Ледена понятно становилось, что о ночных похождениях брата он уже наслышан. Может, тот сам и рассказал. Зыркал младший на Чаяна зло и осуждающе. Иногда и на Елицу посматривал — да та тут же взор от него прятала. Ещё догадается о том, что видела она всё. И вдруг мысль в голове мелькнула: а Леден случаем не нашёл себе намеренно какую девушку ласковую? Их, охочих до внимания княжичей, небось, в каждой веси находится, где бы ни остановились. Не слышалось женских голосов в их избе вечером, да разве дело то хитрое, коли засвербит? Да тут же пришлось раздумья эти тревожные прогнать. Какое ей дело, с кем младший княжич забавляется?

Пришёл и староста проводить в дорогу. Попрощался со всеми радушно пожелав доброго пути, скорого разрешения всех препон, что жизнь подкинула. Не знал он, верно, что дочь неразумная княжичу намеренно отдалась. Да и не узнает, может, никогда.

И как Елица ни пыталась нарочно на Чаяна не смотреть, а всё равно то и дело ловила себя на том, что разглядывает его спину. Будто так можно было дыру в ней прожечь.

Благо путь теперь оказался недолгим: не обманул Макуша — ещё не успело Дажьбожье око взобраться высоко, как вильнула в сторону

от наезженной другая тропка, о которой староста и говорил. Потянулась нитью заросшею среди сосен да кудрявых ясеней. Свернули на неё, едва протискиваясь телегой между плотно смыкающихся деревьев. Поругивался тихо Брашко на запоздалые порой указания товарища, который взялся смотреть, чтобы повозка никакой ствол не зацепила.

Нырнула дорожка в неглубокий овраг — пришлось сходить на землю и ждать, ка мужи все вместе, потея и бранясь, вытолкнут из него телегу. Это ещё хорошо, что вёдро стояло какой уж день, а то грязь, нынче на дне оврага застывшая, только заставила бы пыхтеть пуще.

А как выбрались, скоро и показалась впереди изба старая, но ухоженная, ничуть не обветшавшая, хоть и стояла она в уединении. И небольшой двор вокруг, обнесенный невысоким, плотным плетнем. А тропка коварная бежала дальше, мимо неё и терялась, растворяясь помалу, в самой глухой чаще, в которой не знаешь, и кто встретиться может. Без требы Лешему туда и сунуться побоишься.

Видно, услышав ещё издалека топот, вышла на порог женщина годами уже шагнувшая дальше юности, но ещё и от старости далёкая. Такие в самой силе и мудрости. Да только по словам Макуши жила она здесь давно очень: уж то ли лес ей сам помогал, то ли отвары какие хитрые, а выглядела она вовсе не так, как того ожидать можно было.

Прикрыла она ладонью глаза от света, что падал ей сейчас в лицо, и брови удивлённо приподняла.

Остановил Брашко телегу, спешились братья один за другим и к хозяйке подошли: Елица едва успела следом, чтобы услышать их разговор.

— Доброго утра, хозяйка, — разулыбался Чаян и смолк, дожидаясь ответного приветствия, а после продолжил: — Староста из Яруницы — Макуша — сказал, что помочь ты нам можешь в деле нашем.

Димина улыбку сглатила, неспешно оглядывая его, а после и на Ледена взгляд перевела. Лицо её чуть потемнело, словно не по нраву тот ей пришёлся сразу, хоть и парой слов с ним ещё не обмолвилась. На женщин и отроков, что на облучке остались, она пока и не взглянула даже.

— Помогу, коли это в силах моих окажется, — согласилась мягко.
— Ко мне люди часто приходят с просьбами такими.

Чаян хмыкнул насмешливо, переглянулся с братом, который вперился в травницу недобро, словно почуял быстро вспыхнувшую неприязнь её.

— Не за травами и отварами мы пришли. Но и закавыки непосильные тоже решить не попросим. Надо нам...

Он осёкся, как раздались в глубине чащи шаги, приближаясь. Зашуршала громко высокая уж трава, захрустел валежник на всю округу. Вспорхнули птицы из ближних зарослей можжевельника — да и скрылись в ветках могучих, таких древних осин, которых Елица никогда ещё в жизни своей не видела — вдвоём ствол не обхватишь.

Травница шею вытянула, просветлела лицом: знать, кого-то ждала. И вышел к избе мужчина высокий и стройный, но крепкий, видно, словно клеёный ясеновый лук. Нёс он на плече хорошую вязанку веток мелких: хорошо для растопки печи. Покачивал топориком острым в опущенной руке. Вскинул он голову, сбрасывая со лба упавшие на него тёмные вихры — и Елица задохнулась, покачнулась даже, хватаясь за руку Боянки. Каждый шаг мужа этого напоминал ей того, кого она живым давно не считала, каждый взмах небрежный руки, наклон головы и волосы его, словно кора дубовая, что в лучах светила отливали лёгкой рыжиной... Нет, нельзя было ошибиться. Никогда не забыть, сколько бы зим ни навьюжило за спиной, сколько бы не намело снегами в памяти.

Димина поспешила к супругу навстречу, несколько гостей не стесняясь, обняла крепко, повиснув на шее и приняла топорик из руки. Мужчина взгляд на незнакомцев поднял, мазнул им без интереса по Елице и остановился у двери избы.

— Пути вам мирного и лёгкого, — проговорил голосом, от которого так и завертелось всё в груди, словно ветром листву палую всколыхнуло.

“Здравствуй, Радим”, — так и хотелось сказать в ответ. Но безразличный и отстранённый вид его заставил смолчать.

Елицу муж её, внезапно оживший, совсем не узнавал.

ГЛАВА 7

Имя оказалось у Радима другое. Волотом его жена назвала, гостям представляя. Оглядела его Елица, примерила имя новое — не подходит совсем. И засомневаться бы: может, просто попался ей парень на мужа её погибшего очень похожий, да каждое его движение, взгляд, голос, говорили лишь о том, что права она.

— Нечего у порога топтаться, проходите, — улыбнулась снова Дими́на, так и не отпуская руку мужа своего.

И на Елицу глазами сверкнула, будто заметила, как та помертвела вмиг, да не поняла, видно, почему. Не догадалась и Боянка, пытаясь высвободиться из болючей хватки княжны и таращась на неё недоуменно. Остальные и вовсе ничего не разгадали, охваченные нетерпением расспросить травницу о том, что известно ей.

Распахнулась дверь избы, скрылись внутри хозяева. Елица потащилась на онемевших ногах вслед за княжичами. Слышала, вроде, что Чаян о чём-то с Диминой говорит, а о чём — уразуметь не могла. И столько мыслей, кажется, в голове крутилось, а попробуй вспомнить хоть одну — не получится. Миновав сумрачные, пахнущие травами и залежалыми тканями сени, Елица едва не сверзилась со ступенек, что вели в саму избу: забыла, что в полуземлянках так часто устроено. Схвати́лась она за плечо впереди идущего Ледена, оступившись мимо всхода узкого, повисла на нём, пытаясь удержаться. Княжич развернулся мигом, обхватил за талию крепко — Елица и на грудь его навалилась всем телом.

— Не спи, княжна, — проговорил он тихо. — Чего ворон считаешь?

И поднял на неё взгляд. За так и замер, продолжая держать её, оглядывая лицо внимательно, словно читал по нему, как по бересте, буквицами исписанной. Прошмыгнула мимо челядинка, не решившись влезть. Повысил где-то в стороне голос Чаян: заметил неловкость, которая с Елицей приключилась, да теперь уж затягивалась, будто отлипнуть они с Леденом друг от друга не могли.

— Что случилось, Еля? — шепнул совсем уж тихо княжич, помогая всё ж сойти с коварных ступенек. — Ты будто мару увидала.

И обернулся на Радима, не зная, кто он, конечно, но догадываясь, верно, что в нём причина её растерянности.

— Потом расскажу, — Елица подержалась ещё немного за локоть Ледена и отпустила его. И осталось ещё на талии ощущение его ладоней, будто оголённой кожи он касался.

Не хотелось слишком часто смотреть на Радима, а взгляд постоянно к нему возвращался. Искала Елица на лице его хоть что-то, что сказало бы: узнал, да скрывает. Но нет. Смотрел он больше на жену свою, Димину, которая, коли вблизи взглянуть, и правда оказалась женщиной старше, чем поначалу привиделось. Только кожа её чуть бледная, будто мало она под светом Ока бывала, сглаживала года, что отпечатываются на лице любой женщины. Голубой повой укрывал её голову, но в выбившийся из-под него прядках тёмно-русых не виделось ни единого проблеска седины. И глаза её серые, с тёмной каймой вокруг радужки смотрели молодо, как у девицы какой. Верно, любовь, сердечная привязанность взаимная, кого угодно омолодить может.

А в муже-то своём молодом она, верно, души не чаяла. Далеко не отходила, то и дело посматривала на него внимательно, что-то спрашивала тихо, будто каждый миг волновалась, хорошо ли ему, не тревожит ли его что нерадостное. Хоть и обихаживала она гостей попутно, расставляя угощения на столе: лепёшки свежие, кашу и сбитень ароматный с листьями земляники, что уже в цвет вошла — а всё равно никто не засомневался бы ни на миг, кто человек для неё в этом доме самый важный.

— Так за чем прибыли, раз не за снадобьями моими? — снова спросила Димины, как расселись все за столом. — Мне больше, кажется, предложить вам нечего.

Чаян, который уже быстро справился со своей кашей, словно торопился покончить с трапезой и уж ни на что не отвлекаться, вскинул голову, выпрямился, готовый рассказывать всё, что нужным посчитает.

— Слыхали мы, что ты тропу знаешь одну. Многим тоже известную, да по которой, кроме тебя, никто не ходит. На капище старое, сгоревшее.

Лицо Димины ничуть не изменилось, кажется: осталось таким же приветливым, участливым, всё так же держали её губы улыбку лёгкую,

показывающую расположение к людям, что порог избы переступили. А вот взгляд остановился на миг, будто замёрз.

— А вам зачем туда надобно? — она разгладила сложенный на столе по правую руку от неё рушник. — Никто ко мне с такой просьбой ни разу не обращался с тех пор, как живу здесь. Боятся.

— Ответы мы ищем очень важные, — вступил в разговор Леден. — Да о том тебе знать не обязательно.

Радим, который на него смотрел в этот самый миг, хмыкнул тихо, с угрозой как будто, словно строгий тон княжича, с которым он к жене его обратился, вовсе ему не понравился. Да Димина, кажется, ничуть не осерчала на лёгкое раздражение в голосе Ледена. Она обвела всех взглядом медленно: и отроков с челядинкой тоже — и на Елице его остановила.

Та едва не дёрнулась, как будто стояла на краю пропасти и почти уже сделала неосторожный шаг вперёд. И смотрела-то на неё травница едва ли дольше, чем на других, а показалось, будто мгновение это растянулось непомерно. Дышать стало трудно, прилипла рубаха к спине тонкой полоской. Будто в мысли окунулась её Димина — как сковырнула дёрн с земли.

— И верно, — ответила женщина беззлобно. — Мне знать о ваших делах не нужно. На то они и ваши. Только странно, что после стольких лет кто-то на то капище наведаться решил. Как сгорело оно, так князь Светояр и жена его Любогнева едва не приказом своим решили его забвением окутать. Хоть и место священное считалось. Непростое.

— Думается мне, знаешь ты о нём больше, чем сказать хочешь, — усмехнулся Чаян. — Коль расскажешь, мы только благодарны будем. Нам сейчас всё знать полезно о святилище этом.

Елица вдруг спохватилась да достала из кошельки фигурки Богинь, давно там забытые за сменяющими друг друга переживаниями и приключениями одно другого гаже. А, встретив супруга почившего, и вовсе боялась обо всём на свете позабыть. Да только приходилось заставлять себя сосредоточиться на насущном, а уж после и взяться можно за разгадку того, как Радим тут оказался и почему не узнает её.

— Вот, — она показала фигурки травнице. — Мне сказали, что оттуда они. Что те идолы, что стояли в святилище были такими же, пока не сгорели.

Женщина прищурилась, рассматривая их издалека, да не притрагиваясь. И показалось вдруг, что дыхание её чаще стало, взволнованней. Дими́на подняла вдругорядь взор на Елицу, присмотрелась лучше. Сызнова будто хлестнуло ливнем сильным в лицо, словно каждый раз травница рёбра ей щупала, пытаясь что-то отыскать. И от этого становилось дышать трудно.

— Откуда же они у тебя? — спросила женщина будто бы невзначай.

Да голос её странно дрогнул слишком острым любопытством. И призадуматься бы, стоит ли отвечать честно, да выбора уже особо не было: скроешь что-то, а после и тебе всей правды не скажут, какую услышать можно было бы. Пусть и не доверяла Елица этой женщине, ласковой, казалось бы, приветливой, но вовсе не такой простой, какой она хотела выглядеть. Да и загадка эта, как так её собственный муж в супругах у той оказался, никак покоя не давала.

— Нашли мы их на другом капище. Которое далеко отсюда. А после рассказали мне, откуда они.

Дими́на бровь приподняла и усмехнулась задумчиво. Все вокруг и дыхание затаили, перестав вмешиваться в их разговор. Словно понимали они, что Елице выведать удастся гораздо больше, чем могли бы Чаян или тем более Леден.

— Они не с этого капища, — огорошила травница. И перед глазами на миг потемнело. — Хоть и повторяют здешних Богинь в точности. Не в святилище ли Велеса они отыскались?

Елица сглотнула горечь, приходя в себя от мгновенного потрясения — снова ошибка! — и кивнула, не в силах и слова сказать.

— Думается мне, что связаны эти идолки с обрядом сложным. Будто кто-то хотел разные святилища между собой связать. Круг замкнуть, — травница заговорила медленно и осторожно, будто нащупать пыталась в догадках своих какую-то важную ниточку, да не могла. — И обряд этот с женщиной связан. Или с девушкой. Точно не скажешь: тут все Богини есть. Велес ведь невесту Перуна умыкнул однажды — все знают. Потому фигурки эти на его капище не зря оказались.

— И зачем же тот обряд мог быть справлен? — Елица опустила взгляд на идолки, что так и продолжала сжимать в руке.

— Тут уж надвое сказать можно: то ли привязать к себе женщину сильно. То ли, напротив, связь разорвать.

Леден покосился на Елицу, хмурясь. Чаян вперился в руки свои, сомкнутые на столе перед ним. И у каждого, кажется, в голове поселилась тяжкая дума о том, что связаны они между собой, оказывается, крепче, чем казалось. Кого к себе Борила привязать хотел накрепко? Или какую связь разрушить? И как это может быть связано с Сердцем, следы на пути к которому становились всё призрачнее, хоть и стремились все к нему рьяно, без оглядки.

— Так проведёшь ты нас к святилищу? — нарушил всё же старший Светоярыч молчание, которое заполнило хоромину темноватую словно дымом: и дышать тяжело, и глаза выедаёт.

А может, просто слёзы подступают к ним от осознания вдруг острого, что Елица, оказывается, отца своего не знала совсем. Думала, с матушкой она не знакома почти была, а получается, и он от дочери многое скрывал. Постыдное, может, неприятное. То, о чём никому не расскажешь и родному-то — не то что лишнему человеку.

— Её проведу, — травница кивнула на Елицу. — Только женщинам туда ходить можно. Знаете ведь.

Пробежала по её губам улыбка хитрая, будто приятно ей оказалось княжичей уколоть. Братья вздохнули громко и одновременно. Вперились оба в Елицу с надеждой ясной и тревогой горячей. Чаян, который нынче рядом уселся — младшего не пустил — ладонь на колено ей положил, сжал легонько и убрать успел до того, как она воспротивилась. Упрёк невысказанный, возмущение запоздалое, так и осели на языке раздражающей тяжестью.

— Только на тебя нам и уповать приходится, Елица, — он улыбнулся ей тепло. — Как и всегда.

— Тогда в путь нынче отправимся? — она повернулась к травнице, которая занялась уже было тихим разговором с мужем. Женщина отвлеклась, посмотрела искоса и с лёгким недовольством, которое вряд ли заметили остальные.

— Сегодня уже не пойдём. Требы принесу Лешему, а то не пустит, заведёт не туда. Подготовиться надо. Говорю же, место непростое. Сила там большая ещё осталась.

— И откуда же она там? — прищурился Леден. — Не знаешь? Вроде, капищ разных много, а о том говорят все, как один, что особое

оно.

Женщина плечом пожала, улыбаясь ему, вроде, да и тая в глубине глаз холодок едва заметный.

— То мне неведомо. Говорю только то, что чувствую.

Скоро закончили трапезу торопливую и скомканную. Долго думала хозяйка, куда разместить многочисленных гостей. И княжичей, кажется, надо уважить подобающе, и женщин не обидеть пренебрежением. Порешили на том, что Елица с Боянкой останутся в доме: лавки им сыскались. А мужчин всех отправили в сенник, по началу лета почти пустой. Зато места там нашлось для всех: всего одну ночь провести достаточно.

После ушла хозяйка и правда — в сторону от дома, в самую лесную глушь, прихватив с собой курёнка одного не самого большого, да и не малого — чтобы Лешего не обидеть. Так ли она каждый раз к Хозяину обращалась, если нужно было за травами сходить? Кровь проливала, пусть и не требовалось? Строгий Леший здесь, видно, раз попусту требу кровавую ждёт. Елица с Боянкой решили пока вечерю для всех мужчин приготовить: раз уж нынче их в этом доме много собралось. Дими́на показала, где у неё что лежит, и оставила дом на их попечение спокойно.

Елица за все дела бралась, не отлынивала, да только мыслями всё была за стенами избы, там, где стучал о дерево размеренно колун увесистый. Радим — или Волот теперь — готовил дрова, попутно тихо переговариваясь о чём-то с княжичами. Те хитростей никаких не спрашивали с него: всё о том, как в этих лесах, рядом с капищем, дичь — много ли попадаете́ся? И не тащат ли волки коз, которые водились у хозяев не в изобилии, конечно, да так, чтобы хватало и не тяжело было за ними присматривать.

Елица слушала голос Радима, спокойный, слова почти неразборчивые, и в груди от звучания их то и дело замирало — страхом от мысли: что делать теперь? Как принять ту жизнь, на возвращение которой она и не надеялась?

Скоро вышла Боянка миски сполоснуть в колодезной воде, а как только скрылась, заглянул в избу Леден, будто ждал случая удобного.

— Так что ты сказать мне хотела, Еля? — подошёл ближе — и в груди уже знакомо затрепыхалось что-то. — Что напугало тебя?

Надо же, не забыл. Елица выпрямилась, поправив горшок на печи и повернулась к нему, комкая пальцами рушник, что на плече висел. И рассказывать-то ему не хотелось. И смолчать не было сил — а то ведь так и умом повредиться можно, коли в себе всё держать. А княжич младший с его спокойствием — собеседник нынче самый подходящий. Она глянула на дверь — не идёт ли ещё Боянка — и присела у стола.

— Хозяин здешний — Волот — мой муж, которого я погибшим считала, — проговорила она, отмеряя каждое слово. — Радим.

Леден, кажется, не услышал её — потому как ничего на его лице не отразилось. Да оказалось просто, что весть эта его настолько ошарашила, что он и не сразу нашёлся, что сказать или сделать теперь можно. Пару мгновений он ещё стоял на своём месте, а после опустился рядом, шаря взглядом по пустому столу. А там и на Елицу посмотрел, будто решил, что она рехнулась вдруг.

— Ты уверена? Может, похож просто?

Елица покачала головой, горько усмехаясь. И вздрогнула, как накрыла ладонь княжича её, лежащую на коленях. Леден наклонился к ней, стиснул пальцы сильнее.

— Уверена, — она совсем будто голос потеряла от того, каким проникновенным получилось его касание.

Словно и хотел он совладать с порывом своим, да не сумел.

— Так почему он не узнаёт тебя? Или вид делает? Неужто разлюбил? — княжич усмехнулся недоверчиво. — Быть такого не может. Разве можно тебя...

Он смолк, вздохнув, и руку убрал. Елица подняла на него взор, позабыв на миг сама о том, что ему рассказала. Что-то другое важным стало сейчас, что захотелось узнать немедленно. Но Леден снова укрылся за стеной извечного своего холода: кажется, и прозрачная она, видно сквозь неё многое, да всё так расплывается, что одно за другое можно легко принять. Как бы не ошибиться.

— Я не знаю, Леден, — Елица встала — невозможно усидеть. — Может, и вид делает. А может, и не помнит меня...

— А ты хотела бы, чтобы помнил? — упёрся в спину вопрос.

Прозвучал он как будто не из уст княжича, а из души самой. За этот день она не раз, оказывается, успела его себе задать. Хочет ли? Чтобы снова в жизни её Радим появился? Снова мужем ей стал, как

было раньше... Но за пеленой всего, что случилось, за протяжением всех лет без него, не могла теперь ответа сыскать.

— Наверное... — произнесла она одними губами, кажется.

А, может, и вслух сказала, потому как Леден вдруг встал и остановился у неё за спиной. Склонился явственно над плечом и неспешно провёл ладонью по нему вниз. А после вверх. Поддел пальцами косу её, только слегка прикрытую платком, отпустил — та легонько ударила по спине.

— Я хотел бы помочь тебе, Еля, — сказал тихо, опустив руки. — Да не знаю, как. В твоей силе, верно, его вернуть себе. Коли захочешь. Ты всё сумеешь, если веление твоё на это будет. Я уверен.

Он сделал шаг назад и быстро вышел из избы, едва не столкнувшись в дверях с Боянкой. Та лишь взглядом его недоуменным проводила. Поставила молча горку мисок чистых на стол, не тревожа Елицу, которая так и стояла ещё, не в силах шевельнуться. Стих стук топора, прошли мимо двери открытой княжичи с отроками и скрылись где-то на заднем дворе. Елица вцепилась обеими руками в кувшин с водой, что стоял рядом, и едва не опрометью выбежала наружу, боясь не успеть. Застала она Радима ещё за работой: складывал он дрова свежие в аккуратную поленницу. Обернулся на неё через плечо, и тут же рубаху схватил, что на лавке рядом лежала. Надел, словно не хотел женщину незнакомую смутить.

— Как тебе у нас, княжна? — спросил, чуть щурясь от света Ока, что падал уже меж деревьев, склонившись к западному окоёму. — Тихо, хорошо. Порой не понимаю, как люди в городах живут. Там ведь и не протолкнуться.

Елица подала ему кувшин — и он кивнул с благодарностью. Припал губами к краю, жадно глотая прохладную водицу. А она всё смотрела на него, отмечая с каждым мигом всё больше черт знакомых, мелочей, которые лишь подтверждали, что вовсе не ошиблась.

— Да, ладное у вас с Диминой хозяйство, — согласилась. — Только скажи, как ты тут с ней оказался? Я слышала, что она давненько тут живёт, а замуж недавно вышла. Откуда ты сам родом?

Радим — то имя, что она нынче узнала, никак к нему приставать не хотело — вернул ей кувшин и сел устало на скамью, опустив натруженные руки на колени. И призадумался, кажется, хотя ничего особенного Елица и не спросила.

— Далеко мои родичи, — проговорил наконец. — Да я о том не печалюсь. Мне с Диминой тут хорошо живётся. Другого и не желаю.

Елица сделала осторожный шаг к нему. Остановилась. И шагнула ещё, желая приблизиться, чтобы понять что-то лучше, почувствовать, но и боялась. Словно прав был Леден — мару она увидела, а не мужа своего потерянного. Может, и стоит проверить, что не призрак он? Что живой?

— Так какая дорога тебя сюда завела? Где вы встретились?

Каждое слово в горле застревало: потому как неладное что-то чуялось тем отчётливей, чем больше задумывался Радим над обычными вопросами, на которые любой человек легко ответит.

— Я плохо что помню из той жизни. До битвы, — Радим поднял на неё мутный взгляд, другой, словно обращённый в ту глушь, которую давно за спиной оставил. — Остёрцы с велеборцами на этих землях сражались. Посекло меня хорошо. Еле выжил. И не выжил бы, если бы Димина меня не нашла у реки. Где я напиться пытался, да сил не хватало.

Говорил он всё уверенней и громче. Словно рассказ этот вытягивался нитью из памяти его сначала тяжело, а дальше всё легче — сам полился. Елица, слушая, села рядом с ним, взглянула, склонив голову чуть набок и не сводя взора с его лица. Он смотрел в ответ растеряннo, будто и сам не ожидал, что выложит ей всё. Скоро смолк, поведав о том, что женился на Димине, как только выздоровел совсем. И в доме её поселился.

— Разве тебе не хотелось никогда вернуться к тем, кто остался дома? — Елица, задыхаясь от горечи, вставшей в горле, потупилась, рассматривая теперь примятую ногами траву.

— Не хотелось, — уверенно молвил Радим. — Я... Странно, но я не думал никогда об этом. Мне никого, кроме Димины, и не надо.

— И что же, не ждала тебя в родных краях никакая девица?

— Не... — он осёкся, сжав вдруг на груди рубаху.

Остановился его взор, упершись в сложенную только что поленницу. Побелели губы, словно поплохело ему жутко. Елица уж и за локоть его схватила, боясь, что сейчас рухнет как подкошенный прямо на этом месте. А он и не заметил ничего. Не вырвался, не шевельнулся, будто омертвел.

Загородила на миг сияющее меж осин светило чья-то фигура. Елица вздрогнула, выпуская руку Радима. Димина качнула пустым, замаранным слегка кровью лукошком. Перевела взгляд внимательный с мужа на Елицу.

— Вот вы где, — улыбнулась тягуче, дурманно и, казалось бы, совсем безмятежно. — Устал, любый? Пойди в дом, отдохни.

Она положила ладонь на плечо мужа и сжала легонько. Тот сразу ожил, словно сбросил тяжесть некую, что обуяла его внезапно ото всех расспросов Елицы. Ничего больше не сказал, не закончил мысль начатую, точно канула она в небытие сразу же, как увидал он перед собой супругу. Не оглянувшись, не возразив, он быстро скрылся в избе. Елица тоже хотела было пойти, да лишь встала, как тут же преградила ей дорогу Димина.

— Ты к мужу моему не лезь, красавица, — почти пропела, так ласково, но и угрожающе дюже. — Мне другого в жизни не надобно. А вокруг тебя вон какие соколы кружат.

— Мы говорили просто, — Елица вскинула подбородок. — Не тревожься.

И пошла мимо, едва не содрогаясь от колючего взгляда, которым травница её проводила. Скрывшись из виду, она едва не бегом в избу зашла: лишь бы рядом теперь кто оказался. Встретил её взгляд Ледена задумчивый и печальный как будто. А Чаяну-то, видно, он ничего и не рассказал о догадках Елицы, хоть предупредить его о том она не успела. Да и хорошо, что сам догадался: братцу его знать ни о чём пока не нужно, а то неведомо чего натворит, буйная голова.

За хлопотами да разговорами прошёл день до вечера позднего. Убрали женщины плошки со стола, снесь оставшуюся — в подклет прохладный — а там и ко сну уже пора собираться. Димина предупредила, что разлёживаться с утра долго не станут: с самым рассветом, как можно будет по лесу идти, не спотыкаясь, отправятся они к капищу заветному.

И не хотелось теперь никуда с травницей идти: терзали душу сомнения большие, что заморозила она Радана, опоила чем, раз позабыл он прошлое своё напрочь, выбросил из сердца ту, что была в нём до сражения злосчастливого с остёрцами. Не в том была причина, что признавать он Елицу не хотел, а в том, что память у него будто бы отняли. И как помочь ему теперь — думалось постоянно. Не спалось

долго, тогда как хозяева уж задышали размеренно да и Боянка в своём углу засопела.

Елица, как встала с лавки, сунула ноги в черевики прямо набосо и вышла тихо, поморщившись от громкого в ночной тишине скрипа двери. Едва не упала, споткнувшись о ведро в сенях, зашипела досадливо, разминая ушибленную ступню. И понесла же нелёгкая, не лежалось спокойно. Да продышаться как будто надо было от духоты избовой, набрякшей оттого, что в доме нынче людей собралось гораздо больше, чем обычно жило.

Тёмная безлунная ночь окутала со всех сторон разом, обрушилась прелью травяной, влажной, голосами птиц, что охотились в лесу, и тихим звоном комаров над лужицей. Шелестом листвы колдовских древних осин, которые во мраке больше дубы напоминали. И невольно узнать хотелось: помнят ли они всё, что случилось здесь раньше, помнят ли все имена жриц, что жили в этом доме и служили князю, княгине да Богиням справедливым и ласковым? Что можно было бы узнать у них, если бы научилась Елица вдруг слышать голоса деревьев? Верно, многое — не осознать, не унести после.

— На беду ты мою, княжна, попадаешься мне вечерами, — негромкий, пронизанный искрами незлого озорства голос Чаяна разрушил плотное очарование ночи.

Елица повернулась к нему, пошарила по плечам, чтобы повой запахнуть сильнее — да ведь не взяла его. Вышла так, простоволосой. А Чаян вон и вовсе по пояс голый — грудь его и живот светлые ясно виднелись в разбавленной ещё темноте, что еще не могла побороть длинной летней зари. Знать, встретить здесь княжич никого не думал.

— Скорее на мою беду это случается, — Елица шагнула уж было назад.

Да Чаян ей дорогу преградил, не касаясь, впрочем.

— Останься ещё. Не убегай. Что ж ты, как птаха пугливая — всё упорхнуть норовишь?

Он склонил голову, и глаза его сверкнули, поймав бледные отсветы почти совсем погасшего небоската. Пробежалась по губам улыбка задумчивая.

— Так лучше, может? — Елица потупила взгляд. Снова опускалась на плечи, словно пухом ласковым, притягательность

княжича, опасная, если забыть о ней, а после вновь в неё окунуться. — Подумать нам всем крепко надо — там увидим, что выйдет. А пока...

— Пока я хочу хоть рядом быть. Чтобы никого больше вокруг, — Чаян и не смотрел на неё, да будто в душу самую шагнул. — Никого, понимаешь?

Она покивала неохотно, обхватила себя руками за плечи, отводя взор от княжича. Тот кулаки сжал, будто удерживал себя от движения, что из самого нутра рвалось. Дай волю ему, так и согреть бросится мигом — не отобьёшься после. А от кожи его — вблизи ясно чувствовалось — исходило такое тепло щедрое, словно печкой он был, а не человеком. Вот внутри него всё и горит постоянно, гонит всё куда-то торопит, не даёт жить спокойно. И жар этот даже наружу выплёскивается.

— Страшно мне за тебя, Елица, — немного помолчав, вздохнул княжич. — Всё ж место то необычное. И ты необычная.

— Думаешь, не сойдёмся? — она усмехнулась, оглядывая его исподволь.

Чаян улыбнулся тоже, да вышло у него как-то невесело. И почудилось вдруг, что чем больше вёрст они проходили, чем больше дорог и весей видели, тем больший груз оседал у каждого на душе. Только у каждого — свой.

— Кто знает, — княжич пожал плечами, и словно тьма по ним перетекла, вычерчивая каждую впадинку, каждую выпуклость мышц. — Я в делах этих несведущ. Это братец мой, верно, подсказал бы что, понял бы. А я... Глухой к тому совсем. Потому он завтра за вами с Диминой пойдёт. Скрытно.

— Так нельзя же. Мужам-то, — возразила было Елица.

А у самой аж от сердца отлегло. Уж с приглядом ей точно спокойнее будет.

— Ледену многое можно, что обычным мужам не дозволено... Да и вообще людям, — Чаян махнул рукой перед лицом, отгоняя мошек. — Я и сам бы хотел пойти. Да уж лучше Волота отвлеку — на то я больше сгожусь.

Елица поёжилась, слегка вздрагивая от прохлады, которая, тая под напором светила днём, ночью вытекала из лесу, словно туман, и становилась всё ж ощутимой. Чаян качнулся было к ней вдруг, словно

мысль его какая толкнула, но передумал. Лишь слышно стало, как втянул воздух носом шумно, но пытаясь скрыть.

— Может, и хорошо, что дела тебе до этого нет, — поспешно ответила Елица, всё сильнее немея от неловкости. — Леден, кажется, не слишком рад своим умениям.

Чаян прислонился спиной к стене сеней, сложив руки на груди широкой. Усмехнулся тихо, и показалось, смолчит, но он всё же ответил:

— Как бы плохо ему от того ни было, а хорошо в одном: это его с тобой сближает.

Елица вскинула брови, не ожидая, что княжич открыто так в своей ревности признается. Пусть не напрямую, а всё ж понятно: каждое слово горькое ею пронизано. И вспомнились невольно слова княгини о недоле, что матушку ещё преследовала, а теперь и на неё, кажется, перекинулась: встать раздором между братьями. Развести их по разные стороны реки. И не хотела она того, да, похоже, ничего поделать не могла. Прогони обоих, чтобы не осталось пути назад — ничего не поменяется. Да, может, так и случится теперь, если придумает она, что с Радимом делать и как его от неведомых чар избавить.

— Ледену никто близок не может стать, — Елица опустила голову. — Уж кому, как не тебе, это знать.

Чаян взглянул на неё, протянул руку медленно и вдруг коснулся волос, провёл вниз по волнистым прядям, пропустил между пальцами. Елица прочь отшатнулась, но обхватила большая и твёрдая ладонь княжича её лицо, а губы прижались к виску.

— Тяжко мне, Елица, — шепнул он, щекоча кожу. — Тяжко рядом с тобой. Любого гнать от тебя готов. И сам себя тоже.

— Ничего, очередная девица глупая в веси какой скрасит твои страдания, — процедила та.

И не хотела ведь признаваться, что видела его с Озарой давеча, а вот не удержалась. Рука Чаяна напряглась на миг, но снова расслабилась, спустилась по шее, скользнули пальцы по ключице. И странно, но прикосновения эти будто в онемение вгоняли. Бывает такое, что касается кто-то — и даже передёргивает внутри — до того дурно и гадостно. Как с Грозданом было. А тут... И не знаешь, как к тому относиться: корить ли себя иль поддаться на очарование мига.

— Оттого и случилось так, что мочи нет, — шепнул княжич, блуждая губами по коже у линии волос. — В глазах темнеет, как желаю тебя. А девицы, они как тряпица прохладная на лбу при лихоманке — только облегчают жар ненадолго. Ты права. И вправе винить меня за всё. Ты это хотела услышать? Чтобы душу всю наизнанку вывернул? Так ещё выверну, не пожалею.

— В глазах у тебя темно оттого, что ночь на дворе, — Елица всё ж высвободилась — и Чаян на удивление легко отпустил её. — Добрых снов тебе, княжич.

— Доброй ночи, княжна.

Горело ещё прикосновение его губ на виске, казалось бы, вполне невинное, да скрывающее за собой всю силу страшную жажды Чаяна. Которую княжич неведомо какой волей сдерживал. Он будто клинком раскалённым умел делаться вмиг, как доводилось к Елице притронуться — того и гляди взрежет, опалит до нутра самого. Кому польстило бы, а на неё страсть его только сумятицу нагоняла. Пришлось спешно возвращаться: спокойный, казалось бы, да с подоплёкой разговор с Чаяном хоть и оставил в душе вопросы и тревогу смутную, но отпустило напряжение — и усталость такая накатила неподъёмная, что хоть в сених среди скарба домашнего падай.

Наутро тихо растолкала её Димина: оказалось, что та уже готова выходить, одета даже. Как не услышала Елица её сборов, непонятно. Боянка вон тоже спать продолжала на своём месте — так безмятежно — верно, устала накануне очень. Как бы тихо они ни пытались уйти, а всё равно проснулся Радим, поднял голову, всматриваясь сонно перед собой, вздохнул и сел. Димина тут же к нему подошла, оставив Елицу у двери. Обняла супруга нежно, что-то шепнула, указав на стол, где стояла, накрытая рушником широким, приготовленная утренняя.

Не могла она с мужем и тут не попрощаться долго и ласково. Даже в груди где-то защемило от того, что сейчас, может, ему не так и плохо живётся — и не посмотри, что приворожен явно. И будет ли рад он освободиться, если всё же получится найти ту ниточку, что повязала ему травница, да оборвать?

Радим ещё раз обнял напоследок жену и вдруг поверх плеча её на Елицу посмотрел. Совсем не так безразлично, как поначалу, когда только приехали гости к его порогу. Не забыл он, видно, разговора их

давишнего. А может, и думал над ним после — кто ж его душу замутнённую теперь разгадает?

Скоро вышли они с Диминой во двор, а там и по тропинке узкой, укрытой склонившейся к ней высокой травой — дальше, в густую неприветливую чашу. Вблизи жилья людского как будто расступались деревья, не теснились друг к другу, пропуская ласковый свет Дажьбожьего ока, к земле самой. А здесь, стоило только меньше версты пройти вглубь рощи осинной, как сменились они сначала соснами редкими, раскинувшими в стороны мохнатые ветви, а после и елями сумрачными, протягивающими бороды свои едва не к корням собственным.

Трава стала низенькой, совсем зачахнув в тени, присыпанная хвоей старой, пожелтевшей. Запахло со всех сторон грибами, только-то показавшими сморщенные головки над землёй. Дышало всё здесь сыростью промозглой, хоть где-то в вышине, за плотным пологом ветвей, сияло Око щедрое.

Тропинка, которой здесь, казалось бы, и быть не должно, всё вилась по буграм и колдобинам, по камням мелким, среди подтопленных низин и по пригоркам невысоким, за которыми ждало невесть что. Ещё слышалось со всех сторон явление жизни, что наполняла дремучую, заросшую, что брошенная лядина — бурьяном — чашу. Мелькнул в стороне рыжей стрелой олень быстроногий. Замер на миг среди кустов и посмотрел, вытянув стройную шею, на женщин, что продирались вперёд. Верещали сороки, перескакивали порой с ветки на ветку, почти оглушая своим звонким стрёкотом.

А после вдруг смолкли совсем птицы, будто не хотели даже они жить здесь, в дикой глуши. Потонул последний свет Ока в гуще ветвей — и стало зябко от сырости, что струилась по лодыжкам, словно пальцы холодные запуская под подол. А ещё хуже стало, тревожнее, когда расступился вдруг лес единым махом и увязли ноги едва не по щиколотки в рыхлой земле, чёрной, как будто до сих пор укрытой слоем набухшего влагой пепла. Вытянутый с запада на восток обгорелый шрам от прошедшего здесь когда-то пожара, открыл вдалеке очертания — размытые, но всё ж разборчивые — погибшего капища.

Димина приостановилась немного, отступила в сторону, давая Елице разглядеть всё издалека. И та почуяла сразу, ещё не

приблизившись к святилищу, что не солгала ничуть травница: сила на этом месте ворочалась страшная, давняя, намертво выросшая в землю эту, в деревья кругом — могучие, может, ещё больше от того, что росли они рядом с ним.

— Пойдёшь дальше, или назад повернём? — будто в насмешку спросила Дими́на.

Да куда уж теперь назад поворачивать, хоть и не по себе становилось. Может, и правда Сердце всё ещё здесь хранится, да просто никто о том не знает? Может, ошибкой было обвинение в том, что Бори́ла его забрал? Елица шагнула мимо травницы уверенно и пошла теперь впереди. Скорее хотелось узнать обо всём, что скрывает капище — неужто и оно не даст никаких ответов?

С усилием выдёргивая ноги из неверной земли, она шагала, не сводя взгляда с обугленных остатков идолов, что торчали среди выгоревшей пустоши, словно персты мертвеца, который хотел выбраться из своей могилы. И уже нельзя было узнать в них светлых Богинь, что дарили тепло и милость свою всему княжеству. Огонь уничтожил все черты ликов и знаки на столбах, вырезанные когда-то умело рукой. Между ними стоял недвижимо расколотый от жара надвое требный стол, весь в пятнах оплившей копоти, которая, впрочем за столько лет дождей и снегов, что омывали его, не сошла с него полностью.

Елица остановилась перед ним, озираясь, путаясь в смутных, но явно окутывающих её ощущениях. Она провела ладонью по шершавому камню, жалея, что нет сейчас рядом Ледена — уж он-то, верно, смог бы помочь в них разобраться. Взгляд сам будто взлетел на вершину чёрного изваяния, что стояло в серёдке круглого святилища. Лада — это могла быть только она, ведь не зря здесь хранилось её Сердце, подаренное когда-то достойному вождю.

Словно сквозняком в душной комнате мазнуло по спине холодом едва заметным. Острым, тонким — сталью. Замах короткий, точный — Елица прянула в сторону и обернулась. Широкий клинок полоснул по груди, распоров рубаху и едва задев кожу. Вспыхнула жгучая полоса, потекла кровь горячая тонкой струйкой по ложбинке на живот. Елица отшатнулась, да недалеко: упёрлась в требный стол — и тот угрожающе качнулся, а после и обрушился, лишая опоры. С громким треском грянули камни на землю, заворочались, перкатываясь,

скрежеща. Елица упала сверху на них, больно ударившись спиной. Да и вовремя. Дими́на взмахнула ножом снова, но промахнулась.

— Вижу, от матушки тебе многое досталось, княжна, — выдохнула нату́жно, цедя слова, будто душило её что-то невидимое. — Живы твоей мне надолго хватит.

Она шагнула вперёд, пока Елица пыталась встать с расползающихся под ней в стороны обломков.

— Попробуй возьми.

Она перекатилась, сжимая зубы: острые каменные края впивались в бока. Но натолкнулась на проворную травницу, которая успела встать у неё на пути.

— А и возьму. Сердце твоё возьму, а тебя в жертву здесь оставлю.

— Боги не требуют крови в жертву!

— Здесь всё поменялось с тех пор...

В лицо ударил сыпучий комок. Запечатал нос и глаза, попал в рот и облепил язык горечью. Елица вдохнула — и стало только хуже. Закружился вихрь тугой в груди, словно коловорот, поплыл дурман в голове. Хитрые травы приготовила ей Дими́на. Сразу знала, с первого мига знакомства, что с гостьей неожиданной, но для неё ценной сделает. Уготовила ей смерть быструю.

Елица встала на четвереньки, совсем ослепшая, пытаясь отряхнуть лицо, сплюнуть отраву, что уже потекла по горлу. Горячая ладонь легла на спину, придавила толчком небывалой силы к земле.

— С капища этого сила твоя волховья вышла. Здесь и останется, — прошипело над ухом словно голосом самого Змея.

Елица почти не слышала её слов, что потонули вдруг в резком оклике издалека. Ткнулась боль под левую лопатку. Сначала коротко — на миг всего. Но вдруг разрослась, точно пламя по спине растеклось. Елица не удержала вскрика, дёрнулась, но стало лишь хуже.

ГЛАВА 8

Леден и хотел бы проснуться — да никак не мог. И причина-то была вовсе не в знакомом сне, которого нынче он и не видел, не во власти Мораны, что решила снова с ним поиграть-помучить. Он просто понимал, что лежит ещё на своём месте, в сеннике, где и заснул, и хочет встать, потому что утро уже наступило — и так тихо кругом, только в глубине леса вовсю заливаются звонкими трелями птицы, радуясь новому дню. Он слышал всё и понимал, но не мог пошевелиться, как будто застрял в собственном теле гвоздём ржавым, погнутым. И качалась в груди дурнота страшная, поднималась из кишок — и застывала в горле тошнотным порывом. Так можно и захлебнуться в собственной рвоте, пожалуй, если не проснуться вовремя.

И до того это было жуткое ощущение, будто он смотрел на себя со стороны, спокойно раскинувшегося на лежанке, заботливо постеленной хозяйкой. Словно уже покинула тело душа, только цепляется ещё неведомо зачем тонкими нитями за него, не веря, не желая уходить. Он и не верил. Что за напасть такая неведомая, коей ещё никогда с ним не случалось? Неужто настал тот срок, когда Морана не отпустит больше? Не даст понять, что делать дальше с тягой своей дикой к Елице, непривычной, слишком для него живой — аж душу заскорузлую на части рвёт. Нужно ли вставать на пути брата недвижимо, отстаивать ту, что в мыслях засела намертво, или отходить в сторону, не мешая их счастью, коли оба они того пожелают? Да тут ещё и Радим этот вырос, словно камень нежданный на дороге. Или корень коварный, сокрытый травой. Разобраться бы во всём, да нешто Богиня по-другому всё повелела закончить?

— Не вини меня, — голос гулкий и угрожающий обдал холодом только что вырытой могилы. — Другую вини, что опоила вас всех. Извести пожелала, в жертву принести на мёртвом капище.

Он повернул бесплотную голову, пытаясь осмотреться в пустой темноте, что окружала его, обхватывала десятками стылых рук. Он всегда хотел видеть Морану, когда та говорила с ним. Боялся, видно, что нападёт из мрака и острый серп её вмиг перережет тонкую нить

его жизни — а он не успеет воспротивиться, остановить. Хоть и знал, что не сможет всё равно. Но она не всегда желала показываться на глаза. Чаще всего приходилось слышать лишь голос её, который касался со всех сторон разом, точно ветер.

— Димина? Почему?

— Потому что жить она хочет. Молодость её прошла. Да встретила она, видишь, мужа юного и возжелала быть ему достойной женой. Отравило её душу сожжённое капище. Как сила его исказилась после ухода Сердца — так и она, вторая жрица, стала другой. И уходила ведь отсюда, но вернулась.

— Стало быть, не только меня она опоила? — Леден вновь попытался скинуть оковы наведённого сна, но ожидаемо не смог.

Морана вздохнула, и фигура её мелькнула бледным всполохом где-то рядом.

— Не только. Но тебя я могу выручить, а их — нет.

Ни тени сожаления в голосе. Ей только хорошо будет, коли станет сноп жизней перерезанных ещё толще.

— А Елица может?

Женщина словно от раздражения содрогнулась — отдалось оно во всём теле Ледена через связь их многолетнюю, которую он ощущал постоянно, словно цепи стальные на запястьях. Она замерла за спиной, коснулась её ладонь волос — почти по-матерински — а после скользнул по шее под затылком самый кончик острого и нестерпимо холодного серпа. Пробежалось покалывание вдоль хребта.

— Уж нет, верно. Если не поторопишься.

Он дёрнулся прочь от её прикосновения — и разомкнул тяжело словно отёкшие веки. Вскочил резко на своей лежанке, жадно хватая ртом воздух — не надышаться никак. Чаян ещё спал на своём месте, чуть поодаль, у свободной стены сенника. Дышал мерно и глубоко — так и не поймёшь, что неладное с ним творится. Дрыхли и отроки, пусть и вставали всегда хоть немного, но раньше княжичей. Ничто не тревожило их забытья, которое выглядело таким сладким, глубоким, а на самом деле было воды болотной застоялой горше.

Леден подполз на четвереньках к брату — тело ещё плохо слушалось, не совсем освободившись от заклятия. Потрепал его по плечу, да тот и не шелохнулся, не вздохнул, просыпаясь. Даже шлепок

звонкий по щеке не заставил его пробудиться. Как и отроков, которых Леден тоже попытался привести в чувство.

И пойти бы, спросить ответа с Радима, мужа этого окаянного Елицы или Димины — пойдешь теперь разбери — да времени уж, видно, не оставалось ни у брата с отроками, ни у княжны. Хоть и не сказала напрямую Морана, а чуял он, что опасность над ней нависла ещё более страшная, чем недавно ему грозила.

Он подхватил пояс свой с оружием. Перекинул налuch с луком через плечо, а через другое — полный тул стрел. Хорошо, что оставил вещи, снятые с седла, здесь, а не в доме хозяйском. Но едва он за порог сенника шагнул, как встал на его пути Радим. Услышал, видно, возню его. Леден едва успел отклониться от удара проворного топором, что прямо в шею ему метил.

— Сгинь, дурной! — он пнул мужика под дых, отшвыривая от себя далёко, на сажень косую.

Тот охнул, согнулся было. А как снова напал, Леден перехватил топор его, вывернул руку и, заставив изогнуться неловко, на землю уронил.

— Димине ты не помеха, — зло выдохнул Радим.

Дёрнулась резко его голова от удара в скулу увесистого. Он ткнулся лицом в землю, но в себе остался. Пришлось рукоятью ножа приложить — успокоить. И убить так его хотелось страшно — просто от ярости лютой, что сейчас кровь непривычно горячую по телу гнала. Да краем разума, который остался ещё холодным, Леден понимал, что не сможет. Иначе Елица ему не простит.

Только пришлось связать его — время драгоценное потратить — да бросить в подклет тёмный, чтобы, как очухается, и не сразу сообразил, где находится. А то и начудит чего, если так оставить.

Леден едва не бегом кинулся по тропинке, на которой, отпечатавшись в земле, влажной от росы, ещё виднелись следы женщин, ушедших в чащу. Он едва смотрел под ноги, чтобы с пути не сбиться, останавливался, тихо ругаясь, когда казалось, что свернул не туда, что водят его по кругу ели эти все, одна на другую похожие. Да они всё смыкались окрест него, пряча в ветвях густых осколки рассветного Ока. Морочили не хуже русалок, и струился ветер между ними такой же — зачарованный. “Пустите к сестрице своей, — заговаривал их Леден. — Позвольте уберечь. Еля. Елица. Одна ведь с

вами душа”. Надо было, верно, и требы Лешему принести наперво. Да хоть что-то. Хоть пирога кусок на пне оставить, покуда в лес не вошёл. А теперь уж поздно — если вовсе осерчает на него Хозяин за непочтение, то и уведёт далеко от того места, которое нужно.

Но, видно, пожалел он неучтливому гостю, или ели всё ж решили расступиться, показать верную дорогу, которая уж как будто совсем среди них затерялась. И раскинулся перед взором пал чёрный, словно кистью кто-то огромной, в копоты испачканной здесь провёл. Леден посмотрел в одну сторону его. И в другую — куда повернуть? Да вдруг увидел вдалеке две фигурки светлые, что копошились, словно блики Ока на листве. Он сбился и вовсе на бег, на ходу вынимая лук, откидывая крышку тула. Хоть и не видел ещё, что творится там, на капище погибшем, разрушенном, а знал — может не успеть, потому лучше готовым быть.

Различимыми уже стали Димина и Елица. Княжна лежала на земле, придавленная удивительно сильной хваткой травницы, а та уж и нож блестящий над ней занесла.

— Эй! — гаркнул Леден, чтобы хоть как-то с толку бабу буйную сбить.

Да та и не растерялась ничуть. Коротким замахом вскинула руку и опустила её.

Он не заметил, как натянул тетиву и пустил быструю стрелу — тело само сработало. Да сердце на миг всё равно замерло, как увидел он, что нож самым остриём точно вонзается в спину Елице. Девушка вскрикнула тихо и жалобно — аж колени подогнулись. Но стрела в тот же миг ударила Димину под лопатку правую, швырнула на княжну — и нож выпал из её руки да пропал где-то среди каменных обломков — всего, что осталось от стоявшего здесь когда-то требного стола.

Леден подбежал, отбросил тихо сипящую травницу в сторону, освобождая Елицу от тяжести тела. На рубaxe светлой её расплывалось алое пятно, медленно, неумолимо.

— Елица. Еля, — зашептал он, приподнимая голову её осторожно.

Другой рукой разодрал ткань, чтобы посмотреть, глубоко ли успел нож войти. Порез оказался не таким уж страшным, как привиделось со стороны — видно, рука травница соскользнула. Но расплосовала Димина спину ей всё равно сильно — кровь текла по светлой коже

Елицы щедро, не собираясь пока униматься. Девушка застонала тихо, пытаясь перевернуться.

— Постой, Еля, перевяжу.

Косясь на Димину, что неуклюже ворочалась в стороне, никак не подыхая, он одним махом отрезал от подола княжны хорошую полосу ткани. Слегка освободил рану от обрывков рубахи и перетянул крепко, обмотав под грудью и через плечо. Теперь только донести её до дома, а там можно и лучше справиться. Травки какие взять — благо их в избе той достаточно. А в тех, что могли кровь запырять да заразу какую не пустить, он и сам, как воин, смыслил неплохо.

Он подхватил девушку под спину. Усадил осторожно, поддерживая.

— Как ты? — заглянул в бледное лицо, перепачканное в земле и разводах грязных на щеках. Словно плакала она всё ж от боли, да только звука ни одного не издала, как перевязывал он её.

И взгляд её был таким страшным, бездумным, всё шарил, шарил по нему, ни за что не цепляясь. Словно в дурмане каком княженка была.

— Не знаю пока, — шепнула. — Но когда ты касаешься, легче становится. Как будто водой мёртвой плещет.

Он свёл брови, плохо понимая, о чём она говорит — как в бреду. Только ей одной — волхве — ведомы все премудрости. А он и рад был хоть чем-то ей помочь, раз так. Княжна вдруг обхватила его ладонью за шею, подняла снова взор — прояснившийся, ослепив им мгновенно, словно здесь, на этом месте обрела она совсем другую силу, могучую, яростную. Проскользнул ветер ленивый вдоль длинного пала, тронул волосы её растрёпанные, прилипшие тонкими прядками к вискам — повой уж давно на плечи сполз. Она сжала губы, всё глубже вонзаясь взором чистым, но чуть растерянным, облизнула их и разомкнула — блестящие, яркие. Леден обнял её крепче и склонился, припал в горько-солёном, с привкусом трав поцелуе — и княжна послушно ответила, смяв ворот его в кулачке. Скользнул легонько язычок её между зубов — в голову тут же ударило словно ворохом перьев мягких: и лёгкостью обдаёт небывалой, хмельной, и задохнуться недолго. Зашлось сердце бешено, как и в сечу не билось. Как же давно он об этом мечтал, да гнал мысль шалую прочь. Чтобы обнимать её вот так, осторожно, но крепко, и чтобы губы тёплые сминать, ласкать.

Но длился дурман этот всего миг — вздрогнула Елица вдруг, забило её мелким ознобом. Она всхлипнула, обмякнув, словно кости из тела её вынули. Упала её рука плетью, мазнув по плечу. Леден едва не взвыл от гнева страшного на самого себя. Забыл, остолоп безмозглый, что после встречи с Мораной не стоит ему княжны касаться — худо ей станет.

Засмеялась хрипло травница, ещё живая, оказывается. А Елица вдруг, побледнев страшно, чувств лишилась.

— Спаситель, — просипела Димина. — Сам быстрее её убьёшь, и стараться не нужно.

Закашлялась, смолкнув, забулькало как будто где-то в груди её пробитой. Леден уложил Елицу осторожно на землю, и над бабой глумливой навис. Едва не споткнулся: спали с лица её да и всего тела чары — осталась под ними женщина, уж близко к старости поступившая. Лишь присмотревшись, можно было теперь узнать в ней ту травницу, к порогу дома которой они пришли недавно. И удивляться вовсе не надо тому, что захотела она годы лишние сбросить, чтобы мужа молодого обрести и удержать.

— Да уж теперь не достанется Елица тебе.

Леден склонился — стрелу выдернуть, да баба за руку его схватила крепко — и не подумаешь, что умирает — аж запястье заломило.

— Не спасёшь её. Коли рядом с ней будешь — зачахнет рано или поздно. Выпьешь всё из неё, всю живую, — зашептала она сбивчиво и торопливо. — Много её в княжне. Сама знаю, потому и хотела забрать. Да тебе всё равно мало будет.

— Ты знала, что муж твой на самом деле ей принадлежит? Может, ещё и поэтому убить хотела? — Леден всё ж дернул древко — и женщина выгнулась дугой от боли.

Задышала часто, рвано; выплеснулся кашель мучительный, окрашивая губы её, изрезанные морщинками, алым, ярким таким в этом чёрно-сером месте.

— Узнала в тот миг, когда вы появились здесь, — она чуть отдышалась. — Сразу почуяла связь их. Обрядом закреплённую. И как сила её их ещё пуще связывает. Да только мой он дольше, чем её был. Разве не имела я на него права?

— То не мне решать. Зачем нас хотела убить? Знаешь ведь, кто мы.

Травница покривила губами, а по лицу её пробежала гримаса невыносимого мучения. Странно, что до сих пор она ещё не испустила дух. Верно, волшба, которой владела, кровь, пролитая на капище, ещё давали ей силы — такое не сбросишь в один миг.

— Да кому вы теперь нужны? Ни князья, ни княжичи. Безотцовщина, — она задохнулась, и с лица её сошла последняя, даже лихорадочная, краска. — Может, княгиня только вашей судьбой озаботилась бы. Да у нас с ней счёты свои. За так просто убивать вас — глупо. А мне польза была бы.

Женщина смолкла на полуслове. Леден вынул из её груди стрелу, что вышла наконечником наружу. Отпустила Димина его руку и распласталась на земле, слепо блуждая взглядом по ясному небу. Да не тревожил её уже яркий свет Ока, что сияло почти над головой. Обратилась она в другую даль, что увлекала её за собой, и становились её черты глаже, острее, вновь делая моложе — хотя бы на миг. А потом вдруг начала она быстро иссыхать, словно яблоко палое; пронёсся ветер вдоль шрама лесного — и жрица вмиг рассыпалась желтоватой трухой.

Леден медленно обернулся на Елицу, что лежала на мягкой земле, дыша спокойно и глубоко — словно спала. Подошёл к ней, зная, что и торопиться надо назад, к избе: неведомо, что там с Чаяном творится и отроками. Да всё ж поначалу опустил на одно колено рядом с ней и за руку взял. Ослепило его снова, будто хлынуло вдруг лучами беспощадными светило из-за облаков. Будто раскрылось перед взором небо бесконечное. Никогда он не чувствовал такого, как доводилось княжны касаться: случайно, нарочно ли. То ли место здесь было такое, что начинала её волховья сила плескаться щедро, то ли просто княжна в беспмятстве сейчас лежала — а потому не могла её сдерживать... Но за потоками её живы, густой, что ароматная древесная смола, способная залечить раны даже на грубом стволе, он не ощущал больше ничего. Никаких следов Сердца. Да и вряд ли могло стать так, что оно всё ж осталось здесь.

— Очнись... — Леден склонился к лицу княжны, провёл ладонью по щеке гладкой, испачканной, кончиком пальца — по губам, чуть приоткрытым. — Очнись. Ты нужна мне, Еля. Очень нужна.

Да девушка только вздохнула. Он на руки её взял и понёс прочь с капища забытого, уничтоженного — да и правильно. Неведомо какие страшные дела здесь сотворились в тот год, как зародилась вражда между Борилой и Светояром. Такие, что и на долю детей их недоли оказалось с лихвой отмеряно. Да и после Димины продолжила лишь больше осквернять некогда священное место. А где ответы ещё искать да куда идти, то решится, когда никому больше из людей, Ледену близких и дорогих, опасность грозить не станет. А значит, надо уносить Елицу отсюда скорей.

Он шёл, как мог, быстро, чтобы и поспеть ещё вовремя к Чаяну, и княжне хуже не сделать. Запомнил уже тропу, хоть и плутал вокруг неё изрядно, а потому то и дело взгляд опускал на лицо Елицы. И спокойное, кажется, в тот миг, что была она без чувств, и пронизанное едва заметным мучением. Он глотку себе готов был сам перегрызть за то, что доставлял их девушке так много. Хоть и не желал вовсе. Более того — и сейчас хотел бы целовать её долго, сжимать в объятиях — всегда. Когда случилось так, что душу его, ко многому безразличную, успела она собой так наполнить? До краёв самых — того и гляди расплещется, затопит его этим невообразимо дивным и в то же время страшным чувством. Тем, что половинило его словно тесаком острым: забрать её, всю себе присвоить, и в то же время держаться подальше, чтобы не причинять боли.

Словно хрупким украшением она в его руках оказалась — да хоть кольцом височным, что так любят девицы и женщины носить, защищая себя и завлекая порой мужчин тихим их звоном. Кажется, налюбоваться нельзя тонкой работой умелого мастера, что его творил. И рассматривать можно бесконечно узоры, зернь мелкую, ровную — одна крупичка к другой наплавленной кропотливо. И чистотой серебра его, отчего ценность только растёт. Когда лежит оно на ладони — хрупкое, нежное — и стиснуть хочется с силой буйной, чтобы никому больше не досталось... А сожмёшь кулак — и сомнётся оно, сломается — удастся ли спасти, исправить, чтобы засияло вновь?

Скоро отступили за спину смурные, синеватые ели — и снова окружил со всех сторон осинник древний, светлый. А среди него — изба показалась на прогалине большой, что вмещала и житницу, и хлев длинный, и сенник — куда Леден и поспешил тут же.

Там было всё так же тихо. Всё так же лежали Чаян с отроками на своих местах, не повернувшись даже ни разу с боку на бок. Но, кажется, дышали ещё — и то ладно. Теперь бы дожждаться, как Елица в себя придёт. Так долго она в беспмятстве была, что хотелось кулаки себе в кровь о стену разбить за глупость свою, за то, что поддался желанию сильному, испугавшись за неё страшно, но и не подумав о том, что дальше будет.

Леден уложил княжну на свою лежанку и встал, озираясь по сторонам и не зная, что ему теперь и делать. Но тут Елица пошевелилась, замотала головой вяло, словно сбросить с себя хотела паутинку какую неприятную. Изломились брови её, а над губой и у линии волос заблестели мелкие капельки пота. Леден снова рухнул рядом с ней на колени, протянул было руку — коснуться — да передумал. Вдруг снова худо сделает?

Княжна открыла глаза и уставилась перед собой неподвижно, будто под крышей сенника что-то увидела.

— Елица, — тихо позвал её Леден. — Елица, ты меня слышишь?

Она повернулась к нему медленно и вдруг пальцами по губам провела — неспешно, нажимая на них — то ли впечатать хотела поцелуй их недавний, то ли стереть.

— Где Димина? — спросила ясным на удивление голосом. — Ты убил её?

— Убил.

Елица вновь веки прикрыла. Будто стало ей вдруг жаль травницу, несмотря на то, что та сотворить с ней хотела. Уж не пожалела бы её Димина, вырезала бы сердце и в жертву бросила.

— Она повсюду была здесь. Я видела. Там, на капище, видела след её — под пеплом. Везде, в каждом камне и дереве.

— Жива твоя ей нужна была, Елица, — Леден и вовсе сел на пол. — Чтобы жить дольше, молодость хранить для мужа своего. Сиречь твоего.

Елица вдруг накрыло лицо ладонями, пошевелилась неловко — и скособочилась от боли. Надо перевязать лучше, найти травы лечебные — кровь запереть и не дать ране воспалиться.

Хоть и хотелось поторопить её, чтобы помогла она Чаяну, да пусть в себя придёт немного. Не обвиняет его ни в чём, не шарахается прочь — уже и на том спасибо.

— Я знаю, — только и ответила она приглушённо. — Теперь знаю. Проклятие то, что на вас с Чаяном теперь, на капище том было наложено. Я видела. Как отпечатки тёмные и светлые — везде. Только не увидела, кто это с вами сделал.

Леден и хотел бы что-то сказать на это, да как будто все слова разом позабыл. А Елица шептала что-то, всё неразборчивей, словно в себя саму погружалась. И страшно стало, что вдруг в один миг — и с ума сойдёт. Кто может верно сказать, что сейчас внутри неё творится, в мыслях рваных какая бездна раскрывается?

Он взял осторожно Елицу за плечи и усадил — она не противилась. И взгляд её всё мимо него стремился, словно и сейчас проносились мимо неё образы прошлого. Чужого прошлого — не принадлежащего ни ей, ни им с Чаяном. Но поломавшего их жизни ещё тогда, как не родились они.

— Еля, послушай, — Леден заглянул в её лицо, бледное, отстранённое. Девушка перевела всё ж на него взор, приложила руку к груди, впила пальцами, словно выдрать что-то из неё хотела. — Мне помощь твоя нужна. Вернее, Чаяну и отрокам. Димины их опоила чем-то. Даже Морана не смогла вмешаться.

Княжна брови плавные свела, прорезались тонкие морщинки между ними — каждую бы поцеловать сейчас — и вдруг встала без возражений, быстро и твёрдо. Прошла до лежанки Чаяна, склонилась над ним. Погладила по щеке, всё приближая лицо, провела пальцами по шее вниз и руку под рубаху ему сунула, едва ворот развязав. Кольнуло под дых словно иглой калёной. Растеклось по телу жгучим жаром. Непривычно снова, тревожно.

— Придёт в себя, — сказала княжна бесцветно. — Чары, что наложила Димины своим зельем, вместе с её смертью разрушились. Скоро очнутся все.

И поднялась снова на ноги. С каждым миготом возвращалась в неё жизнь, расцветала, растекалась по её телу — Леден будто своими глазами видел. И как только раньше не замечал? Видно, не только на Елицу капище это старое так повлияло, но и на него тоже — словно открыло в нём что-то. Будто студенец чистый. Или поцелуй с княжной тому причиной?

— Где Радим? — Елица обернулась.

И внутри словно оборвалось что-то.

О муже её, признаться, Леден и позабыть уж успел — ни разу не подумал, как он там, в подклете холодном. Может, уже в себя пришёл — да не выбрался, верно, иначе уже тут оказался бы.

— Пойдём, — Леден вышел из сенника, не беспокоясь уже за брата.

Раз сказала Елица, что всё в порядке с ним будет, то осталось лишь время выждать нужное. Вот уж не рад будет братец узнать, что Сердце снова не отыскалось, хоть здесь его и не ждали вовсе. Да надеялись всё ж узнать что-то о том, куда дальше за ним идти. Да едва не сгинули в месте этом проклятом все разом.

Елица шла за Леденом через двор, как будто нарочно держась в нескольких шагах позади, хоть и не торопился он слишком. И молчала, не смотрела на него совсем. Может, она и вовсе считала поцелуй их ошибкой, жалела, что поддалась — ведь не знала, что в этот миг был Леден для неё опасен.

Они зашли в избу пустую и тихую. Только на лавке, которую хозяйева отвели, спала по-прежнему Боянка, видно, таким же колдовским сном, наведённым, как и остальные. Елица и к ней поспешила — проверить, жива ли ещё. Присмотрелась, коснулась плеча осторожно — и успокоилась, кажется. Худого случиться не успело.

После, совсем о своём здоровье не заботясь, княжна поспешила к дверце, что в подклет вела, да и откинула её быстро. Не тратя время на то, чтобы осветить себе дорогу, спустилась туда. Послышалось бормотание её приглушённое. Леден вмешиваться не стал. Сел на лавке у стола, то глядя себе под ноги, то на Боянку неподвижную, и всё пытаясь понять, что же дальше с ними со всеми теперь будет. Человек ведь — не кусок бронзы или серебра, его к шее не привесишь. Получается, и княжна, как всё ж отыщется Сердце, как бы того ни хотелось Чаяну или Ледену, не сможет вернуться в Остёрское княжество, остаться здесь, коли сама того не захочет. А у неё ведь теперь и муж снова есть — с ним она связана узами. Вече её княгиней выберет, тут уж и думать не надо — а Радим подле неё останется.

Стало быть, обернулось теперь всё сложнее, чем было.

Сходил дурман пьяный с тела, выветривался из головы — и оборот такой, чем больше раскрывался, чем больше разумения к нему прикладывалось, тем становился всё более паршивым. Ведь не захочет

отступаться Чаян, как бы не натворил глупостей. Да и Леден теперь не мог себе представить, как княжна его нежная из жизни исчезнуть может в одночасье.

— Леден, помоги! — донёсся до слуха тихий оклик.

Он быстро разжёл лучину и взял светец с собой. Спустился в подклет, едва выпрямился в нём — такой низенький. Радим не пришёл ещё в себя, как и остальные. И сколько бы Елица его ни тормозила — не очухивался. Леден понял всё, что княжна от него хотела: отдал ей светец и взвалил Радима себе на плечи, не уверенный вовсе, что вытаскивать его из западни сейчас нужно — кто его знает? Но перечить велению Елицы не стал — разберутся авось.

Выбравшись вновь в хоромину, Леден опустил Радима на лавку у окна — и Елица едва не оттолкнула его, присела рядышком и зашептала что-то: словно заговор какой. И такая тревога мучительная на её лице отразилась — разом всё, что случилось между ними с Леденом, стало надуманной случайностью. Вот настоящая её жизнь — рядом с тем, за кого она замуж вышла пять лет назад. Кого ждала и оплакивала после. Есть ли место в ней кому-то другому?

Неважно, конечно, теперь выглядел муж княжны — да оно и понятно. Посиди ка в холодном погребе так долго — и окочуриться можно, пожалуй. Да и чары на нём были, видно, сильные — такие забирают много живы, иссушивают. Теперь только Елица ему в помощь — уж она сумеет быстро супруга в себя привести.

— Как он? — всё ж поинтересовался Леден, не зная толком, что услышать в ответ ожидает.

— Должен очнуться скоро. Сейчас... Сейчас заговор живительный только...

Она взяла руку Радима в свою — и вновь заговорила размеренно и монотонно. Смолкла после, уткнувшись лбом в плечо мужа и замерла. И тут зашевелилась вяло на лавке Боянка, уже приходя в себя понемногу. Княжна встрепенулась к ней заторопилась было, да Леден за руку её поймал, остановил.

— Пусть лежит пока. Очнётся. А тебя перевязать нужно.

Он коснулся спины Елицы там, где на рубахе её осталось бурое пятно подсохшей уже крови. Девушка дёрнулась, зашипела, мучительно морщась — Леден тоже вздрогнул — словно его ножом в живот ткнули.

— Потерпит, может?

Елица губу прикусила, сомкнула руки у груди. А челядинка снова затихла.

— Не потерпит. Коли тебе худо будет, кто остальным поможет? — Леден взял её ладонь в свою бережно, опасаясь ещё, что снова навредит.

Но, кажется, опасность уж миновала: теперь можно было снова княжны касаться. Елица только задышала почему-то часто, словно взволновалась вдруг. И взор опустила в пол.

— Боянке помочь надо, — тихо сказала княжна, как потянул её Леден в сторону, в небольшую хороминку огороженную от остальной избы стенкой дощатой — за ней лавка супружья у стены теснилась.

— Ничего с Боянкой не станется. Сама же сказала, в себя придёт, и будет лучше прежнего, — Леден не внял её возражениям. — Тебе помощь сейчас гораздо больше нужна. Я ведь наспех перевязывал.

И жгло как будто кожу её тонкое запястье, которое так и хотелось большим пальцем невзначай погладить. И чувствовал он, как неистово бьётся жилка на нём, почти трепещет. Леден развернул к себе Елицу спиной, распахнул разодранную раньше рубаху и принялся распускать перевязь, которая уж ослабла и начала сползать со спины. Да только княжна сама уж на это как будто и внимания обращать не хотела, хоть ткань и пропиталась кровью изрядно. Благо не успела Димины пробить ей лёгкое — иначе совсем пришлось бы худо.

Сейчас кровь почти перестала идти, но всё ж ещё набухал порез алой сукровицей — коли травы приложить, станет гораздо лучше.

— Я сейчас.

Леден отбросил длинный, замаранный в крови обрывок подола в сторону и вышел в большую хоромину. Быстро поставил на уже потухшую, но ещё отдающую много тепла печь миску с водой — подогреть — а сам направился в сени, где стояли на полках вдоль стен горшочки большие и маленькие, с надписями на круглых боках. Стараясь как можно быстрее отыскать нужный, Леден быстро перебрал их и наткнулся наконец на тот, где был сок медуницы. Она и кровь запрёт, и сразу никакую в ранку не пустит.

Пока он возился со снадобьями, вода уже подогрелась. Он подхватил, обжигаясь, миску в другую руку, зацепил на ходу рушник

чистый, что на стене у стола висел — и поспешил к Елице, которая, верно, уж заждалась.

Княжна, пока его не было, спустила с плеч рубаху совсем испорченную — и та повисла на поясе её. Сейчас она стояла, отвернувшись, и придерживая только края её, чтобы прикрыться. Леден так и замер, едва её увидев, вдохнул медленно, чтобы не разорвалась грудь, словно воздухом переполнившись. Закрыв глаза — до того слепил из вид обнажённой спины княженки с тонкой багровой полоской неглубокого пореза под лопаткой. Эх, зря взялся её перевязывать. Да больше некому — не ждать же Боянку.

Заслышав его шаги, Елица обернулась через плечо чуть испуганно, кажется.

— Что ж ты злой такой, княжич? — улыбнулась с укором. — Так топаешь. Всё хорошо будет.

— На Димину злюсь. Вон, едва совсем до беды не довела. Хорошо, что больше оцарапала всё ж.

Он поставил миску на узенький столик, отодвинув какой-то ларчик. Обмакнул рушник в неё и отжал от лишней воды. Осторожно провёл под раной, а после — над ней, стараясь касаться как можно осторожнее. Да Елица всё равно застыла, слегка вздрогнув. Покрылась вся гусиной кожей и посмотрела вновь, чуть повернув голову, удерживая у груди обрывки рубахи. А после сама тряпицу взяла и обтёрла осторожно другой порез, совсем уж слабый — чуть ниже шеи спереди.

Билась буйная кровь то в сердце, то в кончиках пальцев, то в паху, пока Леден мазал рану красным соком медуницы да перевязывал снова её, обхватывая длинными обрезками нашедшейся в избе тканины гибкий стан княженки. Касался иногда нарочно кожи её в редких крапинках родинок, нежной, словно лепесток первоцвета — не мог удержаться. Иногда падал взгляд поверх плеча на груди её полные, что она теперь только ладонями прикрывала, на округлости их мягкие, на ложбинку тёмную, в которую лицом хотелось уткнуться. А как закончил — только едва увидел сквозь вставшую перед глазами туманную пелену, как ведёт пальцами вдоль спины Елицы — от лопатки здоровой вниз. Нажимает легонько, оставляя белые, пропадающие тут же полосы. И не мог ничего с этим поделать, не мог

остановиться. А она дышала часто и комкала одной рукой остатки одежи, вновь вверх поддёрнутой, а другой — понёву.

Кружило голову, рвало дыхание из груди от дурмана страшного. И вспомнилось — не признаться никому ведь — стыдно, как смотрел он на неё там, на берегу Яруны, на пути к веси отсюда недалёкой. Много не застал, да всё ж успел заметить, как накрывает подол белой рубахи ноги её стройные — всего лишь мгновение одно. А после, совсем как во сне его давнем, села княженка косы плести. И пела песню такую же — аж дурно становилось: так всё совпало. Он сбежал тогда прочь ещё до того, как успела она насторожиться. Почти на ходу содрал с себя одежду, едва до стоянки их ночной добрался — и тут же в реку окунулся, с разбегу, немало удивив тем братца, который искупаться уж успел. Казалось, что раскалился он весь добела — и как вода вокруг него не зашипела — непонятно.

Сейчас ему бы реку ту — не повредила бы вовсе.

Леден склонил голову и скользнул дыханием вдоль шеи княжны — от чуть выступающего позвонка вверх — до пробора, что разделял волосы её на две косы.

— Всё? — спросила Елица, почти пискнула.

— Всё, — он не узнал свой голос, таким низким он стал и охрипшим, словно жажда его дикая мучила. — Пойду брата проведу.

Он отшагнул прочь, неловко повернувшись, едва не задел плечом стенку и вышел в большую хоромину. Снова заворочалась на своей лавке Боянка. Села, наконец, сонно моргая и не понимая, кажется, где находится: крепкие вышли чары у Димины, как только не погубили столько людей.

— Это что? Уж и вечер скоро? — ахнула челядинка, выглядывая в окно. — Как же?..

Она ошарашено уставилась на Ледена который только едва взглянул на неё.

— Рубаху чистую княжне неси! — рявкнул он.

В два прыжка взлетел по всходу и дверь за собой торопливо захлопнул. Вдохнул запах соломенный, пыльный — сеней полутёмных, освещённых лишь маленьким окошком без волока даже. Отдышался чуть, пытаясь тело своё взбудораженное унять. В паху колом всё застыло — хорошо, если Боянка не заметила. Да куда уж ей — после такого. Ох дурень же, ничто его уму не учит — и знал ведь,

что забота о княжне такая только хуже ему сделает, только глубже бороной острой пройдёт, оставит след, который не залечить теперь. А всё равно полез.

Он тряхнул головой, вцепился пальцами в волосы до боли — едва клочок с досады не выдрал — и дальше до сенника пошёл.

ГЛАВА 9

Давно уж, ещё вчера, пропали из вида городни Логоста, а Вышемила всё оборачивалась, не в силах совладать с очередным порывом. И всё надеялась, что вот появится на узком хвосте тропы погоня от батюшки, накинется на небольшой вовсе отряд зуличан и отобьёт её непременно. И не сразу удавалось вспомнить, что Чтибор-то о том, где она была и где искать её теперь, ничего не знает. Да и что там сейчас творится — в самом Логосте — неведомо. Жив ли кто из родных?

Шли неприятели тропой глухой, только охотникам ведомой, в сторону от Велеборска — как удалось Вышемиле понять. А уж верно или неверно — в том она совсем не была уверена. Страх, признаться, разум вялый застилал. И всё казалось, что кошмар этот — лишь сон — и скоро закончится.

Но не закончился он вчера, как увезли Вышемилу прочь от родного города, и нынче уже поднялось высоко Дажьбожье око, опалило кожу первым нарастающим жаром — а морок никак не обрывался от звонкого крика петуха у околицы или голосов уже проснувшихся рано хозяев. Всё так же ехали всадники среди берёз светлых, безмятежных, что обмывали стволы нарядные в лучах светила. Так же тихо поскрипывало колесо у телеги обозной, куда усадили Вышемилу. День катился к вершине, крепчал зной — и в мутной от почти бессонной ночи голове всё яснее расцветало понимание: это не прекратится, не окажется вздорным сновидением. И что ждёт её дальше — может, одной Макоши ведомо. А скорее всего помощнице её — Недоле, которая усидчиво взялась за прядение нити её жизни.

Так же часто, как назад, Вышемила обращала взгляд в спину старшего зуличан — Камяна. Таким именем он назвался — и другое вряд ли подошло бы ему так же верно. Он то ехал впереди всего отряда — и тогда пропадал из вида. То пропускал ватажников вперёд, а сам пристраивался сбоку от телеги, где сидела, поджав колени к груди его пленница, и просто держался рядом, будто увериться хотел, что мысли о побеге ещё не толкают её на глупости. Да куда уж... Она и

сама понимала, что кинься сейчас с телеги — и если ноги не переломает на ходу, то обязательно поймают её уже у обочины, в ближайших же зарослях молодого березняка. А то и застрелят: вон стрельцы какие зоркие у Камяна, всё вертят по сторонам головами, что филины, и глаза их словно самоцветы какие посверкивают. Спины прямые, руки напряжённые, готовые в любой миг выхватить из притороченного к седлу тула стрелу. Не ждали они здесь приветливой дороги, опасались засады, пусть и в стороне от людского жилья. К тому же среди них были косляки — теперь кто увидит, и не сдобровать никому — большая часть косляцкой ватаги ушла по другой дороге, отбиваться будет сложно.

Но как бы ни оскудел отряд Камяна, разделившись со степняками, а их сил точно хватит, чтобы изловить одну напуганную пленницу. Потому Вышемила сидела, прижавшись боком к борту телеги, и пока только озиралась. А Камян то и дело появлялся рядом — и тогда становилось страшно от мысли, что будет дальше. Ведь один раз он уже взял её силой, в сырой от росы траве. А после отдал своим ватажникам на потеху. Что помешает поступить с ней так же вдругорядь?

Хоть и, надо признать, заступился он за Вышемилу намеренно, на первой ночной стоянке после ухода из Логоста. Сам он не пришёл, оставив её в шатре под присмотром своих людей, а вот те и решили с добычей, которую общей, видно, посчитали, позабавиться, пока старшой не видит.

Вышемила, едва смежив веки и попытавшись отринуть бьющиеся в голове отчаянные мысли, услышала, как подбираются к ней. Вскочила, отбиваясь от загребущих рук, закричала так звонко, как могла, не надеясь, впрочем, ни на чью помощь. И Камян словно соколом с неба свалился — разметал мужиков в стороны. Одному даже щёку ножом посёк.

— Приблизитесь к ней ещё — в лесу этом останетесь зверью на еду, — пригрозил. — Моя.

И ватажники поняли всё сразу. Даже и слова поперёк ему не сказали. Вышемила же настолько перепугалась, что ничего и вымолвить не смогла. Только в угол забилась: подальше ото всех. А особенно — от Камяна самого. Да он ушёл снова — молча — и где ночь провёл, она не поняла. Не рядом — и ладно.

Наутро тех дозорных, что её стерегли, можно было легко узнать среди остальных по синякам сочным на лицах и виду злому и раздосадованному. Зато все уяснили теперь, что только Камяну пленница новая принадлежит. И пока никого не находилось, чтобы это оспорить.

Только от заступы жестокой Вышемила Камяна бояться не стала меньше, ничуть не прониклась к нему благодарностью. А он словно и приглядывать за ней стал сегодня пуще: то ли своим не доверял до конца, то ли ей.

— Не трясись. Что ты, какмышь? — проговорил он насмешливо, в очередной раз придержав коня рядом с телегой. — Косляки продали бы тебя на Южном пути. А там работа тяжкая, плеть по спине за провинности. А со мной... со мной тебе гораздо лучше будет.

Он опустил на неё взгляд чуть прищуренный, улыбнулся криво — и лицо его и вовсе жутким стало. Хоть Вышемила и успела уже подумать, что, если бы не этот леденящий волчий взгляд и ухмылка извечная на губах, похожая на оскал, он был бы, верно, покраще многих. Или хотела она найти в нём приятные черты, чтобы хоть малость себя утешить. Выходило пока — хуже не придумаешь — и в груди то и дело всё сжималось в комок.

Вот и сейчас дрогнуло и упало сердце вглубь камнем, как скользнул взгляд Камяна по ней — бесстрастный, хищный. Она молила только, чтобы Дажьбог задержал нынче Око своё на небоскате — попозже бы ночь наступила. Отодвинуть бы этот миг.

— Зачем я тебе? — решила она всё ж спросить, хоть и знала ответ.

— А может, понравилась ты мне тогда, — усмехнулся Камян. — Вон. Вспоминал о тебе.

Он тронул оберег на гривне своей — хорошо знакомый. И Вышемила, словно в омут, рухнула в померкшие было воспоминания: как ходил кадык его на шее прямо перед лицом, качались при каждом толчке другие обереги в связке, тихо звеня. И по губам его блуждала ухмылка гадкая. Такая, как сейчас. А после сорвался с них тихий хрип, как излился он, оставаясь глубоко внутри. Других лиц, что были за ним, она, признаться толком не помнила. И покажи ей кто сейчас их — не узнала бы. А его впечаталось в память, верно, теперь уж на всю жизнь. Вышемила отвернулась, вперив взгляд в пронизанную светом Ока чашу. Но продолжала чувствовать на себе его внимание: как

изучал он её, как ощупывал всю — словно решал уже, что делать с ней будет.

Вставали за день на привал всего пару раз — и ненадолго. Вышемили даже позволяли сходить наземь — разминать затёкшее от долгого сидения тело. Но вокруг как бы невзначай сразу смыкались неплотным кольцом ватажники Камяна — не сводили с неё взглядов, едва не следом ходили. И тогда даже кусок в горло не лез, хоть и была она, признаться голодна. И тут отказаться бы от еды вовсе, да откуда ж потом силы взять — хоть как-то да бороться? А может, случай подвернётся удобный — сбежать? Уж лучше в лес, чем к нему под бок.

Так и ехали они до самого глубокого вечера, торопясь, подгоняя то и дело лошадей крепких, длинноногих — словно хотели непременно куда-то успеть нынче. Из отрывков разговора ватажников лишь удалось понять, что собираются они примкнуть к другому отряду, что раскинул становище у одного из притоков Велечи.

— На лодьях им-то гораздо справнее добираться, — ворчал один мужик, устало ссутулив плечи. — А мы мотайся тут. Тьху. С косяками этими ещё якшаться надобно.

Он ещё раз щедро сплюнул в сторону, поглядывая в спины степнякам, что ехали чуть впереди. И то ли у тех оказался такой острый слух, то ли давно они уже чуяли неприязнь союзников своих — и потому лишь одно упоминание их заставило насторожиться: воины обернулись. Пронзили ворчуна взглядами тёмными, недобрыми и перемолвились между собой парой слов на своём языке.

— Ты бы поосторожнее трепался, — посоветовал тому соратник. — А то прирежут где в кустах — и спросу с них нет.

Вышемила согласна была с ним. Она перевела взгляд на косяков, которые снова смолкли, отвернувшись, будто и не было ничего. Но, видно, и они не чувствовали себя на чужих землях в безопасности — хозяевами. Не сняли даже в пути кольчуг и поножей, что защищали их сильные, привыкшие к долгой езде в седле ноги. Они и шлемы надели бы, верно, что висели сейчас у сёдел — остроконечные, увенчанные длинными кисточками из конского волоса — но и слабость большую, опасливость показывать нельзя. Кто бы союзником ни назвался. А теперь и вовсе кто знает, какие мысли в их в головах зародились от неосторожного осуждения зуличанина. Хоть и сошлись те со

степняками, а всё равно друзьями не стали. Хотели, видно, только Велеборское княжество подербанить хорошенько.

Не давал себе отряд весь день роздыху вовсе не зря: как совсем уж загустели вечерние сумерки, обхватив духотой влажной близ реки, свернули все по едва заметной, вмещающей лишь пару воинов рядом тропе. Показалось, проглотит сейчас всех зуличан чаща заросшая — да и хорошо бы — но показались скоро меж сосен бронзовых огни стана большого, что раскинулся вдоль русла Сороки — быстротечной дочери Велечихи, которая бежала к ней издалека. Скоро донёсся и шум его, намешанный из разных говоров и голосов: здесь тоже собрались не только зуличане, которых можно было даже издалека узнать по вышивке синей особой на одежде, но и косяки. Встали они россыпью шатров чуть в стороне, дальше по течению. Пока ехала, опасно покачиваясь на неровной тропинке, телега, Вышемила успела многое разглядеть. И то, что видела она, для любого показалось бы тревожным. Верно, не всё это было войско, да и оно казалось уже большим, способным после осады или нахрапом захватить такой город, как Логост. А уж если сольётся с другими отрядами, так и, верно, за Велеборск сможет потягаться.

Как ни мало смыслила в том Вышемила — а уж и у неё сердце забилося взволнованно: как бы восточку отправить в детинец Велеборский? Уж, верно, они не знают ещё, что подбирается неприятель всё ближе. Да как? Она ни с кем тут не могла и говорить даже, а уж чтобы помощника себе сыскать...

Громко здоровался со всеми, кто на пути попадался, Камян. То и дело сыпались в его сторону скабрезные шутки; многие мужи любопытствовали: что за девица едет на его телеге и где он такую раздобыл. Тать отмахивался только, а то и угрожал, чтобы никто к ней и лезть не вздумал. Мужики лишь руками на него махали, пытаясь скорее отвязаться от его гнева.

Далеко, на другой конец становища, ехать не пришлось. Камян, видно, был одним из верных ближников Зуличского княжича, а потому место обширное для него было оставлено вблизи от развёрнутого уже шатра Гроздана. Некоторые воины, что сопровождали Камяна, поехали дальше. А телегу он приказал остановить тут же. Вышемила и вовсе в угол забилась, решив в какой-то миг, когда отчаяние всколыхнулось в

груди особенно сильно, что пусть её убьют, но с места этого она не сойдёт.

Самые молодые, похожие больше на отроков ватажники тут же принялись расставлять шатёр. Надолго ли придётся здесь задержаться? Пока возились они, надо сказать проворно и привычно, Камян раздал приказы своим людям, что-то объяснил прибывшим с ним косякам: на их наречии он говорил, оказывается, очень сносно — степняки его понимали. Тать справился о том, где сейчас Гроздан — и ему ответили, что княжич выехал нынче утром на охоту — а значит, скоро вернётся. Показалось, о Вышемиле и вовсе забыли все, оставив в повозке. Она даже заозиралась невольно, подумывая о том, что, может, стоит стрельнуть в кусты — авось никто и не заметит. Никто и не смотрел в её сторону. Она переползла помалу на другой конец телеги, откуда можно было бы удобнее и незаметнее выбраться под прикрытием мерина, которого ещё не распрягли.

Шатёр скоро собрали: дело нехитрое. Время неумолимо уходило, начали стекаться дозорные ближе — и тоже мало кто упускал случай взглянуть на пленницу Камяна. Подбежал к нему отрок вихрастый, конопатый — видно, здешний — и тот сказал ему что-то доверительно, мальчишка кивнул и к телеге направился.

— Слазь, — велел Вышемиле ломким голосом.

И она укорила себя за нерасторопность. Ведь могла бы уже бежать через лес. А там куда вывела бы судьба. Но теперь пришлось спуститься наземь и идти за высокомерным сопляком, с которым не могли бы сравниться отроки ни Ледена, ни Чаяна — всегда приветливые и почтительные.

Парень провёл её в шатёр, где другие подручные уже расставляли кое-какие вещи, без которых даже на стоянке недолгой не обойтись. Бросали ковры, чуть влажные, едва, видно, вычищенные — от них несло мокрой шерстью. Тащили ларь большой к стене — уж неведомо с чем: то ли с одежей, то ли с добром каким, в набегах краденым. Лежанка уже была готова — одна на всё укрытие. Сколько Вышемила ни вертела головой — другой не нашла, хоть и надеялась, признаться, что постелят ей отдельно. А может, просто потом сведут в какой другой шатёр? Где пленников держат?

Она села у очага небольшого, вырытого в земле и замерла, наблюдая за суетой вокруг. Отрок, что сюда её привёл, встал было

позади, не спуская взгляда. Но скоро все помалу разошлись, наведя в укрытии какое-то подобие сурового дорожного уюта. Камян не торопился на отдых — его голос, который так и засел в ушах за день, раздавался то поблизости — и тогда всё внутри замирало: сейчас войдёт! То звучал вдалеке, всё ж хорошо различимый среди общего гомона.

Кипела жизнь в стане зуличанском, никак ещё не стихая по вечернему часу. Вышемила то и дело вздрагивала от каждого шороха, от звуков шагов, что мимо проносились. Всё поглядывала на полог закрытый, что не пускал внутрь ни единой струи свежего воздуха. То оборачивалась на отрока, который сел теперь неподалёку и принялся плести что-то сосредоточенно — видимо, тетиву. И бежать отсюда хотелось, и с места двинуться было почему-то страшно.

Полог вдруг откинулся, словно подхватило его сильным ветром — пахнуло внутрь мясом, жареным над огнём, плеснуло голосом реки, что почти тонул в шуме становища.

— Брысь отседа, — приказал Камян, войдя.

И отрок тут же подскочил да и бегом прочь вышел.

Вышемила, словно силы вдруг обрела, вскочила на ноги, развернулась к татю, ожидая всего чего угодно. И разговора, и нападения — она не ведала, каков Камян обычно — знала только таким, каким увидела в тот день треклятый.

— Хоть дух перевести малость, — он улыбнулся как будто даже устало.

И Вышемила сложила руки у груди, решив вдруг, что сумеет сейчас его хоть на что-то уговорить.

— Отпусти меня, прошу. Отец мой тебе награду большую за меня даст, коли ты меня домой привезёшь, — заговорила торопливо, боясь, что он и слушать не станет.

Камян шаг приостановил, задумавшись, приподняв брови густые, словно не понял, о чём она вообще толкует. Вышемила и по лбу себя едва не стукнула: не знает ведь он, кто она такая. Считает, верно, что у обычного оратая или даже старосты не найдётся столько денег, чтобы расплатиться за выкуп дочери.

— Деньги мне за тебя не нужны, — он пожал плечами и двинулся навстречу вновь. — Мне девица нужна, чтобы складная, красивая.

Чтобы торопиться к ней хотелось. Чтобы ласкала — и тело, и взгляд. А что деньги? Их я и по-другому добуду.

— Так и девицу себе другую добудешь.

— Не хочу другую, — усмехнулся он. — Тебя хочу.

Камян приблизился медленно, расстёгивая пояс свой с оружием. Вышемила отшатнулась прочь, да налетела на сундук, что под ноги попался. Села на него неловко, а как попыталась встать снова — тать уж близко совсем оказался. Обхватил рукой за талию, рванул к себе — да она вырвалась, звонко вскрикнув. Может, кто услышит да решит вступиться?

— Да не шуми, не бойся, — проговорил Камян низко, кажется, ничуть не разозлившись. — Коль не будешь яриться, так и понравится.

От запаха его, с которым навечно связалась та ночь в памяти, аж голову кружило — того и гляди в обморок хлопнуться можно. Вышемила выставила перед собой руку, да где ж остановить напор мужской, коли надо ему сильно. Камян тут же её схватил и потащил в сторону, к лежанке, то и дело поддёргивая, чтобы не задерживала. Взмахом широким швырнул на ложе — и вмиг сверху оказался. Никакие толчки, никакие удары в каменную грудь и по плечам не могли сдвинуть его ни на вершок.

— Тихо, тихо. Никто не отзовётся, — зашептал он, комкая её подол. — Радуйся, что забрал тебя у косяков. А то и хуже могло бы стать. А тут только моя будешь.

Вышемила попыталась вывернуться, но лишь мышцы скрутило жгутами от усилий. Ударила Камяна по лицу, да он и не заметил как будто. Она закричала было снова — тать ей быстро рот ладонью запечатал. Дёрнул подол до треска ткани вверх, провёл шершавой, в мозолях, рукой по бедру. Пальцами грубыми — между ног и внутрь, к сердцевине самой — аж слёзы из глаз выбило. Заскользил медленно, растягивая её, поглаживая. А губами зашарил по шее, скулам, жадно вдыхая запах её.

— Развязывай, — приказал глухо, тыкаясь лицом в плечо.

Поймал руку и приложил к паху своему, твёрдому, вздыбленному.

— Провались ты! — выплюнула Вышемила, едва рот освободился.

Камян хмыкнул и сам порты принялся стаскивать, продолжая входить в неё пальцами.

— Ничего, скоро сама меня раздевать будешь. Скулить будешь. Умолять, чтобы взял.

Он врывался в неё безжалостно, давая понять, что дальше только хуже будет. Да она и сама о том помнила, как будто вчера это случилось.

Вдруг пронёсся по шатру от стены до стены воздух свежий, живой, как откинулся полог снова. Встала в проёме фигура мужчины, замершего в замешательстве. Он кашлянул громко, но уйти не поспешил.

Камян резко повернулся к нему, уставился гневно, ещё держа руку между ног Вышемилы, но остановившись хотя бы.

— Чего надо, сучий потрох? Не видишь, занят?

— Там Гроздан с охоты вернулся. Тебя хочет видеть. Немедля.

Камян выругался тихо, неразборчиво, но, судя по всему, очень грязно. Встал и порты, почти уже снятые, поправил, вытер о штанину руку и пошёл вслед за мужиком, что оказался для Вышемилы неожиданным спасителем. Только надолго ли?

Мужчины скрылись за пологом, но сразу вошёл знакомый уже отрок — и уселся на то же место, где и раньше сидел. Ни разу он не посмотрел в сторону пленницы, будто и дела ему никакого до неё не было: какая разница, с кем старшой развлечься вздумал.

Вышемила оправилась осторожно, чтобы не привлечь к себе его невольного интереса. Улеглась, прижав колени к груди, всё пытаюсь страх в душе уложить. А в мыслях — понимание того, что влипла она всё ж не на шутку. Пока ехала до лагеря, всё надеялась, думала, что откуда-то но придёт спасение. Нагонит отряд из Логоста, встретится кто на пути... А теперь оказалась она в шатре того, кто ссильничал её однажды, нос к носу с ним — и бежать некуда отсюда: кругом люд, соглядатаи и дозорные.

И уже начала Вышемила погружаться в тяжкую дрему: день нынче выдался не из лёгких — но вошёл в шатёр ватажник. Один из многих незнакомых. Он огляделся и до лежанки дошагал твёрдо, а там поддёрнул Вышемилу под локоть, усаживая.

— Идём. Княжич зовёт.

Она встала, едва не застонав от ломоты во всём теле и лёгкого жжения между ног. Поплелась за мужиком, бездумно глядя в его спину слегка сутулую. И зачем только Гроздану понадобилась? Нешто Камян

с ним решил пленницу свою разделить? Тому вовсе и удивляться не пришлось бы.

Они прошли недалеко: до шатра княжича, большого, чуть пыльного — в буро-белую полоску. Внутри раздавались хмельные голоса, выкрики буйные, словно шёл какой-то спор, в котором стороны не могли никак найти согласия. В груди всё содрогалось, как узнавала Вышемила голос Камяна, но отвечал ему, кажется, спокойный и уверенный — негромкий вовсе, но чудом пробивающийся среди гомона общего.

Ватажник откинул полог, пропуская вперёд. Вышемила, невольно разглаживая подол и стараясь не думать о том, что ждёт её внутри, вошла. Обхватил сразу со всех сторон запах резкий изрядно немых тел в дороге мужицких. И пива кисловатого — даже веки защипало. Горел очаг небольшой в серёдке: вокруг него и собрались княжич с ближниками. Разложена была перед ними на полотнищах снедь не слишком щедрая: да и какой ещё обзавестись в пути?

Гроздан отвлёкся от разговора с ватажником, что сидел слева от него, и поднял взгляд. Тут же вцепились в Вышемилу и глаза Камяна, что по правую руку от княжича расположился и молчал теперь угрюмо, словно чем-то обиженный.

— Вышемила Чтиборовна, значит, — протянул Гроздан.

Вытер руку, испачканную в мясном соке, о ближайшую ткань и встал. Ближники его замолчали, вперились все, как один, в неё — будто в один миг без одежды оказалась. Но то ладно: вряд ли Камян всё ж позволит кому-то теперь её коснуться.

— Да, не ошибся ты, — она кивнула.

И в голове вдруг родилась мысль едва не безумнее тех, что раньше были: у княжича заступы попросить. Раз уж узнал он её, хоть и виделись они в детинце Велеборском от силы раз-другой. И то мельком.

— А то Камян мне тут добычей своей хвалился, — он покосился на подручного своего хитровато. — Уж и красивая, и ладная такая. И что плотку любому — даже мне — перегрызёт, если кто тронуть тебя вздумает. А как имя твоё назвал — я и не поверил сначала.

— Так что тебе от имени её, княжич? — угрожающе пророкотал Камян.

— А то, что сестра она княгини Велеборской, — беззлобно пояснил тот. — И, стало быть, нам есть, о чём поговорить с Зимавой. Она уж вовлекла меня в дела бесславные. Теперь пусть расплачивается. Коли жизнь сестры дорога.

Ватажники загомонили одобрительно. А Вышемила едва не рассмеялась. Уж вовсе не уверена она была теперь, что угроза, нависшая над сестрой, кровью родной, заставит княгиню сделать то, что ей не надобно.

Камян взглянул на Вышемилу как будто и по-другому немного. Понял, видно, что не простая девушка сельская ему попалась — кровь от крови одного из родов самых древних Велеборских. Да вряд ли это хоть сколько-то заставит его пленницу свою побережь. Может, только пуще пожелается ему под себя её подмять, сломать быстрее, помучить.

— Ну, посмотрел на неё, значит? — будто мысли Вышемилы прочитав, буркнул Камян. — Она — моя добыча, как и любая на её месте. И разговоры, что ты тут ведёшь, княжич...

— Больше пальцем её не трогай, — прервал его Гроздан. — Иначе отсеку тебе сам знаешь, что.

Камян похабно усмехнулся, и Вышемила аж до ушей самых краской залилась, вспомнив, что он делал с ней совсем недавно. Кажется, каждый в шатре этом то понял: запереглядывались мужики многозначительно, захмыкали.

— Так может, и вовсе тебе её отдать? — осклабился ближник княжича. — Что-то гляжу, ты на чужое добро готов рот разевать. То у меня девку хочешь забрать, то у остёрского княжича его потаску...

Договорить он не успел. Одним шагом Гроздан приблизился и с замаха хорошего, щедрого, всадил кулак Камяну в скулу, чуть ниже уха. Тот, не ожидав нападения, завалился на спину — аж ноги вверх взлетели. Мужики загоготали все вместе — едва не затряслись стены шатра. Вышемила только прижала ладонь к губам, пряча за ней улыбку невольную. Не от того совсем мужа она заступы ожидала — но и такая сейчас была приятна, пусть Гроздан, скорее, из-за нелестных слов подручного о Елице взъярился.

— Елица не потаскуха, — княжич схватил Камяна за грудки и вверх дёрнул, заставляя снова сесть. — И я ещё заберу её назад. А Вышемилу обидишь чем — будешь всю оставшуюся жизнь сидя мочиться. Понял?

Ничуть он не опасался соратника старшего и на вид грозного — таким княжич-не княжич — всё равно кого ножом по горлу полоснуть, если не угоден окажется. Да Гроздан, верно, всё ж узду держал в ватаге своей полуразбойничей — и они все до единого сейчас смотрели на него с уважением. Все, кроме Камяна, который, задрав голову, скалился недобро.

— Понял, — бросил всё же, совладав с собой, хоть и показалось на миг, что готов в драку броситься.

Гроздан отпустил его и вновь к Вышемиле повернулся.

— Будешь жить в шатре с другими пленницами, — проговорил, усаживаясь вновь на своё место. — Чуть что случится — без страха говори мне.

Он ещё раз угрожающе покосился на Камяна, а тот только хмыкнул, утирая выступившую в уголке рта кровь.

— Спасибо, — Вышемила кивнула, опасаясь сейчас хоть раз с ближником его взглядом встретиться.

— Благодарить после будешь, — махнул рукой княжич. — А лучше поможешь мне с сестрой твоей говорить. И с Елицей, если понадобится. Нам в Велеборск очень попасть нужно.

Она не стала ничего на это отвечать. Не хотелось и малую подмогу Гроздану оказывать в деле, что он задумал — ведь грозило это не только захватом Велеборска новым, а ещё и опасностью для Елицы, которая и без того натерпелась вдоволь от зуличанина. Но пока ничем она мыслей своих не выдала, только опустила голову смиренно, ожидая разрешения уходить. Разлилось молчание по шатру — недолгое. Да вдруг Камян встал резко со своего места и прочь вышел. Гроздан головой покачал, проводив его взглядом.

— Ничего, позлится да перестанет. Найдёт себе другую забаву. Иди.

Он жестом приказал отроку, что стоял у полога шатра, чтобы тот Вышемилу проводил. Она пошла за мальчишкой, едва не задыхаясь от невероятного облегчения, что наполняло её сейчас с головы до пят. Не повезло ей, когда довелось в лапы косяков попасть, а сразу после — к Камяну окаянному. Да сотню раз она готова была Гроздана благодарить за помощь, хоть сделал он это, конечно, лишь из собственной выгоды.

Парень, имени которого Вышемила так пока и не узнала, повёл её через лагерь — в сторону другую от шатра Камяна. По позднему часу всё уже стихало кругом: расходились воины по укрытиям, обихаживали отроки лошадей тех, которых не успели ещё. Доедали у костров ватажники последнюю дичь и кашу: аж узлом всё скручивалось в нутре от запахов вкусных. Вышемила и не вспомнила до сего мига, что с обедни самой ничего не ела. Пока она размышляла, как бы о том провожатому напомнить, и не нарвётся ли она на грубость от сурового мальчишки, не заметила, как возникла рядом тень широкая — между двух шатров, где уже стихали последние разговоры. Стальная хватка вцепилась в локоть. Рывок — и Вышемила, едва не рухнув, оказалась в зажатой в тисках крепких рук. Ладонь шероховатая зажала ей рот, а по уху заскользили губы чуть влажные.

— Не думай, красавица, что так просто от меня отделалась, — шепнул Камян. Смял пальцами её между ног прямо поверх подола. Погладил с грубым нажимом. — Как только ослабнет внимание Гроздана к тебе. Как перестанешь быть ему нужна — сразу у меня на ложе окажешься. И тогда держись.

Вышемила дёрнулась, крикнуть попыталась — да вышло только мычание невразумительное, что потонуло в затихающем шуме стана. Камян провёл рукой по её животу вверх, сжал грудь больно и отпустил ровно в тот миг, как показался в проходе между шатрами, куда он пленницу и утащил, отрок — дюже злой, но и напуганный тоже. Уж ему бы влетело в первую очередь за то, что не углядел.

— Эй! Ты чего тут? — заикнулся он было.

Да Камян и не ответил ему ничего — быстро скрылся в тени шатров.

Отрок вздохнул досадливо — всё ж не углядел, получается. Но ничего говорить не стал, просто развернулся и дальше пошёл, но теперь уж то и дело на Вышемилу оглядываясь. Скоро добрались они до шатра, по которому сразу можно было понять, что женский: сновали кругом пленницы, а то и робы, в поношенных рубахах, залатанных когда аккуратно, когда уже наспех, видно. Втыкались взгляды их безразличные под рёбра самые: ещё одна, и без того тесно. Да на лицах некоторых читалось облегчение как будто. Может, захочется кому-то из воинов потешиться, так вместо какой из них вот эту чистенькую возьмут. Не знали они, конечно, что Вышемила под

защитой Гроздана самого. Как бы не вышло худо, когда это станет им всё ж известно.

Оказалось, что многих, если не всех, собирались скоро продать, пустить дорогой в южные земли. Кому-то суждено было осесть челядинками в тех владениях, через которые ехать им придётся. А то и у косяков тех же. Напрасно Вышемила выискивала хоть одно лицо знакомое: все они были из весей других. Может, даже и не Велеборских. И участь их была незавидная, не надеялись они уже на помощь хоть чью-то — только уповать приходилось, что далеко на чужбину не придётся ехать: в соседнем княжестве остаться получится. Там хоть говор свой и люди — почти свои.

И боялась теперь Вышемила, что Зимава не сумеет её вызволить. Не пожелает, может, или цена, которую назовёт за жизнь сестры княгини Гроздан, покажется ей несоразмерной. И поселится тогда в глазах её постепенно такое же безразличие и обречённость, как и у женщин этих: молодых девиц или вдов с заплетёнными должным образом косами. Когда всё равно, куда дорога заведёт, лишь бы не стало хуже, чем сейчас.

Двинулось войско на другой день дальше. Пришлось покамест и работу, пленницам положенную, выполнять: готовить на всю ватагу княжича снесь, стирать и чинить одежду мужицкую, сушить — и не забывать, что кому принадлежит. Сворачивать ковры, что расстилали в шатрах, чистить их до ломоты в руках. Немного дней оставалось до Велеборска — но и за первые после освобождения из-под гнёта Камяна Вышемила сполна ощутила всю тяжесть невольничьей доли. Ведь милость Гроздана защищала её лишь от посягательств мужчин — в остальном поблажек не было. А вот другим пленницам не везло: их таскали в углы тёмные все, кому не лень. Девки были, конечно, кляли ватажников на чём свет стоит, пили травки хитрые, чтобы не дай Лада, дитя от кого из супостатов этих не понести. Мазали ссадины, натёртости между ног, зная, что, может, и зажить не успеют.

И всё чаще обращались на Вышемилу их вопросительные взгляды: отчего же им подолы задирают то и дело, а её едва не десятой стороной обегают. Пошёл слух, что самого Гроздана новая пленница по ночам ублажает. Наблюдали за ней: не уходит ли куда вечерами — да Вышемила работу свою положенную выполняла и вместе со всеми спать укладывалась, слушая недобрые шепотки. И оставалось только

Макошь молить справедливую, чтобы дорога до Велеборска скорее закончилась. Не то чтобы боялась она, что бабы её побьют — вроде как, не за что — но сносить их тяжкое любопытство и молчаливое неодобрение не было уже никаких сил.

Всё тревожнее становилось, как примыкали по дороге к войску Гроздана всё новые и новые десятки. Сползались, словно змеи в один клубок: зуличанские воины на ладьях, что причаливали к глухим, безлюдным берегам, косяки, прошедшие дикими тропами. Хотя и не скрывались они особо, да никто их не ждал, конечно. И горе постигало те веси, через которые доводилось им пройти. Доносили порой разведчики княжича, что попадались им недалеко местные: всё разнюхивали, наблюдали скрытно. Да никому уйти не удавалось живыми, как и весть донести до столицы.

Скоро недалеко осталось и до Велеборска. Долгую перед последним переходом стоянку приказал разворачивать Гроздан. И тут видно стало, что зуличанское воинство всё же чуть меньше того, что когда-то привели с собой Светоярычи — даже с подмогой косяков.

Говорили, многие отряды пустил княжич вдоль границ: разбить дружины в острогах тех, что могли ещё прийти к Велеборску. Да что из того получилось, Вышемиле разузнать не удалось, хоть и стала она слышать гораздо больше с тех пор, как пленницей обратилась. Выполняя работу постоянную, она сновала частенько среди мужчин и разговорам их внимала — никто её не гнал. Да всё казалось ей, что знает она слишком мало, чтобы даже при случае помочь велеборчанам. Понимала, конечно, что в детинец весть передать будет сложно, да так, разузнав в очередной раз что полезное, она чувствовала себя хоть немного более полезной для них.

Многих на пути своем встречало зуличанское войско. Кто торопился сразу в сторону свернуть — о том разведчики докладывали да дозорные, которых вперёд пускали. Кто не успевал сообразить — таких останавливали, требовали с купцов плату за то, чтобы дальше проехать по большаку, что вёл на юг — по дороге, самой для торговли важной.

Вышемила каждый раз пыталась приблизиться к торговым обозам, к людям, что их сопровождали: да тем и дела не было до обычной пленницы. Ну, не повезло девице, а значит, недоля у неё такая. Уж сколько она прислуживала, когда принимал у себя Гроздан

очередного купца в шатре, а ни с кем из них и словом обмолвиться не получалось. Отчаяние всё больше било по сердцу, то и дело на глаза слезы наворачивались от бессилия хоть что-то сделать. Хоть и озаботился её судьбой и безопасностью Гроздан, но и в ловушку загнал. Будь она обычной робой — так уж приблизилась бы к кому из его гостей, пусть и в постели с тем пришлось бы оказаться по большой милости княжича. А тут — верно, правый раз она о заботе непрошеной его пожалела.

Шёл, говорили один из последних дней дороги до Велеборска. Давила жара страшная. Выжгло гневное Дажьбржье око все облака на небе, выпетило его. Тащилось войско оттого медленно, словно червь дождевой, не успевший после ливня скрыться в мокрой земле. Уж и косяки латы свои поснимали, перестали беречься столь рьяно.

Снова повстречался на пути обоз купеческий, завяз он средь войска в опасности попросту быть разорённым. Случалось и такое уже на пути: один торговец не захотел от Гроздана откупаться, а может, договориться на меньшую плату просто рассчитывал: так всех его людей и вместе с ним перебили в тот же день и на дороге бросили остатки обоза и тела — в назидание другим.

Вышемила с двумя другими пленницами вошли в душный шатёр княжича, неся приготовленную только что на огне оленину — гостей угощать. Привычным уже взглядом она окинула пришлых, коим не повезло на этой дороге, и едва поднос деревянный с братиной тяжёлой на нём не выронила. Зашипела тихо и неразборчиво, но зло, идущая позади товарка — да ей и дела до того не было теперь. Сидел напротив Гроздана подле солидного мужа в годах ещё крепких — видно отца своего — знакомец её случайный, Зареслав. Слушал он сосредоточенно, что княжич говорил, то смотрел на него неотрывно, то взор на родителя переводил. И так он был серьёзен против того, каким показался в ту встречу на торгу, что не похож как будто сам на себя делался. Но сердце так и зашлось от радости, будто Вышемила увидела старинного, самого дорогого друга.

Она, стараясь не выказать сумятицы, что сейчас в груди билась, не то заставляя застыть на месте, не то — ринуться к Зареславу едва не бегом — подошла степенно, наклонилась, чтобы братину поставить на скатерть, которой укрыли потёртые ковры. Как будто невзначай толкнула слегка плечом купчика и извинилась тут же, привлекая к себе

хоть на долю мгновения его внимание. Зареслав отвлёкся — повернулся к ней и всё, чем выдал свое удивление: глаза округлила на миг. Но отдать должное ему нужно: не воскликнул ничего, ни по имени её не назвал. Уж, верно, сразу понял, что не по своей воле она тут оказалась.

Поставив посудину, Вышемила покинула шатёр, едва владея собственными трясущимися ногами. Одно радовало: придётся туда вернуться, ещё раз посмотреть на купчича и понять, внял ли он её намеку. А там, может, и шепнуть ему можно будто что-то на ухо, попросить о встрече: когда вечером все устанут, внимание даже дозорных притупится. Сбежать не сбежишь, да в укромном месте можно где и перемолвиться парой слов. Ведь удаётся же ватажникам прижать в каком углу пленницу, чтобы не заметил никто.

Да охолонуть пришлось быстро и обо всех неосторожных, смелых замыслах позабыть на время: подле Гроздана появился уже Камян. Он тут же выхватил взором Вышемилу среди прислуживающих в шатре женщин, да так и не отпустил более ни на миг, всё впивался зенками своими волчьими. Она ходила осторожно вокруг гостей, а чаще всё ж останавливалась возле Зареслава, который то и дело посматривал на неё, стараясь тоже, в открытую не глядеть. Как опустила она очередную миску с мясом перед ним, хоть и много уже напротив него теснилось — едва не больше, чем у Гроздана — купчич придержал её легонько за рукав и шепнул, пока отец его с княжичем громко говорил:

— Нынче, как все спать станут укладываться, будь у шатра пленниц.

Она и звука ни одного в ответ не издала. Забрала опустевшую посудину и пошла прочь, пытаясь шаг сдержать, чтобы не слишком быстро. Едва дождалась она, как купец обо всём с Грозданом договорится, как напьются все вдоволь мёда и пива хмельного. Как убрали из шатра княжича всю посуду, свернули полотнища — там Вышемила к укрытию пленниц вернулась и далёко уже старалась не отходить: села поблизости — миски отмывать. Дозорные в её сторону и поглядывали иногда, да не слишком внимательно, занятые своими разговорами: пока никто не спит, стража их не такая зоркая.

Но начало всё помалу стихать. Прошёл где-то вдалеке Камян — и взглядом, словно плетью хлестнул. Но, кажется, успокоился, как увидел, что Вышемила занята делом на месте своём — никуда не

подевалась. Так и домыла она всё, не дождавшись хоть знака какого от Зареслава — неужто обманул? Собралась уж и спать в шатёр вместе с остальными пленницами. И на душе так тяжело стало: только надежду на подмогу обрела, и тут же терять её пришлось.

Но пока ходила с ведром до родника, что неподалёку от стана среди камней струился, поймали её за локоть, оттащили в сторону, подальше от глаз дозорных. Зареслав возник перед глазами прямо, словно выскочил из ямы какой, за плечи схватил, огляделся: вокруг пока никого, а темнота уже наступающая, хорошо их скрывает.

— Как ты оказалась здесь?

Вышемила и не сразу сообразить смогла, что ответить. До того рада оказалась, что купчич о ней всё ж не забыл.

— Забрали в полон, когда на Логост напали, — заговорила она, очнувшись. Торопиться надо, многое рассказать Зареславу. — Они на Велеборск идут. Большое войско собирают. Косляки с ними в сговоре теперь. Надо княгиню Зимаву предупредить. И воеводу. И...

— Тебя надо отсюда спасать, — покачал головой купчич. — Завтра обоз наш дальше тронется. Можно спрятать тебя среди мешков. У семи нянек дитя... сама знаешь.

Погладил её по плечам — и снова из укрытия их, невысокой поросли ольхи, выглянул. Вышемила покачала головой:

— Не могу я отсюда уйти. Как увидят, что сбежала — сразу на вас подумают. Догонят, убьют всех, — она вцепилась в рубаху на груди Зареслава. — Лучше весть в Велеборск передай. И в Остёрск. Княжичу Ледену Светоярычу, если вы от тех мест недалеко проезжать станете. Что здесь я. Пусть у зуличан меня ищет. А лучше человека пошли. Прошу.

Она скомкала ткань, чувствуя, как уже подступает опасность. Что пора разговор этот рваный заканчивать — иначе пострадает не только она, но и купчич. Да и все, кто с ним едет.

— Да как я тебя здесь оставлю? — возмутился тот. — Когда вокруг... — вздохнул тяжело, зная, конечно, что пленниц здесь вряд ли берегут. — Поедем. Может, никто не заметит поначалу, что ты пропала. Женщин здесь достаточно. А там уж и не догонят — мы на лодью пересядем через день у Берези.

— Заметят, — Вышемила шаг уже назад сделала. Возвращаться пора, пока не потеряли. — Не тревожься, меня не тронут. Я Гроздану

нужна. А ближник его следит за мной сильно. Сразу увидит, что нет меня. Погибнете все. Передай в Велеборск весть. Пока не поздно.

Она подхватила ведро наполненное, а как выпрямилась — на миг всего оказалась в объятиях купчика. Он вперёд качнулся и поцеловал её коротко, но крепко дюже — аж дыхание перехватило. И дивный вкус у его губ такой оказался: ореховый немного, пряный. Вышемила застыла, опешив совсем, а как моргнула, кажется — купчик уже и с глаз пропал. Только стихали в ушах слова его, напоследок произнесённые: “Заберу тебя. Обязательно”.

ГЛАВА 10

К следующему дню лишь Боянка пришла в себя совсем. Может, чары Димины на мужей наложила более сильные, то ли женщины просто освобождались от них легче, а челядинка уже вовсю помогала Елице поутру, словно совестно ей стало даже за невольный отдых. А вот остальные ещё оставались в беспамятстве тяжком.

То и дело приходилось бегать, проверять, не случилось ли худого. Леден от Чаяна почти не отходил. А Елица за Радимом приглядывала, опасаясь уж, что ему придётся сложнее всех.

Да и сама она всё никак не могла осознать, что теперь с её жизнью в очередной раз сделалось. И рада бы она к мужу найденному тянуться снова, да всё, что случилось за прошедший день, беспокойный и страшный порой, как будто овраг между ними глубокий бросало — не вдруг и перепрыгнешь. Останавливалась она порой перед его лавкой, где он лежал, будто спал — и всё смотрела на него, кажется, прежнего, такого каким помнила: только возмужал он за эти годы сильнее. Всё ж не тот, кто только из отрочества шагнул: с ним за это время тоже многое приключилось. Хоть и скверно хотела поступить Димины, а за то, что Радима она спасла, уберегла да так о нём заботилась — пусть и по-своему — её и поблагодарить бы.

Как ушёл снова после утренни Леден в сенник, Елица взялась порез проверять, как заживает. Переделась, морщась каждый раз, как резью проходила боль вдоль раны неглубокой, да всё ж неприятной. Пока принимались они с Боянкой за готовку обедни, зашевелился на ложе Радим. Все дела побросать пришлось, бежать к нему, даже Боянка на месте застыла, глядя на мужа княжны ожившего с неведомым страхом.

Елица опустилась на корточки перед ним, как сел он медленно, вяло, словно к телу своему сызнова привыкал. Огляделся недоверчиво, потирая лоб, а после взгляд на неё опустил.

— Еля... — выдохнул хрипло. — Как ты оказалась тут?

Он свёл брови, шаря взглядом мутным по её лицу. Неужто и правда и это забыл?

— Не помнишь разве ничего? — она приподнялась чуть, вглядываясь पुще.

— Помню, как пить хотел страшно. И женщину, которая спасла меня — помню. А после...

Он вдруг взял её за плечи и к себе поддёрнул. Елица вскрикнула тихо, как неосторожно обхватил он руками спину. Слезы на глазах выступили от боли. Попыталась она вырваться невольно — так всё заполыхало под лопатками.

— Что с тобой?

Лицо оказалось в ладонях Радима горячих.

— Всё хорошо теперь. Только... Димина...

Он покачал головой, отпуская её, и замер, понутившись. Обхватил голову руками, пронизывая пальцами волосы. А Елица повернулась к челядинке и указала на кувшин с водой: пить неси. Та встрепенулась, скинула ошарашенное онемение и быстро подала кружку полную.

— Ты посиди... — Елица погладила Радима по плечу. — Уложи всё в голове. Чары на тебе были сильные. Пять лет ты с ними жил. Немудрено...

Прозвучавшие в сенях неровные шаги оборвали поток взволнованных мыслей. Елица вздрогнула, прижимая к груди кружку. Вода плеснула из неё прямо на рубаху и, вмиг промочив ткань, потекла по коже к животу. В хоромину ввалились княжичи и отроки вместе с ними. Вялые все, будто работой тяжёлой измотанные. Леден и ночь толком не спал — всё к брату ходил, проверял. А остальные — и так ясно, отчего. Да несмотря на туман чар, который, верно, ещё не совсем выветрился из головы, Чаян, чуть покачиваясь, тут же к Елице подошёл и, не стесняясь никого более, не спрашивая разрешения, словно позабыл обо всех своих словах, за плечи её обхватил и развернул к себе. А после по щекам её погладил — были его ладони почти такими же прохладными сейчас, как у брата.

— Леден сказал, ранили тебя, — заговорил приглушённо, не замечая, кажется, как вскочил с лавки Радим и как отрок княжича, Радай, преградил ему тут же дорогу.

— Ранили, — не стала она отпираться. — Да всё уж прошло. Ничего страшного не успело случиться.

Но из рук Чаяна поспешила всё ж высвободиться, оглядывая его посеревшее, встревоженное лицо, на котором лежали ещё заметные

отпечатки наведённой волшбы. Хитро всё придумала Дими́на. Спали мужи, а чары её из них соки пили помалу. Кто знает, как долго они продержались бы, не убей Леден травницу. А Радим супруге своей и не помешал бы никак. Не захотел бы, считая, что всё она делает так, как должно.

Чаян попытался снова Елицы коснуться, а то и обнять, кажется, да остановил его резкий и открыто уже злой голос Радима:

— Вы, княжичи, тут, верно, решили, что позволять себе можете, что угодно. А ну отошёл от неё, руки свои убрал!

Он всё ж оттолкнул отрока и вперёд шагнул — вот сейчас и стол на своём пути сметёт, что их разделял — одним взмахом руки. Боянка даже миску со страху уронила, и та с громким треском разбилась о пол. Челядинка запричитала тихо, собирая осколки, а мужчины замерли, вперившись вдруг в друга, обмениваясь взглядами пудовыми: Чаян — Радим — Леден.

— То, что женой ты мужней окажешься, того я не ожидал, конечно, — усмехнулся вдруг старший Светоярыч. — Вон, какой бойкий он у тебя, оказывается. Что ж ты, обручье мне вернёшь? Или оставишь пока?

Он обдал Елицу едким взглядом, да больше, кажется, Радима хотел уколоть. Она сглотнула тугой, прогорклый комок в горле. И не смотрела ни на кого, а чувствовала всё ж, как одновременно уставились на неё и муж, и Леден: они-то про подарок Чаяна ничего, конечно, не знали. И Елица не понимала теперь, чей упрёк безмолвный тревожит её сильнее.

Она швырнула вдруг зажатый в руке рушник на стол и быстрым шагом направилась прочь из избы постылой. И некуда было идти — до Велеборска далеко, даже до веси ближней так просто и не доберёшься. А потому она просто села на скамью с северной стороны дома и в даль уставилась. И тихо было вокруг: в лесу, что вил ленты ветра между густых ветвей, в избе, где, кажется, больше никто не хотел друг с другом и словом лишним обмолвиться. Везде настала такая страшная тишина, что впору было подумать, не лишилась ли слуха в одночасье?

Но слышались всё ж шаги, приблизились — и Радим остановился напротив, склонил голову, рассматривая Елицу сверху.

— Пойдём со мной, — проговорил он осторожно, словно боялся бурю какую взбаламутить. — Просто побудь со мной. Без них. Мне

много тебе рассказать надо.

Она встала и вложила ладонь в руку мужа, позволяя ему увести себя прочь отсюда. Куда — не знала ещё, да и разве должно это волновать? Он провёл её хорошо протоптанной дорожкой среди широких, узловатых осин — вглубь светлого, обсыпанного играющими на яркой листве бликами Ока леса. Скоро зажурчала вдалеке речка — и через десяток шагов они вышли к ней. Нависали над узкой полоской открытого берега ветви толстые, густо поросшие резными листьями. Веяло здесь живительной прохладой, словно дыхание бойкой воды начало смахивать с тела следы минувшего дня. Уж столько всего случилось, во что порой и не верилось даже.

Елица опустила прямо на траву гибкую, ласковую, всматриваясь в искристую ленту речки, что больше на ручей походила. Да верно, для семьи небольшой, что недалёко жила, и такой было достаточно. А в веси ближней течёт уже Яруна полноводная. И чем-то речка эта, измельчавшая, петляющая среди буйно растущих осин, напомнила собственную жизнь. Совсем та запуталась, расплескалась по камням, мало-помалу погибая в собственном русле. И спасение одно, кажется — отыскать всё ж Сердце. Да у кого теперь спросить дорогу?

— Чего печальная такая, Еля? — Радим сел рядом с ней, поглядывая искоса. — Много плохого случилось. Но всё закончилось.

Она взглянула на него с удивлением. Как будто и правда он ни о чём сейчас не сожалел. Даже о женщине, которая, как ни крути, а была ему женой пять лет. Мало ли, что у неё на уме было — то уж дело другое.

— И что же ты? Не жалко тебе Димину?

Тот плечами пожал, вздохнул протяжно устремив взор куда-то на противоположный берег — кажется, в той стороне и лежало старое капище. И теперь там остался только прах колдуньи — так Леден сказал.

— Может, это странным покажется... — заговорил он вновь, крепко поразмыслив, — но сейчас, когда чары её разрушились, я понимаю, что совсем её не знал. Она спасла меня, верно. И это всё, что я помню ясно теперь. Всё остальное после — не моя жизнь. И я не могу отвечать за неё. И жалеть о том, что она закончилась. Теперь я обрёл то, чего всегда желал. Что обрёл однажды, но потерял волею

случая, — Радим повернулся к Елице, мягко улыбаясь. — А ты? Ты разве не рада нашей встрече как будто?

Он обнял её за плечо так просто, будто не было между ними разлуки в пять долгих лет. Стиснул пальцами крепко и к боку своему прижал, слегка всё ж осторожничая: помнил ещё, что ранена она. Елица отстраняться не стала, хоть до того сильно захотелось руку его сбросить, что аж дурно становилось.

— Рада, что ты жив, конечно, — она улыбнуться попыталась, да не вышло, кажется. — Да вот не знаю теперь, что с этим со всем делать, Радим. Жизнь-то, она поменялась сильно. Пока ты под чарами Димины был.

Мужчина вздохнул, глядя в землю перед собой. И не хотел он как будто обижать её чем-то. Но, верно, для него не было всего того времени, которое Елица одна, без него, прожила. Казалось ему, что расстались они недавно совсем. И недавно он обнимал её в отцовском доме, теснил в угол их огороженный, чтобы соединиться с ней напоследок, перед дорогой долгой.

— Всё образуется, — сказал наконец. — Ты отвыкла от меня. Но это пройдёт, как снова вместе жить будем. И я поддержу тебя во всём, как в Велеборск вернёмся. Вместе со всем справимся, Еля.

Имя её он в самое ухо ей шепнул, касаясь его легонько губами. Распутал платок, сдёрнул с головы. Отвёл в сторону косу, скользя дыханием по виску. Елица глаза прикрыла, отдаваясь на волю знакомым, но и забытым уже давно его прикосновениям. Радим склонился ещё, намереваясь поцеловать.

— Пойжди, — шепнула Елица, отворачиваясь. — Я не могу так. Подожди.

Упёрлась локтем в грудь его, не позволяя ещё приблизиться.

— Что случилось? — Радим нахмурился, но настаивать и неволить не стал.

— Быстро всё, — она повела плечом, заставляя отпустить её. — Слишком.

Накинула вновь повой и завязывать принялась торопливо, кусая губу от досады. По ране, слегка растревоженной, точно огонёк быстрый бегал. И до того муторно становилось, словно ошибку большую она сейчас сотворить могла. Будто не с мужем собственным целоваться собралась, а с незнакомцем каким.

— Да разве ж быстро? — Радим улыбнулся, погладил её костяшками пальцев по щеке. — Столько не виделись. Да и понимаю я, что больно тебе сейчас. Просто хотел...

Он осёкся, когда Елица помотала головой и закрыла лицо руками. Подступали к горлу и вовсе рыдания душные — никак не сдержать. Что ж творится с ней такое? Отыскался потерянный супруг — к жизни былой ниточка, а радости в том и на мизинец не оказалось. Словно в неволю сызнова попала, ещё похуже многих. С нелюбимым обручённой женой жить.

Нелюбимым — так ясно теперь эта мысль в голове сияла. Прошло всё, хоть и в памяти осталось. Научилась она жить без него. Старалась, видно, сильно. Залечило всё время — то безжалостное порой, то заботливое. Теперь заполнило что-то другое душу и сердце. То, что не выкинешь так просто по воле одного лишь ласкового слова Радима.

— Слишком долго не виделись, — шепнула она, всё ж совладав с собой. — Я так много о тебе теперь не знаю. Ничего не знаю... Как ты оказался здесь? У травницы этой?

Подняла на него взор, едва удерживаясь, чтобы не потереть пальцами словно присыпанные песком веки. Радим свёл брови, качая головой, отвернулся было, не желая говорить. Но после долгого молчания, которое Елица постаралась терпеливо преодолеть, его голос всё ж зазвучал снова в тишине этого спокойного уголка.

— Пять лет прошло, Еля. Отрад погиб. И Борила. Это я знаю. Откуда-то. Может, не стоит ворошить былое. Пусть жизнь дальше идёт. Всё своим чередом.

— Я погибшим тебя считала! — почти крикнула Елица. — Думала, в сече полёг, а ты вон... И даже сказать ничего не хочешь. Объяснить.

Радим повернул к ней голову медленно — и в каждой черте его знакомого и в то же время чужого лица залегла усталость.

— Не в сече меня ранили, — уронил он. — Узнал я то, что мне не предназначалось. И не уверен, что тебе предназначается.

Елица ухватила его за ворот, потрянула.

— Говори!

— Мы встали лагерем недалеко от этих мест, — Радим смолк было, но продолжил: — Когда наступали на остёрцев, гнали их к стенам города. Я с Отрадом никогда дружен не был, рядом с ним не

ошивался. А тут заметил как-то вечером, что он собрался, вроде, куда-то. Да скрытно. То ли любопытство меня взяло. То ли подозрение — за ним пошёл. А там увидел, как он с кем-то из остёрцев встретился в месте укромном. Там и узнал, что Отрад — Светояра сын. Не Борилы.

Елица выпустила его рубаху из пальцев — до того рука вмиг ослабела. Она тряхнула головой, не веря. Не может такого быть. Он ведь на отца всегда так походил...

— Что же он. Предателем был, ты хочешь сказать?

И до того захотелось в заступу брата что сказать — но слов не находилось.

— Был, — сухо подтвердил Радим. — Он Сердце тоже искал, но с другой стороны. А там, как нашёл бы, хотел Борилу убить. Отцу он верен своему был. Да не тому, кто его вырастил. Кровь сильнее оказалась. Но я тогда молод был совсем, без хитрости. Вот меня и поймали. Пырнули пару раз ножом, но я вы вернулся, сбежал в лес. А там Дими́на меня нашла.

— Отец говорил, что ты погиб.

— Это тебе он так сказал, видно. И родичам моим. А что он ещё мог, если я пропал? А после Дими́на меня к себе привязала. Окаянная баба.

Елица опустила взор в сияющую реку, да словно света не видела больше. Братец, в котором она всегда души не чаяла, заботливый и весёлый, на деле нёс в себе умыслы вовсе не добрые. Не за них ли покарали его Боги? За то, что предал того, кто воспитывал его и любил, как родного, за то, что смерти ему пожелал.

— Я не хочу винить никого и ни в чём больше, Еля, — Радим опасно покосился на неё, гадая, что она дальше делать станет. — Что было, то прошло давно. Но я рад, что мы снова встретились. Что Пряха привела тебя сюда. Как бы то ни было.

Елица покивала бездумно, едва разбирая, что он говорит.

— Иди, Радим. Мне подумать о многом надо.

Он и вдохнул было — что-то ещё сказать — да встал, но замер на месте, вмиг напрягшись. Послышались шаги тихие. Треснула ветка. Елица вздрогнула и обернулась, кажется, поспешно слишком, и слёзы, всё ж на глаза выступившие, утёрла. Леден стоял на полянке тайной, оглядывая Радима спокойно, кажется, но и с угрозой, едва заметной в его непоколебимом взоре. Её она научилась распознавать быстро.

— Может, к обедне всё ж придёшь, Еля? Тебе силы сейчас нужны — выздоравливать. Боянка всё приготовила уж, — проговорил, роня каждое слово веско и чётко, но глядя при этом по-прежнему, на Радима.

Тот хмыкнул негромко, смерив взглядом сначала его, а после и Елицу, которая так на траве и сидела ещё. После снова на княжича посмотрел.

— Да уж. Долго меня не было. И правда. Теперь и враги у нас за друзей, видно, — сказал и прочь пошёл, как его и попросили.

Елица проводила взглядом мужа, пока не поглотила его зелень солнечная, которой пропитан был весь лесной воздух, словно соком травяным. Думала, Леден тоже уйдёт, но он остался на месте, глядя на неё пристально и обеспокоенно немного.

— Что он сказал тебе?

Елица встала, отряхивая подол, пытаясь время потянуть и успеть сообразить, что ему рассказать. И в груди словно колесо мельничное закрутилось: от мыслей всех, от знания нового о том, что Отрад в себе нёс. Хоть и минуло всё. Перестало даже значение иметь, как погиб он. От рук, получается, своих же братьев. Стоит ли им знать?

Она подняла взгляд на Ледена и подошла неспешно, решив, что ничего говорить ему не станет пока. Самой бы осмыслить.

— Ничего, что было бы тебе интересно, княжич.

Тот хмыкнул тихо: наверное, не поверил.

— Дело ваше, конечно. Да только... Тяжко это, Елица, — он приблизился ещё на пару шагов. — Но решать тебе, верно, придётся: с мужем своим жизнь проживать или на сватовство раннее Чаяна ответить. Он тоже мается. Разве не видишь?

— Чаяну я ничего не обещала, — Елица поджала губы, чтобы не сказать чего ещё резкого. Но продолжила: — А Радиму обещала, когда стояла с ним вместе в святилище, клятвы давала.

— Значит, верни обручье, не дури голову! — Леден нахмурился пуще.

— Сам он себе голову задурил! — попыталась защититься Елица. — Так чего ж ты меня винишь? Сам-то...

— Что я?

— Целовал меня зачем? Там, на капище, — аж качнуло землю под ногами его нарочитое недоумение. — Думаешь, забыла?

И так хотелось ответ честный услышать. Открытый — хоть раз. Ведь первое, что она вспомнила, как очнулась вчера — это ощущение его губ на своих, будто вплавилось оно в кожу. Ни разу она такого не проживала, хоть и целовали её, конечно, не раз волею судьбы разные мужчины. Да тут всё по-другому было. Страшно — потому как она и умереть была готова в тот миг. Лишь бы так.

— Мне показалось, что это было нужно. Тебе. И мне тоже.

Леден смотрел сверху вниз, хмуря брови, и по лицу его первый раз блуждала гримаса мучения. Словно всё, что творилось сейчас в мыслях, терзало его очень долго. Елица стояла перед ним, теребя пуговицу на вороте, дыхание сбилось давно — не от обиды на резкость его или слова почти безразличные — а от волнения. И желания непреодолимого немедленно сделать шаг к нему. Хоть полшага — и будь, что будет. Но она не успела — княжич качнулся навстречу первым. Склонил голову — и губы его, прохладные, словно после купания в реке, разомкнули губы Елицы, мягко, но и уверенно тоже. И она не стала противиться. Придвинулась ближе, провела пальцами по тыльным сторонам ладоней его, широких, привыкших к оружию. И захотелось так вдруг ощутить их на спине, на бёдрах, чтобы сжимали крепко, стискивали жадно. Леден обхватил её кольцом рук, притиснув к себе. Напором горячим прошёлся к плечам, чудом минуя перевязанный порез. Дыханием — по скуле и подбородку, едва касаясь кожи. Так, что внутри всё затомилось, словно в котле накрытом. Елица обвила его шею руками, мягко надавливая кончиками пальцев на кожу и не решаясь ещё скользнуть под ворот. А Леден вновь поцеловал её, лаская языком, проникая всё глубже, всё яростнее. А после вдруг прянул назад, выпуская из объятий.

Елица так и замерла на миг, ещё не открыв глаз, ещё чувствуя всего его под ладонями. Вкус его губ и то, как вздымается грудь широкая, прижимаясь к ней. Она разомкнула веки: Леден стоял, отвернувшись, приложив ладонь ко лбу.

— Мне тоже непросто, Еля. Но я не хочу. Чтобы тебе было плохо, — проговорил глухо. — А так будет. Рано или поздно. Как вчера случилось.

Он провёл рукой по лицу. Словно морок сбрасывал. Да и Елице сейчас казалось, что волшба на ней, чары неведомые, от которых и хорошо несказанно, и худо так, что хочется в траву упасть, свернуться

клубком и лежать, не шевелясь, перекатывая по телу тупую боль — от понимания смутного, что он прав. Близость их, точно лоза колючая — и обвивает крепко, и ранит. А коли волю ей дать, так может настать тот миг, что задушит совсем.

Елица всё ж подошла снова и просто ткнулась лицом Ледену между лопаток, вдыхая запах его терпкий. Скомкала рубаху на боку, вцепившись всей силой. И обнять хотела, и не решалась, боясь обжечься о лёд — такое тоже бывает.

— Что происходит с нами, Леден? Что делать теперь?

Он поймал её руку, стоило только шевельнуться, сжал пальцами, не убирая пока.

— Не нужно, Еля. Навсегда, видно, я в связи с Мораной... Мне подальше от тебя держаться надо.

Она отшатнулась прочь, словно копытю едкой давясь, что грудь заполнила. Точно земля под ногами зашаталась, хлынула по щиколоткам речная прохлада. А может — холод Ледена — пробираясь под подол, скользя по коленям, бёдрам, продирая ознобом. Он только что обнимал её так, будто никто другой ему не был нужен, охваченный их общим влечением, страшным, жарким, опаляющим. И она поверила на этот короткий миг, что сумела-таки пробиться сквозь эту корку застарелого льда. Но нет.

Леден обернулся.

— Тебя ничто не изменит, — Елица покачала головой. — Морана говорила мне...

— Еля... — княжич шагнул к ней, желая, видно, оправдаться. — Послушай.

Она только рукой махнула, останавливая всё то, что он ещё хотел сказать. Зашагала быстро по тропинке, которая перед глазами расплывалась, чудом только не спотыкаясь о корни коварные, торчащие из земли. И словно плясала кругом роща осиновая; то надвигались со всех сторон древние стражи, грозя раздавить, то разбегались в стороны... И в груди что-то словно сыпалось песком, душило, наполняя до горла самого.

Она почти выбежала на поляну перед домом. Едва увидела княжича и отроков во дворе, которые тихо и говорили о чём-то — пронеслась мимо них. Догнал только в спину оклик короткий Чаяна:

— Елица!

И снова лес обхватил зелёным коконом, укрыл, спрятал ото всех. Всю душу ей изодрали, сама изодрала не меньше, метясь между тем, чего хочется больше всего и тем, как поступить должно. А как нащупала вдруг важное, кажется — получила тут же оплеуху тяжёлую — не зевай! Помни, что отец тебе в наследство оставил. И брат. И, коль не решишь дело это, жизни спокойной не будет до самой смерти.

Потемнело всё вокруг, как вышла она в ельник пасмурный даже в ясный день. И ноги будто сами несли дорожкой, один раз пройденной, да не забытой — хоть и не возвращаться бы по ней никогда в то место, от которого жутко внутри становилось. Позабылась и рана на спине, хоть и щипало её слегка потом выступающим от быстрой ходьбы. Зажгло в груди было сухостью — приостановить бы шаг — да скоро полегчало снова.

Запахло пеплом вдруг остро, словно пожарище в самом нутре остывало. Или горело ещё где-то поблизости, хоть никакого огня не виделось. Развернулся старый пал, точно крылья широкие, чёрные, в обе стороны. И застыло всё: время, воздух, жизнь сама. Так и было здесь всегда, после пожара того, то ли людьми насланного, то ли Богами. Елица остановилась, глядя ещё издалека на капище, держась за бок, в котором кололо нещадно от бега по лесу, от дыхания сбитого давно. Постояла немного. Зря пришла. Что ещё здесь найти можно — да и то ли это место, в котором стоит от душевных терзаний прятаться? Но всё ж пошла вперёд, к чёрным остовам обгоревших кумиров. Опустила взгляд на кучку праха белого, что остался от травницы — колдуньи ли больше. Его уже развеял полумёртвый ветер на сажень вокруг. Некого даже похоронить, кабы кто захотел вдруг.

Елица, соскальзывая и раня ладони, перебралась через обломки стола требного, через обрушенные когда-то давно столбы изгороди и остановилась у перста, самого большого — в серёдке.

И задрожало в груди что-то. Так невыносимо, будто сердце рвалось прочь. Она коснулась гладкого, обугленного идола, провела, пачкаясь, ладонью вниз — и достала другой рукой из кошелька колышки, на капище Велеса найденные. Зачем отец их там оставил? Какой обряд проводил? Верно, не думал, что когда-то дочери придётся всё это распутывать, ворошить отгоревшее давно прошлое и самой по пути матери идти, того вовсе не желая. Она огляделась вдругорядь, маясь чувством смутным, будто видела это место раньше. Всё ж странно, что

пал этот не зарос за столько-то лет. Ни единая травинка не пробивалась здесь к свету, словно намедни только пламя угасло. Елица подбросила идолки слегка, и позволила упасть в смешанную с пеплом землю, чёрную, маркую. Как стукнулись они глухо друг о друга — и колени тут же подкосило, будто клинком кто по связкам ударил.

Елица свалилась куклой тряпичной в сырую грязь. Оказалось, лил сверху дождь сильный — так, что не разглядишь ничего толком уж в десятке саженой впереди. Затекала вода за шиворот, пробегалась по животу, бёдрам и спине — целой — холодными струями. Да словно и не водой была, а отваром каким дурманным — оттого-то и расплывалось всё кругом, подрагивало, будто через стену разогретого зноем воздуха.

И капище стояло тут широкое, раскинутое вольготно на большой прогалине посередь елового леса — старого, бородатого. Таким же оно, верно, было, как двадцать с лишним лет назад. А у изваяния Лады, потемневшего чуть от воды, но ещё целого, не поверженного пожаром, стояли три человека, укутанные в плащи рогожные, которые промокли уж давно. Но двоих Елица узнала сразу: отца, молодого и сильного, красивого, словно был он сыном самого Перуна. А рядом с ним, едва держась на подгибающихся ногах, стояла матушка — Милислава — княгиня будущая велеборская. Да сейчас она как будто больше на девицу напуганную походила. И жалась всё к Борилю, как за единственную опору за него держась.

Напротив них стояла другая женщина, которую Елица пока узнать не могла. Невысокая, крепкая — от неё так и пыхало во все стороны силой, только что, видно, растревоженной. Словно творила она давеча обряд какой — нельзя сказать, что добрый, уже больно мутными были потоки слов, произнесённых на этом капище, пусть и под взглядом Богинь.

— Твоя она теперь будет, до самой смерти, Борилю, — раздался перемешанный с шорохом дождя её голос. — Да только нужна тебе та тяжесть на душе?

Тот вскинул голову то ли к небу смурному, то ли на лик Богини уставился и кивнул уверенно.

— Со мной ей лучше будет, — он опустил взгляд на Милиславу, а та в ответ на него посмотрела туманно.

И верно ведь — словно под чарами, только-только наложенными. К которым не привык ещё её разум и тело — противятся. Да заговор, видно, умелый и сильный, такой в душу накрепко въедается — да заковыка одна: силы пьёт из того, на ком сомкнулся.

Видно, это и тревожило ведунью. Сама она недовольна была тем, что сотворила. Но как будто иного пути ни у кого из них не осталось.

— Так Светояра она любит, — покачала она головой. — Я сердце её заперла, замкнула на тебе. Но покоя ей не станет. Никогда не станет, Борила.

— Светояр предал её! Жена его, змея, убить хотела! — гаркнул тот в ответ. — Укроемся как-то. Отец заступу даст. А там свыкнется. Зла я ей не желаю. Любви моей на нас двоих с лихвой хватит.

— Только ею тебе Милиславу питать и придётся. Теперь уезжайте скорей, — вздохнула женщина, чей голос казался знакомым до холодных мурашек по телу.

Повернулась она коротко в сторону тропы — и показалось её лицо на миг. Молодое ещё, почти совсем без морщин — только слабые проступали уж в уголках глаз и вокруг губ решительно сжатых. Сновида.

Борила, обнимая послушно замершую в его руках женщину, повёл её прочь. Скоро скрылись они в сырой пелене ливня, затерялись вдаль. Елица шевельнулась, содрогаясь от холода, от того, как липла одежда собственная к спине и ногам, забирая тепло. Волхва постояла ещё подле идола Лады, а после проговорила тихо, да так, что слова её в уши вливались, словно шептала у виска самого:

— Защити её, Лада. И ребёнка её защити. Дай силы справиться с болью, с проклятием, что взяла она на душу свою. Всё ж служила тебе долго жрицей, чтила. Помоги-защити, Мать Матерей.

Сновида вздохнула и пошла в другую сторону, сутуля спину под ударами тяжёлых капель. Елица вскочила с земли, наконец — за ней бросилась. Но столько ни бежала, пытаясь нагнать, а не могла и на вершок приблизиться. Волхва хоть и шла неспешно, а всё удалялась, растворялась, словно истаивала.

— Сновида! — попыталась окликнуть её Елица, да из горла ни единого звука не вырвалось.

Она остановилась, потеряв надежду: не догнать, сколько ни пытайся. Да и как? Верно, волхва уже на другом берегу Смородины.

Как и отец, что в видении этом явился, как и мать, что жалась к нему, ища защиты последней: от себя самой, от страсти своей к Светояру. От ярости Любогневы, которая, видно, соперницу и хотела извести.

Хотела Елица ещё шаг сделать, но будто тинётой её тугой опутало — ни рукой взмахнуть, ни вздохнуть толком. Словно воля чужая, переплетение слов плотное не давали двинуться с места. И сила их злая — от обиды большой — въедалась в кожу, жалила, точно удары плети. Чем больше сопротивляешься, тем хуже приходится.

Как ни мало Елица смыслила в проклятиях, а в словах особых разумением волховым — достаточно. Отравлено всё было кругом, напутано паутиной липкой — и она попала в неё, словно муха какая. И не распутаешься — останешься в мороке этом, видении навсегда, коль не совладаешь.

“Воля твоя не имеет силы надо мной. И ни над кем больше. Словом своим рушу сеть твою, светом Сварога, чернотой Матери Сырой Земли, опутываю, расплетаю. И воля моя огнём, внуком Сварожича, в пепел обратит любое зло, что родилось здесь...”

Елица шептала заговор, задыхаясь в невидимых силках, что расставили не на неё. Но тот, кто западню эту создал, был силен не меньше — и потому борьба с его велением изматывала, а по телу будто полосы ожогов оставались глубокими бороздами.

Вспышка Перунова огня ослепила — и уши через миг заложило от грохота страшного. Пути ослабли наконец, рухнули — запахло гарью. Зашлась пламенем ярким расколота ударом молнии ель в нескольких саженьях от Елицы, и ливень даже не мог затушить его. Она скомкала на груди рубаху и рухнула коленями в мешанину мокрую.

Заметались мысли рваные в голове, отпущенные из плена. От обиды большой Милислава могла Сердце с собой забрать. Ведь кто знал о нём больше, чем жрица Лады? А ещё и прокляла сыновей Любогневы, что смерти ей пожелала. От страха, от злости. Да только куда же делось Сердце после? Есть ли хоть в одном из миров ответ?

Дождь лил яростью Сварога или милостью — как посмотреть. Тяжелела всё одежда, тянула к земле. Сил вовсе не осталось, ни на шагочек один — так и хотелось прилечь, забыться, потонуть в этой грязи, как в болоте, чтобы больше ничто не тревожило. И Елица легла медленно, подставив лицо под струи дождя, часто моргая, чтобы видеть ещё небо хмаристое над собой. Перетекала по нему, клубилась

огромными кулаками хлябь — и сыпала, сыпала слезами, грозя потопить всё вокруг. Гнули ели ветви к земле, почти касаясь её, навечно запоминая то, что случилось здесь однажды, чтобы после сгореть в пожаре вместе с памятью своей.

— Елица! — кто-то вдруг встряхнул за плечи. — Елица, слышишь меня?

Осыпались капли с тела, стекли по щекам и пропали, затерявшись в волосах. Сухой оказалась одежда снова, и бил в лицо не ливень, а свет Ока, уже к закату склонённого.

Она подняла голову медленно, держась крепко за чьи-то плечи. Поморщилась от стрельнувшей под лопатками боли. Чаян склонился над ней низко-низко, сжал губы тревожно и как будто слегка рассерженно.

— Что ты тут делаешь? — только и сумела проговорить Елица.

Чудится то или на самом деле случилось: догнал её княжич, пустил его лес сюда, к старому капищу, хоть и не должен был.

— За тобой побежал, — тот пожал плечами. — Еле нагнал.

Он огляделся — и на лице его вдруг отразилось ясное понимание того, что так Елицу удивило.

— Ты не должен здесь быть.

Елица села медленно, пытаясь совладать с дурнотой, что тучей мошкары в голове кружила. Чаян держал её за талию, хоть уже и не нужно было, и всё смотрел, смотрел так протяжно и внимательно, словно разгадать что-то хотел. И кажется, достаточно одного вопроса: а попробуй задай его.

— Ты что-то видела здесь?

Елица наконец высвободилась из его объятий, встала, отряхивая землю с понёвы и раздумывая, что можно рассказать ему. Да, верно, ничего в том видении не было, что нужно было бы от Светоярычей скрыть. И казалось, не зря капище его подкинуло, словно указать на что пыталось.

— Видела, — проговорила она неуверенно, взвешивая каждое слово. — Видела отца своего. И мать. Она Светояра любила, но бежала от него прочь. От обиды большой. И опасности. Любогнева убить её пыталась.

Чаян нахмурился гневно: да и как тут в такое поверишь? Мало ли что привидеться могло. Да только с каждым мигom лицо его

разглаживалось всё же, словно принимал он и эту весть.

— За что ж ей было желать матери твоей смерти? — он присел на лежащее поперёк святилища бревно, хорошенько обугленное — и то угрожающе заскрипело под ним. — Разве были они знакомы?

— Получается, были, — Елица развела руками. — Матушка жрицей на этом капище была. Ладу чтит и Сердце хранила. Я многого не поняла. Многого не узнала. Но отец хотел уберечь её... И потому приворожил. Забрал с собой и женой своей сделал.

— Ревновала, стало быть, матушка, — хмыкнул княжич и пальцами колени свои сжал. — И все они до того довели, что случилось. Никого в стороне не осталось.

— И мы дальше ведём. Только хуже сделаем, — Елица поёжилась, и почувствовала, как прилипла повязка её к ране, которая, кажется, снова помалу закровоточила.

— Чем хуже? — княжич покосился на неё.

Хоть и понимал, верно, к чему она ведёт, что в её словах кроется.

— К раздору новому ведём. Может, ещё страшнее того, что был. Потому что родная кровь против родной пойдёт.

— Не пойдёт, — с усмешкой возразил княжич. — От твоего слова всё будет зависеть. Хоть и могу я уже догадаться, что ты скажешь.

Елица покачала головой, разглядывая чёрно-бурую даль, в которую убегал хвост пала. И представилось вдруг, как, рассерженный людской ненавистью, упал на это место прямо с неба сам Огонь Сварожич, чтобы пеплом обратить, ничего не оставить. Всё о том говорило.

Не надеялась она на сдержанность старшего Светоярыча, которая то и дело изменяла ему. Казалось бы, в мелочах, коротких мгновениях, а вспыхивал в его взгляде огонь то ревности, то нетерпения. И верно, только не сошедшие с него совсем уж чары Димины остановили княжича от драки с Радимом сегодня. А уж страшнее было представить, как могли они и с Леденом сцепиться — того Елица, признаться, боялась с того дня, как увидел Чаян её в хоромине вместе с младшим братом подле раненого Радана.

— На курган мне надо съездить. К матери, — Елица вновь посмотрела на Чаяна, такого сейчас спокойного и рассудительного, будто за последние дни он возмужал ещё сильнее. — А там я ответ свой дам тебе. Обещаю.

Надеялась она, что усыпальница матери расскажет ей то, что не смогло капище рассказать. Поможет понять, что дальше делать, как жизнь свою, в какое русло поворачивать. Запуталось всё, до того, что словно жгутами тесными на сердце смыкалось. И чем дальше она шла по этой топи из былых тайн и ошибок давних, тем сильнее увязала в ней, страшась и вовсе захлебнуться.

Чаян вздохнул, будто нарочно от неё взгляд пряча.

— Как курган твоей матери поможет нам? И какой ответ ты мне дать сумеешь, если замужняя?

— Матушка моя знать могла, где Сердце. Не отец, а она. А может, и оба они. А ответ... Там видно станет, Чаян.

Она выждала немного — вдруг княжич ещё что сказать пожелает. Но он замер, опустив локти на колени, ссутулившись, словно устал страшно. Ему бы силы сегодня побережь, а не по лесу за ней бегать. Но он пошёл без страха, не зная, что ждёт его здесь, не заведёт ли куда Леший по дороге, так, что и не выйти к жилью людскому потом: уж больно места здесь необычные, раз даже Димины силы из них черпала. И вдруг поняла Елица, что в старшем Светоярыче словно гасло что-то день ото дня: совсем другим он был, как приехал в Велеборск, а теперь тяготился всё чем-то. Неведением, верно, о том, что дальше с ними со всеми будет. Неприветливостью Елицы, к которой стремился изо дня в день. И она не хотела бы ощущать за собой вину — ведь чувства Чаяна никому не подвластны, даже ему самому. А уж она и вовсе никак их усмирить не может.

— Тогда я ждать ещё пуще буду. И рядом буду всегда — запомни, — наконец буркнул он, вставая. Хмыкнул и руку ей протянул. — Далеко ты забралась. Давай выходить теперь отсюда.

Елица опустила взгляд на его ладонь, а после на обломки камней и дерева, через которые неведомо какой ловкостью перемахнула, и в ответ руку подала. Сомкнулись пальцы крепкие, заботливые на ней, и Чаян прочь повёл — оставалось только надеяться, что больше они сюда не вернутся.

ГЛАВА 11

Покидало войско остёрское Велеборск. Велением князя нового — Знаслава — сворачивали лагерь, грузили обозы длинные — в обратный путь отправляться. Не считал больше нужным стрый княжичей силою город удерживать, да может и правильно: Елица уж давно с ними добровольно ездила, и сама, кажется, прониклась рвением этим — Сердце отыскать во что бы то ни стало. А сына Зимава и вовсе убили, помыкать больше и нечем. И хоть всегда желал воевода остёрский Буяр поскорее земли эти покинуть, а и он теперь ходил по детинцу смурной. Как ни мало выглядывала Зимава во двор, а всё равно то и дело замечала его, покрикивающего сердито на гридней и кметей, что тоже в дорогу готовились.

Когда-то, помнится, хранилась в голове мысль, что, как доведётся Радана забрать, так и от Буяра избавиться можно: уговорить, подкупить, убить в конце концов. И то, что Доброга, который с чужим воеводой уже успел и нравами сойтись, о том думал, ни Зимава, ни Эрвара не волновало. Пусть бы остёрцы пробивались снова в город, через стены толстые и высокие, по своему разумению. Один раз она уже пустила неприятеля, хоть и могла того не делать. Второй раз такой ошибки она не совершила бы.

Да всё поменялось в один миг. Как не стало Радана — и мир весь померк как будто. А что там в нём теперь дееся — всё равно.

Только после узнала Зимава, что уехала в Логост Вышемила — и ни тени сожаления не качнулось в душе. Что не поговорила с ней напоследок, не объяснилась. Там ей, верно, будет лучше, подле родичей, где и пригляд другой, и забота. И с отъездом её ничего не поменялось, не стало пусто в детинце — он опустел лишь со смертью Радана, хоть и не жил тот здесь уже давно.

Зимава сидела в хоромине своей какой уж день кряду — не считала. И не выходила никуда, не ела почти ничего — только то, что могла всеми силами запихнуть в неё Оляна. Она не чувствовала вкуса, не понимала, уходят её силы или нет.словно варилась в киселе из дней, что то ли бежали, то ли плелись друг за другом. Лишь яркой вспышкой в непрерывной гулке серости возникал время от времени

Эрвар. Говорил что-то, гладил по плечу — но слова его и доносились до слуха, а отклика никакого не находили. Она отвечала даже, будто кто другой за неё это делал — варяг вздыхал, оставаясь ещё подле неё, а после уходил.

А она всё думала, что ей делать дальше, как быть, когда вся жизнь разрушилась до основания, ничего в ней не осталось: ни мужа, ни возлюбленного, которого она так жаждала заполучить и не смогла, ни сына. Смотрела в окно терема женского, на землю притоптанную, лишь едва подёрнутую зеленью чахлой травы, и качалось внутри желание просто броситься вниз. Но что-то ещё держало. Может быть, страх.

Он теперь накатывал на неё вовсе неожиданно, когда и причин-то не находилось. Просто вмиг холодело всё тело от пота липкого, начинало сердце колотиться неистово, тошнота подкатывала к самому горлу. И совладать с этими дикими всплесками не было никаких сил. Казалось, что всё это не с ней происходит, что кто-то другой владеет её разумом, который чудом замер на грани безумия.

Никогда ещё Зимава не ощущала себя такой слабой и никогда не цеплялась за обрывки былого так сильно. И всё перекаtywала в мыслях вину свою за всё, что случилось — а та словно нутро ей в труху перемалывала. Пыталась она понять, как так могло случиться? Как она допустила такое? И всё яснее с каждым днём, сначала в дороге из Калиногоста, а после и здесь, в родных уже стенах Велеборска, осознавала, что не сама она к тому пришла — подтолкнули её умело, исподволь.

И потому каждый раз появление в горнице Эрвара, который так незаметно подбрасывал ей в голову свои мысли после смерти Борины, кололо её, словно копьё острое, блестящее. И переворачивалось каждый раз что-то в груди, как видела она его: сильного, устрашающего — и красивого, какой-то особой, грозной красотой. Присматривалась пуще, словно заново с ним знакомилась и ждала, что снова поведёт он её по ему удобной тропке...

Всё ж отбыли в Остёрск воины Буяра. Зимава не спустилась на крыльцо — хотя бы вслед им посмотреть. А после зашла и Оляна, как закрылись за ними ворота.

— Поешь чего сегодня или снова свиньям выбрасывать? — она посмотрела на стол, где так и остыла обедня, к которой никто не

притронулся. — Заморишь себя совсем, — заворчала пуще, остановилась за спиной и нависла, словно совесть собственная. — А ты молодая ещё. Сама говорила: и дитя родить можешь, и мужчину привлечь любого, какого пожелаешь...

Зимава хмыкнула громко — сама от себя не ожидала. И вышел этот звук, верно, самым живым за все эти дни.

— Привлекла уже одного. Да не задержался он надолго, — она повернулась к опешившей подруге, окинула её взглядом, словно вечность целую не видела. — Подолом задранным, ляшками голыми никого не удержишь. Жалко, поздно спохватилась я.

— Дура была, — жестоко уронила Оляна.

— Дура, — согласилась Зимава, ничуть на неё не обидевшись. — И Эрвара слушала тоже не от большого ума. Потакала его прихотям. Думала, мои они тоже.

— Ты Эрвара не вини, — махнула рукой женщина. — Не хотела бы, не поддалась. А он — мужик — он по-своему решать всё научен.

Зимава привстала даже с лавки, неожиданно разгневанная словами подруги. Ни капли утешения, мягкого согласия: лишь бы горемычная княгиня не переживала так. Она, как и всегда, говорила, что думает. Потому-то и сдружились они однажды. А вот теперь открытость её только раздражала. Будто била она по самым больным местам, по тем, где чувствовала Зимава свою собственную слабость. Но всё ж уладила она вспыхнувшее вдруг негодование — и села обратно.

— Что, уехали остёрцы? — решила поговорить о другом.

Оляна тут же расслабилась, продолжая всё ж присматриваться к ней с любопытством, словно нынешнее настроение княгини очень её удивляло, и не знала она, чего в следующий миг ожидать можно.

— Уехали, слава Богам, — села напротив, снова покосившись на уже начавшую заветриваться снесь.

Зимава покивала медленно, встала, прошлась неспешно, разминая ноги. До того ослабшие, будто она и вовсе всё это время на той лавке и просидела, не сдвинувшись ни разу. И внутри словно воздух прохладный разворачивался освежающей волной. Отбыли остёрцы наконец. Всем войском своим. Оставили в покое — и несказанно легче становилось от мысли такой непривычной.

И как будто не было их здесь никогда, а всё равно получилось так, что след от встречи с Чаяном и от всего, что случилось после, остался до самой смерти.

Но с того дня, как покинули люди Буяра Велеборск, как пропал из виду их лагерь, оставив на земле лишь глубокие подпалы кострищ и вытопанные напрочь дорожки, Зимава как будто в себя приходит начала. И думалось теперь всё чаще, как дальше быть, не оставаться же на милость и жалость Елицы. Не возвращаться же в Логост! Только здесь осталось всё, что ещё могло вернуть к жизни, что могло бы поддержать на пути из этого затянувшегося кошмара.

И пока Елица, теперь уж, верно, полноправная наследница Борины, не вернулась, ещё есть время обдумать свою дальнейшую судьбу. Вот только избавиться бы от дыры этой внутри, в которой будто бы ветер ледяной сквозил. И которую нечем было теперь заполнить.

Как узнал Эрвар, что княгиня наконец сбросила неподвижность, которая сковывала её внутри и снаружи все последние дни, так сразу и осмелел пуще. Уж раньше-то он не позволял себе слишком часто навещать покой Зимава, появлялся рядом только когда звала она или когда нужно было сопроводить, на людях появиться подобающе. А теперь ни на кого не оглядывался: уж неведомо что о себе возмнил за то время, что она его не прогоняла — просто сил не находилось. Да и всё равно было, признаться. Казалось ей сквозь смрадную тьму невообразимой потери, что только за него ещё, за привычного стража подле, продолжает цепляться разум. А не станет его — и Зимава тут же сойдёт с ума.

Но теперь Эрвар всё больше давил на неё, как только появлялся в горнице. словно перестал осторожничать и сдерживать волю свою, которой незаметно подчинял с тех пор, как погиб Борила. Только чего ещё ждёт от неё, неизвестно: куда ни глянь, всюду опростоволосились.

Да нынче с утра казался Эрвар как будто задумчивее, чем обычно, и пришёл с просьбой вовсе неожиданной: о таком никогда не испрашивал. И сам говорил однажды, что просить ни о чём не станет, а только возьмёт, что нужно ему. А тут вошёл тихо, кивнул Оляне, которая помогала Зимаве на прогулку собираться: та теперь хоть и нечасто, а стала горницу свою покидать. Подруга, словно сговорились они заранее, вышла, а варяг приблизился — и был его взгляд, что

жалил порой острой сталью под снегом бровей, сегодня спокойным, но неуловимо выжидательным.

— Я рад, что ты не похоронила себя совсем, Зимава, — заговорил он как будто издалека.

— Может, просто курган хочу насыпать себе повыше, — она усмехнулась. — Что ты ходишь всё вокруг да около, Эрвар? Вижу ведь, что-то беспокоит тебя.

— Беспокоит.

Он остановился напротив, обхватил ладонями лицо её, чуть приподнимая, чтобы на него смотрела, пусть и хотелось взгляд спрятать. Ходили на щеках его желваки резкие, а руки были такими горячими, что казалось, непременно останутся ожоги от них. И в глубине его глаз плескалось что-то неведомое, что хотелось разгадать немедленно — и страшно было — не принять всё же.

— Пройдёмся в саду? — Эрвар опустил Зимаву.

В груди льдом пронеслось разочарование и злость: что ж задумал такого? Что ещё предложит опасного?

Зимава кивнула только и пошла за ним следом.

Пока спускались во двор — всё в спину его глядела, представляя, как перекачиваются при каждом движении мышцы на ней под рубахой. И так ясно перед взором это предстало, что аж душно стало на миг. Захотелось повой сдёрнуть, обмахнуться. Да Зимава укорила себя за мысли такие: и вовсе беспокойно было от того, какие чувства разорванные обуревали её. Никого в детинце не осталось ближе него. Но и прогнать варяга хотелось жутко. Может, и стоило это сделать ещё тогда, как первый раз он показал свою тягу к ней.

В саду было тихо, как и всегда после отъезда Елицы. Словно детинец не жил вовсе без неё, а последними скверными вестями и вовсе прибило всех к земле самой. И пахло уж, оказывается, не яблоневым цветом, что уже давно опал, а липой, нагретой Дажьбожьим оком, что продолжало буйствовать какой день кряду.

Эрвар прошёл немного вглубь сада, подальше от глаз чужих, на которые можно было бы налететь. А после шаг приостановил, как скрылись они в самой тени, среди ветвей и густой поросли черёмухи молодой.

— Уезжай со мной, Зимава, — проговорил на выдохе, как поравнялась она с ним. — Что держит тебя здесь теперь?

Она остановилась, а Эрвар сделал ещё несколько шагов дальше, не заметив. Уж так был в мысли свои погружён. Обернулся, наморщив лоб, и оглядел её едва не с испугом — удивительно! Знать, маялся он эти дни, что в забытии своей боли она провела, не меньше её, да по-своему.

— Что держит? — она задумалась о том снова. — Может, и ничего... Но почему ты решил, что уехать с тобой захочу?

— Разве хочешь престол сохранить? Так Елица теперь ему хозяйка, хоть и веча не было ещё. А как мужа нового в дом этот приведёт. Да ещё и княжича... — по губам Эрвара поползла едкая улыбка.

И тем более не по себе становилось от того, что улыбался он вообще очень редко.

— А кто, побывав уже княгиней, не захочет ею остаться, скажи мне? — Зимава пожала плечами и пошла дальше.

— Путей у тебя к тому немного осталось, — варяг пропустил её вперёд себя и последовал за ней чуть позади.

Она вперилась в тропку под ногами, усыпанную потемневшими уже лепестками яблони.

— Ты говорил, что пойдёшь на всё, что я тебе ни приказала бы, — проговорила задумчиво.

— А ты хочешь приказать? — послышался тихий смешок. — Нет, Зимава, не думаю я, что теперь по твоему велению на всё пойду. Одно дело в бой кинуться с мужиками, с воинами сильными. А другое — против баб воевать. И видеть, как детей убивают.

Она повернулась к нему резко, прищурилась — и Эрвар встал на месте, едва на неё не налетев.

— Так не ты разве повинен в том, что Радана не уберёг? Я ведь самое ценное тебе доверила.

— Я во многом могу быть виноват. Но не в том, что ты на плечи мои свесить хочешь. Радана случайно стрелой зацепило!

Прогромыхал его голос рассерженный на весь сад — да так, что птица где-то с ветки вспорхнула, ещё мгновение назад заливаясь трелями в глубине зарослей. Всё вокруг смолкло как будто. Даже отдалённый шум в детинце, который стихал только к ночи, да и то не совсем. Зимава шарила взглядом по лицу варяга, перекошенному гневом, и казалось, что скрыть он хочет что-то за напускным

негодованием. Уж не нарочно ли Радана убил? Чтобы освободить Зимава от всех привязанностей, чтобы смогла она навстречу ему скорее шагнуть — от отчаяния или в поисках утешения. Не зря ведь заговорил об отъезде. Словно перестал уже верить в то, что можно побороться с судьбой.

— Конечно, случайной, — Зимава кивнула, отворачиваясь. — Прости. Но не слишком ли ты рано просишь от меня ответа?

— А кто тебе ещё заступой сейчас станет? Кто может дать жизнь хорошую, пусть и не ту, к которой ты привыкла. А там... — он помолчал и подошёл со спины почти вплотную. — Там утихнет всё, Зимава. Я сделаю всё для этого.

Ладонь его на талию легла, погладила медленно, но с напором ощутимым. В груди что-то вздрогнуло и упало, оборвавшись. Зимава прикрыла глаза, коря себя за то, что не может остановить его в этот самый миг. Просто не хватит сил. Как он умел так? Волю свою обрушивать на неё мгновенно, чего бы ни добивался: близости ли, решений ли, для него подходящих. Надо бы взять себя в руки, пока не стало поздно.

Ладонь тяжёлая прошлась по животу Зимава, вверх направилась — Эрвар смыкал объятия неотвратно.

— Так что скажешь сейчас? — прошептал чуть хрипло у самого уха, обволакивая собой, своим запахом резким и будоражащим, касаниями уверенными, но пока осторожными — не спугнуть.

— Коль исполнишь, что я скажу, то и подумаю, — еле ворочая языком, ответила Зимава.

— Елицу убить хочешь, — не стал он спрашивать, сразу угадал. — Не стану я её убивать.

Его рука пропала, обдав напоследок жаром вдоль пояса. Зимава вдохнула глубоко и глаза открыла, содрогаясь от мелкого озноба. Словно подступала опять к горлу самому паника, от которой никак не сбежать. Она ощущала её, казалось бы, в моменты самые для того неподходящие. Вот и теперь аж перед взором муть растеклась. Отказал. Что с княженкой этой не так, что даже воин самый верный отказывается на пути у неё становиться и вредить ей?

— Тогда забудь, — бросила она прерывисто. — Ехать мне отсюда некуда. И без тебя справлюсь.

Она пошла дальше, едва переставляя ноги. Эрвар остался на месте стоять, и шагу больше за ней не сделал, хоть и ждала она, что попытается остановить, а то и передумает сразу, ощутив, как отдаляется она.

А к вечеру, будто пеленой туманной по небу, что надвигается неотвратно с дальнего окоёма, начала наваливаться на Зимава тщетность уже знакомая, горькая. Разлилась по нёбу жжением, заставляя дыхание застревать в горле. То накрывала уверенность твёрдая, что с Елицей надобно справиться, не допустить её сюда возвращения, то откатывала трусливо: как совладать с заковыкой этой самой? И надо ли?

Струилась в окно прохлада тихого летнего вечера, скользила по лицу, но не освежала ничуть раскалившейся от дум тяжких головы. И мысли все в ней словно плавилась с каждым мигом сильнее, растекались неразборчивыми лужицами и перемешивались, превращаясь в удивительный и жуткий вздор.

Она только краем глаза увидела, как мелькнула высокая тень рядом с ней. Остановилась, нависла тяжело.

— Зачем пришёл? — буркнула, не оборачиваясь. — Отказал ведь мне. Не хочешь послужить ещё раз, хоть и не брезговал мараться раньше.

Широкая ладонь легла ей на плечо, сдавила слегка.

— Перестань глупости опасные мыслить, Зимава, — камнем упал низкий голос Эрвара. — Не поможет это уже никому. И тебе не поможет. Ладно я, воин, наёмник. У меня руки в крови по локоть. А тебе зачем эту тяжесть на душу брать?

Она встала резко, повернулась к нему, чтобы взглянуть в безжалостные глаза его. Не жаль ему Радана — ведь не его ребёнок. Зато Елицу жаль. Но оказалось, что на лице варяга лежала теперь печать тревоги мрачной. Да только поздно он спохватился — о душе её думать, заботиться.

И казался Эрвар в этот миг таким знакомым — и другим как будто. Точно и его события последние на клочки раздербанили. И глаза его, глубокие, синие, таили теперь усталость, какой раньше в них не было.

Зимава подалась вперёд, обняла его за шею крепко и впиалась губами в его губы, всегда сурово сжатые. И они встретили вдруг

мягкостью и теплом, раскрылись в ответ. Сковали крепкие объятия поперёк талии, скользнули руки уверенные, надёжные по спине вверх.

— Остановись, Зимава, пока не поздно, — успел шепнуть он между жадными, один беспощаднее другого поцелуями. — Обратного пути не будет.

И тут же ртом её завладел снова, не дав одуматься и что-то ответить. Она наощупь расстегнула пояс его с оружием, дала ему упасть на пол с грохотом. Задрала рубаху — и за гашник принялась. Эрвар поймал её руки, остановил и посмотрел в глаза серьёзно.

— Не желала ведь меня раньше.

— Теперь желаю, — она вырвалась и принялась распускать завязку снова.

Сунула руку в штаны и провела ладонью по твёрдеющей плоти его, не отводя взгляда, что туманился, подёргивался пеленой вожделения всё сильнее. Она ласкала его неистово, исступленно чувствуя жажду его и наполняясь ею тоже. Скользила пальцами, сжимала. Тянулась к губам его, словно к источнику пьяному, ледяному. Другой рукой расстегнула ворот свой, распахнула, оголяя грудь, и, схватив варяга за руку, приложила к ней, заставила стиснуть. Часто и глубоко задышал Эрвар, словно вулкан у него в груди проснулся. Он схватил Зимаву едва не в охапку и потащил к лавке. Она рухнула на ложе, чувствуя, как на ходу стаскивает с неё варяг одежду. Полетела прочь понёва, за ней рубаха ненужная. Звякнули бусы тихо, разорвавшись от неосторожного движения — и заскакали стекляшки да камешки мелкие по полу. Попали под спину, перекатываясь под ней колко. Вторглись твёрдые горячие пальцы между ног, скользнули вкруг влажного, саднящего лона.

— Желает, значит, всё же, — рыкнул варяг.

И накрыл губы своими, ворвался языком, сминая теперь Зимаву со всей страстью, которую раньше внутри хранил. На миг оторвавшись, скинул и свою рубаху, давая насладиться видом воинского, отмеченного многими битвами тела. Он обхватил бёдра Зимавы и подтянул её к себе, приподнял чуть — и вошёл резко, вырвав из груди стон. Легли увесистые ладони на грудь, сминая, дразня пальцами окружая сосков. Он смотрел на неё, любясь открыто, касался везде, где мог в тот миг, как брал её. А после запустил обе пятерни в

разметавшиеся вокруг головы волосы, сгрёб горстями, приблизив лицо и всматриваясь в самую глубину глаз.

— Моя, Зимава. Всегда моя была. Да только не знала этого.

— Твоя, — согласилась она, уже неспособная вызвать в голове ни одной разумной мысли.

По телу будто горячие потоки носились, неистово грохотало сердце, словно выстукивая его имя. Зимава водила ладонями по груди Эрвара и плечам, впиваясь пальцами, оставляя на коже его белые полосы от ногтей. Она хотела бы разорвать на клочки его сейчас, чтобы не чувствовать такой страшной похоти, которая пожирала её. И хотела раствориться в нём. Чтобы не быть больше никогда без него.

Они схлёстывались и свивались вместе, будто упругая трава под неистовым ветром. А после Зимава словно очнулась, когда поняла, что уже лежит спокойно в собственной постели, вся мокрая от испарины. Что на бёдрах ее подсыхает семя варяга. Что блуждает по коже тонкая струйка сквозняка и ладонь Эрвара. Она коснулась губами его груди, ощущая соль на кончике языка. Стиснула пальцами упругие ягодицы мужчины, заставив его напрячься и засмеяться тихо.

— Не шали, — буркнул он, касаясь виска дыханием.

Зимава устроилась удобнее в больших объятиях, закинув ногу на его бедро, и затихла, слушая, как он дышит. Скоро уgomонился быстрый стук сердца Эрвара, расслабилась рука, что лежала на талии, отяжелела.

Зимава пошевелилась осторожно, замерла снова, прислушиваясь, не разбудила ли его, а после совсем выскользнула из-под ладони, словно из-под лапы медвежьей. Эрвар вздохнул протяжно, заставив миг покрыться потом, но только перевалился чуть на спину, так и не размыкая век. Зимава взглянула на него ещё раз, стараясь всё ж не затягивать этот миг. А после свесилась с лавки и дотянулась до пояса с оружием, что рядом лежал, небрежно сброшенный и забытый — в ворохе мятой одежды. Она вынула из ножен кожаных широкий нож, которым, верно, и секача зарезать одним взмахом можно, провела пальцем по лезвию, глядя, как свет лучин пробегает по нему ослепительно полосой.

Развернулась и, вдохнув, ударила Эрвара в грудь. И хотела бы убить сразу, да не попала в сердце, куда метила.

Варяг дёрнулся, распахивая глаза. Проглотил воздух — и вцепился в запястье Зимава хваткой, которой можно и кость переломить.

— По твоей вине Радан погиб, — Зимава склонилась к нему. — Ты должен был убереечь его. Но не захотел. А может, сам убил.

Эрвар качнул головой, не пытаясь даже убрать её руку, просто удерживая воткнутый в грудь клинок.

— Я бы хотел... Убереечь.

Он разомкнул пальцы. Зимава выдернула нож и вонзила снова, глядя в его гаснущие глаза. Эрвар перестал дышать резко, уронил руку, и она сползла на постель, уже усыпанную тёмными брызгами крови.

Она оглядела себя всю: по груди и животу стекали капли алые, но темнеющие помалу, как подсыхала кровь от жара её — быстро. Зимава провела ладонью испачканной между бёдер своих, погрузила пальцы внутрь, не сводя взгляда с мёртвого варяга и боясь смутно, что вот сейчас он снова вскочит и тогда уж, верно, придушит её одним махом. Но он не дышал, вперив неподвижные, потерявшие всю синь глубокую глаза — были они теперь бездумными, как у рыбы, что на прилавке торговца валяется. Зимава схватила рубаху свою, рванула подол на две части и ворот — наискось, до пояса самого, прикрылась ей едва и выбежала прочь из горницы. Пронеслась по ходу, грянувшись в дверь Оляны, отворила и ввалилась к ней в хоромину, перепугав, верно, до замирания сердца. Подруга подскочила на лавке, вытаращив глаза сквозь мутный мрак неосвещённой горницы: уже спать легла.

Зимава грохнулась на колени, едва добежав до её лавки.

— Что случилось? — Оляна тронула её за плечо и вскрикнула звонко, ощутив, верно, кровь липкую. Запалила лучину тут же, едва не роняя кремён из дрожащих пальцев.

— Дорвался всё ж, — пробормотала Зимава. — Ввалился ко мне и...

Она не сумела удержать рыданий бесслёзных, что выплеснулись из груди, в которой klokотало сейчас, болезненно вздрагивая сухое, будто лихорадочное дыхание. Снова подступала тошнота, закрутилась мутным, тугим комком под рёбрами, а по телу озноб понёсся, заставляя сотрясаться мелко, стуча зубами.

— Ты вся в крови! — ахнула Оляна, пытаясь поднять Зимаву на ноги. — Кто это сделал? Эрвар?

Та закивала только, чувствуя, что если скажет сейчас ещё хоть слово, то просто захлебнётся ими и умрёт прямо тут от невыносимого ужаса, который шевелил волосы на голове.

Оляна всё же подняла её, усадила себе на лавку и, отыскав в сундуке, натянула на неё рубаху чистую, отобрав изодранную и зашвырнув её куда-то. Бросилась было к двери, но остановилась, словно вспомнила что-то.

— Я Доброге скажу. Ты здесь будь, — и унеслась прочь, оставив Зимаву одну.

А та застыла совсем, как оказалась в одиночестве, уставилась перед собой, слушая рваный стук собственного сердца и боясь, что, коли шевельнётся ещё — оно разорвётся тут же. Кружило голову от запаха крови, от духоты, что наполняла войлоком маленькую горницу Оляны. Грохотала кровь по всему телу, покрывалась кожа потом неведомо отчего. И крутилась всё в голове мысль: как так случилось? Как поднялась рука на Эрвара? И тут же сам собой ответ находился: без него будет лучше. Всё время то, что служил он Борице при княгине молодой, словно камнем над ней нависал, готовым упасть в любой миг и раздавить. И начал давить, как почуял, что остался без надзора княжеского, что ослабела Зимаву, потеряв опору, оставшись сиротой безмужней.

Так будет лучше.

Загромыхали шаги за дверью — и в горницу вместе с Оляной вошёл спешно Доброга, только недавно разбуженный, злой, точно тур во время гона. Но увидев согнувшуюся, раздавленную случившимся Зимаву, он приостановился и подошёл уже медленнее, ступая тише и осторожнее, словно напугать лишний раз боялся.

Заглянули в хоромину гридни, да воевода им рукой махнул в сторону горницы княгининой — идите, мол. Те пропали тут же, успев только глянуть на неё с любопытством и опаской заметной.

— Ты что же, убила его, — заговорил Доброга, присев рядом.

Оляна встала у стола, цепляясь за него, точно ноги стали её вдруг плохо держать.

— Я давно ему говорила, — начала Зимаву хрипло. — Что не надо меня трогать. Что не нужно мне его внимание. Как погиб Борица, так он осмелел. А сегодня вот...

Она закрыла лицо ладонями, но не разрыдалась — сил не было. Только жгучий воздух, словно зноем раскалённый, бился в груди комком. Щипало веки мучительно, но ни единой слезы не могло пролиться, давая бы облегчение.

Воевода оглядел её медленно всю с головы до ног. Посмотрел на Оляну — Зимава краем глаза видела. И напряжённо так стало вокруг, словно нить звенящая протянулась через всю хоромину.

— Ты много недоброго творила, Зимава, — вновь заговорил воевода. — Думаешь, не знаю, что и Елицу ты в руки зуличанам отдала? И Ледена, говорят, хотела порешить. И сына своего отбить — за что и поплатилась уж.

Она медленно подняла голову, прислушиваясь к его ровному голосу, словно водой холодной льющему ей на спину, текущему вдоль хребта ледяной струйкой.

— Это что ты сказать хочешь, боярин? — взглянула на него искоса, и горло снова сковало приступом новым — не вздохнуть.

— Сказать хочу, что заигралась ты, — пояснил Доброга так же невозмутимо. — Всё власть удержатъ хочешь, хоть и не было её у тебя никогда. А каким бы паршивцем ни был Эрвар, не поверю я ни в жись, что он ссильничать тебя решил. Любил тебя, гадину.

— Проверить хочешь? — она приподняла подол чуть, оголяя окровавленные бёдра, да воевода и не взглянул даже.

— Я думаю, что до приезда Елицы ты в детинце под присмотром моим останешься. А как вернётся княжна, так судьбу твою решит. Пожалеет, может, или палками пожелает отходить. Или виру с тебя возьмёт... Сама слово своё скажет. Не могу в застенки тебя посадить, поговорить по-другому, хоть и надо бы, верно.

— А ты не перепутал ничего, Доброга? — Зимава даже с места подскочила. — Я тут пока княгиня.

Взглянула на Оляну, которая так и стояла молча в стороне, не заступаясь за неё, не пытаясь вразумить взлютовавшего боярина. И во взгляде подруги такая тоска встала вперемешку с жалостью, что смотреть на неё стало совсем тошно.

— Ничего не перепутал, — воевода встал. — Я так решил. Но последнее слово будет за Елицей. Отмой её и позови челядинок убрать в горнице, — отрывисто велел он Оляне.

Та кивнула, провожая его взглядом, и как боярин вышел, в хороmine стало почти тихо. Только слышно было, как переговариваются кмети, кряхтя от тяжести тела Эрвара, которого они выносили прочь. Зимава снова уселась на лавку, не веря в случившееся. Воевода как будто не слышал её, решив всё заранее, и надеяться уж на его милость бессмысленно. А ждать великодушия Елицы, этой простодушной соплячки, и вовсе сил никаких нет — противно. Значит, думать надо, как дальше поступить. Остались ещё русы в дружине — значит, надо с тем, кто старшим у них теперь окажется, говорить.

Повинуясь мягкой, но настойчивой воле Оляны, скоро Зимава вернулась в свою горницу. Здесь уже было чисто, словно и не случилось ничего ещё недавно. За окном уж наливалось прозрачным светом небо, веяло свежестью, травой росистой и другой влагой — от чисто отскобленных досок пола. Челядинки справно убрали все следы крови, перестелили лавку — и пропали тут же. Можно догадаться, какие слухи теперь станут ходить по всему детинцу. Да вряд ли воевода пустит их дальше. Даже ему это вовсе не нужно.

Зимава прошла по горнице медленно, словно оказалась здесь впервые — и все вещи, что давно лежали на своих местах там, куда она сама их поставила, выглядели чужими, ненужными. Она уже ополоснулась, смыв с себя кровь Эрвара и семя его, что с ней смешалось — но так и осталась грязной, запятнанной — там, где не дотянется ни одна лыковая мочалка, где не ототрёшь всё щёлоком жгучим. В душе. Израненной, болезненной теперь — Зимава так остро, словно спицей калёной, чувствовала её сейчас внутри.

Воевода разрешил только Оляне заходить к ней да чернавкам — под её присмотром, коль понадобится. Хоть стражу у двери не оставил — и то ладно. Никогда она и помыслить не могла, что пленницей в собственном доме окажется, да не абы какой — как было, когда появились здесь Светоярычи, которые почти ни в чём её не неволили — а самой настоящей: ни шагнуть, ни вздохнуть без надзора,х, пусть и незримого. Кто мог бы ожидать, что так всё обернётся, что не пожелает Доброга, муж всегда к ней приветливый, вставать на её сторону? Да многое, видно, поменялось и в его мыслях тоже.

Зимава не знала, куда себя деть, смириться хотела было, погасить пламя негодования и гордости поруганной внутри — да не могла.

Даже Оляна вмиг словно отдалилась от неё, да только думалось, что воевода знатно её застращал: всё ж муж её под его дланью служит — перечить лишний раз тоже дело неблагодарное.

И совсем уж можно было спятить взаперти, потонуть в приливах жутких приступов страха и паники, что стискивали сердце холодными цепями всё чаще, да хоть позволял Доброга во двор выходить — вместе с соглядатаями приставленными, вестимо. Порой и хорошо оттого делалось, легче становилось на сердце болезненном, а иногда — лишь хуже. Всё чудилось-вспоминалось, как проходили недавно этими тропками они с Эрваром вместе — и тогда дрожь ледяная по спине пробегала, не верилось снова, что нет его больше и что сама она его жизни лишила. Словно какой другой человек это сделал.

Вот и нынче Зимава плелась по тенистой тропке, слушая гомон далёкий у изб дружинных. Такой же он был, как и вчера, кажется, да и другой: чуть громче, взволнованней звучали отрывистые голоса кметей, и даже гридни за спиной явственно напряглись, вслушиваясь в них.

И стоило свернуть к ним через сад, как вышел навстречу воин из бывшей Эрваровой ватаги. Люди его многие остались служить в Велеборске, когда как другие засобирались в Логост. И осуждали они, кажется, княгиню, что вожака их убила, но слишком не серчали. Многие судили, что за деяние низкое, его и оскопить можно было бы: поверили всё ж в то, что Зимава про случай тот рассказала. Да в то, что приукрасили после здешние женщины. Остался старшим у них другой рус — Торгард, и Зимава размышляла уже над тем, как бы его к себе приблизить исподволь.

Он-то и поспешил к ней. Судя по лицу смурному — с вестями недобрыми.

— Вести худые, княгиня, — тут же выдал, поклонившись. — Гонец приехал от купца одного. Говорит, лодьи из Зулича причалили неподалёку. Воинов на берег сошло немало. И по земле тоже идут. Доброга просил передать.

Зимава так и встала на месте, пытаясь весть недобрую, неожиданную в голове уложить.

— Я поняла, иди, — отослала она воина. — Спасибо.

Тот снова поклонился, скользнув по ней внимательным взглядом, и мигом из виду пропал. Забурчали тихо позади гридни, обсуждая

услышанное, и от низких их голосов аж внутри всё задрожало, будто твердь под ногами закачалась.

И понемногу гроза, что нависла в очередной раз над Велеборском, застлала взор — и звучал как будто утробный грохот её в ушах. Не стерпел Гроздан потери Елицы. Не простил того, как нахально — не менее, чем он сам — Чаян забрал княжну у него из-под носа. В тот миг, верно, как возомнил уж себя зуличанин князем будущим.

И, получается, не ко времени отбыло остёрское войско. Уж, верно, прознав о том, зуличане и осмелели вконец. Но только на сей раз не Зимавин гонец им о том сообщил. Она огляделась в пустом саду, ожидая, что в любой миг на неё свалится ещё какая худая весть, они здесь, верно, за каждым кустом таятся — и пошла в горницу к себе. Теперь мужам решить, что делать с подступающими к порогу неприятелями. Высылать в бой войско, чуть окрепшее после прекращения вражды с остёрцами, или ждать, пока появятся новые враги перед взором, чтобы узнать, чего хотят они — может, вовсе и не город им нужен?

А она теперь снова с Доброгой говорить станет. Ведь лишь в ней сейчас вся власть княжеская есть, что ещё в Велеборске осталась — в глазах людей. Что бы те ни говорили о вдовой княгине. А там и с Грозданом встретиться надо. Да только в ворота нынче она пустит только своего мужа.

ГЛАВА 12

Нынче духота знойная на время отступила. Выгоревшее льняное небо потемнело, налилось цветом сочным, синим, впустило на гладь свою прозрачную облака белые, лёгкие, что перья утиные. Вынырнул из низин лесных сырой ветерок, заметался вдоль тропы, то глядя лицо, то задувая в спину, когда доводилось пробегать по двору. И полегчало даже: отпустила жадная хватка жары. И дорога грядущая казалась теперь не столь мучительной — а то ведь и в тени деревьев не всегда спрячешься.

Тревожно потемнело на северном окоёме, подёрнулся он дымкой синеватой, что с каждым мигом всё угрожающее становилась. Потянулась она дальше, разрастаясь, сгущаясь и превращаясь помалу в тучи тяжёлые, укутанные во влажную пелену готового пролиться дождя.

— Эх, успеть бы до Яруницы добраться, — вздохнул Радим, выглядывая очередной раз во двор.

Не просто так на пути к кургану Милиславы все решили сделать крюк небольшой вновь через Яруницу, хоть и можно было поехать дорогой более короткой — прямой. Да Радим, который Елицу теперь от себя и на два шага отпускать не желал, вестимо, ехать со всеми решил. Больше его в этой избе, где он пять лет прожил, ничего не держало. Да и то, что связывало его с этим местом раньше, оказалось неправдой, мороком наведённым.

И не хотелось ему, кажется, уезжать осюда — всё ж привык за столько-то лет, и хозяйство так просто не оставишь, животину тож. И с собой не потащишь конечно. Потому-то он и хотел заглянуть по дороге к знакомцу своему хорошему, который в Ярунице с семьёй жил — путь всё, что есть ценного в доме, забирает — уж пользы ему от того будет больше.

Княжичи и поворчали, конечно: не хотелось им время лишнее на чужие прихоти тратить. Чаян даже забранился на Радима люто перед тем, как в дорогу тронулись.

— Вот и оставайся здесь, сам своих коз и кур разгоняй куда угодно. Хоть к Лешему — волкам на радость! — гневился он всё

сильней. — А мы дальше поедem. Не досуг с тобой по всям кататься.

— А ты меня не учи, что с добром мне своим делать! — Радим вмиг вспыхнул, словно сухой пучок трав от искры. — Своим добром распоряжайся, если осталось у тебя ещё такое. И жену свою я с вами не оставлю. Думаешь, не вижу, как зыркаешь на неё?

Чаян хмыкнул очень недобро, ослабился, раздумывая, верно, что бы ещё такого сказать, дабы и вовсе Радима в пыль втоптать.

— Что ты сделал для неё, кроме того, что мужем ей назвался? Разве был ты ей мужем по совести? — заговорил он чуть спокойнее. — Так что рот свой захлопни. Только из-за Елицы я тебе ещё морду не расквасил.

И было бы из-за чего, да кровь вскипевшую им обоим унять было трудно. Отроки, собираясь в дорогу, только сновали туда-сюда, с любопытством поглядывая на них. Боянка и вовсе в угол едва не забилась, спрятавшись за Елицу, которая за голову схватиться хотела от того вздора, что они оба сейчас несли. Но и влазить в перепалку не торопилась: пусть уж выскажут друг другу всё, что накопилось. Чаян — разочарование от того, что она оказалась женой мужней, и теперь хоть обручье без раздумий ему отдавай — никто не осудит. А Радим — злость лютую от того, что Елица княжичу обручье всё ж пока не вернула. А она чувствовала смутно, что не время ещё над решением этим думать, что нужно разобраться во всём — и может то, что сейчас кажется невозможным, обратится единственно верным исходом.

Радим её не понимал. Не понимал того, что за годы эти в душе её могло многое поменяться. И потому серчал на неё сильно. Только Леден, кажется, оставался и вовсе безучастным к распре, что зародилась между братом его и мужем Елицы. Он только вещи свои проверял, чтобы ничего не забыть, да поглядывал на них время от времени, пока те едва паром из ноздрей друг друга не обжигали. Но и понятно становилось, что завяжись что потяжелее, чем обмен грубостями — он непременно вмешается. И стоило только обратить на него взор, как в душе помалу успокаивалось. И хорошо, что не смотрел он в ответ — иначе спокойствие это обернулось бы в груди, наоборот — смятением. Уж после всего, что было волей их или неволей, против которой идти никаких сил ни у неё, ни у него, получается, не оказалось. Да только что ж теперь с этим делать, если одного взгляда на Ледена становилось достаточно, чтобы вспыхивало в памяти всё до

мелочей? Да что там взгляда — уже того, что неподалёку он сидел, чуть повернувшись плечом ко всем, словно отгораживаясь.

— Коль хочешь морду мне расквасить, так попробуй, — ответил на последнюю угрозу Чаяна Радим. — Да только я прав тут, как ни крути. И коль вина моя в том, что Елица себя вдовой столько лет считала, так вину эту я перед ней искуплю.

— Не виноват ты, Радим, — всё ж сказала она.

Не хотелось новых споров и ругани. Муж посмотрел на неё искоса и вновь отвернулся. А после вышел из избы, едва дверь не грянув.

— Не потому ли ты не хочешь в Яруницу возвращаться, что дочка там старостова поруганная тебя поджидать станет? — удивительно едко прозвучал в воцарившейся тишине голос Ледена, который молчал всё это время.

Он поднял взгляд от своей седельной сумы, которую только что закрыл, уложив всё нужное, и обжёг брата лёгкой насмешкой в нём.

— Поруганная? — покачал головой Чаян. — Коль девица сама на ложе приходит, сама ластится, то чем же я её обидел, когда дал ей то, что она хотела? Или не так, скажешь? Не так у тебя было с Вышемилой?

Леден только уголком рта дёрнул. Елица вдохнула, да воздух словно в тинёте какой запутался, что горло её обволокло. Застрял, ворочаясь комком и как протолкнуть его дальше — непонятно. Только давиться оставалось, не показывая никому вида. Знала она многое о том, что Ледена с Вышемилой связывало, а о таком и подумать не могла. А может, просто не хотела: не успели долететь до неё слухи, что неизменно рождаются в любом доме, где много глаз и ушей, не рассказала ни о чём боярышня сама. И вот теперь их с княжичем близость оказалась ещё одной неприятной неожиданностью — не смертельной вовсе, но расшатывающей и без того ненадёжную опору под ногами.

Кажется, Чаян всё заметил, хоть Елица и не шевельнулась, не моргнула даже. А как взглянул на неё — так и вовсе шея его побагровела. Но это всё, чем выдал он свой гнев, ещё пуще вскипевший.

— Ты Вышемилу не трожь, — чуть поразмыслив над его ответом, буркнул Леден. — Не свезло ей со мной. До беды довёл. Да

постараюсь до большей не довести.

— Женишься, чтоль, всё же? — фыркнул старший.

А тот только голову чуть повернул в сторону Елицы, и взглянуть как будто хотел на неё, а то и сказать ещё что-то, да не стал. Только поднялся, взвалив седельную суму на загривок, и пошёл во двор.

Елице и с Чаяном говорить больше ни о чём не хотелось. Закончили они с Боянкой тихой, что трава в безветрие, сборы и вышли из избы, в которой, признаться, уж и находиться было противно. А вот роща, что кругом росла, встретила приветливо. Ворожила как будто кругом, колдовала, переплетая тонкие нити лучей с листвой округлой. Струился бледный, готовый в любой миг погаснуть, свет Ока по стволам зеленовато-серым осин, стекал к земле и расплёскивался брызгами по всему двору, по стенам сараев и житницы, по хлеву, где слышался топот тихий встревоженных животных.

И так мерзко вдруг стало, словно затхлостью пахнуло по горлу — так скверно всё здесь обернулось. А казалось ведь кому-то, что жила здесь раньше семья в ладу и любви — а теперь всё порушилось. И никто не узнает точно, что случилось, и что держи ещё несколько зим Димина своего мужа под чарами — и он чахнуть бы стал. От такой волшбы никому хорошо не делается.

Выкатил Радай телегу, остановил прямо перед женщинами. Да Елица нынче решила снова верхом ехать. Боянка запрыгнула в повозку, уместила у ног пожитки какие дорожные, раскинулась вольготно — всей лавке теперь хозяйка. Только Елица за повод схватилась — и коснулись пальцы крепкие локтя, чуть подтолкнули, помогая. Она вздрогнула было от ощущения знакомого, волнительного. И обида непрощенная тут же колыхнулась в груди снадобьем вязким. Она покосилась на помощника и едва не выдохнула разочарованно — рядом Брашко стоял — не Леден. От улыбнулся слегка смущённо, а после руку её отпустил и к товарищу на облучок сел, пока все на местах своих устраивались.

Вышли из-за избы и мужчины, друг на друга вовсе не глядя и не разговаривая. Безмолвно поднялись в сёдла и выехали вперёд, по тропе среди высоких трав и цветов мелких, нежных, что уже клонили головки к земле под крепчающим ветром.

— Кабы дождь не разразился, — задрав глаза к небу, проворчал Радим, словно и сам Сварог был виноват перед ним.

Чаян посмотрел на него с укором: разве путникам бывалым гоже опасаться какого-то дождя? Он в дорогу — и вовсе благая примета. Значит, будет путь удачным, минуют многие препоны и неприятности.

— Мимо протащит, — не поворачиваясь даже к Радиму, ответил Леден.

И тот смолк снова, пропустил княжичей вперёд, а сам рядом с Елицей поехал. Теперь полдня до Яруницы добираться, а там — дальше. Может, и домой скоро доведётся вернуться, если закончится всё. Признаться, Елица и подумать не могла, что придётся к усыпальнице матери наведаться. Но теперь твёрдо уверена она была, что ответы, которые ещё судьба им подготовила, нужно искать там. Много лет прошло, земля, что укрывала её, уж почти камнем обратилась, поросшая густой травой, прибитая дождями. Но верить только и оставалось, что удастся на месте том что-то почувствовать, услышать.

Вспомнив о том, поразмыслив, Елица и не заметила, как упёрлась взглядом в спину Ледена, прямую, сильную. Он покачивался слегка в седле, отчего между лопаток его, по плечам, перекачивались мягко мышцы — даже под рубахой видно. Как поймала себя на том, что любитесь им открыто — того и гляди Боянка похихикивать начнёт — Елица тут же взор в сторону отвела. Да наткнулась им на Радима, который уж, верно, давно за ней наблюдал. Тот ничего говорить не стал, не стал колоть подозрительностью и ревностью, на которую, чего уж скрывать, имел право. И Елице — страшно признать — не было стыдно. Напротив, то, что случилось между ними с Леденом, не давало покоя до сих пор. Давило необходимостью высказать больше, чем уже было сказано, вытрясти из него душу вместе с правдой о том, что он думает делать дальше. Неужели просто забыть?

Елица тряхнула головой, пытаюсь вымести из неё ненужные, тягучие, словно кисель горячий, мысли. Чего гадать? Княжич всё дал понять — ему лучше в стороне от неё. И ей, наверное, тоже. Только почему так тянет в груди, словно жилы какие скручивает — и болью отдаёт в самую глубину нутра?

Скоро Боянка прикорнула, свесив голову на грудь — навалилась на борт телеги плечом, тихо вздохнув. Помолчав вдоволь, братья свели коней своих ближе друг к другу и заговорили о чём-то неразборчиво. Как и отроки на козлах. Показалось, прозвучало в разговоре княжичей

имя стряя мельком. Видно, и они чувствовали скорое окончание их мытарств общих — а там им тоже домой возвращаться, забирать то, что по праву крови им положено.

Радим покосился на хрипловато сопящую челядинку, обвёл взглядом остальных и к Елице приблизился.

— Скажи, Еля, у тебя был другой мужчина за это время? — он выразительно посмотрел в спины княжичам, явно давая понять, о ком говорит.

Она повела плечами — таким холодком неприятным пробежался от шеи вниз его вопрос. Подняла взгляд на мужа — и заметила в нём незнакомую доселе сталь, стылую стену обиды и отчуждённости. Стало быть, не прошли годы рядом с Диминой бесследно. Боянка шевельнулась было, вздохнула но снова замерла.

— Тебе о ком сказать? — Елица сжала руки на поводе. Сильно, до того, что пальцы онемели. — О тех, кто по воле моей был?

Радим озадачился, кажется. Качнул головой:

— А о ком ещё?

— Тогда никого не было.

Она отвернулась, не желая больше ворошить. Да только супруг, кажется, ответом её сдержанным вовсе не удовлетворился — лишь разгорелся желанием всё разузнать пуще.

— Что же, сказать хочешь, что кто-то из них силой тебя взял?

Ощутимо навестили уши отроки на облучке, хоть и продолжали, кажется, тоже разговаривать о чём-то своём. У них заботы тоже есть: за долгими дорогами за отлучкой из детинца могли они подрастерять навыки, что пригодятся им осенью на Посвящении. Обиднее ничего нет, как ещё год в отроках на побегушках носиться. От том они сейчас и судачили ворчливо.

— Не говори чепухи, — Елица и сама подивилась тому, с каким раздражением это сказала.

Едва удержалась — видит Макошь, не даст соврать Перун справедливый — не уехала вперёд, под защиту княжичей. Ведь душу сейчас расспросами вынет, не подождёт, как наедине можно будет остаться и всё выяснить. Да и не хотелось пока с ним с глазу на глаз оказываться. Уж неведомо, почему.

— Почему же чепухи? — чуть повысил голос Радим. — Они в Велеборск врагами твоими приехали. Могли и сотворить что худое.

Брашко вовсе смолк, не вытерпев, и обернулся, обдав его угрожающим взглядом. Уж довелось убедиться, как рьяно он может кинуться на защиту Ледена, которому служит верно, и на защиту Елицы тоже. Но она подняла руку, взмахом заставляя его смолчать.

— Врагами они пришли, — согласилась. — Но только знаешь, что я поняла, как с ними познакомилась? Что близкие люди, которых ты роднёй считал, могут принести гораздо больше бед, чем чужаки. Как и те, кто другом назывался. А Светоярычи...

— Я вижу всё, — прервал её Радим.

Голос его вдруг осип, он прочистил горло, но так больше ничего и не сказал.

Туча, которая угрожающе накрыла Дажьбожье око, словно ладонью, в меховую рукавицу одетой, и правда проплыла, тяжело ворочаясь в вышине, мимо. Снова хлынул полуденный свет на тропу, ослепил, обогрел до жара по шее, до струйки горячего пота между лопаток. Защищало уже заживающие порезы на спине и груди. Зажмурилась недовольно Боянка, которая проспала почти всё утро даже в неудобной позе, не обращая внимания на то, как мотается порой её голова, когда подскакивает телега на очередной колдобине. Заморгала вяло, потёрла глаза сонные.

— Далёко ехать-то ещё? — спросила на зевке.

— Скоро уж, — бросил Радим.

Осерчал он заметно — ещё пуще того, что утром было. Видно, чем дольше без чар находился, тем сильнее наваливалось на него осознание того, что Елица все пять лет эти своей жизнью жила — без него. И случаться с ней могло разное. А вот принять пока эти мысли не мог. Но молчал хотя бы — и то хорошо.

Скоро и правда доехали до Яруницы. И хоть прошло времени всего ничего с того дня, как останавливались они здесь, а будто жизнь целая прошла. Послали Радая к старосте — предупредить, что гости у него снова в веси. Тот умчался скоро, а все стали помалу в избах устраиваться. Пока лошадей распрягали, снесь доставали кой-какую — обедню пора справлять — и не заметили, что долго отрок задержался. Лишь когда захлопотали уже женщины у печи да над Божьей ладонью, накрывая, так и спохватился Чаян, что подручный его запропастился.

— Да до Макуши уж десять раз можно было сбегать, — проворчал, в очередной раз во двор выглядывая.

Но отрока всё не было. Леден уж собрался Брашко за товарищем вслед отправлять — а то и разузнать, куда того нелёгкая, каким ветром унесла, да не пришлось. Вернулся Радай — и как ни прятал лицо, а даже издалека было заметно, что чья-то тяжёлая рука подбила ему правый глаз. Пока он только припух чуть, набрякла под ним кожа, но уже и краснота расплывалась. Боянка охнула и потащила парня назад, во двор — холодную, намоченную в колодезной воде тряпку приложить. Да Чаян остановил:

— Ты сказывай наперёд, что случилось, — обратился к расстроенному и злому отроку. — Или упал нечаянно на дороге — прямо на камень?

— Скорее уж девицу какую бойкую в углу прижал. Или жених у неё оказался бойкий, — усмехнулся Леден.

Даже Радим хмыкнул: кажется, лишь к отрокам князьим он нарочной неприязни в душе не таил. Да поддёвки мужицкие Радая вовсе не ободрили и не развеселили.

— Староста сказал, придёт нынче к вам, — бросил он уже от двери самой. — Говорить будет. О дочери своей.

И ушёл вместе с Боянкой — а Чаян едва похлёбкой крапивной не поперхнулся. Сглотнул, точно яблоко целое, и переглянулся с Леденом. Но по лицу того только насмешка пробежала: предупреждал, мол, тебя беспутного. Смятение старшего длилось и вовсе недолго: не успел ещё отрок вернуться, как он уже продолжил трапезу, неловко прерванную, как ни в чём не бывало. Лишь глаза всё от Елицы прятал, хоть она больше не собиралась ни в чём его упрекать. Это он должен думать о том, как вести себя, в чем усмирять — а она только решать, как к тому относиться.

Оказалось, что глаз Радаю подбил, крепко изловчившись, старший брат Озары. Удержать его от ссоры с отроком не смог даже отец — вот и сцепились ненадолго, помяли друг другу бока и траву во дворе под причитания девушки, которая носилась вокруг них, словно квочка, пытаясь вразумить.

— Ладно, он, лапоть, а ты чего ввязался? — покривил Чаян губами на его сказ.

— Дык он псом блудливым тебя назвал, — Радай потрогал припухлость на скуле, которая, несмотря на все усилия Боянки, становилась только больше.

— Так то он меня назвал, а не тебя, — княжич махнул рукой. — Пусть мне в лицо о том скажет, сопляк.

Елица после все ж подозвала к себе Радая и нашептала над ним заговор несложный. Синяк всё равно будет, да пройдёт быстрее. После обеда Радим ушёл по своим делам — к знакомцу своему, договариваться насчёт того хозяйства, что осталось подле избы. И стало немного как будто легче. Разум вяло принимал мысль о том, что он снова рядом. Но на место недоумения и испуга, коим обернулась новая встреча с ним, приходило уже спокойное осознание и поиск постоянный решения, что теперь делать.

Да не вернулся он ещё обратно к дружинным избам, как пожаловал Макуша с сыном своим и мужами двумя крепкими — на вид то ли братья его, то ли ещё какие родичи. Елица, услышав шаги, выглянула во двор — и только успела заметить, как прошли они мимо — да напрямик к избе, где мужчины расположились на отдых и ночлег.

Она метнулась обратно,хватила повой и, на ходу закрепив его лентой вокруг чела, заторопилась следом за ними. Видно, намерения у Макуши были дюже серьёзные — и не волновало его совсем, что с княжичами говорить придётся, а не с обычными селянами.

Не успела ещё Елица добежать до соседней избы, как едва не наперерез ей выскочила бегущая сломя голову Озара. Они почти столкнулись — девушка всхлипнула тихо, успев отшатнуться.

— Стой, не ходи туда, — остановила её Елица, схватив за локоть.

Озара вырваться попыталась, протавив её несколько шагов за собой — уж какая сила её гнала. Но после остановилась, приложив ладонь к губам, как слышала резкие голоса, грянувшие из сеней.

— Так ведь разругаются, — с подвыванием тихим возразила она. — Вон, отроку вашему уже досталось.

Елица развернула её к себе лицом. Посмотрела в глаза, слезами налитые — того и гляди разрыдается.

— Не тронут княжичей. Не совсем уж неразумный твой отец. Да и не силой Чаян тебя взял. Так ведь? — Озара закивала рьяно. Елица погладила её по плечам. — Что ж ты... На что надеялась?

— Ни на что... Просто, — дочь старостова закрыла лицо руками и всё ж расплакалась тихо. — Не знаю, как случилось такое. Как будто русалья кровь в нём. Не иначе.

Елица вздохнула и подтолкнула её в спину слегка. И правда ведь...

— Нет в нём русальей крови. А тебе думать надо было лучше. Иди в избу — Боянка тебе отвара с липой даст. А туда не суйся.

Озара поплелась молча к женской избе, всё утирая слёзы с щёк, шмыгая носом громко. А Елица поспешила дальше. Застала она самый разгар совсем уж неприятного разговора. Никто не сидел спокойно на лавках — все стояли друг напротив друга, словно и правда сейчас повыхватывают кто что — кто топоры, кто мечи — и порубят друг друга насмерть. Напряжение читалось в позах мужей. По лицу Чаяна блуждала гримаса страшного, горячего гнева.

— А я говорю, женись на Озаре! — видно, в очередной раз выкрикнул Макуша, и один из спутников его шагнул вперёд с угрозой. — А то ишь какой. Княжну невестой своей нарёк перед всеми. А сам втихую девок жмёт в углах. Она-то хоть знает? И не пучь на меня свои зенки бесстыжие!

Чаян перевёл взгляд на Елицу, которая так и встала на пороге, ещё по лесенке не спустившись. Все, как один, мужи обернулись на неё — и по губам Макуши пробежала улыбка злорадная. Не удержал.

— Знала я всё.

Елица сошла всё ж в хоромину. И староста как-то притих сразу, опустили плечи напряжённые его родичи. Леден, что позади брата стоял, вцепился взглядом в неё, ожидая как будто чего-то. Следующего слова её, словно могла она именно в этот миг решение своё перед всеми высказать: станет женой Чаяна или нет. А уж то, что и без того мужняя — как будто все позабыли.

— И что ж скажешь теперь? — уже не так громко, с оттенком почтительности в голосе, поинтересовался Макуша. — Разве примешь такого мужа, который будет подолы челядинкам за спиной твоей трепать?

— Он не муж мне. И не жених, как бы ни назывался, — Елица остановилась между мужчинами, обводя их взглядом. — Коль назову его так — то известно станет. А что до Озары... Она тоже виновата, раз позволила себя взять. Никто её не неволил.

Староста прищурился, с каждым мигом теряя к ней своё расположение. Забурчали тихо родичи его, переглядываясь озадаченно. А Чаян вздохнул, как будто тоже надеялся, что удастся к чему-то её склонить — в горячке-то грядущей схватки с ярунчанами.

— Позволила... — буркнул староста. — Девница она неразумная. Охмурил он её. И рад.

— Неразумная? — Елица вскинула брови. — Кажется, не слишком-то она меня младше. Понёву вон носит, за хозяйством следит... Чего ж ты разума её лишил, будто дитё она? Но всю вину на Чаяна свешивать тоже нечестно, раз сама она уж за свои поступки в ответе.

Макуша и воздуха в грудь набрал. Округлились его глаза, пыхнули яростью сухой, словно пожар по траве. Но муж, что позади его стоял, опустил ладонь ему на плечо — и тот охолонул всё же.

— Учить меня ещё будешь, — махнул он рукой и вновь взор к Чаяну обратил. — Не знаю ничего, княжич. Бери дочь мою меньшицей, как способен станешь дитя зачать без угрозы для девки. В княгини, конечно, она не метит, — староста покосился на Елицу. — Куда ей. Но негоже так всё оставлять. А иначе, коль обидишь, то никто из Яруницы тебя ни в чём больше не поддержит. А там смотри, может, и князем не станешь никогда.

Он развернулся и прочь пошёл, махнув рукой своим. Те побросали в княжичей тяжёлые взгляды, словно камни, и за ним пошли, ничего не говоря, не угрожая попусту — староста и так всё сказал. И признать надо — справедливо рассудил.

Елица прошла дальше в хоромину и села устало на лавку у стола. Чаян подошёл, опуская наконец руку, которую на оголовье меча всё это время держал. И слов у него, видно, не находилось теперь — да и что тут скажешь? Забава мимолётная нехорошо обернулась. Да меньшицу взять себе — не самая большая беда. Другое дело, как мириться с тем станет та, кто княгиней его будет.

— Видишь, поплатился я, Елица, — вздохнул княжич, садясь рядом.

Леден хмыкнул громко, не сводя взгляда с неё пытливого, острого, словно кромка ледяная. Он резал на куски этим взглядом всегда. С самого первого дня, как встретились. И чем дальше, тем порезы становились всё глубже. Чаян не ранил так своими словами и

поступками. А Леден и молчал, кажется, и не подходил почти — а всё равно терзал.

Елица повернула голову к старшему Светоярычу, окунулась в тёплые серые воды его глаз — словно залечила рубцы свежие. Так виновато он смотрел, с таким сожалением — что и хотелось-то злиться, не верить ему, а не получалось. Слегка успокоив взволнованное сердце, она встала и покинула избу. Застала ещё у себя Озару, которая сидела у печки и тряслась мелко, словно не лето тёплое на дворе было, а лютая служба. На коленях держала она кружку опустошённую, смотрела перед собой неподвижно. Боянка хлопотала, застилала лавки на сон, и косилась на девицу опасно. По лицу её пронеслась облегчённая улыбка, как увидела она возвернувшуюся княжну.

Озара тоже ожила, вперилась в неё с ожиданием и, видно, по лицу поняла, что всё окончилось не так скверно, как она успела себе напридумывать.

— Иди домой, — бросила ей Елица. — А то ещё отец тебя потеряет — только хуже станет.

Не хотелось ни о чём с ней говорить, ничего объяснять: от отца всё узнает. Та и спрашивать ничего не стала — поставила кружку на стол и ушла спешно.

Так недолгий спор с Макушей вымотал — только и осталось, что спать поскорей улечься. Боянка предупредительно подогрела воды к умыванию и рубаху чистую на ночь достала. И только накрывшись одеялом тонким и смежив веки, Елица вспомнила, что не знает, когда вернулся Радим и о чём со знакомцем своим договорился. Да уже всё равно было — чай, не маленький.

Только долго поспать не удалось. Ворвался в сладостную мглу сна сначала шум отдалённый, затем и рокот голосов — встревоженных, громких. Огонёк тусклый пробился светом сквозь сомкнутые веки. Елица вздохнула, прикрывая лицо ладонью, надеясь втайне, что это просто обрывок сновидения. Но нет — гомон только возрос, топот торопливый окончательно выдернул в явь.

— Буди княжну! — резкий приказ заставил и вовсе встрепетаться.

Елица села, натягивая одеяло до подбородка: перед ней, всего в паре шагов стоял Леден, растрёпанный, злой, что шершень. Чего-то

голос и звучал гудением в голове сквозь сон. За спиной его, сжимая в руке светец, стояла Боянка, уже собираясь, видно, его останавливать.

— Мужа твоего притащили, — дюже нахмутив брови, бросил княжич и назад повернул. — Полудохлый. Но не ранен никем, кажется. Думаю, ты поймёшь, что с ним.

Боянка только в сторону успела отпрыгнуть, пропуская его. Спихватилась быстро, подала Елице плащ — плечи накрыть — хотела и сама за ней увязаться, да та остановила её.

Леден уже почти дошёл до мужицкой избы, как Елица его нагнала. И показалось, сердчает на неё за что-то, хоть ей впору обиду таить на него. Да пустое это всё: не ко времени выяснять и спрашивать, отчего он и смотреть на неё не желает.

Внутри оказалось шумно и немного суетно. Хлопотливый Брашко всё ж хотел, видно, чем-то помочь, но не знал, чем, и оттого выглядел растерянным, стоя посреди хоромины и не зная, куда себя деть. Радай сидел на своей лавке, поглядывая на всех сонно и зло. Только Чаян о чём-то говорил с мужиками, которые, видно, Радима и притащили. Тот лежал теперь недвижимый на лавке, самой дальней от печи и выглядел даже не хворым, а и вовсе мёртвым.

— Вы точно брагой его не напоили вусмерть? — Чаян кивнул вошедшей Елице и снова отвернулся.

Ярунчане забубнили обидчиво, что де нашли его вообще на улице, а уж что с ним теперь делать будут да как в себя приводить, это дело не их. А после к двери направились, один за другим обшаривая едва одетую Елицу взглядами. Она подбежала к лавке, где лежал Радим, присела на край, вглядываясь в его спокойное и бледное до зелени лицо. Почти неосознанно она зашептала заговор, открывающий все силы его, дающий почувствовать переплетение живы и направить в нужное русло. Начала — и едва не ахнула. Думала ведь, что со смертью Димины сошли все чары с Радима, а оказалось, что, угодив в мир Навий, она за собой теперь и мужа тянула. Ведь он, как ни крути, связан с ней обрядом: сильным, свершённым на том самом капище — а значит и крепким. Гораздо крепче обычных. Ещё и соитием он был сомкнут, похоже. От мысли такой невольный жар к щекам бросился, словно довелось ей подглядеть воочию, как муж её с другой любит.

— Так что с ним? — от прозвучавшего над плечом голоса Ледена Елица едва на месте не подпрыгнула.

Моргнула невидяще и голову к нему повернула. Смотрел он спокойно: верно, здоровье Радима совсем его не беспокоило — просто интересно было, отчего тому вдруг дурно сделалось.

— Приворот не отпускает.

Княжич обернулся к брату, который близко не подходил и ничего не спрашивал. Да и чему удивляться: до жизни мужа Елицы, который и без того как будто мёртв был, сейчас нет никому дела. Помрёт — только плечами пожмут. Не было его — да и не надо.

И оттого злость страшная обуяла, хоть и понимала Елица всё. Понимала, что за соперника Чаян Радима держит теперь, а она только пуще всё усложняет тем, что обручье ему не отдала. Да не могла она рубить сгоряча, в себе так и не разобравшись, не поняв до конца, чьему велению следовать: разума или сердца. А возмись размышлять над тем — так всё недосуг, что-то да случается не вовремя.

— Так ведьма, кажется, померла, — развёл руками младший Светоярыч. — Своими глазами видел, как прахом обратилась.

— А чары её на нём остались некоторые, — Елица махнула Брашко, подзывая. — Я не заметила тоже. По незнанию.

Тот подбежал и выслушал наказ раздобыть у баб местных аира болотного и пустырника — сделать настой, что помог бы оборвать последние нити приворота, наложенного Диминой на Радима так давно, что уж въелся он в нутро его, словно хвороба какая страшная. Парень кивнул и умчался — не смотри, что ночь на дворе — а надо.

— Так почему на нас не остались? — всё не отставал Леден.

Как будто отходить не хотел и на шаг. Приглядывался всё подозрительно к Радиму — словно думал, что тот притворяется, а то и вовсе что худое задумал.

— С вами совсем другое было. Просто снадобье хитрое. А тут...

Она вздохнула и жестом попросила княжича отойти хоть немного. Давил он на неё своей близостью — что мысли все нужные разбегались — где уж на словах сильных сосредоточиться?

— Может, я могу помочь?

Но Елица только повторила взмах рукой и склонилась ближе к Радиму, рассматривая его и понимая, что отвыкла совсем. Отвыкла от его лица, от волос чуть выющихся и всегда немного взлохмаченных. От дыхания его, от губ, с которых оно срывалось сейчас слишком спокойно. И вспомнить бы, как целовал её когда-то, как блуждать мог

руками полночи по телу её — чтобы большой вес заговору отворотному придать — а не могла толком. Или не хотела? Не хотела больше бывшее ворошить, не хотела взывать к памяти тела: померкла она тоже давно.

Она прикрыла веки, чтобы не пускать в голову размышления лишние, и зашептала прямо над ним, медленно поглаживая жёсткую ладонь пальцами:

“Помогите, Мать Сыра Земля, Мать Матерей и Мать Мёртвых (здесь Макошь, Лада и Морана — *прим. автора*). Не дайте сгинуть-погибнуть мужу моему, обрядом со мной связанному, кровь мою девичью принявшему. Травы чистые, в поле и у реки собранные — примите тяжесть воли чужой на себя. Возьмите на себя всё гадкое, наведенное, привороженное, с подкладом принесенное, дурным словом посланное, лихим взглядом провоженное. Будь хоть девицей, будь хоть старухой, будь хоть мужиком, будь хоть сестрою, будь хоть братом, будь хоть свекровью. Пеплом обратятся нити повязанные, водой разольются-расплещутся без следа. Отпустит рука недобрая, хватка сильная. Крепко моё слово, словно Алатырь-камень. И не будет ему препон на пути”.

Склонилась Елица ещё ниже и губами прижалась к челу Радима, наполняя его тело волей своей. Волей Богинь, что не допустили бы злой волшбы, коли имели бы на том капище прежнюю силу. Нависла тень позади. Елица, хоть и не видела, но почувствовала так, словно туча влажная над головой встала.

— Верну тебе его. Помогу, — голос ровный, словно скол с глыбы ледяной, приложился к спине, пробирая до самого нутра промозглостью. — Только затем, чтобы Ледена отпустила.

— Не трожь жрицу мою, — ответил тут же другой голос, тёплый, что озеро в серёдке лета. — Не в твоей власти она.

Тихий вздох-смешок прозвучал, будто иглой в сердце впился.

— Все они в моей власти. Живут, ходят, едят, любят. А путь у них один.

Взметнуло косы тяжёлые сильным ветром, который ознобом пронёсся по шее — и всё стихло. Елица вдохнула, отстраняясь от Радима, и выпрямилась. Дыхание металось в груди, не успокаиваясь никак. И в затылок явственно упирался взгляд чей-то. Она повернула

голову медленно, боясь рассыпаться на крупинки мелкие. Чаян смотрел на неё со своего места, а вот Ледена не было — ну и хорошо.

Примчался скоро Брашко: не успела Елица ещё в себя прийти совсем. Принёс травы нужные — и тут же она приготовила из них настой: обтёрла им виски Радима, шею, грудь — а остальное оставила, дать напиться, как очнётся.

Встала, едва переставляя ослабевшие ноги, и подошла к Чаяну, который всё это время так и наблюдал за ней молча.

— Я посижу тут у вас. Подожду, — прошептала, не уверенная, что княжич её услышал.

Тот подскочил вдруг, словно что-то его встревожило резко. Сомкнулись руки его сильные на талии, а грудь широкая вдруг в лицо будто сама по себе ткнулась. Елица повисла в объятиях Чаяна, понемногу понимая, что просто упала на него, а он и встал, увидев, как валится она.

— Ложись, — заговорил он мягко и успокаивающе. Помог опуститься на лавку, придерживая, кажется, чуть крепче, чем нужно. — Радай! Чего сидишь моргаешь, воды поднеси!

Затопотал отрок, торопясь выполнить приказ. Елица вытянулась на ложе княжича, водя медленным взглядом по его лицу.

— Не беспокойся, — улыбнулась. — Всё пройдёт.

И такая тяжесть неподъёмная навалилась сверху, будто землёй её вдруг засыпало. Только почувствовала она, как Чаян стал гораздо ближе — и тепло его живительное, щедрое, сила живы его полились словно потоком могучим. Окутали, освобождая от немочи.

— Отдыхай, княженка моя, — коснулись его губы щеки легонько.

А после прижались в поцелуе ласковом к губам — и Елица уснула.

ГЛАВА 13

— Коль ты набиваешься ко мне в тести, то и помогай тогда, — Чаян сомкнул перед собой на столе руки в замок.

Староста Макуша приподнял густую бровь, осматривая княжича уже без злобы, что накануне разливалась в его глазах буйной краснотой. Сейчас, видно, уже отступила вспыхнувшая обида, да и уверился он, что дочка бесхозной не останется. Чаян-то больше ничего против его требования не говорил. И Елица даже не знала, что творится в его мыслях, смирился ли он и правда — а может, просто притих, надеясь, что сумеет решить подкинутую Макушей заковыку позже?

Староста перевёл взгляд с княжича на Елицу — и та вновь усердно принялась мешать в горшке кашу. Не забывала она поглядывать и на Радима, который всё ж задержал всех в пути, пусть и не хотел. После снятия сильного приворота, который едва не свёл его напрямую в Навий мир, приходил он в себя гораздо дольше, чем в первый раз, как умерла Димина. Видно, чем дальше от капища старого без неё уходил, тем сильнее нить та натягивалась, сжимая ему горло. Уж неведомо, с какой грани жрица его вытащила, раз так крепко он к ней привязан был: такое только на крови замешать можно. Или на полусмерти, когда душа сильнее всего уязвима, повисшая между мирами.

Он оказался вдруг очень слаб, едва вставал, чтобы нужду справить, но на второй день уже чувствовал себя гораздо лучше и сказал тут же, что готов ехать на следующее утро. Злило это княжичей, конечно. Особенно Чаяна, который предлагал его здесь на попечение старосты и оставить, но Елица не хотела. Нужно понять всё, что ещё осталось между ними — а там уж решать.

Недолго Макуша размышлял над словами княжича, вздохнул только.

— Чего ж тебе надо? Снеди в дорогу или...

— Людей мне надо, — закончил за него Чаян. — Поняли мы тут, что по княжеству собственному не можем без опаски ездить — того и

гляди напасть какая случится. Поэтому собери-ка мне воинов хороших с полдесятка.

— Мы и так отдали в войско всех, кого смогли, — покачал головой Макуша, раздувая ноздри.

— Коли отдали бы всех, некому было бы тут работать. Несколько крепких парней мне вполне сгодятся.

Староста и рот уже открыл, явно намереваясь спорить и отстаивать своих людей. Но распахнулась дверь, впустив в избу клочок душного воздуха снаружи, и вошёл Леден: отлучался ненадолго. Только успел сказать Брашко, что на торг местный — и вместе с ним умчался. Уж что там княжичу вдруг могло понадобиться...

Как староста увидел младшего Светоярыча, так и передумал возмущаться: лицо его чуть разгладилось в напускной приветливости. Всё ж Ледена по-прежнему опасались все. Даже, вон, муж солидный.

— Что, упрямишься снова, Макуша? — он усмехнулся, поглядывая на мужчин. — Вот любишь ты время тянуть. А всё равно согласишься.

— Много ты знаешь, — всё ж огрызнулся тот. — Хорошо, дам вам людей. Только не сегодня и не завтра. Закончить надо тут работу важную. А там — пушай едут.

Чаян вздохнул, качая головой. Леден сел рядом с ним и поднял взгляд на Елицу, которая поставила на стол кружку для него: освежиться с дороги кваском, что стоял в кувшине — уже наполовину выпитый. Она опустила взгляд в ответ — и ласковой прохладой мазнуло по плечам, мягкой, приятной в лютый зной. Захотелось полной грудью её вдохнуть, прикрыв глаза — как ветер свежий, вырвавшийся из глубины леса. Она остановилась чуть позади, прислушиваясь к разговору — и не заметила, как ладонь на плечо Ледена положила. Как будто само это вышло, само тело её звало прикоснуться к нему. И тут же пришлось руку отдёрнуть — увидит кто, не так поймут. Да успела она почувствовать, как от касания её княжич словно окаменел на мгновение. Напряглись и без того твёрдые мышцы у шеи — и расслабились вновь.

— Недосуг нам ждать, — нахмурился Чаян. — Завтра выезжать собрались. Вон, только этот очухается совсем. Горе.

Он качнул головой в сторону Радима, который сейчас спал после отвара, что дала ему Елица. Пусть сил набирается — во сне это

быстрее всего происходит. Староста только руками развёл, состроив виноватый вид.

— Ничего не могу поделать. Завтра они мне ещё нужны. Гребель у нас тут недавно сорвало. Надо срочно починить. А рук не хватает на всё.

Чаян покривил губами, конечно, вопросительно посмотрел на Елицу, размышляя: уж он обещал ей заступу во всём, обещал, что не коснётся больше её та беда, которая едва до смерти её не довела. А теперь либо снова задержка, либо дорога небезопасная.

Елица кивнула ему мягко: некогда ждать, надо на курган матери ехать. Княжич перевёл взгляд на замершего в ожидании его решения Макушу.

— Мы уедем завтра, как и хотели. Но ты отправь своих воинов до Полянки. Там мы остановимся. И будем их ждать. Или, может, по дороге нагонят.

Староста кивнул с готовностью. Скоро он ушёл, пообещав, что нынче же своим людям веление Чаяна передаст и они начнут сборы как только завершат дело, необходимое для всей Яруницы. Не очень-то доволен оказался княжич таким исходом, но хотя бы можно было надеяться теперь, что скоро без защиты они не останутся.

Тут же и начали сборы в дорогу новые: женщины взялись припасы разбирать, решая, стоит ли брать больше, складывали вещи в лари. Закончили поздно, когда все уже вымотались, устали — даже Радим, который проснулся вскоре после ухода Макуши и принялся помогать всем, снося тяжёлые взгляды Чаяна. Словно прибитой пылью он стал после того, как приворот с него спал: всё молчал теперь больше. Елица и хотела поговорить с ним о многом, да пока решила слишком его не тревожить. А он, на удивление, и не рвался.

После вечера решили и спать укладываться, хоть заглянули в избу парни, княжичам знакомые, хотели позвать их напоследок на гулянку, да те отмахнулись: вставать раным рано.

Только перед сном самым, как уже умывался Чаян у бочки, громко фыркая и отплёвываясь от прохладной воды, Леден поймал Елицу во дворе, когда сама она возвращалась в избу женскую с ведром полным. Боянка раньше ещё одно внутрь отнесла. Княжич подхватил ношу уже перед тем, как собиралась она войти, и поставил наземь.

— Подожди, — шепнул, склонившись к уху самому — и мурашки побежали по спине от того, как пронеслось его дыхание по виску.

Леден потянул в сторону, к завалинке, и усадил на скамью тёплую, ещё не остывшую после целого дня под светом Дажьбожьего ока, которое нынче не иначе сам Ярила раскалял.

Сердце то замирало, то принималось вновь стучать, словно сумасшедшее, пока шла Елица ту сажень в сторону от двери, чувствуя, как сжимают пальцы Ледена её ладонь, тут же вспотевшую. Неладное с ней начало твориться после всего, что должно было их с княжичем сблизить, да разделило только, кажется. Совсем беспокойно стало с ним, будто девчонкой она была, которая после гуляний на Купалу ждёт, что вот-вот пожалуют к отцу сваты. Она села, повинаясь велению Ледена, и подняла на него глаза в ожидании, не зная, что сказать. Княжич обернулся коротко в сторону мужской избы и пробормотал тихо:

— Пусть Перун молнию на голову уронит тому, кто сейчас мешать вздумает.

Елица улыбнулась невольно.

— Чего хотел, Леден?

Он провёл ладонью по поясу своему и нащупал на нём нож небольшой, какого ещё не приходилось у него видеть. Да и маловат, для его-то руки — почти целиком в ладони крупной помещается. Он отстегнул застёжку хитрую и протянул оружие в красиво украшенных костяными пластинками ножнах Елице.

— Вот. Не хочу, чтобы ты теперь без него оставалась. Свой-то тот, заморский, потеряла? А управляться с ним поучу тебя, если хочешь. Хоть ты и так ловка. Только опыта нет.

Уж, верно, последнее нападение Димины на Елицу к той мысли его привело, что без ножа справного ей теперь никак. Да она и сама уже не раз успела подумать, что будь при ней отцовский кинжал — так она лучше сумела бы с травницей потягаться.

Елица протянула руку и приняла от княжича подарок.

— Спасибо. Только... — она усмехнулась. — Только учить меня не надо. Я...

— Хочешь, Брашко прикажу? — кажется, Леден вмиг разгадал её отказ.

Не могла она представить теперь, как будет науку постигать, что помогла бы ей с ножом умело обращаться. Помнила она уроки Отрада: там ведь и притиснет к себе порой, и обхватит крепко, силясь опрокинуть или пленить. Как будет она такое терпеть — рядом с Леденом? Руки его на теле, дыхание его близко-близко. Соприкосновения кожа к коже. Мучение одно.

— Да, Брашко пусть учит.

Она подняла взор на княжича, ожидая увидеть на его лице обиду. Но он только усмехнулся горько: и правда ведь, понял всё. И, кажется, сам же надеялся, что она откажется принимать его уроки.

— Тогда в дороге и начнёте, как повод будет находиться, — вновь поменялся тон княжича, словно небо ясное тучами затянуло.

Он встал, ведя пальцами по поясу своему, раздумывая о чём-то. Собрался уже уходить. Елица поднялась тоже, крепко сжимая подарок его в ладони. Ойкнула, как Леден резко повернулся к ней, будто вдруг ещё что сказать захотел. Столкнулась с ним, когда шаг назад он сделал.

Ладонь большая прижалась к пояснице, тесно, горячо. Грудью почувствовала Елица, как ходят рёбра его при дыхании. Перед глазами качнулось всё, поплыло куда-то. Она вцепилась в запястье княжича, чтобы убрать руку его, но передумала и за рубаху на груди ухватила. Взгляд Ледена такой необычный, словно внутри льдинок пламя колыхалось, опрокинул её в пьяную бездну, как в багульника заросли. Она потянула княжича на себя, неотвратно, не желая отпускать. Опустила взор на губы его. Ощутила только прохладу их вечную — так близко — когда сам он вперёд подался.

Отрава. Отрава для души — сладкая, как вино южное, молодое, что порой привозили отцу купцы в дар. Когда так успело случиться? Как настал тот миг, что удержаться нельзя от того, чтобы дотронуться до него — хоть на мгновение одно. На пару ударов сердца. Ещё ближе губы княжича, дыхание его частое. И волосы его светлые, подхваченные ветром, касаются висков, скул...

Елица выдохнула медленно, выпустила ткань из пальцев и разгладила на широкой груди. Леден убрал ладонь, чуть скользнув ею по талии. И просто ушёл, ничего не сказав, не взглянув лишний раз. Через двор — неверным шагом, словно мёда крепкого испил на пиру.

Они сталкивались и бежали друг от друга. А после схлёстывались снова — с большей силой. И этому, кажется, невозможно было

противиться: осознание приходило только после. Каждый раз.

Донеслись голоса от мужской избы: княжичи о чём-то говорили. Елица посмотрела на нож в своей ладони — и казалось, что хранит он даже запах рук Ледена, в которых побыл не так уж и долго. Жаль, вырезать им нельзя его из груди. Тут ни один нож не поможет.

Наутро выехали из Яруницы к северу — в весь дальнюю, на самой границе двух княжеств — Полянку. Может, и можно было поспорить ещё, к каким землям она принадлежит. Там мать её уж много лет как похоронена. Как была при жизни на перепутье: и Светояру принадлежала, и Бориле — так и после смерти осталось. Может, и сама она того захотела. Как бы ни были сильны чары, что наложила на неё Сновида, а сердцем всё равно она к остёрскому князю тянулась. Теперь понимала это Елица ясно, но образ матери оттого вовсе не померк. Не потускнел от пыли ошибок и желаний её сокрытых.

Не обманул Леден, не слукавил, предлагая уроки телу Елицы давать, чтобы крепче стало, чтобы постоять за себя можно было хоть как-то, если вдруг опасность. Наука Отрада, она давно уж за плечами осталась, только смутное что-то в памяти задержалось ещё. А во времена беспокойные хорошо бы и правда хоть чем-то уметь за себя постоять.

Как развернули вечером стоянку у речки неглубокой, безымянной, как подкрепились все горячей похлёбкой с копчёным мясом — так на отдых засобирались. Только Брашко, страшно краснея, подошёл к Елице, когда она миски собирала, едва не напугав — так бесшумно.

— Завтра утром, если воля твоя будет, княжна, можем вон там поупражняться немного. Место хорошее, — он указал взглядом ей за спину, где за стеной густой осоки была ещё одна полянка, чуть поменьше, да для разминки достаточная.

Елица и растерялась даже поначалу. В какой-то миг она подумать успела, что Леден просто к слову об уроках сказал. Отыскала взглядом его — он стоял у воды, о чём-то с братом беседуя, повернувшись лицом в её сторону нарочно: чтобы ничего не упустить. А Радим, который рядом сидел, у огня, и брови вскинул удивлённо.

— Куда это ты с княжной собрался? — в голосе его разлилось острое недоумение.

Брашко промычал что-то неразборчиво, не зная, как объяснить. Елица рукой махнула, успокаивая мужа.

— Хорошо, — она кивнула. — Разбудишь меня, как идти нужно будет.

Отрок поклонился слегка — так почтительно, будто мать в годах учить собрался и боялся теперь, как бы не навредить ей. Да и вообще бегом сбежал бы отсюда, если бы не приказ княжича. Уж его смущение точно можно было понять. А Радим, кажется, всё понял и перечить не стал, хоть по всему было видно, что затея их вовсе не пришлась ему по нраву. Да только не решался он пока рьяно указывать Елице, что ей делать, хоть и мог вмешаться — муж всё же.

Светоярычи сами обошли с дозором вокруг становища небольшого, то ли надеясь, что нагонят их мужи из Яруницы раньше, чем они на то рассчитывали, то ли врагов выискивали каких. Сейчас уже всего можно было ожидать. После вернулись, и скоро стало тихо кругом, как все улеглись спать. Только сверчки наперебой звенели в траве, выпь орала где-то вдалеке — доносилось сюда лишь эхо голоса её утробного и страшного.

Утром, едва коснулся свет зари берега, Брашко осторожно тряхнул Елицу за плечо, пробравшись в их с Боянкой укрытие. Она отмахнулась было, пытаясь прогнать, да сразу встрепенулась, как вспомнила, зачем её тревожат. Отрок вышел, давая одеться. Елица собралась как могла быстро, стараясь не потревожить челядинку, которая вчера тоже устала.

Брашко поджидал её чуть в стороне от шатра, ковыряя носком чебота землю.

— Пойдём? — Елица улыбнулась, чтобы хоть как-то сгладить звенящее напряжение, что натянулось между ними.

Уж никак, верно, отрок не ожидал такое поручение от княжича услышать. И вряд ли когда-то доводилось ему девиц учить мужицкому делу — сражаться.

Пока дошли до назначенного места, подол вымок весь едва не до колена от росы. Разлился свет Ока по воде спокойной в безветрие, по острым макушкам елей, что росли на другом берегу, по листьям резным берёз, которые окружали полянку.

Брашко повернулся к Елице, хватаясь за рукоять собственного ножа, окинул её взглядом, надо сказать, придирчивым. Похоже, и не

верил, что толк из неё хоть какой-то выйдет. Собирался он с мыслями, покусывая губу, а Елица ждала первого слова его: что делать, куда вставать и как.

Но наконец Брашко совладал с собой, хоть и волновался заметно. И после первых неуклюжих попыток хоть что-то ей объяснить — без оружия пока, с захватами разными хитрыми — дело пошло на лад.

Елица извальялась в траве вдоволь. Больше смеялась поначалу: от волнения. Всё казалось, что щекотно ей и что отрок уж больно её бережёт, лишний раз коснуться боится. Да как поднималось светило к верхушкам деревьев из глубины леса всё выше, так сильнее они расходились. И вот уж порой не столь осторожничал Брашко, прикладывая княжну к мягкой земле очередным мудрёным вывертом. Да и она перестала замечать, что, верно, не подобает так близко с парнем ей соприкасаться. Негожее дело для дочки князя. Да и вообще для девицы.

Зато голова очищалась быстро от тяжких мыслей. И тело благодарило, получив должные уроки. Звенело всё как будто, наливалось бодростью и силой.

Скоро Брашко разрешил немного передохнуть. А сам отправился до становища — воды принести и проверить, не проснулись ли ещё остальные. Елица пока села на бережку, опустив ступни в прохладную воду. И замерла, улыбаясь чему-то — неведомо. Река омывала ноги, очищая от земли и обрывков травинки: отрок сказал, что поначалу лучше упражняться босиком. Только краем слуха она слышала шуршание шагов позади. И не успела ещё обернуться, как обьяли её кольцом крепкие руки, совсем на руки Брашко не похожие.

— Не думал, что ты учиться ратному делу задумаешь, — голос Чаяна влился в уши горячим мёдом. — Ну, сумеешь высвободиться? Покажи, чему Брашко тебя успел научить.

Елица дёрнулась, вцепилась в запястья его и вперёд наклонилась, пытаясь выбить его из равновесия. Чаян лишь качнулся слегка. Засмеялся тихо — и одним рывком на траву опрокинул.

— Я начала только. Первый день сегодня, — проворчала Елица, глядя в нависшее перед ней лицо княжича. Насмешливое, шкодливое даже. Глаза так и искрятся, словно блики Ока в них пляшут. И по губам улыбка скользит, точно ветер: то появится, то пропадёт, уступая серьёзности задумчивой.

— Мне повезло, значит? Что не успел ещё толком тебя ничему научить...

Княжич чуть придавил к земле и склонился. Обхватил за подбородок пальцами и в губы вжался своими, горячими, жадными. Вот же неугомонный, ничего-то его не берёт, не учит терпению. Но кровь, ранее разгорячённая схватками с Брашко, и вовсе по жилам бросилась, словно Перунов огонь. И готова была Елица сгореть от стыда прямо на этом месте, ведь почувствовала вдруг, как тело отозвалось на прикосновение княжича. На поцелуй его подчиняющий, не дающий и шага малого в сторону. Вздогнуло что-то в груди глухо, вязко — и растеклось жаром по коже. Она обхватила руками шею Чаяна, разомкнула губы сильнее, принимая его, отвечая. Нужна ли борьба эта с собой? Нужна ли борьба с Леденом? Одно терзание сплошное. И страх.

Горячий, живой Чаян захлестнул её волной своего желания неуёмного. Что сама поверила она, что так надо, так хорошо. Смело прошлись руки его по бёдрам вверх, сминая ткань рубахи, влажной от росы и пота.

— Елица, — простонал княжич. — Оттолкни меня. Скорее. Сам не смогу уйти.

Но она раскинула колени, позволяя ему уюститься между. Пронизала пальцами волосы его выющиеся, сгребая в кулаки, оттягивая назад, чтобы на неё посмотрел. И он взглянул хмельно, бездумно совсем — осталось только в нём одно вожеление расплавленное, наполняющее всего его до краёв. Елица вздогнула слегка, как накрыла его ладонь её между ног, погладила поверх ткани. И влага тягучая промочила подол, осталась на пальцах Чаяна.

— Ты с ума сошла, — прохрипел он неверяще, надавливая всё сильнее. — Или я?

Медленно огладил по груди отяжелевшей, вскинул подол одним взмахом — и запустил руку под него, осторожно касаясь обнажённой кожи. Припал губами к шее, а после снова ртом завладел, толкаясь языком внутрь всё напористей.

Но вдруг дурман начал отпускать разум. И до того всё неправильным показалось — до дикости. Елица вскрикнула глухо и, уперевшись ладонями в землю, одним рывком отползла чуть назад, выворачиваясь из-под Чаяна. Княжич качнулся вперёд неловко, как

потерял опору, и вскинул голову. Вцепился его взгляд непонимающий, обиженный в Елицу, а она ещё больше отстранилась.

— Прости, — пролепетала сухим языком. — Я не знаю, что случилось. Не должно было.

— И это не должно было? — он поднял руку, показывая влажную от её соков ладонь. — Ты, кажется, желала меня сейчас. Хотела, чтобы я...

Он прорычал сдавленно, отворачиваясь. Елица и вовсе краской залилась, стыдом удушливым, ещё чувствуя его руку между ног. Он ведь уже ласкал её там, уже поверил, что и дальше она его пустит. Да она и сама не понимала теперь, как позволила такое. Словно тело её выплеснуло накопленное напряжение в самый неподходящий миг. И сейчас ныло всё, неудовлетворённое. Сердце как будто повсюду колотилось, выбивая слёзы недоумения из глаз.

— Хороша же разминка, — прозвучало от тропинки, что Елица с Брашко нынче на эту полянку протоптали.

Елица обернулась, и коли не сидела бы на земле, так и упала бы, наверное, тут же.

Радим стоял среди осоки — ему по плечи — и губы его подрагивали, готовые изогнуться в нехорошем оскале.

— Радим...

Елица привстала — и только тогда вспомнила, что до сего мига подол не успела толком одёрнуть. Спешно спустила ткань на колени, натянула до щиколоток самых. Радим скользнул взглядом по её лодыжкам, скривился мучительно — развернулся и пошёл назад, к становищу тихому, от которого не доносилось ни единого звука. Она встала быстро и пошла за ним, зная, что оправдаться не сумеет. Но хоть что-то объяснить надо было. Объясниться с мужем, который день ото дня вовсе не становился к ней ближе, но хранил на неё права всё те же.

Он шагал зло, дышал громко — почти на весь лес. Словно секач взъярённый. Елица всё ж догнала его.

— Радим... — за рукав попыталась ухватить, остановить.

Он повернулся резко — и пощёчина звонкая опалила щёку. Елицу назад швырнуло; она сделала шаг, слепо моргая, задыхаясь от вспыхнувшей в голове боли. Взмахнула руками, чтобы не упасть вовсе, и ладонь к скуле ушибленной приложила.

— Потаскуха, — выплюнул Радим, окидывая её взглядом. — От меня нос воротишь, а перед ним ноги раздвинула. Давно с ним спишь? Или с обоими по очереди ложе делишь?

И тут постыдиться бы за свой вид встрёпанный, за пятна влажные на подоле — и правда ведь, словно девка какая беспутная выглядит. Да только отчего-то перед Радимом не стыдно было. Перед Чаяном, перед собой — да... но не перед мужем, от любви к которому осталась только дыра внутри. Елица уставилась на него бездумно, не в силах даже ничего ответить. Исказилось лицо мужа и вовсе до неузнаваемости: ни единой черты знакомой. Чужой человек, неведомый ей. Опасный. Теперь казалось, что любого из Светоярычей она знает лучше. И доверяет им больше.

— Ни с кем не сплю. Но теперь и не тебе судить меня, коли вздумаю.

Он шагнул навстречу — Елица отшатнулась. Но крепкая ладонь всё ж вцепилась в горло, сдавила сильно. Рывком муж развернул её и припечатал спиной к стволу неровному берёзовому. Оторвал от него и вбил вновь — сильнее, до ломоты в рёбрах. Вспыхнуло снова болью в под лопатками, словно ранили её лишь вчера. А ведь за всё время уроков с Брашко Елица о порезе поджившем и не вспомнила.

Только на миг показалась над плечом Радима голова Чаяна — и тот шарахнулся назад, размыкая хватку. Елица сползла на землю, не видя почти ничего сквозь пятна белёсые, что плясали перед глазами.

— Муж, говоришь, — пророкотал княжич. — Думаешь, право от этого имеешь мучить её?

Одним мощным толчком он отшвырнул Радима в сторону. Тот едва не рухнул, запутавшись ногами в траве длинной. Да устоял. Чаян двинулся на него, сжимая кулаки. Вдудились мышцы на спине его под рубахой, венки на предплечьях открытых под закатанными рукавами. Весь он как будто больше стал от ярости страшной. Елица вскочила, пошатнулась — но удержалась за берёзу.

— Нет, Чаян! — окликнула.

Подхватив подол, бросилась к нему и повисла на локте. Княжич попытался вывернуться, отвлёкся — и тогда уж Радим его настиг, в два шага сократив расстояние. Уже и рука его качнулась в замахе. Елица встала между ними, загородив Чаяна собой, вцепившись судорожно в запястья его. И ладони тёплые легли ей на талию.

— Не дури, Елица, — уже мягче сказал он. — Хочет в морду получить — пусть получит. Или так дальше будет тебя трепать, коли что не понравится ему.

Радим остановился, опустив руки. Схлестнулись они с Елицей взглядами — и глаза его вдруг потускнели: пропал огонь гневный из них, да и любой другой. Он только вяло повернул голову в сторону Ледена с Брашко, которые вывалились на тропу, спеша разнимать драчунов. Тоже замерли, дыша рвано и метясь взглядами по лицам всех, кто здесь собрался. Елица почти повисла в руках Чаяна, ослабев вдруг. Нехорошо крутило в нутре от волнения пережитого, от страха за то, что мужи между собой всё ж сцепятся. Княжич привлёк её к себе, позволив на него опереться. А Елица взглянула на Ледена, желая в этот самый миг просто соприкоснуться с ним хотя бы так.

Радим отступил, успокаивая помалу дыхание.

— Я в Радогу поеду, — сказал тихо. — Коль захочешь, там встретимся, поговорим ещё. Решим что-то. А не захочешь... Хоть весть передай. Перед всем людом скажу, что не жена ты мне больше. Увидел достаточно.

Он повернулся и пошёл к становищу, протиснувшись между мужчинами, которые чуть расступились, пропуская его. Леден вздохнул громко, с укором посматривая на Чаяна, а от Елицы взгляд как будто нарочно отводя.

— Ты чего княжну одну оставил? М? — обратился он к Брашко, хоть и не смотрел на него.

Тот плечами повёл неуверенно.

— Мне Чаян Светоярыч сказал. Хватит, сказал, её изводить уроками. На первый раз.

Чаян только пальцы сжал крепче на талии Елицы. А она и хотела бы отойти от него, да боялась просто упасть, словно сноп опрокинутый ветром.

— Ясно... — уронил Леден.

Дёрнулся кадык на шее его, словно горечь какую неприятную он сглотнул. А после просто по тропе назад отправился. Брашко сморщился досадливо и за ним поспешил, в чём-то ещё тихо оправдываясь — не разобрать.

— Прости меня, Елица, — тихо пробормотал Чаян, прижимаясь губами к её макушке. — Что довёл до такого.

Она накрыла его ладони своими, сжала и убрала с пояса, отходя наконец от него. Только одним усилием он ещё попытался удержать её руки в своих, но отпустил. И отголоском горячим пробежалось по телу воспоминание, как обнимал он, как блуждал губами по коже, словно вкус её познавал, запомнить хотел. И как ладони его скользили там, куда она не должна была его допускать. Вжимались, ласкали, заставляя принимать их и жаждать большего — немедленно. Сама она виновата. Не совладала с собой, возжелала ласки и тепла его щедрого — забрать всё себе, окунуться в него с головой. И поплатилась тут же.

— И ты прости меня, Чаян, — проговорила она наконец. — Что обманула. Боянку позови. Пусть придёт.

Она двинулась обратно на полянку ту малую, истоптанную, прислушиваясь к тому, что позади происходит, надеясь, что даст ей княжич одной до места дойти. Оставит хоть ненадолго. И он понял всё — не поторопился следом, не стал навязывать свои внимание и заботу. Вздохнул с тихим рычанием, всё ещё злясь неведомо на кого: то ли на неё, то ли на себя, а может, и на Радима — и пошёл в другую сторону.

Елица дошла до реки — сама не заметила, как. Прямо в рубахе спустилась в воду по берегу покато, не обращая внимания, что холодная она ещё поутру — впивается иголками по всему телу. Скрылась по грудь, зачерпнула ладонями влаху бодрящую и умылась, смывая слёзы непролитые, следы губ Чаяна — повсюду. Охладила щёку полыхающую. Скользило неспешное течение по бёдрам, трогая их колышущимся подолом, сруилось между ног, по талии, по спине, что огнём горела.

Будто из страшной дали слышала, как окликнула её челядинка — и вышла на берег.

— Вот, я и захватила обтереться, — затараторила та взволнованно. — И переодеться. Вот знала как будто, что ты искупаться захочешь, княжна.

Елица стянула с себя мокрую рубаху, сдёрнула перевязь сползшую под тяжестью воды. Боянка, осторожно промокивая тканью влагу с кожи, обошла её по кругу и ахнула, как глянула на спину.

— Что там? — Елица попыталась посмотреть сама, да не сумела, конечно, так шею вывернуть.

— Дык кровь снова идёт. Ой, много.

— Скажешь тоже.

Боянка, тихо ворча, закончила вытирать Елицу и подала чистую одежду, успев-таки перевязать ей спину снова. А после сели они вместе на траву. Челядинка взяла гребень, который достала из поясного кошелья княжны и принялась ей косы расплетать, расчёсывать. Медленно, осторожно. Елица будто задремала с открытыми глазами, не думая ни о чём больше. Просто глядя в приветливую, прозрачную даль. Чувствуя, как согревает колени Дажьбожье око, как оmyвает лицо теплом своим — для всех предназначенным. За которое никто не бьётся, потому как его на всех хватит с лихвой. Для всех внуков Богов, кем бы кто ни был.

Скоро отпустило последнее напряжение — и в животе тут же заурчало от сосущего голода. Елица дождалась, как закончит Боянка плести ей косы и повязывать на них узорные, расшитые бисером накосники — надо же, и их прихватила. Даёт о себе знать служба давняя в тереме Остёрском, подле княгини — всё предусматривает заранее. Вместе они встали и вернулись в становище затихшее, погружённое будто бы в неведомую скорбь. Братья Светоярычи и сидели друг у друга на виду, да не смотрели один на другого, будто нарочно отворачиваясь. Копошились отроки, сворачивая шатры и тихо о чём-то разговаривая.

Елица окинула взглядом поляну, посмотрела на лошадей, в тени леса стреноженных.

— А Радим где? — спросила неведомо у кого, зная уже ответ.

Чаян тряхнул головой, откидывая со лба волосы. Переглянулся с братом — и тот лишь хмыкнул тихо:

— Уехал.

ГЛАВА 14

Сколько ещё дней ехали до Полянки, Елица то и дело ловила себя на том, что пытается отыскать взглядом Радима. И дело было вовсе не в том, что его ей стало вдруг не хватать. Совсем другое заставляло убеждаться раз за разом, что его нет рядом: ощущение того, что сейчас всё снова встало на свои места. Пусть клубок не распутался совсем, но нить, что вплелась в него так неожиданно и едва не довела до многих бед, как будто оборвалась. Или истончилась настолько, что перестала давить.

Зато груз едва не совершённой в пылу неожиданного порыва ошибки тенью лёг на сердце. Чаян вида не показывал, не пытался поговорить о том, что случилось — но и ему приходилось тяжело. Чаще он стал прятать взгляд от Елицы, чаще — держаться в стороне. И впору радоваться, а страх брал, что это затишье только на время. И случись от него новое поползновение, когда не вмоготу ему станет — и Елица не сможет остановить его. И это было странное и пугающее понимание.

— Макуша, видно, нарочно медлит, — громко вздохнул Чаян, выдёргивая Елицу из тягучих и липких, словно патока, размышлений. — К вечеру уже будем в Полянке, а его людей всё нет. Думал, он поторопится.

Она оторвала взор от спины Ледена: его глаза последнее время приходилось видеть очень редко — и повернулась к старшему Светоярычу.

— Разве нарочно? Видно, не может бросить всё в угоду нашим прихотям.

Леден громко хмыкнул. Разговаривать что с братом, что с Елицей он тоже стал гораздо меньше. Иногда она пыталась понять, какие мысли сейчас наполняют его голову — и не могла. Ничего удивительного. Его можно было узнавать бесконечно и никогда не узнать до конца. Но ощущение его рядом не исчезало. Хотя и казалось, что разделяет их сейчас гораздо большее, чем соединяет.

— Да этот мужик решил просто изрядно отыгаться. Помаять в ожидании, — Чаян махнул рукой. — Всегда был сварливым, что старая

дева в годах.

— Ничего. Он хоть и упрямится, а всё равно сделает так, как нужно, — Леден обернулся на брата, тая в глазах лёгкую насмешку. — Не дурак ведь совсем. Понимает, что к чему.

Видно, не раз он ещё уколет Чаяна напоминанием о том, как тот попал в западню, соблазнив дочку Макуши так неосторожно и решив, что и на сей раз всё ему сойдёт с рук. Да только покоя не давала мысль, что сам Леден будет с Вышемилой делать после — как всё закончится.

Елица тряхнула головой легонько, отбрасывая мысли ненужные. Он — взрослый муж. Уж как-то да разберётся — не ей ему указывать, не ей за него беспокоиться. А коли и женится — то что ж?

Боянка взглянула на неё вопросительно, словно почувствовала что, да Елица только рукой махнула: хорошо всё — и челядинка успокоилась.

Княжичи торопились добраться до Полянки непременно к вечеру, чтобы не останавливаться больше на ночлег незнамо где. Чаян будто чуял некую опасность, что преследовала их, но не мог толком никому объяснить своих смутных ощущений. Может, так сказались на нём чары Димины — что за любым кустом теперь подвох чудился. А может, и правда неким внутренним чутьём видел он то, что ожидает их — а потому не хотел оставаться вдали от людского жилья да без какой-никакой подмоги.

И торопливость общая, с которой едва приостанавливались они на отдых среди дня, а после вновь трогались в путь, всё же привела их в Полянку вовремя.

Весь эта не была погостом. Раскинулась она совсем на окраине Остёрского княжества. И говорили, Борила пытался не раз отвоевать её, да Светояру удавалось владения свои удерживать нерушимыми. Только потом Елица узнала, что было такого в этой неприметной веси — такой же, как и многие другие вокруг неё. Здесь родилась в своё время Миислава — женщина, которая вольно или невольно рассорила кровных братьев. А после была погребена на здешнем жальнике. Только Светояр о том не знал — но неосознанно цеплялся за этот кусок земли, покрытый то непроходимыми сосновыми лесами, то лядинами вспаханymi, да почти бесплодными, как и все, что были в Остёрском княжестве.

Жили здесь раньше родичи Милиславы. И рассказывал Отрад, что очень мать её удивилась, как привёз Борила жену свою подле Полянки хоронить. Дочь она и увидеть уже не надеялась с тех пор, как та пропала. А увидела всё же, казалось бы, да уже мёртвой. И вскоре сама она вслед за дитём последовала. Теперь в веси не осталось никого, с кем можно было поговорить о матушке.

Елица бывала здесь, конечно, но тайно, чтобы Светояр не прознал, что дочь Борила в чужие, враждебные земли наведывается. Да и то, что Милислава здесь покойся. Иначе неведомо, что было бы. Да и съездить пришлось всего несколько раз. На последнюю Навью седмицу Елица была в Полянке уж, посчитай, две зимы назад. И теперь опасалась перепутать тропинки нужные, что привели бы её к усыпальнице матери.

Хоть и не ждал гостей важных здешний староста Берибор, а всё равно постарался на славу, чтобы их устроить удобно, вниманием не обделить. Благо изба у него оказалась большой, да и у сына его, что по соседству тут же жил. Женщин оставили у Берибора, а мужей отправили к нему.

Сам староста знал, что скрыл здесь в своё время князь соседних владений Борила, и лишь из уважения и знакомства близкого с матерью Милиславы не стал ни о чём доносить Светояру. Да только, пусть князь умер, по-прежнему не рад он был, что кто-то о том ещё вспоминает. А тут и вовсе сами княжичи наведались.

— Думал, коль и приедешь этим летом, княжна, так уж на Русальную неделю, — проворчал он за вечерей. — А там и вовсе столько всего стряслось, что не ждал совсем.

— Ты не серчай, — попыталась успокоить его Елица, внимательно оглядывая встревоженное и вместе с тем будто бы чуть злое лицо. — Мы надолго тебя не стесним. Я только с утра на матушкин курган наведуясь — и всё.

Никогда ещё не приходилось видеть Берибора таким сердитым. Хоть и принял он гостей, как подобает, а вовсе им не рад. Словно и боится чего-то. Как будто Светоярычи или Елица сама могли накликать на него какую беду. Только жена его, полнотелая и шумная обычно Ждимира, посматривала на всех с сочувствием явственным. Будто разделяла с ними все переживания. Смотрела она и помалкивала — что было на неё не похоже.

Да недосуг было размышлять над странностями хозяев. Елица и улечься спать не могла нынче долго: так волновалась о том, что дальше будет, найдёт ли какую подсказку у кургана матери. Уже и хозяйева по лавкам своим разбрелись, и Боянка ложиться собиралась: а у неё и сна ни в одном глазу не было. И дело одно осталось не выполненное, которое она всё откладывала. Но всё ж пришлось с духом собраться, челядинку потревожить, пока спать не устроилась.

— Сбегай к сыну Берибора, передай княжичу Ледену, что перемолвиться парой слов мне с ним надо сейчас. Встретимся с ним у липы, что между избами растёт. Боянка только кивнула и умчалась: быстрее поручение выполнишь, быстрее освободишься.

Скоро она и вернулась, сказала, что всё, как велено было, княжичу передала. Елица собралась быстро, едва платок накинула на голову да понёву поверх рубахи ко сну надетой повязала. Выбежала едва не опрометью из избы душноватой: хозяева, уже сонные, лишь недоуменными взглядами её проводили.

Леден ждал под оговоренной липой, прислонившись спиной к стволу её широкому, тёмному. Свисали перед лицом его осыпавшиеся пучки мелких цветков. Странно, что не обобрали для отваров и настоев разных. Видно, с дерева, что хранили оба дома, никто ничего брать не хотел.

— Ты точно меня здесь увидеть ожидала, княжна? — слышался из полумрака золотистых сумерек его низкий голос, от которого даже дрожь по спине пронеслась. — Может, Чаяна ты позвать хотела? Да челядинка бестолковая напутала?

Не удержался, уколол всё ж... Она шаг приостановила, обиженная его чуть насмешливым тоном. Да так жарко стало вдруг от стыда за всё, что они со старшим братом его учинили — что и не вздохнуть. А пуще оттого, что Леден обо всём прознал. Да как тут не догадаться?

— Нет, тебя звала, — ответила она твёрдо.

Княжич отлепился от ствола и шагнул к ней из глубокой тени ветвей.

— Зачем?

Дохнуло слегка его запахом, отрисовал мягко совсем уж скудный свет небоската напряжённые мышцы его шеи и рук, сложенных на груди. Елица сглотнула тихо, словно жажда на неё накатила вдруг.

— Завтра со мной к кургану пойдёшь, — она встала на вытянутую руку от него, почти качнувшись уже приблизиться ещё. — Ведь ты сумеешь Сердце почувствовать. Ваши волхвы говорили...

— Коли было бы Сердце на этих землях, разве пытали бы люди лишения по-прежнему? — Леден чуть склонил голову, оглядывая Елицу исподлобья. — Значит, нет там его.

— Я верю, что мы обязательно отыщем там что-то. По-другому быть не может. Мать знала, где Сердце. Теперь я уверена.

Княжич коснулся кончиками пальцев подбородка Елицы: чтобы глаза от него не прятала. Чуть сжал его, удерживая — и прохлада привычная уже поползла по коже к скулам, губам.

— Говори, что ты задумала!

Кажется, даже листья на липе колыхнулись от его негромкого, но властного приказа. А у Елицы и вовсе в груди ёкнуло.

— Я ничего не задумала. Просто хочу, чтобы ты был рядом. Ты можешь увидеть то, что я не сумею.

Леден отпустил её, вздохнув, и шаг назад сделал, будто торопясь вновь отдалиться. Елица смяла в кулачках концы повоя, неотрывно глядя на него и ожидая хоть какого-то ответа.

— Хорошо, — только и сказал он. — Завтра утром, как рассветёт, здесь встретимся. Больше никого звать с собой не будешь?

Она помотала головой. Никто больше не нужен ей был. Да и никто помочь не сможет. Леден покивал медленно и пошёл обратно. Елица очнулась только, как пропала его рубаха светлая за углом соседской избы. Скорее она вернулась в дом и поспешила спать улечься: вставать рано, да и неизвестно, что ждать на материнском кургане будет. Сколько была она там, ничего особого не чувствовала. А тут... Многое поменялось, теперь на всё что угодно натолкнуться можно.

Утром разбудил её звонкий стрёкот сороки под окном, в густых зарослях рябины. И поспать бы ещё немного, да неугомонная птица смолкать никак не хотела. Всё кружила, кружила, прыгая с ветки на ветку, и оглашала всю округу резкими выкриками. Только никого, видно, голос её не потревожил, кроме Елицы. Она помаялась ещё немного, да решила вставать: толку уж нет засыпать снова.

Собралась быстро, вовсе не обращая внимания на то, что прихорашивается как будто гораздо усерднее, чем в другие дни. И

косы чесала она тщательнее, сплетала аккуратней, чтобы пряди блестящие одна к одной легли. И понёву-то выбрала не обычную, дорожную, а ту, что покраше, поновее. Даже колты подвесила нынче нарядные. Как будто и правда в Навью седмицу, что перед Лельником, собралась пращуров чтить на курганах.

Поняла она это только потом, как закончила — и тут же мысль подлая в голове мелькнула, что вовсе не для матушки она так себя обихаживала нынче. Для Ледена старалась. К тому времени, как собралась она выходить, уж встали хозяева. Дала Ждимира с собой и каши — на кургане поднести, чтобы дух уважить, и для Елицы кое-какую снедь: мало ли, на сколько задержаться придётся.

Покуда шла она до липы, всё комкала узелок в пальцах. И беспокойно так было в груди: то и дело жаром обдавало. Короткими душными волнами: как будто на свидание тайком собралась, а не по жальнику ходить. Леден ждал уже, сидя под деревом и уперевшись затылком в шершавый тёмный ствол, который только сильнее оттенял волосы его светлые, что казались теперь почти белыми.

Завидев Елицу, он встал и молча пошёл впереди, будто сам знал лучше, куда идти. Она и противиться не стала — упёрлась взглядом в спину его широкую и поспешила следом. Так и минули они насквозь всю Полянку, вышли за околицу — и по пыльной каменистой дорожке дальше. Там Елица всё ж Ледена обогнала и за собой повела. Свернула по тропке не слишком заметной — через овраг, что будто два мира собой разделял — и прямо в перелесок полупрозрачный, где только, казалось, один молодняк берёзовый да сосновый рос.

— Далёко ещё? — чуть хрипло спросил княжич.

Да отвечать ничего и не пришлось: вышли они снова к месту открытому — а там и видно стало жальник не слишком большой, да уж разросшийся всё равно сильно: за столько-то лет. Были тут и курганы невысокие, и насыпи совсем уж низенькие, полуосыпавшиеся, в которых хранились ещё, верно, урны глиняные с прахом. Шумел вокруг лес старый сосновый: лишь иногда среди бурых, словно покрытых густым загаром стволов мелькали светлые — берёзовые. Откуда-то веяло влагой речной, свежестью ветра, что гулял вдоль её русла. И всё кругом перешёптывалось вполголоса; даже птицы, кажется, не так громко пели в ветвях, словно боялись потревожить души пращуров.

Елица только едва приостановила шаг — оглядеться — и пошла дальше. Скоро вышли они к самому высокому здесь кургану — его было видно издалека. Леден, сразу распознав, что пришли они куда нужно, вновь впереди оказался, заторопился к усыпальнице: уж настолько, верно, ему хотелось узнать, есть ли там что — а может, снова пустота одна. Елица почти на бег сбилась, пытаясь его нагнать. И чуть в спину ему не ткнулась, как он резко остановился. Княжич обошёл вокруг кургана неспешно — и ничего спрашивать у него не хотелось: так сосредоточен был. Но после лицо его посмурнело совсем, словно тени от туч по нему пробежали. Он остановился и вздохнул глубоко, а после к Елице повернулся, которая так за ним и ходила всё это время.

— Нет здесь ничего. Не чувствую.

Не пронеслось в груди разочарования или злости от того, что снова оказался этот путь бесполезным. Наверное, Елица на самом деле и ждала, что в усыпальнице матери не найдётся того, что они ищут. Приехала она сюда скорее за другим. За ответами и, возможно, подсказками, что делать дальше.

Княжич удивился, кажется, её невозмутимому виду.

— Подожди меня, — она сжала пальцы на его твёрдом запястье и отпустила.

Взобралась на вершину кургана и оставила там требы, что были для того подготовлены. Посидела немного, то глядя вдаль, на полосу бора соснового, то вниз — на Ледена, который уселся подле холма, удручённо свесив голову.

И хотела Елица обратиться к матери, да всё слов не находилось. Будто ветер свежий, который тревожил край повоя, выметал все нужные мысли из головы, развеивал вокруг — по живым лугам, среди деревьев, что качали неспешно кронами. Не здесь нужно с Милиславой говорить. Не так. Да тот путь, что Елица перед собой сейчас видела, мог оказаться опасным. Только вот делать нечего.

Она спустилась к подножию снова, тронула легонько Ледена по спине, погладила, ощущая изгибы мышц его.

— Проведи меня в Навий мир, Леден, — шепнула, как только он заметил её возвращение и повернулся к ней. — Прямо сейчас проводи.

— Задумала всё ж что-то, — он неожиданно усмехнулся. — А говорила вчера, что нет.

— Ты тогда не пошёл бы.

Он кивнул, улыбаясь чему-то. Да только губы его быстро сжались снова в твёрдую линию — и так захотелось пальцем по ней провести, смягчить. Чтобы не серчал на неё и понял, что это теперь всем им необходимо. А коль не найдётся и так ответов, придётся дальше кумекать.

— А если я не смогу провести тебя? Я других никогда в Навь не водил. Да и сам оказывался там случайно больше, — княжич слегка склонил голову, упирая взгляд в землю. А после встал вдруг, будто уходить собрался. — Это опасно очень, Еля. Сама знаешь, что там ты слабеешь, силы теряешь очень быстро.

— С тобой мне не страшно, — она поднялась тоже и встала напротив, чтобы не пустить, если вдруг назад к веси направится. — Только с тобой ничего не страшусь.

Леден посмотрел исподлобья — недоверчиво. Но по лицу его всё ж пробежало сомнение короткое.

— Так уж и ничего? Задобрить меня хочешь, — он дёрнул уголком рта. — Но я сказал уже, что вредить тебе не хочу. Надо подумать, как поступить иначе. Надо...

Он осёкся, словно осознал наконец, что пока это самая верная дорога на пути к Сердцу. И что попробовать им всё же придётся. Иначе жалеть после будут, что не смогли, не собрались с духом.

— Леден, прошу тебя, — Елица шагнула к нему ближе, протягивая руки. — Проведи. Я должна её найти.

Княжич покачал головой, хмуря брови. Несколько раз глубоко вздохнул он и принял ладони Елицы в свои. Погладил подушечки большими пальцами — и она губу закусил, опустив голову, чтобы не видел, как томит её ласка его короткая, будто невзначай случившаяся.

— Держись крепче... Не знаю, что будет сейчас.

И она держалась за него: никогда больше не отпускала бы. Чувствовала кожу его грубоватую, заскорузлую от рукоятей оружия, смотрела в его глаза — теперь неподвижные. Будто уже шагнул он прочь, и лишь за неё ещё цеплялся, чтобы не дать отстраниться ни на миг. Леден вдруг дёрнул Елицу к себе, обхватил руками крепко, прижимая к телу своим сильному. Она обняла его так же отчаянно, прижалась щекой к груди. Закружило их, швырнуло будто бы в сторону — совсем не так проводила тогда в Навь Чарина: там и не

почувствовалось ничего. А тут будто по камням кувыркались. И вдруг — рухнули в воду стоялую, подняв тучу брызг. Объяла Смородина тело, расшвыряла с Леденом в стороны, бросив между ними течение своё неспешное. Елица захлебнулась безвкусной, но всё равно неприятной влагой, словно в грязь едва согретую Оком плюхнулась. Вокруг — темнота одна мутная. И всё кружит, кружит неспешным водоворотом. Непонятно, где верх, а где низ. Елица пошарила вокруг себя, пытаюсь хоть какую-то опору найти. И вдруг поймали её надёжные руки, выдернули на поверхность. И в горло влился воздух не лучше той воды: такой же мёртвый, неподвижный.

Елица смахнула с лица мокрую пелену, упёрлась ногами в мерзко-мягкое дно. Будто в квашню погрузилась по щиколотки. Сдёрнула повой, облепивший голову, и отбросила в сторону: он потонул в Смородине, будто каменный.

— Вот это да, — выдохнула она, слегка отдышавшись.

Заморгала часто, всё пытаюсь избавиться от мути в глазах.

— Уж как умею, — проворчал Леден и повёл её на берег.

Встал в стороне, встряхивая руки: с него текло, будто из ведра окатили. Бежали мокрые дорожки с волос по вискам, пропадая в бороде, слиплись от влаги ресницы, тёмной каймой оттеняя необычайно сияющие в Навьем мире глаза его. Будто лишь в этом извечном полумраке становилось понятно, какой свет они несут на самом деле. Влажная рубаха облепляла его плечи и грудь: просвечивали сквозь ткань тонкую даже тёмные волоски на ней.

Елица, отжав косы от воды, спохватилась и взгляд опустила: её одежда, став от воды почти совсем прозрачной, тоже ничего от взора княжича не скрывала. А он смотрел на неё открыто, ощупывал будто — и дыхание его частое не унималось никак. Елица отвернулась и встряхнула рубаху на груди, пытаюсь хоть немного просушить. Да не время сейчас такими глупостями неважными маяться. Толку вышло немного — и пришлось хотя бы косы вперёд перекинуть: какое-то да прикрытие. А там высохнет.

— Провести-то я нас провёл... — заговорил вновь Леден, как немного они оправились после такого неожиданно мокрого перехода.

— А дальше что?

— Дальше курган матушки надо найти здесь.

Елица огляделась, мелко подрагивая от прохлады. Леден подошёл и обнял её за плечи, легонько растирая. И странно так: в Яви кожа его всегда прохладной казалась, а тут была горячей, не хуже чем у Чаяна. И движения его, казалось бы, резкие, разогревающие, всё равно в негу вгоняли — Елица даже глаза прикрыла и заметила только, как положила ладони на пояс княжича, держась за него. Попросту упасть боялась от накатившей слабости в коленях. Страшно неладное с ней творилось рядом с Леденом: уже и отмахиваться от того глупо.

— Еля, ты как? — княжич взял её лицо в ладони, тряхнул слегка, выдёргивая из морока.

— Не знаю... Странно.

Она подняла на него взор — и словно снова опору под ногами обрела. Нет, это Навий мир с ней шутит, силу забирает. Да только чего же так быстро? Леден погладил её большими пальцами по щекам.

— Хватит стоять. Отойдём от Смородины — она твою душу утягивает прочь.

Не успела Елица и ничего ответить, как Леден подхватил её на руки и быстрым шагом понёс подальше от русла коварного. Окутал жар его с головы до пят. А бок, который к нему прижимался, и вовсе раскалился как будто. Чуть обретя силы, Елица обхватила шею княжича руками и прижалась виском к сильному твёрдому плечу. Хорошо-то как! И неважно, где находишься, лишь бы он обнимал.

Ушли они немного вглубь леса берёзового, в котором не шумело ни единого листочка: только тонкие чёрные ветви свисали едва не до самой земли, касались плеч и голых ступней, вплетались в волосы, пока Леден нёс Елицу сквозь их прозрачную завесу.

— Вот так, — шепнул он, опуская её наземь. — Теперь легче должно стать.

И верно, стоило отойти от реки, как пропал туман из головы, и тело снова обрело силу, почти такую же, как в Яви: стерпеть можно.

— А ты? — Елица не поторопилась отстраняться, позволяя рукам его задержаться на талии. — Разве здесь ничего не чувствуешь?

— Чувствую, — Леден слегка провёл ладонями по её спине вверх. — Но не так сильно, как ты. Я здесь почти свой.

Он улыбнулся не слишком весело. И Елица неосознанно качнулась вперёд, так сильно толкнуло её желание немедленно прижаться к его губам своими. Словно она мыслями не поспевала за

телом, которое здесь просто звенело, точно льдинка, от каждого его касания, тянулось к нему, как к единственно живому существу.

— Осторожно, княжна, — его голос неуловимо изменился. — Можешь ошибиться.

Она отстранилась тут же, сбрасывая руки его пленительные, под которыми, кажется, даже рубаха сохла быстрее. Она хотела попасть в эту ошибку, потонуть в ней. Как будто разум очистился вдруг от мирской шелухи, обнажая истинные желания. Здесь всё поворачивалось изнанкой — не скрыть ничего, видно каждую ниточку, каждый узелок вышивки на полотнище мироздания. И от себя здесь не убежать тоже.

Леден всё ж взял её за руку, и вместе они пошли тропкой узкой: только бок к боку и жаться. Скоро закончилась полоса мёртвого березняка — и открылась впереди весь изнаночная, которая в Яви была Полянкой.

Ни единой живой души не было там, лишь тени скользили полупрозрачные: и не мары, и не люди. Только остатки их, что почти растворялись в этом плотном воздухе, который не дарил жизнь, а лишь забирал по капле. Елица сжимала крепко руку Ледена, и, кажется, вышли они уже на открытую дорожку, а всё равно продолжали тесниться друг к другу, пытаясь хотя бы одеждой соприкоснуться.

Тихая улица, тёмная, встретила пустотой надколотой крынки. Только пылью пахло здесь, и паутиной на лицо ложилось время застывшее.

Пустые избы, тёмные провалы оконцев без единого проблеска огонька в них. Вот покачивается калитка, зажатая с обеих сторон плетнем — и ни звука, хоть и покосилась она давно. Лишь иногда долетает будто бы шёпот леса кругом. Словно кроны деревьев колышутся сами, без ветра.

— Никогда так много по Нави не гулял, — буркнул Леден, заставив вздрогнуть.

— Скоро придём уже. Сейчас, за околицу только... — Елица с трудом собрала мысли воедино и облекла в слова.

Словно и они тут умирали, если молчать долго.

Катились по небу гранитные тучи вслед за путниками нежданно. И ни единого взора Богов не могло бы пробиться сквозь них. На то он и Нижний мир: из Ирия не дотянешься. И от понимания

этого становилось вовсе не по себе. Как оно тут, без заступы, на которую нет-нет, да понадеешься.

Но Елица повернула голову к Ледену: вот её заступа. Как она могла не замечать этого раньше? Он всегда рядом был, как только встретились они. Оберегал, как мог, спасал не раз. Он был в её жизни неотступно, незримо порой — оттого-то и тянулась к нему душа теперь, словно ростками — к свету. Потому что давно он уже часть её.

Скоро осталась за спиной и весь молчаливая. Вытянулся по сторонам бор сосновый — и чем дальше шли смутно знакомой дорогой, тем шире он расступался, открывая простор травяной, да словно соков всех, красок лишённый. Терялись во мгле невысокие холмы жальника местного: старые совсем и поновее. Будто ещё одна весь раскинулась, да только та, в которой поселиться никто до срока не хочет.

Елица боялась запутаться. Пойти не туда, не отыскать здесь материнской усыпальницы, которую отец справил для неё — достойную княгини. Пусть и пожелала она упокоиться на родной земле, а не подле Велеборска. Но наитие смутное вело её незримо. Нет, всё здесь так же, как и в Яви, хоть и другое как будто — не заблудиться. И вот уже она пошла чуть впереди, а Леден лишь доверился ей, ступая следом, не отпуская руки её. Только на миг она остановилась, призадумавшись — показалось, тропинка не туда свернула — а после дальше пошла. Всё верно ведь. Там, где в Яви направо надо идти, в Нави — налево вовсе.

Курган матери не отличался здесь от других, хоть в Яви был выше значительно. А тут — чуть больше, чем в рост человеческий, поросший густой травой, обмытый дождями до покатости болотной кочки. И тут всё открыл Нижний мир, как должно: смерть всех уравнивает, какую бы насыпь над прахом ни устроили люди, здесь она будет ровно такой, как у остальных. Неведомо как Елица сумела узнать курган, но она пришла к нему почти не сомневаясь, и остановилась подле, чуть задрав голову к его вершине.

И как ни хотелось оставить руку в ладони Ледена, а пришлось разорвать соприкосновение.

— Будь здесь. Не ходи за мной.

— Я должен видеть тебя, — настоял княжич, вновь поймав за кончики пальцев.

— Тогда просто не подходи близко.

Елица мягко высвободилась, прошла ещё вперёд, к самому подножию пологого холма, обогнула его, дойдя до той стороны, с которой был засыпанный землёй вход. Конечно же, внутрь она попасть не сможет, но может позвать матушку и надеяться, что она откликнется.

— Я почти не знала тебя, — тихо заговорила Елица, прикладывая ладонь к мохнатому, колючему от сухой травы боку кургана. — Но я прошу помочь мне. Мне больше некуда идти. Я не знаю других дорог, кроме той, что привела меня сюда. К тебе. За последними ответами.

Елица опустилась на колени, скользя рукой вниз по сухим стебелькам, словно по щетине, не зная, что ещё сказать. С чего она вообще решила, что сумеет встретиться с матерью здесь? Может, и не захочет та показываться... Здесь вообще может случиться всё: это совсем другой мир, чуждый живым, враждебный. И страшно было осознавать, что и правда — идти-то больше некуда. Спросить не у кого.

— Встань, — велел спокойный и твёрдый голос.

И как ни мало в нём было материнской ласки и заботы, а всё равно Елица узнала его тут же. Встала, медленно поворачиваясь — и сердце словно замерло, перестав биться. Оставались в памяти до сего дня только смутные обрывки образов, связанные с Милиславой. И теперь волнительно так было увидеть её воочию. Будто в минувшее вернуться.

Мать стояла позади, и тонкая светлая — то ли белая, то ли бледно-голубая — рубаха обрисовывала мягко изгибы её тела. Оставалось только подивиться, как были они с Елицей похожи, словно в водную гладь, едва колышущуюся, она взглянула. Милислава оглядела её в ответ, и брови её тёмные вскинулись на миг.

— Как мечтала тебя взрослой увидеть. Думала, не суждено... — по губам её бледным пробежала слабая улыбка. — Только плохо, что здесь это случилось. Нельзя тебе долго здесь быть. Ты больше, чем другие, подвластна Нави. Жива твоя желаннее для неё.

Елица шагнула было навстречу ей, да как будто в завесу тугую ударились: ближе не подступиться. Она вскинула руку — хотя бы так дотянуться: близко ведь совсем. Махнула — и сквозь фигуру матери её

ладонь прошла, ничего не ощутив — только разве что лёгкий ветер, как дыхание.

— Я долго сюда шла. Петляла. И я хочу услышать от тебя, что с Сердцем Лады случилось. Забрал ли его отец? Или то просто выдумки? — Елица вздохнула тяжело, каждое движение груди становилось всё сдавленной, будто груз какой на ней висел. — Не только моя жизнь исковеркана. Но и чужие жизни. Многие. Из-за него.

Милислага покачала головой, и лицо её стало словно ещё бледнее. Опустились уголки губ, залегла между бровей морщинка слабая.

— Я не знала до смерти многого. Не знала ничего, так же как и ты. Потому что воля Богов нам, неразумным, неподвластна. Но теперь знаю, — она пошла медленно вокруг Елицы, оглядывая её с интересом, скорее, сторонним, чем с участием родного человека. — Я забрала Сердце. Но только не по своей воле. Но, верно, по воле Лады. Матери Матерей. Я пришла на её капище вместе с Борилой, когда в Остёрске меня настигла беда. Когда Светояр отказался от меня, а Любогнева захотела, чтобы меня не стало. Я хотела унять боль, я хотела отомстить. Но Борила просто хотел, чтобы я была рядом с ним. И позвал Сновицу, жрицу Макоши, чтобы она привязала меня к нему. Чтобы я забыла Светояра.

— Но как так случилось, что Сердце покинуло Остёрске земли? — Елица обхватила себя руками за плечи, чувствуя, что просто замерзает. И хватит ли сил выслушать то, что матушка пожелает ей сказать?

— Я была тяжела от Светояра. И Лада осенила меня своей милостью, дала защиту, — Милислага помолчала, горько усмехнувшись. — И наказала Светояра за опрометчивость. Наверное, всё должно было сложиться по-другому. Но сложилось так, что Сердце больше не вернулось к остёрцам. Потому как ошибок своих Светояр не осознал.

— Так где оно теперь? Если соединилось с тобой?

Милислага остановилась, наконец, взглянула чуть искоса.

— Лада — мать. А в ком сердце матери?

Елица ни на миг не задумалась, что можно на это ответить.

— В ребёнке, — и тут же вздрогнула от догадки ясной. — Что же это? Сердце не здесь, не в твоём кургане?

— Сердце матери в ребёнке, ты права, — спокойно продолжила матушка. — Сердце Лады — в ребёнке, рождённом от любви.

— Получается... — Елица трянула головой. — Получается, Отрад был Сердцем?

Милислава кивнула плавно.

— Он не был Сердцем. Но оно было в нём.

— Но, коль он умер... Где же теперь?..

— Теперь ты хранишь его. Ты тоже моё дитя.

Елица хмыкнула невольно. Как такое вообще быть может? Разве достойна она того, чтобы Сердце Лады в себе носить?

— Я родилась не от любви. Ведь отец приворожил тебя. А это не настоящая любовь. Разве не так?

— Я любила Бору, — твёрдо возразила Милислава, и фигура её светлая словно качнулась в раздражении. — Любила до самой смерти. И приворот уж не имел надо мной власти. Сердце Лады избавило меня от него очень быстро. Чтобы не застилал взор. Чтобы я поняла...

— Но почему же тогда я не чувствую ничего? Ничего... Ведь должна, наверное...

Княгиня усмехнулась тихо и подошла ближе. Ладонь её коснулась головы, прошла медленно по волосам, не давая никаких ощущений, словно её и не было. Только прохлада едва заметная как будто пронеслась по коже. Порой Елица думала, повзрослев, как хорошо было бы хоть изредка чувствовать объятия матери, которых она совсем не помнила. И вот встретила с ней — ступив через грань миров — но всё равно не могла дотронуться.

— Мне тоже казалось, что я ничего не чувствую, — умиротворяюще проговорила Милислава. — Но это не так. Разве не видишь ты, что сила твоя гораздо больше той, что дало бы тебе волхование? Умения твои плещут гораздо шире.

Елица опустила голову. Никогда она о том не задумывалась. И не видела ничего, что поменялось бы в ней после смерти Отрада. Да только в жизни всё так закрутилось, что и поразмыслить над этим не было ни единой okazji. Казалось, течёт всё своим чередом, а то, что внутри деется — отринуть нужно.

— Я не понимаю...

— Сердце сейчас спит внутри тебя. Ты только хранишь его. Как ларец. Но всё ж оно даёт тебе больше умений, защищает. А в полную

силу оно проснётся, как понесёшь ты ребёнка. От того, кого любишь всем сердцем. Такова воля Лады. И тогда у тебя два пути. В себе его оставить и передать детям своим. Или вернуть его в Остёрское княжество. Тяжела я была, когда забирала его неволью. И вернуть его тоже надо, отяжелев. И кровь свою малую принести на капище том. Кровь от ножа, который дарил тебе отец. Он ведь с тобой?

В груди холодом пронеслось. Не вспоминала она почти о том ноже, который безделушкой заморской считала. А оказывается, надо было хранить его, попусту в ход не пускать. А теперь он, верно, лежит там же, где из руки выпал: разве кто мог найти его, в той-то глуши?

— Нет, я потеряла его, — голос скатился в едва разборчивый сип.

И новая волна озноба прокатилась от ступней босых к горлу. Милислава вздохнула только.

— Тебе нужно его вернуть. Это жреческий нож. Им я кровь свою проливала на капище, когда творила... — она задумалась печально. — Творила то, что не должна была. То, о чём и сейчас жалею.

— А если не сыщу?

— Значит, тебе Сердце носить до смерти самой. Но коли сыщешь нож, да как придёт срок, вернёшь его. Если пожелаешь, — повторила княгиня. — Когда будет рядом тот, кто твоё сердечко собой наполнит.

Елица закрыла лицо руками, словно отгородиться хотела от слов матери. Кто бы смог рассказать ей о том больше? Ведь никто не знал. И матушка сама, пока не умерла — не могла понять, что с ней творится.

— А если тот... — она осеклась, чувствуя, как к горлу подкатывают слёзы душные. Будто разрывалось что-то внутри. — Если тот, кого сердце моё жаждет, не может дитя зачать?

Она вновь подняла взгляд на Милиславу. Лицо её было спокойным, безмятежным, будто даже судьба собственной дочери уже не тревожила. Верно, все волнения погибают в этом неподвижном мире тоже, не способные больше трогать отжившую своё душу.

— Всё можно преодолеть, если хочешь, — ответила она загадочно.

— Твоей волей! — Елица рубанула рукой, делая шаг к матери, которая и с места не двинулась. — Твоей волей ни один, ни другой Светоярычи не могут стать отцами. Ты прокляла их. Разве не так? А сейчас ты говоришь мне... Что я должна...

— Так разве не разрушила ты проклятие? — прервала её Милислава, пожимая плечами. — Там, на капище старом?

Елица открыла было рот, чтобы возразить, да вспомнила вдруг. Как металась в силках заговора сильного, пытаюсь высвободиться, пытаюсь разорвать острые нити его, которые душу на куски резали. Она и не думала, что сумела его разрушить — казалось, что только освободилась сама, убереглась от вреда.

— Значит...

Она оглянулась невольно, вцепилась взглядом в фигуру Ледена, что так и виднелась позади. Он ждал терпеливо, и взгляд его впивался в спину — обеспокоенный. Елица видела, как сияют его глаза сквозь мрак этот удушливый, словно коготь. Но он не вмешивался покамест, как она и просила. И в груди словно разрослось что-то. Будто крылья развернулись, заполняя её всю до краёв, распирая так, что раскинуть руки хотелось. Она опустилась резко на землю, прижав ладонь к губам. Княжич дёрнулся заметно — подойти, но остался пока на месте, повинаясь взмаху руки Милиславы.

— Задай себе вопрос, Елица, — шепнула княгиня над ухом, присев рядом с ней. — И не останавливайся на пути к тому, кого рядом хочешь с собой всю жизнь видеть. Не повторяй моей ошибки. Ты и так прошла по моему пути очень далеко — может не остаться другого. А ты не простишь себе никогда. Не рви душу. Ответ близко: не нужно ходить лишние вёрсты.

— Я не могу быть с ним... Я не могу.

— Ты всё можешь, — Милислава снова встала. — Отовсюду можно найти выход, если есть тот, кто тебя проведёт. Ты же нашла меня здесь...

Матушка отдалилась вдруг, словно ветром её отнесло, хоть и оставался воздух кругом неподвижным. Скоро светлая фигура её истаяла, разметавшись на обрывки тумана — и снова гулкая серость изнаночного мира обхватила со всех сторон. Елица всё сидела на чёрной земле, среди пыльной хрусткой травы — и не могла встать. Пока говорила с матерью, и не заметила вовсе, как силы её иссякли. Теперь даже дышать стало трудно, будто и грудь вздымалась едва-едва. Нет, она не могла даже пошевелиться, попав в западню Навьего мира, который выпил её почти до дна.

— Леден... — позвала она почти беззвучно.

Вдохнула, чтобы повторить его имя чистое, дающее избавление от мути в голове — но закрыла глаза, кренясь вбок. Страшная тишина была кругом, словно под водой, когда та заливаает уши. И не вдохнуть больше. Переливами света что-то колыхалось перед глазами — во мраке сомкнутых век. Наверное, так выглядит Сердце, что ещё хранит остатки её жизни?

— Еля... — глухой возглас над ухом.

Губы тёплые по виску. И руки надёжные обнимают будто со всех сторон разом. Свет внутренний пыхнул сильнее от одного его только касания, затопил разум и тело горячей волной. Леден поднял её на руки, прижимая к себе всей силой. Она взлетела будто и застыла в воздухе лёгким пёрышком, растворяясь в его близости, проникая в него всеми силами души. Елица обхватила широкую шею рукой, нащарила губами её и прильнула, силясь ощутить вкус его кожи, запах его. Она прихватывала её, целуя, впиваясь пальцами в твёрдые мышцы. На грани беспамятства, за порогом странного безумия, что обуяло сейчас — и не могла остановиться.

— Елица, — почти простонал Леден, убирая её руку, жадно стремящуюся сгрести его загривок в горсть. — Надо уходить отсюда. Слишком долго...

— Я знаю, где Сердце...

— Хорошо. Хорошо... — он будто успокоить её пытался.

И она замерла в его объятиях просто наслаждаясь тем, что он так близко. Что он защитит её, выведет. И тогда... Может тогда они что-то сумеют придумать.

Долго они шли или нет — совсем нельзя было понять. Только лёгкое покачивание, стук сердца Ледена и тепло его составляли весь мир тесный, что сомкнулся вокруг Елицы. Она блуждала по границе, за которой только темнота, боясь обрушиться за неё, словно с обрыва.

Коснулась подола вода Смородины, поднялась выше, объяла бедра до самого пояса. Сжалось дыхание в груди до маленького комочка, как вновь зевертелось всё, зашаталось, будто твердь с себя хотела Елицу сбросить. Только ударил свет по глазам — и она рухнула в забытье тут же.

ГЛАВА 15

— Она нашла Сердце, — только и сказал Леден, как встретил его Чаян у плетня, что окружал избу старосты.

Брат сжимал Елицу в руках так крепко, что и сомнения никакого не оставалось: попробуй отбери — убьёт на месте. Просто голыми руками придушит. Княжна была без чувств. И что случилось с ней там, у материнского кургана, оставалось только гадать. И маяться, что не пошёл с ней, что не уследил, как дошло вдругорядь до беды. Из одной опасности в другую Елица прыгала, словно через костры. А он стоял как будто в стороне. И сердце замирало каждый раз, и поделаться он с тем ничего не мог. Вот и теперь — что стряслось? Почему княженка в беспамятстве? И Чаян готов был душу вытрясти из Ледена за хоть одно слово.

Они вместе ввалились в избу. Хозяйка вздрогнула от грохота, с которым отворилась дверь, прижала пухлые руки к груди, но быстро очнулась, захлопотала, указывая братцу на лавку, куда можно было Елицу уложить. Тот опустил княженку на ложе так бережно, словно ворох пуха — боясь, кабы не рассыпалась.

— Что случилось? Почему как только она с тобой оказывается, так оборачивается всё скверно? — Чаян рванул брата за плечо, разворачивая к себе.

Тот руку его сбросил резким движением.

— Не до тебя сейчас, — рыкнул приглушённо, видно, чтобы хозяйку совсем не напугать.

— Зато мне дело есть до неё. Я знать хочу немедленно! — Чаян сжал кулак.

Бывали дни, что он не понимал собственного брата. Случались между ними и ссоры лютые, и драки — по юности особенно — до кровавых соплей, до синяков под глазами и на боках, после того, как ноги в ход шли. Но они всегда мирились — родная кровь. А сейчас Чаян готов был просто его убить. Одним ударом в темя: за то, что он знает больше, за то, что держал Елицу в руках и сейчас просто не подпускал к ней. И говорить отказывался, объяснять — чтобы хоть немного легче стало.

— В Навий мир мы спускались, — Леден всё ж оттащил его в сторону, а после и вовсе наружу вывел, через сени, мимо старосты, который внутрь спешил, заслышав переполох со двора.

— Ты водил...

Они остановились за углом избы, скрывшись ото всех глаз.

— Больше некому, — Леден пожал плечом. — Там она с матерью своей говорила. А после плохо ей стало. Она сказала мне только, что Сердце нашла. Больше ничего.

Чаян прислонился спиной к стене бревенчатой, не зная теперь, что и думать. В голове эта мысль всё никак не укладывалась. То ли слишком она была невероятная: привыкли они все, что Сердце где-то далеко от них и постоянно за ним гнаться надо — то ли просто застирала её тревога большая за Елицу. Что теперь будет с ней после того, как она по доброй воле в Навь пошла?

Да только и Леден ничего не мог ему на это ответить. Всегда спокойное лицо его было сейчас серым, бесцветным каким-то, будто хворал он долго. А взгляд то метался по двору бездумно, то останавливался вовсе, а брат настораживался, прислушивался к голосам, что доносились из избы. И вдруг он опустил голову и сел на корточки, прижав ладонь к боку под рёбрами. Видно, и для него поход в Навий мир не прошёл бесследно.

— Ты как? — вся злость на него и ревность страшная вмиг погасли.

Предупреждала ведь Елица, не зря опасалась, что могут они с братом рассориться сильно. Иногда Чаян как будто переставал отдавать себе отчёт в собственных чувствах и стремлениях, а после, охолонув, понимал, что каждый раз это может довести его до беды.

— Ничего мне не сделается, — буркнул в ответ Леден. — Очухаюсь.

Чаян разглядывал его склоненный затылок, понимая, что вовсе не дорога в Навий мир и обратно измучила его. А то, что с Елицей там сотворилось. Видел он многое на лице брата, научившись за столько лет замечать мелочи те, которые другим в глаза никогда не бросались. А оттого люди считали его вечно невозмутимым и бесстрастным. Но встреча с Елицей поменяла многое. Для них обоих.

Не сговариваясь, они вернулись в избу. Говорить больше не о чем. Теперь только ждать остаётся, как придёт Елица в себя. И надеяться,

что большого вреда для неё не случилось. Многое Чаян мог бы отдать, чтобы своими глазами увидеть то, что видел Леден там, в Нави. Может, услышать хоть обрывок разговора княженки с матерью. Хотя что-то уразуметь самому. Может, сейчас ему было бы спокойнее.

Большуха глянула на них с братом грозно, как вошли, но ничего не сказала. Не её дело, что с Елицей стряслось — а она уж в достаточных летах и мудрости, чтобы понимать это. Но сердилась на них всё ж. Просто из-за сочувствия княженке, видно.

Да Чаяна строгий вид женщины не пугал вовсе, как и Ледена, впрочем. Он подошёл к лавке, где лежала Елица, уже освобождённая от лишней одежды, накрытая до груди тонким покрывалом из лоскутков цветных. Будто спала она всего-то, да только вот бледность особая её гладких скул и губ чуть приоткрытых не давала обмануться.

Даже Боянка, что сейчас заливала какие-то травы кипятком в кувшине, смотрела с укором безмолвным. То на Чаяна, то на брата, который стоял за плечом, заглядывая через него. Не отходил теперь в сторону, как обычно это бывало. Будто решился уже на что-то.

— Как она? — спросил, когда подошла к ним вновь большуха.

— Да кто ж её знает, — пожала та плечами. — Кажись, ничего страшного. Только ослабла как будто сильно. Меня вон тоже жажнуло наемдни, как в поле под Оком-то набылась весь день. Думала, не дойду до дома. Уж Ярило шалит нынче, буйный. А может, Полудница меня прихватила по темени-то...

Скоро слился её рассказ вовсе не важный в неразборчивое бормотание. И внимания обращать не стоит.

— Подождём до утра, — предложил Чаян. — Надо здешнюю волхву позвать. Пусть взглянет, может, поймёт чего.

Леден только кивнул, будто устал до того, что и слов у него больше не находилось. Однако отдыхать не пошёл, хоть и нужен был ему сейчас покой тоже — наверняка. Сел в избе недалеко от лавки Елицы, всё глядя на неё выжидательно, словно боялся пропустить тот миг, как она в себя придёт.

После пришла и волхва Макоши, что в святилище Яруницы служила. Позвала её хозяйка скоро, как только попросили. Посмотрела она на Елицу, посидела рядом с ней, словно прислушиваясь к чему-то и встала, как будто ничего и не сделав.

— Тут или очень сильный волхв поможет, который слова особые ведаёт. Или сама она справится. Очень сильная, — женщина покосилась на княжну со скрытым во взоре восхищением. — Да только сколь времени пройдёт, то я сказать вам не могу. Никак не могу. Первый раз такое вижу, чтобы утянуло так далеко кого-то в Нижний мир и он при том жив остался. Связан с ним как будто.

Больше ничего она сказать не сумела толкового. А потому решено было наутро ехать в Остёрск. Там уж самые сильные и умелые волхвы княжества живут. Боянка окружила княжну самой рьяной заботой. И оказалось, что в себя та всё ж приходит. Да не надолго. Как будто силы накопленные во время беспамятства, тут же утекают куда-то, не задерживаясь в теле. Благо успела она и воды испить, и поесть даже ухи, что челядинка ей поднесла. Сказала та, что и поговорить они сумели немного. И княжна только подтвердила, что в Остёрск им всем ехать надо. Но раз очнулась она посреди ночи, то княжичей уже тревожить не стали.

А Чаян корил себя всё за то, что миг этот, как можно было с Елицей хоть парой слов обмолвиться, спросить о чём-то, хоть и неважном, может, он упустил. Только уверившись от слов княженки, что решение отправиться домой правильное, скоро собрались в дорогу.

Чаян и с Берибором пытался поговорить, чтобы тот людей дал — сопроводить до Остёрска. Да тот мялся всё, сетовал, что отправлять некого. И глаза все прятал, суетился дюже. Как и всегда: людей полна весь, а поехать некому. Кабы ещё не случилось так, что люди Макуши не встретятся, разминуться придётся где на дорожках разных — и оттого хотелось высказать пару неласковых слов старосте за промедление — да не заезжать же за этим снова в Яруницу. Благо хоть погода стояла справная для скорого пути. Ночью погромыхивало где-то вдалеке: слышно было сквозь сон, да к утру всё успокоилось, хоть и хранило небо лёгкую пасмурность, а Дажьбожье око лишь едва пробивалось сквозь пелену тонких, размазанных, словно сливки по крынке, облаков.

Но успели только за околицу выехать, как послышался впереди на тропе, за стеной полупрозрачной леса, шум голосов многих. Разносился он эхом вокруг, метясь и стихая, а после вспыхивал вновь. Кто-то ехал вперёд, не скрываясь, не боясь встревожить гормоном

здешних духов. А ещё через несколько саженей вышли из зеленоватой тени, что скрадывала далёкий конец дороги, всадники.

Чаян пригляделся, сощурившись — и узнал Олеся, парня из Яруницы, сына бортника. За ним ехали ещё пятеро, на лошадях не слишком-то хороших, но и не пешком шли. А то он уж подумать решил, что староста подмогу пешую отправил — потому так долго и идут. Все заволновались, кроме Ледена, который мужей знакомых тоже успел разглядеть. Завертел головой Радай, словно принял ярунчан за татей каких. Да тут и издаля понятно, что свои.

Олесь пустил своего коня быстрее и первым встретил Ледена, который впереди ехал. Коротко они перемолвились парой слов, и сын бортника махнул Чаяну рукой.

— Что-то долго вы добирались, — проворчал тот, поравнявшись с братом.

— Так гребель проклятая... — начал оправдываться тот. — Не отпускал Макуша.

На том упрёки закончили: теперь на душе стало спокойнее гораздо. Елица будет в безопасности.

Княжну нынче осторожно уложили в телегу, а лошадь её привязали к борту, надеясь, что всё же та ей пригодится, что очнётся девушка, как наберётся достаточно сил.

Чаян поехал рядом с повозкой, то и дело опуская в неё взгляд, рассматривая лицо Елицы, спокойное, мягко очерченное туманным светом Дажбожьего ока, нынче прикрытого мутной дымкой. Словно и оно берегло девушку от жары, чтобы не навредить ещё больше. И он хотел сделать для неё хоть что-то. И не мог. От этого хотелось быть — от бессилия, от страха за неё. И кабы мог он сократить вёрсты до Остёрска — они уже были бы там.

Боянка не обманула: Елица приходила в себя несколько раз за весь день. Ненадолго. Тут же устраивали стоянку, даже не разбирая вещей. Челядинка спешила напоить Елицу, а то и подмогу оказать в насущном. Но после княжна снова как будто угасала, как огонёк догорающей лучины. Сначала точно в сон погружалась — а после уже невозможно было её разбудить, хоть и дышала она ровно и спокойно.

Леден держался в стороне от неё, пуская Чаяна вперёд, не путаясь под ногами. Но его наблюдение, его тревога витали в воздухе почти осязаемо. Но он, верно, просто боялся, что снова, после того, как за

гранью побывал, хоть и добровольно, сделает хуже, если будет рядом с Елицей находиться.

И стыдно было признать: Чаяна это только радовало. Хоть в чём-то сейчас он чувствовал, что приближается к Елице. Что связывает себя с ней обрывками заботы и внимания, которые успевал выказать, пока она была в себе. Пусть даже поговорить не удавалось: он не хотел утомлять её расспросами.

Как покатилося освободившееся от пелены Око вниз по небосклону, начали о ночлеге подумывать. Выбрали место хорошее, тихое, у родника, что бил в низине прямо среди камней, а над ним поставили в незапамятные времена колодец. Где-то далее на западе текла река неглубокая, но до неё добираться не стали. Раскинулись шатры и палатки. Захлопотала Боянка у огня с вечерей вместе с отроками: сейчас княжна помогать ей не могла. Радай хотел было пойти за водой иль за дровами: лишь бы со стряпней не возиться, да Чаян велел ему челядинке помогать. Тот расстроился заметно но перечить особо не стал.

Шумный нынче получился стан. Собрались парни у огня, как подкрепились и подобрали. Завели разговоры самые обычные: о жизни, о ярмарке скорой в Остёрске, на которую надо — кровь из носу — попасть. И о девицах тоже — как без них.

Боянка скрылась в отдельном шатре, что для княженки поставили, а вскоре оттуда слышались даже голоса тихие: значит, Елица вновь в себя пришла. И как вострепнулся Чаян, напрягся в ожидании, от желания дикого скорее в укрытие к ней сходить, проведать, а всё равно заметил, что и Леден оживился заметно. Но никто из них с места своего не сдвинулся: пусть Боянка разрешит зайти. Но та мелькнула всего пару раз снаружи и пропала в шатре насовсем.

Не решился Чаян тревожить Елицу — так и улёгся спать да уснул быстро.

Только разбудил ночью гул далёкий как будто. Он вскочил на лежанке своей, моргая часто, слушая грохот копыт, что явственно приближался откуда-то из чащи самой. Подумал, что почудилось сквозь сон, но нет, шум не стихал. Только громче становился. Чаян огляделся в шатре: никого. Пропал куда-то Радай. Лежанка его была смята и брошена небрежно.

По зыбкому свету, что пробивался сквозь плотные стены шатра, он понял, что уже и заря наступает, подкатывает огненным шаром к тёмному окоёму. Чаян встаал резко и принялся пояс с оружием застёгивать поверх рубахи синей, наспех натянутой.

Ввалился в шатёр дозорный:

— Наступает кто-то, — выкрикнул, взбаламутив мысли, ещё вялые со сна.

— Иди смотри в оба. Других буди, коли надо.

Сам Чаян к Елице поспешил, да едва с братом не столкнулся: тот уж лук в руке сжимал, готовый неприятеля, коли не ошиблись издалека, разить. Ни словом не перекинулись — Чаян скрылся в женском шатре.

И застыл на миг, едва не оглохнув от вскрика, что встретил его. Упёрся взгляд в фигурку светлую женскую, расплатанную на земле совсем недалеко от полога. Грянул гомон и топот копыт со всех сторон. В глазах потемнело на миг: Елица мёртвая лежит, и растекается под ней лужа блестящая крови, сразу впитываясь в землю. Но оказалось — Боянка. Коса её девичья змеей пересекала спину её неподвижную. Привлекло внимание шевеление во мраке.

— Чаян, берегись! — оклик слабеющий.

Он развернулся, холодный клинок по боку пробежался — вскользь больше. Хоть и метил в живот точно, да тело сработало чуть раньше — удалось отклониться. Чаян схватил руку Радая. Столкнулся с ним лицом к лицу близко. Другой рукой выхватил свой нож и вонзил до основания самого ему в бок.

— Что посулили тебе, мразь? — прошипел.

И отпустил отрока, давая рухнуть наземь. Тот и ответить ничего не успел, скорчился, пытаясь ладонью прижатой удержать кровь, что щедро хлынула из глубокой раны. Чаян метнулся к лежанке, где сидела, ссутулившись, княжна — и смотрела на него, чуть подняв голову. Словно на это сил у неё не хватало.

Лязг клинков и крики яростные заполнили собой весь стан небольшой. Полыхнул костёр ярче и начал затухать, погружая всё вокруг в предрассветные сумерки, налитые золотом.

— Елица, — Чаян опустился на колени перед ней. — Ты цела?

Она покивала вяло. И тут ввалился внутрь ещё кто-то. Чаян обернулся, выставляя перед собой клинок — оказалось, Леден,

взъерошенный, лютой, что волк. Окинул он взглядом быстрым, хищным весь шатёр — и успокоился малость, как Елицу заметил в здравии.

— Уводи её в лес. Мы разберёмся.

Только сказал — и пропал снова за пологом, взметнувшись от удара его руки. Княжна дёрнулась на месте — встать, за ним броситься, да только едва приподнялась — и упала на лежанку снова. Всхлипнула жалобно, цепляясь взглядом за тонкую полоску света бледного, что лился на землю со входа.

— Я здесь останусь, — шепнула. — Помоги им.

Чаян покачал головой. Нельзя её здесь оставлять. Не тати это вовсе случайные. Да и Радай тут не зря оказался, Боянку убил да к княжне уже двигался. Кто знает, чем всё обернётся. Она должна подальше отсюда быть. Отправил бы с ней отрока — да нет теперь его. Даже в живых нет.

Чаян разрезал стенку шатра ножом и подхватил Елицу на руки, как бы ни сопротивлялась. А выходило это у неё ещё плохо — будо касания тканью слабые были её удары по груди и плечам.

— Не оставляй его! — глухо бранилась она: так сильно он к себе девушку прижимал. — Не оставляй!

Он проскочил в разрез и напрямик к лесу пошёл, всё ускоряя шаг.

Скоро минули границу прогалины, продираясь сквозь гомон и шум страшный, который словно в спину впивался копьями. Заполыхало что-то позади — бросило отсветы яркие по кустам бузины, что росли вокруг. Кто-то, кажется, метнулся за ними вослед: шаги уже было нагнали, да тихий вскрик оборвал их и звук упавшего тела — треском веток и валежника. Чаян и не обернулся: Леден стреляет метко.

Он долго нёс Елицу вглубь чащи. Старался не обращать внимание на то, как всё больше становится перед глазами тёмных пятен. Не так уж сильно его ранили, кажется. Но кровь текла тонкой струйкой по животу и впитывалась в схваченную поясом рубаху. Княжна держалась за его шею как могла крепко. Позади стихал шум сражения. Хотелось бы верить — совсем недолго. И не рокового для брата и других парней, что лишь сегодня им на подмогу вышли. Лишь бы успеть убраться оттуда подальше. Так ведь по следам сыщут, если заметили.

Если и впрямь Елица им нужна. Надо пройти через реку. Она течёт здесь неподалёку, кажется, совсем не глубокая.

Рванные мысли метались в голове, перемежаясь с неровным дыханием, которое Чаян пытался уговорить, чтобы силы не уходили так скоро. И всё натягивалось что-то в душе, звало повернуть назад и вступить в сечу бок о бок с братом. Но Леден приказал уходить. И предательски хотелось ему подчиниться. Княжна застонала тихо, смяла пальчиками тонкими рубаху у него на груди. Шепнула что-то, словно позвала по имени. А кого — непонятно.

— Сейчас. Сейчас, любя моя. Только подальше уйдём, — прерывисто выдохнул Чаян.

В боку стрельнуло резко — аж ноги подкосились. Но он устоял, пошёл дальше, не сбавляя шага ничуть. Светило всё выше поднималось по небоскату, лилось потоками лучей на землю, на траву росистую, от которой уж промокли штанины все до самого паха. Как рассветёт совсем — следы беглецов и вовсе станет хорошо видно. Чаян старался отринуть нарастающую дрожь напряжения в руках. Хоть Елица и лёгкая, словно маленькая деревянная фигурка, а любая ноша чем дальше, тем тяжелее кажется. Девушка даже ухватила его за шею, пытаюсь немного облегчить свой вес, но того хватило ненадолго.

— Отпусти, Чаян. Сама пойду, — шепнула она, пытаюсь спрыгнуть с рук его.

— Постой, — он остановился, удерживая её, силясь перехватить так, чтобы она не свалилась на землю.

Но княжна всё же вывернулась, и он едва успел поддержать её — а то и рухнула бы. Вцепилась она в его локти, дыша часто, неровно. Ощутимо вело её в стороны. Вот же как Навий мир проклятый её потрепал: второй уж день до конца в себя прийти не может. Елица зло закусила нижнюю пухлую губку и подняла взгляд.

— Нам идти быстро надо, — попытался он увещевать её.

Да княженка только тряхнула упрямо головой. Отпустила его рукава и шаг назад сделала.

— Я смогу идти, — настояла. — Не совсем уж немощная.

С этим Чаян, конечно, и мог поспорить, да не стал. А то так можно долго стоять препираться, а время уходит. Вдруг за ними уже отправили кого? Елица обернулась в ту сторону, откуда они ушли, прикрыла глаза на миг — да Чаян потянул её за собой, крепко ухватив

запястье. Она дёрнулась как будто невольно. Словно вдруг решила вернуться. И укололо в груди снова: к Ледену рвётся. Только к нему и ни к кому больше. Словно после пути в Навий мир она многое поняла и много скрывать перестала.

Княжна держалась хорошо. Пыталась идти как можно быстрее и не задерживать Чаяна слишком. А он готов был в любой миг снова подхватить её на руки, если придётся. С облегчением он услышал тихий шёпот реки вдалеке. Там, коли вброд пойти, то можно гораздо легче со следа преследователей сбить. Да только как много ещё будет у княжны сил, чтобы идти вот так, не останавливаясь? Она уже оттягивала руку сильнее, всё норовя на ней повиснуть, но пока перебирала ногами, придерживая подол, и не жаловалась.

Как дошли они до границы реки, Чаян снова поднял Елицу над землёй и ступил в воду холодную — до ломоты в костях. Но скоро мышцы привыкли — и он пошёл чуть выше по руслу, по колено погружаясь в течение сильное, да не настолько, чтобы с ног сбить. На другой берег он перебираться не думал. Пройти чуть дальше, а там снова на ту же сторону выбраться — но следов уже видно не будет. А пока отыщут, если сумеют — там и уйдут они с Елицей ещё дальше.

Пока, к счастью, никаких звуков погони не слышалось сквозь дыхание старого, безмятежного в своей мудрости леса. Нарастал зной. Даже в зыбкой тени густых ветвей, что склонялись над рекой низко, протягивались поперёк русла, сплетались между собой. Липли ко лбу влажному от пота мошки назойливые, зудели и лезли в глаза. Елица всё смахивала их с лица Чаяна, прогоняла, то и дело касаясь кожи своими нежными пальчиками, и бранилась тихо, смущённо.

— Я отдохнула, — сказала снова. — Могу идти.

Они выбрались вновь на тот же берег, и Чаян опустил её на землю. Совсем уж он перестал понимать, сколько они шли, как далеко успели забраться. Лишь то, как высоко поднялось Око на небе, говорило, что время уж не совсем раннее. Может быть, стоит остановиться и чуть перевести дух? Слишком далеко уходить тоже не нужно.

Словно прочитав его мысли, княжна потянула за руку.

— Присядем здесь, княжич, — повела его в тень огромной липы, что выглядела старше самого Мирового древа.

Под ней, верно, и целый дом можно было бы устроить. Чаян послушался, не тратя слова на возражения. В горле так пересохло, что ни единого звука, кажется, не могло из него вырваться. Далеко от реки уходить они не стали: по руслу легче после возвращаться, если не собьют их с пути преследователи, не загонят глубже в лес. И если будет, куда возвращаться.

Чаян не понял, как так случилось, но, остановившись, он почти рухнул наземь, в густую колючую траву, едва не плашмя — и та опутала его тут же со всех сторон. Княжна испуганно упала на колени рядом, перевернула его на спину. Скользнула взглядом по телу и ахнула, как увидела, верно, пятно крови, что расплзлось уже по рубахе, почти незаметное на тёмной ткани.

— Ты ранен. Вот же оболдуй! Почему не сказал? — она принялась пояс его расстёгивать.

А Чаян просто наблюдал за ней. Уж как много мечтал о том, как станет Елица его раздевать. Да только, конечно, не в таких скверных и тревожных обстоятельствах.

— Ничего страшного, — попытался успокоить он её. — Царапина только. Сейчас отдохну чуть. А там подумаем, что дальше делать.

Но княженка и не послушала даже. Стянула одежду с него, заставив приподняться. Покачала головой сердито, будто он сам по неосторожности и недомыслию на ветку острую напоролся.

— Страшно, не страшно. А хорошо бы промыть и перевязать.

Она встала неуверенно — всё ж качало её немного по-прежнему — и пошла к воде, прихватив рубаху Чаяна. Там намочила её и вернулась. Обожгла холодом вода горячий бок, но как будто и взбодрила слегка.

Елица рану осторожно промыла, а после сняла с пояса Чаяна нож и ловко отрезала от подола своего длинную полосу ткани. Перевязала туго поперёк пояса, и только тем, верно, немного успокоилась. Хоть и без того ничего совсем уж плохого с ним не случилось бы. Чаян сидел, прислонившись спиной к стволу, и всё взгляда не мог оторвать от стройных лодыжек Елицы, что открылись из-под укоротившегося подола её. От округлых косточек щиколоток, от ступней аккуратных в тонких кожаных черевичках. И то ли боль разум дурманила, то ли усталость страшная: уж сколько он по лесу бежал, не замечал, как вёрсты отмахивает — а вспомнил о брате вовсе не сразу,

за мороженый этим тихим уединённым мигом, что Елица была рядом с ним, касалась его, заботилась. И смотрела — только на него.

Да и княжна, кажется, забылась немного, погрузившись в хлопоты вокруг Чаяна. Но, как закончила, вдруг замерла, опустив руки на колени. А после закрыла ладонями лицо и заплакала. Чаян встрепнулся тут же, схватил её за плечи, притягивая к себе на грудь.

— Не бойся, Елица, — зашептал, глядя её по растрёпанным волосам, мягким таким, словно вода по ладони перетекала. — Они уйдут в лес. Если совсем худо придётся. Только задержат татей немного. И уйдут. Леден не дурак совсем. И не хочет погибнуть раньше времени. И Брашко. Он сильный уже. Толковый и умелый парень. И парней хороших Макуша к нам прислал.

Елица замотала головой, вжимаясь в его плечо.

— Их так много. Так много, — запричитала глухо.

— Не так уж их много, — Чаян прижался губами к её виску.

И самому не больно-то верилось в собственные слова. Повезло ещё, что люди Макуши намеренно попались им навстречу. Иначе вовсе пришлось бы худо. А кто ж был те напавшие — на татей обычных не приходили как будто. Слишком умелые. Слишком немного их было, чтобы на отряд налететь — не побояться. Те обычно большой ватагой насакивают. А тут словно уверены были в том, что одолеют почти десяток мужиков вовсе не слабых.

— Ты ещё раненый, — упрямо возразила княжна, отлипая от него. — Тоже беда.

Да только отпускать её совсем не хотелось. Она взглянула исподлобья, уже уняв нежданные слёзы. Вытерла щёки.

— Ранен, и что ж? — Чаян пожал плечами, продолжая гладить её укрытую волной медовых волос спину.

— А то, что тебе сейчас покой нужен. И, коли нападут на нас, так...

— Как нападут, стоять буду за тебя до последнего, — резко оборвал он её. — А ты побежишь дальше. Скроешься всё равно.

— Беспечные вы, мужи, — с укором буркнула Елица. — Как будто жизнь ваша для вас ничего не значит. Как будто не рана у тебя сейчас на боку, а и правда царапина. А я не могу так...

Чаян скользнул руками по её плечам вниз и взял маленькие ладошки в свои.

— Пока ты рядом со мной, Елица, всё будет хорошо. И всё мне будет нипочём, — он приложил её прохладную от речной воды кисть к своей груди, давая почувствовать, как бьётся его сердце.

Даже сейчас — взволнованно. Хоть дыхание уже давно успокоилось, и спал с тела жар после долгого бега. Так хотелось, чтобы провела она вдоль мышц пальчиками своими, чтобы посмотрела на него — и понятно стало сразу, что все его тревоги напрасны. Он подался вперёд, сторя до золы горячей от желания немедленно поцеловать её. Но княжна отстранилась и руку отдёргнула всё же, глядя будто бы сквозь него. Блуждая мыслями совсем в другой стороне. Никак о Ледене вздыхает, переживает за него страшно.

— Я не смогу всегда быть рядом, Чаян, — сказала вдруг, и внутри будто что-то умерло. В один миг. Но он смолчал, ожидая, что ещё будет. — Было б при мне обручье то, я его вернула бы тебе сейчас.

Елица подняла на него взгляд спокойный, словно наконец нашла она в душе своей мир, уверилась в том, как поступить для неё должно. И хотелось сейчас липу эту с корнем из земли выдрать, но Чаян не мог с места сдвинуться — такое потрясение навалилось, что впору свихнуться. Всё смотрел он на княжну, каждую черту её лица запоминал. Может, искал что-то, что сказало бы: слух его подвёл, вовсе не то Елица имела в виду.

— Стало быть...

— Другая тебе судьбой предназначена. К тому же проклятие твоё и Ледена я на капище старом сняла, оказывается. Теперь семья у тебя будет хорошая — уверена. А я... Я не могу с тобой быть, — княжна улыбнулась печально и развела руками. — Прости, что так долго мучила. Что ответа не давала. Хотела сама понять, но только путалась сильнее. А сейчас. Всё так ясно в голове. В мыслях...

— И кто же там? — Чаян упёр взгляд в свою сжатую на колене ладонь.

Разодрать хотелось кожу собственную, вцепиться в мясо, чтобы задурманился разум, вылетело из него всё, что билось сейчас там со словами Елицы. Больно, оказывается — до пятен сизых перед взором, до пепла в в горле жгучего — когда своими руками желанная, любимая женщина себя из твоей груди выдирает. С жилами всеми, с частью души. Уничтожает все чаяния, растирает в пыль своими нежными ладошками, которые целовать хочется, сжимать в своих и не отпускать

никогда. Но они всё ж выскальзывают неотвратно из пальцев — и только смотреть на это остаётся. Ничего поделать нельзя, никак остановить, потому что уже решила она всё.

— Ты разве хочешь знать ответ? — Елица покачала головой. — Разве он нужен?

— Хочу, — Чаян снова голову вскинул, цепляясь взглядом за княжну. — Хочу услышать от тебя.

— Ты же понимаешь...

Елица не договорила, насторожилась, словно куница — прислушалась. А там и он услышал шорох отдалённый, что приближался очень быстро. Точно кто-то очень торопливо шёл, путаясь ногами в траве. Чаян встал, на ходу подхватывая меч — тот выскользнул из ножен, удобно ложась в ладонь. Одним движением резким он подтолкнул Елицу себе за спину. Только увидеть, кто идёт, а там пусть княжна бежит, укрывается в лесу, который наверняка примет её, не обидит.

Тёмная фигура высокого мужчины показалась среди ветвей. Он шёл уверенно и даже под ноги не смотрел, будто другие следы вели его. Чаян прищурился. Мгновение узнавания — и Елица бросилась навстречу пришлому.

— Леден!

Тот прибавил шаг, а Чаян вновь опустился на землю, царапая голую спину о шершавый ствол липы, по которому сполз. Он не хотел смотреть, но и не мог оторвать взгляда от того, как метнулась княжна к брату, будто вспугнутая птица из травы. А тот лишь объятия успел раскрыть, как она уж оказалась в них. Ни доли сомнения не было в движениях Ледена, ни капли — самой малой — недоумения или растерянности.

— Живой, — почти простонала Елица, цепляясь пальчиками за рубаху его, всю в пятнах крови. — Я уж думала... Испугалась...

Она ткнулась носом ему в плечо, сгребая рукава его в кулаки. Леден с наслаждением, прикрыв глаза, вдохнул глубоко, как окутали его лицо волосы княжны, а после глянул на Чаяна поверх её макушки. Спокойно, без сожаления. Он знал, похоже, что Елица теперь его. Вся его — любой поймёт. Он гладил её спину размеренно, с нажимом и тихо шептал на ушко то, что было только для них двоих предназначено.

— Ты как? — бросил Чаяну, повышая голос. — Назад идти можешь?

Тот кивнул и встал, цепляясь за липу. А Елица всё держала брата, обхватив руками. И казалось, никакая сила уже не сможет её от него оторвать. Внутри, где-то в груди, саднило люто — перекрывало даже боль от ранения, что вспыхнула снова от неосторожного движения.

— Ты как так быстро нашёл нас? — Чаян подошёл, закидывая рубаху на плечо. Кабы не сожрали комары, да натягивать мокрую одежду вовсе не хотелось. — Следы должны были потеряться. Мы по реке шли.

— Я по другим следам шёл, — усмехнулся братец.

И верно. Куда уж бороться теперь с той связью между ним и Елицей, что зародилась где-то там, вдали от Чаяновых глаз. И хотелось злиться, хотелось кричать и упрекать в случившемся хоть кого-то. Да только толк от того какой? Кого он заневолит своей яростью, кого испугает?

Леден повёл всех обратно, не выпуская из своей руки ладони Елицы. А она всё прятала взгляд от Чаяна, отворачивалась как будто нарочно. Верно, считала, что должен он осерчать на неё сильно. Он и хотел бы... Да не мог — разве можно на сердце собственное обижаться за то, что бьётся оно? И не мог он не смотреть на княженку, всё перекаывая в мыслях слова её последние. Не верил, не желал принимать, хоть то, как жалась сейчас она к плечу брата, как перебирала пальчиками его пальцы, словно хотела ухватиться за него ещё крепче, говорило ещё красноречивее: рядом с ней больше нет никому места, кроме Ледена.

Дошли до разгромленного лагеря быстро, гораздо быстрее, чем бежали они с Елицей прочь из него. Ещё издали повеяло сквозь частокол сосен пожаром — не ласковым дымом уютного костра, а разрушением и смертью. Сгорел один шатёр, в котором ночевала Елица. Мужики вытаскивали из-под обломков тело Боянки, которая погибла зазря. Мёртвый, обгоревший Радай уже лежал в стороне. Его ещё можно было узнать, хоть весь он был покрыт копотью и запёкшейся кровью.

Парни, что приехали на подмогу из Яруницы, остановили всю работу, посматривая на Чаяна и княжну с облегчением и усталостью.

Кажется, все были целы, да и тел напавших оказалось не так много — всего трое — их уже оттащили прочь.

— Они сбежали, — пояснил Олесь. — Как поняли, что здесь им дадут отпор достойный, не захотели жизни положить. Да и увидели, что вас с княжной здесь нет.

Чаян кивнул только, озираясь. Столкнулся взглядом с Брашко, который, совершенно измотанный, сидел у затоптанного кострища, опустив локти на колени. Он сразу бросился сражаться за княжича, которому служил с самых юных лет. А вот Радай оказался предателем. Сколько разочарований, которые ударили под дых сильнее опасности, случилось нынче. Кабы всё осмыслить теперь.

Леден провёл Елицу к целому шатру — своему. И они укрылись там вместе. Чаян подошёл к телам напавших, оглядел их внимательно: этих мужей он хоть и не знал хорошо, да видеть приходилось.

— До завтрашнего утра отдыхать не станем. Сегодня же в путь, — бросил парням, что смотрели на него с ожиданием. — Очень я хочу со Знаславом поговорить...

Те закивали, как один и снова принялись разбирать погром.

ГЛАВА 16

— Здесь останься, присядь, — тихо проговорил Леден, проводив Елицу в свой шатёр. От её укрытия осталась только кучка пепла да золы остывающей.

Княжич прислушался к разговору мужей снаружи, встревожился сильно, заслышав имя стрыя. Но как Елица не хотела сейчас его руку отпускать, но и удерживать одной своей прихотью не могла. Много недоброго случилось за это утро, и о многом надо теперь им с Чаяном поговорить, многое решить. А после им и о своём, верно, можно будет перемолвиться.

Она только вслед Ледену глянула, как вышел он прочь, огляделась кругом — и захотелось так Боянку кликнуть, да только сразу мысль пришла тяжёлая, что погибла она. Встала на пути Радая, как тот за княжной пришёл — то ли пленить, то ли убить вовсе. И не поняла она, как такое случилось, как не побоялась отрока челядинка, почти всегда незаметная. А ты ж погляди — заступилась, как за родную. Елица села на сундук ближний и закрыла лицо руками, вдыхая запах воды речной, что на ладонях остался, и запах Ледена тоже — вперемешку с кровью, пролившейся сегодня здесь. Сколько ж её будут смерти людские преследовать?

Вошёл Брашко, принёс воды ведро из родника и оставил его рядом.

— Чаян Светоярыч велел в дорогу собираться, — сказал и скрылся снаружи, ничего не добавив.

Елица умылась — и как будто полегчало немного. И только вытирая лицо рушником, который тут же нашла, она заметила, что сундук её, оказывается, уцелел в огне — его уже притащили сюда, весь чёрный от копоти — и поставили рядом с ларем княжича.

Елица присела на корточки перед ним и откинула крышку. Быстро рубаху переменяла на чистую, расчесала космы спутанные и заплела косы. А там и понёву уж достала, но наткнулась взглядом на обручье, что в ворохе её одежды лежало. Она взяла его и повертела в пальцах, разглядывая умело выполненные, тонкие узоры на нём, невольно прислушиваясь к гомону мужчин снаружи. Те обсуждали громко, что

тела погибших придётся вернуть с сопровождением в Полянку: пусть там устроят по ним бдения и погребут, как надобно. Не бросать же здесь — пусть даже и тех, кто напал.

Разговор помалу стих и метнулся воздух тёплый снаружи, как вошёл в шатёр Леден. Остановился у полога закрывшегося, глядя на Елицу издалека. Юркнул за ним и Брашко, да княжич что-то тихо ему сказал и отослал прочь. Подошёл медленно, навис, склонив голову.

— Что, думаешь надеть? — кивнул на обручье в руке Елицы.

Ни тени злобы в голосе или обиды. Знает всё уже, но от сомнений последних избавиться, видно, не может. Не верилось ему, наверное. Да и ей пока тоже, признаться. Елица опустила обручье назад в сундук, оставив его открытым — чтобы не забыть после.

— Нет, — сказала спокойно. — Отдам Чаяну сегодня. Я решила всё. И коли хочешь ты того же...

— Хочу. Ты не представляешь, как сильно. Да только уверена ты, что проклятый всеми мирами нужен тебе на всю жизнь?

— Уж не знаю, как в других мирах, а в этом нет больше на тебе проклятия, — Елица подошла чуть ближе, всматриваясь в пасмурную глубину его глаз. — И жизнь мне не нужна такая, в которой тебя рядом со мной не будет.

Леден, кажется, и не ожидал такое услыхать: об освобождении хоть от одной напасти. Он улыбнулся сдержанно — как и всегда. Но даже от этого короткого, но тёплого проблеска что-то в груди дрогнуло. И лёгкое покалывание пробежалось по ладоням: коснуться его захотелось немедленно. Да Леден погас вмиг и опустился на ларь, что недалёко от лежанки его стоял. Запустил пальцы в волосы, разодрал пряди чуть спутанные с тихим вздохом.

— Я не хочу тебя неволить, Елица, надеждами пустыми к себе привязывать, — проговорил, вновь поднимая на неё взгляд. — Настаивать рядом со мной быть, коль скоро это для тебя опасно. Но ты знай: другой нет для меня. Нет никого больше. И попросить только хочу дать мне время понять, что делать дальше. Как преодолеть это, найти выход, освобождение от Мораны. Если ждать будешь...

— Не буду, — она покачала головой, делая ещё шаг к нему. — Не буду ждать. Хватит.

Показалось, лёгкое смятение пронеслось во взоре княжича. Он застыл, скованный то ли ужасом, то ли растерянностью. А она

улыбнулась только: надо ж, напугала. Приблизилась неспешно, опустила ладони на его голову, скользнула ими по вискам, огладила скулы и щёки, покрытые длинной мягкой щетиной. Леден обхватил её за талию и вжался лицом в живот, вдохнул медленно, поглаживая спину.

— Ты пламя моё, Еля, — шепнул. — Мне кажется, что внутри уже ничего не осталось, кроме него.

Он встал, скользя руками вверх, к плечам, остановился на лопатках и к себе её прижал. Вдавил в грудь свою — и будто дыхание одно на двоих стало. Леден склонился и завладел губами Елицы, а она просто отдалась полностью на волю его, принимая, раскрываясь в ответ. Он гладил косы тяжёлые, спину и округлости — поверх рубахи. И казалось, что ткань вспыхнет вот-вот — и тогда наконец не останется никаких преград между ними. Елица расстегнула ворот рубахи, испачканной в засохшей крови и позволила себе хотя бы ладони под него сунуть, пока целовал княжич её неспешно и глубоко. А после стянула вовсе и в сторону отбросила. Прохладная кожа его не остужала пыла, что охватывал всё крепче горячим коконом, дурманил мысли и сбивал дыхание в тугой комок. Но губы Ледена были такими притягательными, что не оторваться никогда. Никогда не насытиться вкусом их и влажной мягкостью.

И легко так становилось в голове от слов высказанных, от принятия друг друга, от обещания — пуст и прямо не высказанного — быть теперь вместе. Елица готова была пойти дальше с ним — дорогой, которая, может, приведёт их к отгадке, как от власти Мораны избавиться, ведь не даст та покоя. Главное, что они будут рядом. А там, может, научатся чему, сумеет Леден собой владеть, коли случится не раз ещё такое, как шагнёт он за грань во сне. Порознь они этого никогда не узнают. Можно бежать друг от друга, сторониться и сетовать на недолю, которая бросила между ними такую пропасть — но уж поняли они оба, что не принесёт это им спокойствия, не сделает счастливее.

— Идти надо, — Елица с трудом прервала поцелуй. — Только нас, верно, ждут.

Опустила взгляд на губы княжича, прижимаясь лбом к его лбу. Он улыбнулся слегка, унимая дыхание собственное. Но всё ж отпустил, напоследок смяв пальцами кожу на талии Елицы через рубаху. Она

едва удержала стон, что кинулся наружу по горлу, но так и не излился. Подхватил с сундука Леден понёву, которую она подготовила, чтобы надеть, подошёл со спины и обхватил её бедра её, неспешно завязывая тесьму на поясе. А сам прижался губами к шее сзади, открытой, пока повой не надела. Елица поёжилась притворно, а сама даже глаза прикрыла — как хорошо.

Да тут же улыбка с губ сошла, как провёл ладонью Ленен по её животу вверх и стиснул грудь через рубаху. Прошёлся кончиком языка по чуть влажной от охватившей тело истомы коже и губами прихватил. И пыхнуло внутри жаром нетерпеливым — не удержать, кажется.

Но, заранее громко кашлянув, вошёл Брашко — словно за них всё решил. Упёр взгляд в землю нарочно, чтобы, верно, не застать ничего непотребного. Да княжич и рук не убрал, продолжая держать Елицу за талию крепко. Уж от отрока своего, видно, ничего скрывать теперь не желал.

— Идём мы, идём, — буркнул с нарочитым недовольством.

Быстро обтёрся он влажным полотенцем и другую рубаху надел, поглядывая на отрока, который встал в ожидании у входа, всем видом своим подгоняя. Елица краснела отчаянно, не зная уже, как с этим справиться, да как сейчас на глаза мужам показаться, когда наверняка они уже догадались, что княжича вместе с ней так в шатре задержало.

Но оказалось всё не так страшно, как Елица успела себе придумать. Парни притихли, как она появилась перед ними, стёрли с лиц скабрёзные ухмылки. И, думается, причиной тому стало не столько их желание не смущать княжну, сколько грозный и мрачный, что тёмная пещера, взгляд Чаяна, который наблюдал за всеми пристально. И каждый, кто натыкался на него, тут же терял всякое желание уколоть младшего Светоярыча беззлобной поддёвкой или многозначительным взглядом. А уж Елицу — и подавно.

Она прошла между мужчин прямо к Чаяну, чувствуя холод серебра в сжатой ладони, что ничуть не отступало под её теплом. Остановилась напротив, приподняв голову, чтобы в глаза его смотреть. Тот нахмурился, вздохнул тихо и руку подставил, всё сразу распознав. Парни совсем замолчали: кто пошёл помогать сворачивать шатёр оставшийся и вещи в телегу грузить, кто кто лошадей выводить.

— Значит, всё ж твёрдо решила, — Чаян опустил взгляд на оставшееся в его руке обручье. — А я уж подумал было, что со страху

глупостей наговорила.

— Твёрдо, — она кивнула. — Маяла тебя неведением. Прости. Думала, что сумею переступить через то, что сильнее меня оказалось. Сильнее нас всех. Но не сумела. Только сердце себе изодрала. И тебе, наверное, тоже.

Чаян посмотрел поверх её плеча на Ледена, который стоял в стороне, ожидая, но не вмешиваясь.

— Не думал никогда. Что Леден сумеет к кому-то так привязаться. Кого-то... полюбить. Всё кажется, ты одна такая на свете. Как светило маленькое. Отходить от тебя никуда не хочется, — он улыбнулся криво. — Потому и он не устоял. Как тут... устоишь.

Чаян махнул рукой досадливо и убрал обручье в поясной кошель.

— Ничего, найдёшь ты ещё свою княгиню, — Елица легонько тронула его за локоть.

— Так я и не князь.

— Станешь. Не позже, как Сердце вернётся. А я верну его на ваши земли. Обещаю. И перед людом вашим обо всём расскажу — не утаю. А пока, ты уж прости, промолчу о том, где Сердце. Так лучше будет.

Она повернулась и пошла к Ледену. Тот протянул руку ей навстречу, и она вложила ладонь в его надёжные, ласковые пальцы. Княжич помог подняться ей в повозку, куда уложили все вещи. А в той телеге, что взяли на время у старосты Берибора, уместили тела, чтобы отвезти в Полянку. Отправляли с ними одного из ярунчан — остальные собирались княжичей до самого Остёрска провожать. Как закончились последние хлопоты, расселись все в сёдла — покинул отряд место недоброе, где случилось нежданное нападение. Никому здесь оставаться не хотелось.

День ото дня приближался Остёрск, и мужи невольно торопились туда добраться. И радовались, что не случается больше никаких трудностей или опасностей, что могли бы стоять кому-то жизни.

Всё ждали Светоярычи, что вдругорядь пришлёт своих молодцев стрый: теперь уж ещё больше, чтобы не отбились. Но то ли не захотел тот совсем открыто в своих намерениях признаваться, то ли отступился, одумался. А может, и выжидал чего.

Казалось, не так давно уехали из Остёрска, а как будто поменялось что-то за то время, что не было княжичей там. И в весях,

что проезжали по дороге, люди как будто другими немного стали: встречали приветливее и говорили всё о добром. Что, даст Лада, будет этой осенью урожай гораздо лучше, чем в былые годы. Боялись всё ж, чертили в воздухе охранные знаки, чтоб не сглазить, но и радостью не могли с молодыми княжичами не поделиться.

Те удивлялись немало и всё на Елицу поглядывали озадаченно. Ведь думали, что хоть и знает она, где Сердце, да пока что ещё не нашлось оно по-прежнему и где-то далёко отсюда. Но не терзали расспросами, не пытались выведать раньше времени. А Елице и оттого уже хорошо было, что начинает всё неведомо какой силой налаживаться. И хотела она с Леденом поговорить о том, что Сердце вернётся в землю здешнюю уж больно хитрым способом, а всё чего-то смущалась. Пусть всё своим чередом идёт. Пока достаточно было ей того, что он почти от себя не отпускал. Ночевали, конечно, отдельно: зачем лишние толки будить, да тело всё ныло в ожидании хоть единого мгновения наедине.

Как минули Яруницу, так долетели в спину слухи от людей переходящих, что войско остёрское, которое стрый Знаслав отозвал из-под Велеборска, уже близко от города. Чаян расспросил знающих, кто видел, в какой стороне оно теперь, а после и приказ отдал: вставать лагерем и дожидаться. А сам, взяв всего двоих парней из ярунчан, навстречу ему отправился. Уж о чём он с Буяром поговорить успел, а только вернулся с отрядом гораздо большим. После Леден Елице рассказал, что, узнав о подлости стрья, воевода Светоярычей без раздумий во всём поддержал. И сказал, что, коли придётся — Остёрск отбивать будут.

Немало порадовало это, но и встревожило тоже: не хотелось, чтобы братья против крови родной боем шли. Чтобы люди, которые уж поверили, что всё на лад пошло, снова страдали от распрей у стола княжеского и вражды жестокой: а та, коли завяжется, коснётся их так или иначе.

Да, видно, другого пути у них не оставалось. Так, с крепкой подмогой и войском Буяра, что отставало всего на день, добрались до Остёрска. И совсем уж неожиданно распахнутыми для княжичей оказались ворота; никто не пытался их остановить. Стража под заборами лишь глянула строго, но тут же братьев узнала — и лишь приветствия от них слышались, как будто чуть растерянные. А

посад нынче наполняли хлопоты приятные: скоро Купалу справлять, праздник большой и светлый. Один из самых важных за весь годовой круг. И люди, завидев на улице мощёной отряд Светоярычей, радовались их возвращению. Верили, похоже, что не вернулись бы те без хороших вестей — а раз под коловорот летний, так и вовсе добрый знак.

Как добрались до детинца, стало вмиг так тесно от высыпавшего во двор люда: челядь, стража, дружинники — все поспешили встретить вернувшихся княжичей, будто ждали уже давно. Вышла одной из первых Любогнева, едва сдерживая улыбку, пытаясь сохранить степенность, ей присущую. Да только обожгли её сыновья холодностью супротив того, как встретились они с матерью в прошлый раз. Княгиня и растерялась, кажется, но скоро взяла себя в руки. Только зашарила взглядом по лицам, по двору, как отошли от неё сыновья после коротких, почти мимолётных объятий. Отыскала Елицу, вперилась в неё и показалось — поняла всё тут же.

Никто того не ждал, но вышел на крыльцо стрый Знаслав, приветливый такой же и шебутной, как и обычно. Как будто не мыслил совсем недавно зло против братичей своих. Одно ему, верно, и оставалось: вид делать, что ничего худого в его намерениях никогда и не было. Только взглядом тревожным обвёл он воинов, которые сопровождали княжичей — склонился к отроку, что подбежал к нему что-то передать. Да так и обомлел, дёрнув желваками. Неведомо что его ждало с возвращением братьев: часто приходилось слышать, как и вовсе Чаян хочет казнить его. Может, задобрить он чем думал теперь их, отговориться ли от обвинений — а спустился быстро к родичам своим, улыбаясь во весь рот. Побагровела шея Чаяна, сжались губы Ледена в твёрдую линию от гнева, вспыхнувшего в обоих их сердцах одновременно, но ни один ничего пока прилюдно стрью не высказал. Похлопали друг друга по плечам, обменялись приветствиями скупыми — мир да лад, кажется. Да только одно можно было заметить, если наблюдать внимательно: поданной руки Знаславу не пожал ни тот, ни другой Светоярыч.

— Вече созывай, — только и бросил ему громко Чаян, проходя уже мимо. — Есть нам, что людям и боярам сказать теперь.

Выбежала навстречу Елице Вея, как не дошла та ещё до терема. Обняла тут же, выдирая её из рук Ледена.

— Ох, боялась за тебя люто. Всё сны мне какие-то нехорошие снились, — причитала наперсница. — Почти каждую ночь. Думала уж за тобой ехать, искать.

Она выпустила Елицу из объятий, осмотрела всю с головы до ног.

— Всё хорошо, — та пожала её ладони. — Всякое было. Но закончилось. А теперь... Теперь уж только лучше станет.

Вея улыбнулась дрожащими губами, как будто слёзы сдерживала.

— Похорошела-то как! И раньше-то... А теперь и вовсе глаз не оторвать.

И покосилась понимающе на Ледена, который стоял тут же, ожидая, как приветствие пылкое уже закончится. Елица и зарделась невольно: пробежался жар по щекам, поднялось тепло от груди самой к шее.

— Как Радан? — решила она увести разговор от себя в сторону.

— Как, — махнула рукой наставница и повела её дальше к терему. — Поправился совсем. Уж бегают с отроками снова да впереди них. А Боянка-то где?

Вея обернулась даже, быстро пробежав взглядом по двору.

— Погибла Боянка, — ответил за Елицу Леден. — Княжну уберегла.

Женщина ахнула тихо, приостановив шаг. И пришлось уж теперь вести её, онемевшую, дальше, в свою горницу, привычную с тех пор, как довелось в Остёрске пожить. Там Вея и всплакнула всё же, горюя о челядинке заботливой и отважной, как оказалось. И Елица вновь о ней вспомнила всё до мелочей. Теперь вина за смерть девушки навсегда в душе останется, хоть и убили её волей Знаслава.

Пропали Светоярычи совсем, как оказались в родных стенах. Не видно было и стрыя их. Только Вея сказала, что засели они в общине за разговором серьёзным и долгим. Прямо туда относили отроки им братины и ендовы с квасом. И снедь прямо из поварни. И даже гридней у двери поставили, чтобы никто лишний не беспокоил. Тревожно так замирало сердце при мысли о том, что сейчас решают между собой мужи. Уж, верно, и выскажут братья всё Заславу, а может, и обвинят вовсе, не дожидаясь, как люди соберутся на вече. А там кто знает, не обернётся ли чем худым.

Но мужи из общины выходили редко, словно продышаться, а после возвращались туда — и весь детинец замирал в ожидании того,

что решат обретшие неведомую силу княжичи и стрый Знаслав, который и укрепиться ещё на столе не успел, как вернулись наследники Светояра.

И хотела Елица провести это время в неведении да одна — никого, кроме Вей, не пускать к себе — а всё равно не удалось. Собиралась сесть за рубаху для Ледена, которую давно уж задумала ему сшить и вышить после, как заглянула сначала в горницу наставница, огляделась быстро, а там пустила вперёд себя Любогневу.

Надо же, изволила княгиня поговорить с Елицей, от которой нос воротила всё то время, что пробыла она в Остёрске прошлый раз. А тут смотрела заинтересованно и как будто вовсе не зло. Махнула она рукой Вее — уходи — та задержалась немного в дверях и вышла только после того, как княженка ей кивнула.

— Здрава будь, княгиня, — она отложила в сторону хороший отрез крашеного льна, который и хотела пустить любимому на рубаху.

Купила его уж давно, ещё на торгу в Велеборске. С тех пор тот лежал на дне ларя, который и отправился с ней в дорогу. Кажется, что случайно, хоть добрая ткань даже в пути может порой пригодиться. Мало ли. Но сейчас ей виделся в том некий знак судьбы. Не зря он катался с ней вместе по весям.

— И тебе поздорову, княжна. Хоть виделись уже нынче.

Любогнева прошла дальше, как будто каждый шаг отмеряя, и села напротив, на ту же лавку, бросив короткий взгляд на аккуратно свёрнутый лён.

— Слыхала, ты отыскала всё ж Сердце, — продолжила она размеренно. — И на вече всем расскажешь о том.

— Я знаю, где оно, верно, — Елица улыбнулась скупой. — И знаю, как вернуть его в ваши земли, вернуть потомкам Милогнева. Только дело это, может, небыстрое.

Княгиня вскинула плавно изогнутые молодым месяцем брови. Неведомо, чего ожидала: что Елица всё, как на духу, ей выложит? А может, пришла и вовсе не за тем, чтобы выведать, где Сердце, воззвать к разуму и совести, уговаривая всё ей рассказать.

— Ещё я видела, что с Леденом вы сошлись близко, — наконец повернула княгиня к тому, что, видно, волновало её гораздо больше. — Думаешь, разумно это?

Она попыталась улыбнуться даже, да не слишком у неё это вышло. Как бы ни пыталась она сдерживать сейчас неприязнь, а всё равно та нет-нет, да и проскальзывала в холодном её взоре.

— Иногда мне кажется что я размышляла над этим слишком долго, — Елица провела ладонью по гладкому свёртку синей тканины.

Княгиня проследила за её жестом.

— Ему одёжу справить решила? — качнула головой.

— Ему.

— Признаться, я думала, что Чаян сумеет быстрее тебя окрутить, — усмехнулась Любогнева. — У Ледена были девицы мимолётные порой, да ни к одной он надолго не привязывался. Думаешь, с тобой будет по-другому? Не боишься, что сердце тебе разобьёт?

— С каких пор ты стала заботиться о моём сердце, княгиня? Или считаешь, что Чаян больше достоин, чем Леден? А нет в том правды. Оба они достойные. Да только каждый своего. И у Чаяна теперь судьба своя будет. После всего, что случилось.

— Какая судьба? От девицы к девице вновь перебиваться? — княгиня махнула рукой. — С тобой рядом он горел. Так же, как рядом с женой своей погибшей. Жениться женится, может. Да ни любви там не будет особой. Ни детей.

— Коль ты о проклятии, то я разрушила его, — как будто невзначай уронила Елица.

И заметила, как лицо княгини застыло на миг, будто ушам она своим не поверила. Медленно та вновь перевела взгляд на неё и остановила. словно утоп он сейчас в глубине неведомой — прошлого. В которую Елица всё ж сумела заглянуть хоть мимоходом и ненадолго.

— Как ты сумела? Ты... — не нашла она больше слов.

Схватила за повязанный вокруг шеи платок, словно дышать ей стало трудно.

— Как сумела, то наука для тебя бесполезная, — Елица пожала плечами. — Но в том, поверь, спасение для Остёрска и всех земель, что под его властью находятся. И видела я достаточно, чтобы смотреть на тебя так же, как ты смотришь на меня сейчас, хоть я ни в чём перед тобой не виновата, — в груди словно закипало что-то, разгоняя по телу горячечный гнев. словно только сейчас, оказавшись рядом с княгиней, она осознала до конца, что та однажды натворила. — Только ты

виновата в том, что с твоими сыновьями после случилось. Из-за ревности. Убить мою мать хотела...

— Не хотела я её убивать, — повысила голос Любогнева. — Светояр сам её оттолкнул. Испугался того, что случилось между ними. А я... Просто припугнуть её хотела, чтобы отвести от него. Молодая была ещё. Чайном тяжела тогда. Не знала, что до такого дойдёт. Что окажется она в силе проклясть моих детей.

— А после всю жизнь боялась, — добавила Елица уже спокойнее, — что Отрад объявится совсем и Чаяна потеснит?

— Он и потеснил бы. Кто бы ни победил: Борила или Светояр. Но я не желала ему смерти. И не желала небытия без наследников. Но так уж Макошь посудила. Или Перун.

Княгиня замолчала, опустив голову.

— Ты права, княгиня. Я едва не довела до распри между твоими сыновьями, — после недолгого молчания вновь заговорила Елица. — Но я сумела понять, что мне нужно на самом деле, раньше, чем случилась беда. И мне жаль, что мать и отец... Что ты и Светояр не сумели понять это так же.

— Ты ведь сумеешь спасти Ледена, — сказала вдруг княгиня тихо. — Вы связаны с ним особо. Я это ещё тогда заметила. Ты сумеешь его спасти? Освободить?

Она подняла взгляд — совсем пустой, будто помертвевший. Словно водой талой залило его до краёв воспоминаниями о прошлом. И тревогой за детей своих — как всегда.

— Я сделаю всё. Всё для этого.

Любогнева улыбнулась одним уголком рта. А после вдруг поднялась, глянула снова на отрез для рубахи его. Кивнула одобрительно.

— Справная выйдет рубаха. И цвет прямо для него.

Она повернулась и вышла из горницы.

Показалось, на нынешнее вече бояре со своими ближниками собрались ещё скорее, чем в прошлый раз. Хоть и погода вдруг, сохраняя ведро все те дни, что ездила Елица со спутниками до Полянки и обратно, вдруг решила напустить хорошего дождя. Собрались накануне тучи крутобокие над лесом, поползли к Остёрску, навалились тяжёлыми валунами — и открыли все хляби, что в них

хранились. Всю ночь стучал дождь по крышам, по листве лип и берёз в саду. И, кроме голоса его, не слышно было больше ничего.

Утром разбудила Елицу Вея. Ливень стих, только падали его остатки с ветвей и козырьков крыши, расплёскиваясь по мокрой траве. Как вышли они с наперсницей к вечернему полю, так издалека ещё заметили, что народу там собралось немало вовсе. Толпились ещё поболее, чем в тот день, как выбрали Знаслава князем. Уж так им, верно, узнать хотелось вести о Сердце, которых все ждали с каждой седмицей всё сильнее.

Стрый Знаслав уже был там. Не стал он садиться в кресло рядом с тем, что для Любогневых поставили, встал на том же помосте, куда братьям надо было подняться. Кивнул Елице приветственно и вдаль вперился задумчиво, словно гадал, какая нынче судьба его ждёт.

Всё повторялось как будто. Точно утро то первого вечера по второму кругу наматывалось на ворот жизни. Но странно, не было ни мига, когда взволнованно зашло бы сердце, хоть и многое надо было Елице перед людом рассказать. Перед боярами и волхвами. Они тоже были здесь: мужчины и женщины, молодые совсем, только принявшие мудрость Богов, и постигшие многие её глубины.

Елица скользнула взглядом по их лицам. Задержалась только на Ерше, который смотрел и вовсе невозмутимо, устало даже.

Только раз в груди замерло — как пришли братья, и все на них тут же заоборачивались, расступились почтительно, пропуская, переговариваясь тихо о них между собой и провожая любопытными и ожидающими взглядами. Казалось, княжичи не беспокоились ни о чём. Несли в себе решительность твёрдую сделать всё, чтобы нынче выбор оказался правильным.

Леден подошёл к краю помоста, удерживая взгляд Елицы, замечая улыбку лёгкую, что пробежала по губам, только ему предназначенную. Она стиснула пальцами ладонь, которую он ей подал, опёрлась чуть сильнее, чем нужно — чтобы соприкосновение их было теснее в этот миг. И заполыхало всё внутри лишь от того, что видела она его перед собой, такого близкого, открытого — её, всего без остатка. И слов не надо было, чтобы это понять и ощутить.

— Нынче княжна Велеборская говорить желает, прежде чем мы судить будем, кто дальше стол княжеский занимать станет, —

заговорил он громко, провожая Елицу в серёдку. — И нам есть, что сказать. А уж верить тому или нет — то народу решать надобно.

Она встала между ними с Чаяном, посмотрела внимательно на Знаслава, который оглядывал её беспрестанно: уж верно, как узнал, что тайна Сердца стала ей известна, так возжелал сильно, чтобы в руки она его попала. То ли просто вывести всё хотел. То ли и вовсе своей делать — то, что моложе его сильно, никогда для мужчин преградой не было. А место меньшицы рядом с ним, кажется, было по-прежнему свободно.

О том только и гадать остаётся.

— Да, я хочу сказать многое, — кивнула Елица и медленно забрала свою руку из пальцев Ледена, хоть и хотелось задержать её. — Перед людом остёрским. И перед боярами почтенными, — она повернулась к ним и поклонилась слегка, как подобает перед старшими. — А прежде всего хочу сказать, что княжичи теперь от проклятия, которое долго над ними довлело, избавлены. И Сердце Лады... Сердце Лады найдено.

Она набрала в грудь воздуха, чтобы продолжить, да прервал её гомон всколыхнувшийся от края до края вечернего поля. Даже бояре загомонили, словно мальчишки: встревоженно и радостно, переглядываясь и хлопая друг друга по плечам, будто победили в какой-то давней битве, которая пила из всех силы год за годом. Да так оно и было, если подумать. Сколько было сражений с войском Светояра. Откатывали друг от друга волны ратников, расходились по весям своим и городам, чтобы раны залечить, перевести дух, а после снова схлестывались. И не было никому из них покоя. Казалось порой, что не всегда помнят уж, отчего вражда лютая. И что верни вдруг князь Велеборский Сердце, она всё равно не прекратится. А сейчас могла Елица одним словом своим всё оборвать. Всё прекратить, чтобы не случилось больше смертей и не проливалась кровь многих.

— Так говори уже, княжна, где Сердце. Мы отправим людей своих туда, чтобы забрать. А ты вернёшься в свои земли с миром и нашей благодарностью, — зычно проговорил боярин Еримир. — Мы давно уж ждём, что нечего нам станет делить с вами. Не о чем станет враждовать.

Елица покивала, одарила боярина улыбкой тёплой — и тот в ответ улыбнулся невольно. Значит, зла никакого не держит, хоть и говорит

строго.

— О том, где оно, сказать не могу. Нет того места ни в ваших землях, ни в Велеборском княжестве, — явно огорошила она всех следующими словами. — Так вышло, что волею Лады и матери моей, жрицы её, а после княгини Велеборской, Сердце я храню. Но узнала о том только недавно.

И тут стало, напротив, тихо. Как будто вымерло всё или камнем вмиг обратилось. Кажется, люди и дышать забыли, застыв в попытке осознать весть, что на них свалилась. Первым Знаслав горло прочистил, будто пересохло в нём. Шагнул даже ближе к Елице, но Чаян качнулся в сторону, загораживая от стрыя. И запястье её ухватил — но она вырвалась. Нечего снова за неё цепляться, будто право имеет.

— Хочешь сказать, княжна, что ты и есть Сердце? — всё ж уточнил Знаслав.

Она покачала головой и легонько коснулась локтя Ледена, который хоть и был удивлён не меньше других, а всё равно, наверное, понимал, что такого ожидать можно было. Ведь, не иначе, он чувствовал силу Елицы, которая согревала его, которую ему и забрать хотелось в моменты тёмные.

— Нет, я не Сердце, — ответила она, чуть помолчав. — Только храню его, чтобы вернуть вам, как придёт срок. И как сумею.

— Тот срок давно уж пришёл! — нетерпеливо выкрикнул кто-то из толпы.

На него шикнули зло — и снова всё стихло.

— Не пришёл, — Елица усмехнулась. — Но я обещаю, как обрету нужные силы, так сразу верну его.

— Какие-такие силы? — нахмурился воевода Забура. — Ты и так волхва. Многое знаешь. Обряды, слова. Верни Сердце, и разойдёмся на том!

— Тяжела она должна быть, — проговорила негромко Любогнева, вставая. — Милислага носила ребёнка, как забрала Сердце. Видно, поэтому Лада, Мать Матерей, её милостью и одарила.

Княгиня подошла к помосту ближе, неподвижно глядя на Елицу. И только удивляться оставалось тому, как она всё угадала. Похоже, только женщинам, ведающим особую мудрость, такое подвластно. А о том, что права она, всем красноречиво сказал румянец, который

загорелся тут же на щеках Елицы. Она едва удержалась, чтобы ладонь не приложить

— Велика премудрость, — фыркнул боярин Велизар. — Раз теперь Чаян снова способен дитя без вреда для девицы зачать, так пусть женится на ней. А мы уж примем его князем молодым. Уж не серчай, Знаслав. Ты изгнан теперь будешь за деяния свои скверные: мы о том уже знаем. На годы будешь изгнан вместе с семьёй своей. Радуйся, что голову на плечах сохранишь милостью княжичей. А Чаян — сын старший Светояра — право своё он на стол имеет. А там и дитя случится. У молодых это справно выходит, коли здорова.

Елица отшатнулась, будто слова его в грудь камнем ударили. Застряли в ней, царапая, раны при каждом вдохе.

— Мы с Чаяном решили всё, — попыталась она возразить. — Не стану я его женой! И даже невестой не назовусь. Я...

Но княжич старший вдруг повернулся к ней — и взгляд его снова пыхнул надеждой, оставленной, как Елица ему отказала. Может, и хотел он скрыть, постоянно пряча взор от неё после разговора того памятного, а дум своих не оставил.

— Замужем она, — вдруг проговорил он. — Считала мужа своего мёртвым, а оказался он живым вовсе.

Люди загомонили пуще, смакуя весть новую, которая усложняла только всё. Бояре тоже забурчали озадаченно.

— Хоть и не любят такого Боги, — нежданно выступил вперёд Ёрш, — а обряд можно вспять повернуть. Коли согласится супруг княжну отпустить, то станет она снова свободной. А то, что нет его рядом с ней, явно о том говорит, что не всё между ними ладно.

Мужи нарочитые согласно закивали — и Чаян вдруг засиял, словно духом воспрял снова.

— Для меня не будет лучшей судьбы, чем взять Елицу в жёны, — горячо поддержал он предложение волхва. — Её одну рядом с собой вижу.

— Кажется, забыл ты кое о чём, — Леден взял совсем уж онемевшую в потрясении Елицу за руку и чуть завёл её себе за спину. — Она отказала тебе. Не тебя выбрала.

Мгновение замешательства немного пронеслось среди всех. Да не слишком-то люд растерялся. Они уже всё решили, во всём уверились.

— Ты уж прости, братец, — тот хмыкнул. — Да тут разумом решать надо. Нешто Елица сама не понимает, что во времена неспокойные нам надо объединиться?

— Чаян... — Любогнева шагнула ещё ближе к помосту, схватила его за штанину и потянула, обращая на себя внимание. — Отступись. Не будет добра...

Бояре окружили княгиню, отвели в сторону, не давая больше ничего вымолвить, вразумить вновь ощутившего под ногами твёрдую тропу воли его Чаяна.

— К Зимаве отправим людей сведущих. Княгиня должна судьбу Елицы решить правильно, — громко увещевал всех вокруг Забура, который и раньше Чаяна поддерживал. — Только она теперь осталась из тех, кто может её замуж отдать.

И новая волна одобрения прокатилась по толпе. Елица вцепилась в запястье Ледена, потянула: так бежать тут же захотелось. Прямо сейчас, расталкивая всех — и дальше, за ворота городские. Вместе отступили они, да со спины уже преградили путь неведомо кем созданные кмети из ближней Чаяновой дружины.

— Вы с ума сошли? — почти крикнула Елица. — Кто я такая вам? Невольница безмолвная? Сама свою судьбу решу! И Сердце вам верну, себе не оставлю.

— Так будет лучше, — Чаян взмахнул рукой, приказывая ближникам своим её окружить.

Леден преградил им путь, ещё удерживая руку Елицы в своей, но её выдирали силой, оттесняя его прочь, но пока без грубостей. Чтобы в глаза не бросалось со стороны — просто возня тихая. Леден схватился за черен меча, уже и выдвинул его слегка из ножен.

— Леден! — донёсся издалека голос матери. — Леден, не нужно...

Чаян схватил брата за плечи, оттаскивая назад. Совсем выскользнули пальцы Елицы из его руки, хоть и пыталась она зацепиться самыми кончиками. Кмети подхватили её под локти нарочито мягко, но настойчиво и повели вниз с помоста. А она только шею выворачивала, отчаянно ещё хватаясь за взгляд Ледена. Задыхаясь от паники, что билась в горле, разносилась жаром лихорадочных по всему телу. А он так и держал меч свой, готовый в бой броситься, едва владея ещё собой, чтобы не порубить кого. Но она знала уже, что крови не прольётся.

ГЛАВА 17

— Прости, брат, — пронеслось возле уха. — Не для тебя она уготована. Что бы мы себе ни придумали. Что бы ты ни придумал.

Разжалась хватка Чаяна — и он пошёл вслед за людьми своими. А там и все начали расходиться, словно ничего и не было. Бояре — довольные вполне таким исходом, и люд, окрылённый пониманием, что скоро жизнь их войдёт в привычное, хоть и несколько позабытое русло. А уж воля княжны одной и того, кому сердце своё она отдать пожелала — то небольшая плата за благополучие всех.

Последним ударил его взгляд Знаслава — разочарованный, но и, странное дело, сочувствующий тоже. Да только в том, что теперь случилось, он вовсе не был виноват, какое бы зло ни учинил раньше.

Леден отправился в детинец последним. Всё брёл по улице до стен его, глядя себе под ноги и сжимая пальцами черен меча своего. Так жутко хотелось порубить кого-то: слепо, не думая. Крови хотелось страшно — тех, кто Елицу у него забрал, не слушая доводов, не внимая угрозе. Тяжко было переставлять ноги по мостовой: кажется, ничто не мешает, а как будто по камню к каждой привешено. Давила ярость в груди, негодование раскаляло воздух в ней, но Леден старался заставить себя успокоиться и взглянуть на всё трезво, чтобы не натворить бед с горячности.

И вдруг понял он, что давно так не гневился. Вспомнить не мог ни единого мига с тех пор, как из-под льда выбрался. Что бы ни случилось в жизни с ним, в какой опасности он ни оказывался бы — а оставался почти спокойным. Только появление Елицы в судьбе его что-то понемногу изменило. И бурлила теперь по телу кровь, как бывает после первых схваток на ристалище в отрочестве. И пьяно так в голове, хочется рвать на куски всех и громить всё. Забыл он, каково это, а теперь вот дивился.

Раскололся лёд души, ранил острыми кромками — а он только сейчас это заметил.

Брашко тащился где-то позади, опасаясь приближаться — и правильно. А то ещё и ему влетело бы. Но спиной Леден чувствовал его взгляд, такой жалостливый и осторожный, словно с ним самим всё

это сейчас приключилось. Так, вместе и порознь, дошли они до горницы.

Отрок даже обедню принёс позже — и оставил на столе, тихо предложив всё же поесть. Да Леден отмахнулся пока. Он не знал теперь, как всё может обернуться. Если бояре настаивают на том, чтобы Чаян взял в жёны Елицу — противиться им очень сложно. Ведь и люди верят, что сейчас нет лучшей супруги для князя, которым они выбрали старшего сына Светояра. Несмотря на все препоны, что вставали у него на пути, несмотря на коварство Знаслава. Но Леден не мог потерять Елицу. Не мог уступить её — пусть все доводы бояр были разумными. Никогда больше он не отступится и сделает всё, чтобы она не пожалела о своём выборе, о том, что доверилась ему, отдала всю себя.

А пока снова бездна между ними раскинулась. Ведь согласится Зимава в обмен на сына, которого погибшим считала, Елицу за Чаяна отдать. Радим отступится — деваться ему некуда, там и припугнуть могут. И княжна снова свободной станет для замужества. Но не в угоду сердцу своему, а по воле тех, кто принять её хотел своей княгиней. Только её — как хранительницу знаний о Сердце, способную вернуть его на остёрские земли.

Лишь почуяли они с княжной свободу быть вместе — и тут же её лишили. Теперь у горницы Ели стража. А Чаян хоть и хранить невозмутимость пытается — но видно, любому видно, что радуется такой исход. Ведь, несмотря на то, что отказала ему Елица, всё равно она достанется ему. И Леден терзался то и дело тем, что меч из ножен всё же не вынул. А после взывал к благоразумию собственному: он мог бы вступиться прямо там, на вечевом поле. Раскидать кметей, которые служат теперь молодому будущему князю. С десяток или два даже — а после что? Заперли бы его так же, посадили в острог, пока не образумится. И кто знает, как долго там продержали бы. Может, и до свадьбы самой. Разумнее было промолчать — несмотря на недоумение обидчивое в глазах княжны, с которым она на него смотрела, как уводили её. На её слёзы, дрожащие на ресницах.

Он помнил её лицо в тот миг до мелочей. И от этого в груди словно разрывалось что-то. Жила за жилой. Обжигая всё нутро горячей болью, застилая взор багровой пеленой нетерпения и злости

на всех. На Сердце это, что принесло уже больше несчастий, чем благодати всем, кто с ним соприкасался, стремился к нему.

Он обошёл горницу ещё раз. И ещё, то и дело поглядывая на Брашко, который сидел за столом, глядя на него с ожиданием. И даже по лицу отрока верного сейчас блуждало сожаление. Поверил он, верно, что уже обрёл княжич, которому он служил так долго, свою судьбу. Привык он к Елице тоже — никто с тем не поспорил бы.

— Что делать будешь? — словно мысли его услышав, тихо поинтересовался парень.

— Думать буду. Пока не увезли её, да и пока везти будут до Велеборска — есть время исправить.

— Так Чаян Светоярыч теперь будет её пуще зеницы ока стеречь. Пуще того, как Сердце когда-то стерегли, — Брашко вздохнул, поморщившись, словно терзали его сейчас мысли о том, что помочь он Ледену ничем не может.

Да может, и сумеет ещё — только придумать всё надо. А чтобы придумать, надо успокоиться. И долго бы, верно, он ломал над этим голову, поворачивая так и эдак, строя планы того, как Елицу выволить, но и эти размышления прервались, как ушедший узнать насчёт подступившей вечера Брашко вдруг вернулся — взбудораженный и озадаченный крепко.

— Что стряслось? — Леден повернулся к нему, уже слышав торопливый топот, по которому можно было понять настроение отрока, даже не видя его.

— Там приехал... — выпалил тот. — Приехал купчич один. Не знаю такого. Но он только с тобой говорить хочет. По просьбе боярышни Вышемилы Чтиборовны. Только потом, сказал, будет с остальными беседовать, коль они того пожелают.

Леден так и вскинул голову. Что ещё за вести, которые можно только ему сообщить?

— Где он сейчас?

— В общине ждёт, — доложил отрок и отступил в сторону, пропуская Ледена мимо себя.

Тот едва не скатился по всходу во двор, громким грохотом двери заставив вздрогнуть челядинку, что недалёко пробегала. Прошёл насквозь через черёмуховую поросль по едва заметной тропке — к

общине, что в глубине детинца стояла. Брашко бежал где-то позади, громко пыхтя, но не прося, чтобы его подождали.

Незнакомец и правда уже ждал внутри, сидя за столом, неподвижно вперившись в собственные, крепко сомкнутые перед ним руки. Обжѣг взглядом любопытным и почему-то ревнивым, словно уже заранее таил в душе какую-то обиду. Но вдруг успокоился и улыбнулся даже, вставая.

— Здрав будь, Леден Светоярыч, — руку протянул ладонью раскрытою вверх.

Леден пожал его запястье, внимательно рассматривая лицо, хоть и чуть простоватое, но не лишѐнное приятности. Да больше всего цепляли глаза его ясные и вдумчивые. И коль говорят, что они — отражение души, то можно было не терзаться сомнениями насчѣт его помыслов: ничего худого он там не хранил.

— Поздорову. Как звать тебя?

— Зареславом кличут, — ответил тот с готовностью. — Я ехал на юг с делами торговыми. Но узнал то, что заставило меня путь свой изменить. Вышемила, боярышня из Логоста, коль знаешь такую, в полоне сейчас у зуличан. У княжича их Гроздана.

— Как в полоне? — Леден медленно сел за стол, жестом предлагая купчичу опуститься на скамью тоже. — Как она оказалась там?

— Так не оказалась, — пожал муж плечами. — Сами они пришли. И сейчас, верно, уже до Велеборска добрались. Войско у них большое. С косяками они якшаются, города и веси дербанят. Слыхал, Доброга, воевода тамошний, собирает уже помалу войско со всех концов. Да пока это всё случится, Велеборск может уже и под властью зуличан оказаться. А Вышемила...

Купчич опустил голову — и Леден взглянул на него внимательнее, на миг отринув все мысли о том, что творилось сейчас под стенами Велеборска. Такая печаль была на лице Зареслава, что понимание ясное тут же озаряло голову: вовсе не безразлична ему боярышня. Может, знались они давно с ней, а может недавно познакомились, да только тревожила она его сердце сильно.

— Ты где остановился, как приехал сюда? — прервал Леден затянувшееся молчание.

— На постоялом дворе, — вскинул голову купчич.

— Там и оставайся. Коль хочешь Вышемилу вызволить помочь, то со мной тебе ехать придётся. А то и подсобить надо будет.

Тот закивал с готовностью.

— Всё, что скажешь, сделаю.

Это верно, у него-то руки развязаны. Это Леден тут под приглядом вечным теперь — как хошь, изворачивайся.

— Ты один в Остёрск приехал или с ближниками какими?

— Есть пара мужей со мной, да много не тащил. Остальные на юг ушли, — с сожалением скривился Зареслав.

— Тогда обоз готовьте и лошадей. Сколько — завтра передам. Решить надо... Поговорить со многими.

Не знал ещё Леден, кто за ним последовать согласится. Но большой отряд с собой из детинца не утащишь. Елицу вывести, Брашко увяжется, а из ближней дружины кто — по своей воле скажут.

— Тогда ждать от тебя вестей буду, — купчич поднялся было из-за стола и уже к двери повернулся, но приостановился вдруг. — Скажи, ты жених ей?

Леден и сообразил-то не сразу, да понял, что вовсе не о Елице он говорит. Княжна-то ему как раз без надобности.

— Не могу я Вышемиле женихом назваться, — он развёл руками, тоже вставая. — Хоть, верно, было бы правильнее так сделать.

Зареслав пошарил взглядом по его лицу, хмурия тёмные брови. Глаза его потускнели как будто, накрыла их тень то ли обиды неведомой, то ли разочарования: понял всё. Всё, что связывало Ледена и боярышню. Но ни слова больше не сказал — просто покинул общину, а там и детинец, так и не поговорив больше ни с кем.

Может, и лучше так: Чаяну все слова Леден сам передаст. А тому, как князю будущему, думать всё равно придётся, пускаться ли на подмогу велеборским воинам, или тут отсиживаться, ожидая, пока наследство той, кого он всё ж невольно невестой своей сделал, под чужую длань перейдёт, а то и вовсе прахом обратится. Одно Леден точно знал: свою дружину ближнюю он здесь не оставит. Они все отправятся в соседнее княжество, чтобы к войску Доброги примкнуть, коли тот его и правда собирает. Пусть и без него пока. Но он сделает всё, что в его силах.

Осталось только самое важное: Елицу вызволить.

Пока шёл он до своей хоромины, всё мысли перекатывал, как умыкать её станет из детинца. Надо бы сделать это поскорей, да поспешность могла только против них обернуться. Леден открыл дверь горницы и поднял взгляд. В груди аж ёкнуло, как увидел, что ждёт его здесь матушка — опять судьба всё одно и то же подкидывает, да перевёрнутое будто. Всё перевернулось, как побывал он с Елицей в Нави. Всё повторялось, но оборачивалось другой стороной. Даже любопытно стало, что нынче Любогнева ему скажет. Помнится, в прошлый раз она уговаривала осторожней с княжной Велеборской быть...

— Я хочу помочь тебе, Леден, — проговорила она сразу, пресекая все вопросы.

Махнула рукой Брашко, который топтался позади Ледена, раздумывая, входить или оставить их наедине. Отрок вошёл и дверь плотно затворил. Встал рядом, будто страж.

— Чем ты можешь мне помочь? — Леден прошёл дальше и остановился напротив матери, разглядывая её дюже взволнованное нынче лицо.

— Смотря что ты думаешь дальше делать, — княгиня повела плечом. — Но кажется мне, что княжну свою ты Чаяну оставлять не захочешь. Я понимаю, что Ёрш и бояре правы. Надо бы ему на Елице жениться. Но я вижу и другое...

— Что же? — Леден порывисто схватил кружку со стола, на дне которой осталась ещё вода, которую он утром пил.

— Что он проживёт и без неё. А ты — нет.

Он опустил руку, едва подняв её. Парой слов матушка сумела рассказать всё, что терзало, что понимал он сам, да признать слабость свою не хотел. Забери у него Елицу — что останется от него? Пусть и может он теперь семью создать, детей зачать — да разве нужно ему это без неё? Разве может он теперь лишиться той жизни, которой она его наполнила. Нет. Заххнет. Рано или поздно.

— Не тебе о том судить. Ты посудила уже в своё время, — ответил Леден слишком грубо. Не так хотел.

Но мать и не осерчала, кажется, вовсе. Только по лицу её пробежала тень сожаления за всё то, что было в прошлом, за те ошибки, что совершили они с отцом в молодости, не думая, что так далеко протянется длань возмездия.

— Потому я хочу, чтобы у вас всё сложилось лучше. чтобы вы не терзались тем, что могли сделать, но не сделали. Дали друг другу больше любви, меньше зла несли в сердце. И обид. Чаян поймёт, хоть сейчас ему застит взор радость от того, что он всё же получил ту, которую желал. Но она схлынет, как только он увидит, что жена его не любит. Что терпит только. И в постели от его лица отворачивается.

Любогнева замолчала, стиснув пальцы сложенных на коленях рук.

— Я хочу в жёны её взять, — проговорил Леден. — Больше жизни хочу. И собираюсь увезти её отсюда. Но, коли увезу, Чаян не станет защищать Велеборское княжество. А ради своей невесты — будет. Зуличане на Велеборск наступают.

Княгиня выслушала его спокойно — и лицо её вдруг разгладилось.

— Зачем ты решаешь всё за воинов? За тех, кто сражается всю жизнь? Доброга — умелый воевода. Думаешь, зря он вас в Велеборске принимал? Думаешь, княгиня Зимава без его ведома ворота вам открыла? Нет. Он войско своё отвёл. Дал отдохнуть и сил набраться. Теперь уж он и сам сумеет отпор зуличанам дать. Они слабее.

— Они с косяками объединились.

— Косляцкие ханы не так храбры, как кажется. Они встанут на сторону победителя или вовсе уйдут из-под удара. Но решать тебе, Леден. Жизнь у тебя одна. Думается мне, говорить княжич Зуличский хочет больше, чем воевать. И тебе нужно защитить Елицу, но и дать ей выполнить свой долг. А Чаян сейчас не позволит ей этого. Он сейчас одного хочет: удержать её, от тебя оторвать.

Леден покивал, когда матушка замолчала. Многое она помогла уложить в голове своими рассуждениями. Хоть и женщина, а рядом с князем всю жизнь прожила, многое узнала. Елица нужна Велеборску, все людям её княжества, чтобы показать, что не скрывается она за стенами чужого города. Так они примут её скорее и охотнее. А Леден будет рядом. Как и всегда.

— Скоро Купала, — он сел рядом с Любогневой и поднял на неё взгляд. Княгиня приготовилась слушать. — Люди будут к празднику готовиться. Много хлопот. Гости будут в детинце... Хочу увести её в ночь перед праздником.

— Хорошее решение, — согласилась Любогнева. — Я попытаюсь Елицу из горницы вывести вечером. Хоть и стерегут её дюже. Укрою

среди челядинок, подмену, может — на время хитрость поможет. А там выведем её. Только коней подготовь.

— И людей своих надо бы на стражу поставить в тот миг, как выходить Елица из ворот будет.

— Я смогу устроить так, что тех, кто там в этот миг будет, придётся сменить, — по губам княгини расплылась коварная улыбка.

Ох уж женщины. Кажется порой — кроткие создания, только за спиной мужа и стоять, поддерживать. А как дела какого коснётся тайного — никого хитрее их нет. Леден скользнул взглядом по лицу матери — и увидел на миг ту, которая задумала однажды соперницу извести. И вновь горечь по груди прокатилась. Да что теперь уж о былом сожалеть — будущее устраивать надо. И получается так, хоть и скверно то осознавать — что всем счастья от того обрести не удастся.

Обо всём они уговорились с Любогневой — и разошлись скорее, чтобы никто лишний не увидел их вместе. А там пришлось и вовсе затихнуть, пусть и хотелось стены терема ломать, чтобы добраться поскорее до Елицы, чтобы хоть увидеть её краем глаза. Но Леден в горнице своей засел, выходил только изредка на ристалище — да и то когда там никого почти и не было. Пусть думают, что в горе большом и обиде. Со всех сторон впивались в него колючками взгляды кметей. А подходить решались только те, кто в дружине его ближней с самого отрочества служил. Только им он доверял, только их готов был в дорогу обратную до Велеборска взять. И нашёл он оказию поговорить с десятником своим Бороней, чтобы готовились они скоро покинуть детинец — да помалкивали о том до поры.

Нарастала повсюду радость от приближения летнего коловорота — Купалы и гуляний больших во славу его. Казалось, от вестей радостных, что принести с собой княжичи, ещё пуще развернётся празднество — из последних сил, из последних запасов, что с зимы остались.

Отправлялись охотники в лес и из детинца: дичи на бить к пиру большому. То и дело появлялись купцы в крое — подарки поднести молодому будущему князю, которого через обряд нужный собирались провести сразу после Купалы. Всё это для себя Леден и подмечал, как бы мало ни появлялся теперь на людях. Ещё раз умудрился он встретиться с Зареславом, который терпеливо оставался на постоялом дворе и с готовностью бросился выполнять поручения княжича. А тот

попросил немного: лошадей подготовить для всех — хороших и быстрых. Потому как из детинца Леден их уводить не хотел — скоро хватятся.

И чем сильнее он уверялся в своих планах, тем больше обретал решимости: не отступится. Хоть и придётся против брата идти.

Только один раз удалось увидеть Елицу: издалека, как гуляла она в роще липовой вместе с Веей, челядинками и стражей тоже — куда ж без этого. И такая тоска отражалась на лице княжны, такое отчаяние тяжёлое, что хотелось прорваться немедленно меж всех охранителей и успокоить её. Уверить, что всё будет хорошо, что освободит он её скоро из плена этого пусть и нестрашного на чей-то взгляд. Долетели до Елицы слухи о том, что под Велеборском стоит теперь войско Гроздана — уж Леден постарался ей их передать. Она имела право знать это.

Потому-то ещё больше княжна печалилась: Чаян покамест не торопился на выручку Велеборскому войску.

Накануне ночи той, в которую Леден собирался Елицу забрать, он даже вышел в гридницу к обедне, немало удивив тем не только брата, но и бояр, которые оставались ещё в детинце до праздника, а там и наречения нового князя.

И там-то в разговоре с кметями, что рядом сидели, невзначай он упомянул, что тоже на охоту съездить желает. Давно хотел, а тут чем не повод — какой-никакой дичи к празднику раздобыть. Дружинники загомонили согласно, впился в лицо взгляд Чаяна, который так и молчал, не пытаясь с Леденом ни о чём заговорить: уж вина перед ним не позволяла настолько нахальничать. Он, верно, выжидал, как остынет младший, как смирится, похоронив чувства, что всколыхнула в нём княжна, под слоем своего привычного всем холода и ответственности за судьбы многих. Но не знал, что такому сбыться уже не суждено. Не осталось внутри ничего прежнего, как было до встречи с Елицей. И сейчас он готов был поступиться со многим, что раньше казалось важным.

Как вечерять стало, собралось в детинце девиц так много, что хоть хороводы води. Пришли из посада некоторые: к княгининному двору, к дочкам бояр, которые в пору невестину вошли и с отцами приехали на Купалу в Остёрск. Больше всего тревожился Леден, что не удастся Любогневе княжну из-под взора приставленной к ней стражи

вывести. Но понял после раздумий рваных, жгущих голову, что ничего сам с тем поделать не может.

Ему стоило той стражей заняться, которая дозор нести будет нынче ночью; чтобы им с Елицей после из детинца скрыться так, что долго никто не хватится.

И тут княгиня помогла — не обманула. Пришлось троих дозорных сменить раньше времени: съели они, верно, что-то не то за вечереи, и поплохело им — неловкость какая. Тут уж Леден своих кметей на их место быстро подсунул — исподволь. Да никто, кажется, не всполошился: люди-то все друг другу привычные.

А после он сам собрался уходить, как чуть стемнело. Самые короткие ночи нынче стояли: неверная заступа, ненадёжное укрытие. Потому приходилось торопиться. Проворный Брашко собрал всё в дорогу. Часть вещей он уже накануне унести из стен крома смог. Прихватили они с собой в путь и троих кметей из ближников. Остальным велено было выезжать после Купалы и сразу к Велеборску. Останавливать их силой Чаян не мог: люди вольные.

Стих уже шум голосов по всему терему. Как бы ни будоражила подготовка к празднику всех без исключения, а усталость своё всегда возмёт. Загулялись девицы и женщины до часа позднего — да и они разошлись по горницам после посиделок в беседе и рукоделия. Только Леден с Брашко, казалось, не спали теперь. Проверили ещё раз суммы дорожные и седельные, оружие навесили на пояса.

Отрок волновался, конечно. Да и Леден тоже — чего скрывать. Всё взором внутренним к воротам детинца обращался, взывал то к Макоши, то к Перуну, чтобы позволили они с любимой там встретиться. Отрок ушёл — передать княгине, что, коли она сумела княжну подменить, то пора выводить её из терема. Сам Леден подхватил вещи и тропами не самыми хоженными к воротам направился.

Всё вглядывался он сквозь зыбкую мглу прозрачной тёплой ночи, силясь разглядеть впереди хоть что-то. И сердце вздрогнуло, заколотилось, как заметил он у ворот фигурку хрупкую, закутанную в тёмное: чтобы в глаза не бросалась. А рядом — Брашко, который всё озирался по сторонам настороженно и боязливо.

Открыли створки кмети подручные, ни слова лишнего не сказав: уж много всего за дни эти напряжённые и суматошные было сказано-

оговорено. Леден тоже смолчал, пусть и хотелось перемолвиться с княжной хоть парой слов. Лишь встретился он взглядом её, тёмно-зелёным, как повернулась к нему, закрытая повоем до самого носа. И всё ему стало ясно, сразу буря в душе успокоилась, которая спать не давала толком. Он обнял Елицу за талию, до опьянения чувствуя, как жмётся она к нему, и вышли они вместе прочь. Не суетясь, но и шагом поспешным. Прошли по улице мощёной до постоянного двора, где ждал их Зареслав с людьми своими и лошадьми подготовленными. И такой долгой эта короткая ночь до утра показалась — будто не дожидаться никогда, как можно будет посад покинуть. Лишь открылись ворота — выехали прочь из Остёрска, степенно мимо стражи, а там, как минули ров — пустились галопом.

Пропал скоро город за стеной леса. И никто не говорил друг с другом, пока не отделились от него на несколько вёрст. Тогда только чуть шаг приостановили, чтобы обсудить-решить, что дальше они делать будут. Разлилась уже щедро заря по небу, золотя облака редкие, заставляя светиться их сияющей каймой. И посветлели глаза Елицы, которая так рядом с Леденом и держалась всё дорогу — и никто её в сторону оттеснить не пытался.

— Чаян ведь за нами поедет, — проговорила она, как можно стало отдышаться чуть. — Как скрываться от него будем? Ведь поймёт он, куда мы направляемся.

— Поймёт, — Леден кивнул. — Потому мы отправимся не в Велеборск напрямиком. А в Лосич. Хочу с Осмылем посудачить. И это ещё поможет нам пока от внимания Чаяна ускользнуть, коль захочет он за тобой последовать. И Вышемилу тоже выручать надобно. Пусть Чтибор узнает о том, что с его дочерью сделалось.

— Разделиться тогда надо, — предложил Зареслав, нагоняя их и прислушиваясь к разговору. — Пусть за нами люди Чаяна идут. А там мы затеряемся между весей, пока купала идёт и весь народ друг к другу в гости ездит. Люда нынче на дорогах будет много.

— Верно говоришь, — Леден посмотрел на купчика с уважением, и тот аж приосанился. — Разделимся на следующей развилке. Мы с Елицей на Лосич повернём. В весях никаких останавливаться покамест не будем. Брашко с кметями поезжает пусть до Велеборска. Но туда не суйтесь. Остановитесь подле на погосте — и нас там

дожидайтесь. А тебе, Зареслав, придётся в Логост, к Чтибору, отправиться. Узнать, как они там, и всё рассказать, что знаешь.

Зареслав покивал, переглянувшись с двумя парнями крепкими, что его сопровождали. Кмети и Брашко тоже подтянулись близко, закачали согласно головами, тихо переговариваясь между собой. Да отрок только возразить попытался:

— Как я оставлю тебя, княжич? Совсем, что ли, без заступы поедете до Лосича?

— Пока придётся так поступить, — Леден посмотрел на Елицу — а та согласно голову в ответ наклонила.

— Нам на обратном пути из Лосича дело ещё одно важное нужно свершить, — добавила она к словам Ледена. — Отыскать кое-что.

Тот на неё посмотрел вопросительно, но расспрашивать пока не стал. Если говорить при всех не хочет, стало быть, причины есть. А вдвоём им легче удастся от взора чужого спрятаться.

Брашко расстроился, конечно, посмурнел, упирая взор в землю, но больше перечить не стал. Понял, что толпой они вернее уведут Чаяна прочь — а Леден с Елицей как раз успеют до Лосича добраться налегке. Жаль только, что всё ж придётся где-то в весях остановиться хоть несколько раз, но выбирать они будут те, которые от дороги в Велеборск в стороне.

Как сговорились, так и поступили. К полудню никто отряд не нагнал, а потому на том перепутье, что вело на Яруницу и Борчанку, что лежала в другой стороне от неё, Брашко с Зареславом и остальными мужами поехали прямо на Велеборск — по большаку. А Елица с Леденом свернули по другой дорожке. Оттуда и до Лосича путь короче, хоть и кажется, что петлять придётся сильнее.

Остановились только раз на отдых короткий после полудня. Костра не разводили, лишь дали лошадям дух перевести и сами подкрепились хлебом с мясом вяленным. Не говорили почти ни о чём, словно в волнении все слова позабылись. Только смотрели друг на друга всё время — и не возможно было от княжны взгляда отвести, пусть и одета она была в рубаху простую да понёву почти без вышивки: княгиня челядинку из неё сделать пыталась неприметную. Да Еля как будто от этого только краше становилась: ничего от неё не отвлекало, ни побрякушки, ни ткани цветные.

Даже в глуши лесной, что окружала дорогу до Борчанки, чувствовалось приближение праздника. То и дело доносились голоса отдалённые — эхом тихим. Попадались и путники, которые торопились, видно, в соседние веси к родичам на угощение и гуляния. Смотрели они на Ледена с Елицей без интереса особого: на княжича и княженку те не больно-то теперь походили. Приветствовали звонко, желала хорошо отпраздновать Купалу и найти цвет папоротника в лесу.

Скоро уж и смеркаться начало — а там и добрались они до нужной веси. Только заезжать в неё не стали, свернули через мосток на другой берег Бурчи — быстрой и каменистой речушки, голос которой издавна уже слышен стал. Метались по воде бледные отсветы огней, что развели повсюду в честь Купалы. Даже сюда доносился гомон взбудораженный людской и песен обрывки. Пока совсем не стемнело, отыскивали полянку, удобную, чтобы хоть небольшое укрытие развернуть.

Леден с седла полог снял, что собирался на ночь расставить: ночь тёплая, короткая. А там, как далече от Остёрска выберутся, можно уже и в весях останавливаться будет, где хоть избы есть гостинные. А пока так.

И светло на этой полянке было — даже костра разводить, казалось, не надо. До того ярко играло пламя Купальское на другом берегу, где уже начали праздновать летний коловорот. Леден огонь всё ж запалил, а после за укрытие принялся — устраивать. Отошла Елица за стену густую рогоза, что качал головками вытянутыми над водой, шурша тихо и потрескивая — и скоро вернулась, чуть ополоснувшись с дороги да сменив рубаху с той, в которой из Остёрска сбежала. Она остановилась у реки, смахивая ладонью ещё не высохшую влагу с лица — и руки опустила, замерев, глядя в сторону Борчанки, где сияли сейчас Купальские костры, сновали фигурки людей, подсвеченные пламенем. Расходилась народ тем пуще, чем темнело сильнее. Уж и колесо горящее с пригорка прокатилось, пыхнуло ярко — и потонуло в реке.

Леден и хотел взгляд от княжны отвести, да не мог, как ни пытался. Всё скользил им по ладной фигурке её, по плечам, по шее — открытой, не спрятанной под повоем. Она не скрывала от него теперь свою силу женскую — и та плескала в стороны, лишая воли хотя бы на шаг от неё отойти, если бы и хотелось.

— Смотри-ка, — проговорила тихо Елица. — Сбежали мы с тобой на Купалу, как любовники тайные.

Улыбка печальная послышалась в её голосе. Она медленно провела ладонью по перекинутой через плечо косе, стянула ленту и начала распускать пряди, всё выше и выше поднимаясь, пока волосы её не упали на спину мягкими волнами — с одной и с другой стороны. Княжна встряхнула их пальцами, запрокинув голову — и Леден аж вздрогнул, смаргивая морок, что окутал его, пока за ней наблюдал.

— Может, и правильно так? — он подошёл медленно. — Что в эту ночь мы здесь. Вместе.

— Может... — она повела плечами, неотрывно глядя в тёмную даль.

— Не тревожься, Еля, — проговорил Леден низко, не сумев совладать с голосом, что скатывался в подрагивающую горячим желанием глубину. — Теперь всегда вместе будем. Умру, но не отдам тебя.

— Не надо умирать, — княжна оглянулась, чуть повернув голову.

Леден провёл ладонью по изгибу её шеи — вниз, а после снова вверх — и Елица потёрлась щекой о неё. Коснулась губами кончиков пальцев — и сорвало внутри все плотины благоразумия. Леден сгрёб её в охапку, впиваясь поцелуем нетерпеливым в нежную тёплую кожу за ушком княжны. А она только в руку его вцепилась пальцами, прижимая к себе ещё сильнее, хоть и так казалось, что немного — и рёбра её не выдержат силы хватки его.

Ладонью она провела по его бедру, пока он целовал её плечо, оттягивая ворот в сторону — и смяла слегка плоть поверх штанов, заставляя стиснуть зубы — аж в глазах потемнело от вспышки опаляющей, что пронеслась по всему телу от места соприкосновения тонкой руки с напряжённым естеством. Утробный стон прокатился в груди — и Елица вторила ему на выдохе, словно стал он для неё особой усладой.

Леден потянул княжну за собой, укладывая на мягкую, ни разу никем не притоптанную траву. Пока опускались они вместе — распустил завязку её понёвы, стащил с бёдер округлых, которые так приятно было сминать пальцами, ощущая жар её кожи. И он прошёлся по ним с нажимом, накрыл княжну своим телом и впился в губы мягкие, податливые, что раскрылись ему навстречу с готовностью.

Он не торопился, оглаживая все изгибы её, ощущая, как вздрагивает она под ним от желания, как выгибается томно, прижимаясь ещё теснее. Одной рукой Леден вскинул её подол, спустился губами на шею. И ниже. Втянул горошину соска сквозь ткань — и Елица охнула тихо. Мягко гладил он нежную кожу княжны на внутренней стороне бедра, нажимая легонько и двигаясь выше. А она стискивала его коленями — и веки её трепетали, прикрытые, когда сводила она брови, отдаваясь на волю его ласк.

Леден коснулся её дрогнувшего живота, приподнял ткань — и провёл губами по обнажённой коже вниз.

— Леден... — выдохнула Елица, запуская пальцы в его волосы, словно остановить вдруг захотела.

Он не ответил ничего, только вжался ртом между бёдер, остро ощущая запах и вкус её вожделения. Провёл языком до лона самого — и Елица качнулась ему навстречу. Он принялся ласкать её неспешно — и голову вело от того, как изнемогает она, как стонет тихо, прерывисто, словно сама стыдится того, что происходит. То пыталась она свести колени, то разводила их шире и перебирала его волосы на затылке, то и дело сжимая в кулачке до боли — тогда вскидывала бёдра и шёпотом умоляла не останавливаться. А после вздрогнула вдруг, заметалась, выдыхая протяжно. И он сам едва не бросился к пику, как разлился по языку вкус её наслаждения.

Елица замерла, раскинувшись, комкая пальцами траву под ладонями. И грудь её ходила рвано, блестели капельки пота над губами яркими, что маковые бутоны. Леден снова обнял любимую, любясь отражением неги на её лице, стараясь не обращать внимания, как рвёт штаны плоть собственная. Он провёл пальцем по губам княжны, приводя в чувство — и она приоткрыла их, выпуская тихий вздох. Взглянула туманно и обвила шею руками.

— Никогда не было так... — шепнула.

И подтолкнула Ледена в грудь своей, приподнимаясь, заставляя перекинуться спиной на землю. Быстро справилась с гашником его и спустила порты, явно торопясь, дыша часто, жарко и пряча от него шалый взгляд. А после приподняла подол и сверху опустилась, потёрлась, позволяя ощутить влагу её желания ноющей в напряжении плотью. Леден запрокинул голову, втягивая воздух сквозь зубы, исторг из горла тихое рычание, как приняла она его в себя, задвигалась

неспешно, покачиваясь и комкая рубаху его на груди горячими пальчиками.

Леден дотянулся до её ворота, развязал тесьму и спустил с плеч, обнажая грудь вожаденно полную, с тёмными розовыми сосками. Залюбовался тем, как колышется она при каждом движении Елицы, как переплетаются тонкие прядки разметающихся волос на светлой коже. Сел, поддерживая княжну под спину, и вобрал одну мягкую вершинку в рот, перекатывая языком, сминая губами. А после — другую. Елица всё приподнималась и опускалась быстро, отрывисто, гоня по телу его раскалённые волны, заставляя сокращаться мышцы — и расслабляться в накатывающей неге.

Невероятным блаженством было — держать её в руках, зная, что она его без остатка. Слышать стоны её, поначалу тихие, и всхлипы — всё громче и громче. Своё имя на губах, чуть приоткрытых, сухих от разгорячённого дыхания. Ощущать вкус кожи с лёгким ароматом трав и речной воды. И познавать её всю — самые сокровенные уголки её тела: руками, ртом, естеством самим.

Княжна вскрикнула с придыханием — и Леден рывком перевернул на спину её, уже ослабевшую от захлестнувшего удовольствия, что лёгкой дрожью сотрясало гибкое тело. В глазах темнело от того, как стискивала она сейчас собой рвано и сильно его дубовую плоть. Пара толчков жестоких — и он излился, опустошаясь, сливаясь с любимой ещё больше, оставляя в ней часть не только семени своего, но и души тоже. Всё больше он отдавал себя ей во владение, которое стремилось скоро стать безграничным.

— Еля, — выдохнул Леден ей в губы.

Прижался своими, раскрывая, проникая между ними, чувствуя жар желания, что разогревало дыхание её. Они застыли, словно два корня сплетённых, еще не размыкаясь, не желая разъединиться. Медленно и ощутимо впивалась Елица в спину Ледена пальцами, словно рубаху разодрать хотела.

— Мне страшно, Леден, — проговорила наконец, прижимаясь щекой к его плечу. — От того, что чувствую рядом с тобой. От того, что меня, кроме этого, больше ничего не страшит.

Он поцеловал одну её скулу, а после другую, вглядываясь в зеленоватые омуты её глаз, подёрнутые рябью ещё не сошедшей неги. Скоро пришлось объятия разомкнуть да повечерять хотя бы, хоть друг

от друга отходить вовсе не хотелось. Да и спать легли отдельно, поодаль чуть, но на виду. Опасался Леден, что, коли случится снова его сон недобрый, так может он ненароком Елице навредить. Но они слушали дыхание друг друга и смотрели сквозь мрак дрожащий, через взгляд один передавая, как хочется на самом деле рядом быть всегда. И скоро уснули, уж не обращая внимания на шум Купальского гуляния.

ГЛАВА 18

Невольно становилось любопытно, отправил ли Чаян людей своих вслед за сбежавшей невестой, которая таковой называться совсем не хотела. Больше от страха, что он всё же сумеет нагнать их раньше, чем успеют они с Леденом добраться до Лосича, чтобы с Осмылем поговорить, а после отыскать нож обрядный. Ведь Елица и не знала вовсе, лежит ли он там же, на том самом месте, где упал в траву во время борьбы с Камяном? Или, может, заметив ценность его, ватажник решил забрать его себе? А там и продал кому? Тогда уж точно не сыскать ни в жизнь.

А что она будет делать с тем, что Сердце так и останется в ней до самой смерти — и думать пока не хотелось. Не хотела она лишать всех людей в Остёрском княжестве надежды вновь обрести былое благополучие. Не могла она обречь их на это. Кто она такая, чтобы решать их судьбу? Потому нож тот следовало найти — хотя бы из всех сил попытаться. Благо то место, где он выпал, она помнила и сейчас очень хорошо. Отпечаталось оно в памяти, разогретое пережитыми яростью и ужасом — не ошибёшься.

Какой уж день ехали они с Леденом в сторону Лосича. Давно уж миновали границу Остёрских земель, и теперь можно было без опаски останавливаться в весях: проситься на ночлег местным или занимать гостинные избы, если такие находились. Многие узнавали Елицу и помогали ей с особым рвением, жалились на то, что судьба ко всему люду Велеборскому нынче снова неблагоприятна. Стоят зуличание под стенами города. И чего ждут — непонятно. А потому, хоть и осторожно, а высказывали люди надежду, что княжна сумеет с Грозданом договориться, ведь крови уже пролито немало. Не хотелось бы, чтобы вражда с остёрцами теперь обернулась враждой с зуличанами.

Но, к сожалению своему, пока Елица не могла ничем их успокоить. Хотела наперёд поговорить с воеводой Осмылём, если он жив ещё. Она пыталась верить, что жив. И Леден день ото дня пытался поддержать в ней эту веру. Хоть и было страшно от того что их могут снова разлучить, а всё равно Елица наслаждалась каждым мигом, что

они были вместе. А уж после той близости, что неожиданно случилась в Купальскую ночь, их связь как будто крепче стала. Иногда просто не хотелось размыкать рук — так и ехала бы постоянно бок к боку, храня свою ладонь в его, большой и надёжной. Да неудобно ведь.

Только ночью она могла позволить себе хотя бы на миг забыть обо всём, что наполняло голову, и побыть с ним целиком, не оглядываясь ни на что. На лавке в гостинной избе или на ложе твёрдом, походном, если приходилось всё ж останавливаться между весями, не успев доехать до крыши к темноте. Вот и нынче остановились они в той веси, от которой недалёко уже оставалось до Лосича — на другой день и добраться можно, коли поторопиться. Побыли они в гостях у старосты Вавилы, весьма опечаленного недобрыми делами в княжестве. Косляки то и дело шныряли теперь по этим землям, как у себя дома. Благо не топтали полей, а что-то из припасов удавалось скрыть в схронах за околицей. Потому принял он княжну и её спутника справно, оделив всем возможным гостеприимством. Предложил даже остаться на ночлег у него, на они вежливо отказались, не желая стеснять хозяев. Ведь стояла на окраине веси хорошая, хоть небольшая гостинная изба — там и разместились.

Постелила Елица две лавки на сон — отдельные, как и всегда — подумывая, что нынче надо бы отдохнуть получше, ведь они последние два дня очень торопились поскорее добраться в это селение. Завтра снова весь день в дороге с короткими остановками — а там и острог крепкий, о котором сказал староста, что стоит он так же недвижимо. И косляки да зуличане, которых сюда ещё заносило, старались обходить его стороной. Радостью в душе теперь разливалась мысль, что воевода цел остался после всех стычек со степняками и последней — с отрядами Гродана, которые тот выслал на Лосич, чтобы потрепать их и на время ослабить.

Елица даже улыбалась чему-то, перебирая и аккуратно укладывая в своей суме вещи, переворошенные за день.

— Хорошо, что ты хоть немного успокоилась, — Леден встал перед ней, вытирая руки тряпицей, только что вернувшись после умывания. — Осмыль — крепкий мужик и толковый воевода. Он нам обязательно поможет и поддержит тебя.

— Было бы у него войско, а то ведь и без того побили их хорошо последние седмицы, — Елица подняла взгляд на княжича. — Но что

он попытается всеми силами помочь, в том я не сомневаюсь.

Леден прищурился слегка, будто увидел что-то на её лице.

— Да ты никак влюблена в него была когда... — усмехнулся. — Никогда не слышал, чтобы тепло так о других воеводах говорила.

— А я никогда не слышала, чтобы ты ревновать умел.

Елица встала, подняла было суму с колен, да княжич перехватил и в сторону, на скамью у стола, отставил, будто тяжесть неслыханная.

— Так влюблена была? Или нет? Скажи, — он подошёл близко-близко, провёл ладонями по талии.

И в голосе — ни тени подозрительности или злости невольной — ласка одна и любопытство мягкое.

— Как было мне зим двенадцать... Может, и была, — Елица шагнула ему навстречу, окунаясь в прохладу его рук — приятную, будоражащую. — Да тебе что с того сейчас? Твоя вся...

— Просто порадоваться вдругорядь, что моя, — княжич улыбнулся хмельно и губами к губам её прижался.

И полетела одежда, сдёрнутая в пылу, ворохом на пол: понёва, рубаха его и её, порты. Скрипнула лавка, не привыкшая к тяжести двух тел, как опустились они вместе на неё, крепко стискивая друг друга в объятиях. Елица вдавилась сильнее саднящей в ожидании ласки грудью в его, твёрдую, что плиты каменные. Потёрлась, будоража соприкосновением с кожей его вершинки сосков. Всхлипнула тихо, как скользнул он легонько пальцами между ног, проверяя, готова ли. Подалась бёдрами, позволяя проникнуть, давая почувствовать, что изнывает вся. Но он не торопился, словно хотел, чтобы раскалилась совсем, вспыхнула в его руках, как береста.

Елица обхватила его лодыжками, чувствуя, как наконец входит он, не быстрым рывком, а осторожно, словно даже самую малую боль причинить боится. Каждый раз. И как тело принимает его, отзываясь лёгкой дрожью наслаждения.

Шершавые ладони скользили по груди, тёплое дыхание — по ложбинке, по влажной от испарины коже. И язык за ним — медленно, протяжно. Глухо и томно сотрясали тело толчки, размеренные, глубокие — навстречу друг другу. Словно лавой застывало сплетение тел — крепкое, как звенья кольчуги. Гладкая влажная кожа Ледена стелилась под ладонями — Елица провела по ней губами, ощущая горьковатую соль её. Буря упругих мышц перетекала угрожающе мягко

и в то же время ласково, подчиняясь её рукам. Шея, плечи, спина — широкая, гибкая. Пройтись вдоль неё пальцами, ощущая позвонки — до помрачения в голове, до стога. Рывок к нему бёдрами — другой, третий — принять его ещё полнее, до самого конца.

— С ума меня сводишь, Еля, — рваный шёпот над ухом.

Леден склонился, рот его завладел твердым соском. Прихватил зубами — Елица вскрикнула тихо и застонала тут же, как очередная ласка губ сгладила сладкую боль. Ладони княжича сжали скользкие от испарины бёдра. Движения стали резче, быстрее — и вдруг потонули в горячем мареве блаженства, что хлынуло по телу, будто светила лучи сквозь густую листву.

Елица, быстро дыша в плечо Ледена, вцепилась в него, чтобы не потеряться в этом шквале из бешеного биения сердца, мучительно сладкого содрогания во всём теле, собственного стога, что звучал в ушах, словно чужой. Она не может так кричать — наученная сдержанности и терпению княжна и волхва — не может. Но она вскрикивала хрипло, сдавленно, едва сдерживаясь, чтобы наделать ещё больше шума. Мало ли кто мимо проходить будет.

И вдруг к её голосу примешался голос Ледена — тихим отрывистым рыком. Он сгрёб её в охапку, обхватил плечи, вбиваясь иступленно, быстро, собирая губами с губ обрывки дыхания. И только бурно излившись, замер, упёрся ладонями в лавку, опустив голову. Спина его ходила ходуном, по груди текла прозрачная капля пота — и Елица из последних сил приподнялась — слизнуть её. А после откинулась на постель.

Так и замерла, разглядывая его, намеренно не касаясь больше, ожидая, как поднимет на неё взор. Леден посмотрел исподлобья — и по губам его пробежала шальная улыбка.

Они уснули скоро, едва отдышавшись, прижавшись друг к другу влажными, разгорячёнными телами. И Елицу в этот миг ничто не беспокоило, хоть и остался Леден рядом с ней — ближе не придумаешь. Первый раз остался за всё время пути.

Да только под утро почувствовала она, что стал княжич как будто ледяным вовсе. И снова всё тело объяло ощущение, что силы хлынули прочь, оставляя после себя только пустошь снежную. Сдавила каменная рука Ледена поперёк талии так сильно — что и вздохнуть нельзя. Елица вцепилась в его широкое предплечье пальцами, пытаясь

отодрать от себя, да не могла и на вершок сдвинуть. Он застонал страшно, утробно, весь покрываясь холодным потом, вжимаясь в неё грудью и бёдрами, давя, словно жерновами мельничными.

— Леден! — вскрикнула Елица, запрокидывая голову, жмурясь от боли страшной, что вспыхивала между рёбер.

Толкнулась сильно ногами от стены — и вместе они рухнули на пол, прямо в кучу одежды, оставшейся там с вечера. И перед глазами вовсе всё погасло, словно мир умер, съёжился куском обугленной бересты. Но Леден объятия свои губительные разомкнул — и Елица перекатилась на бок, дыша тяжело, прижимая ладонь к животу, в котором плясал ещё тугой комок боли.

Княжич проснулся, кажется, да не скинул ещё безумия, что всегда владело им после снов его неведомых, после встреч с Мораной в них. Он заворчал тихо, обхватил голову руками, подтягивая к груди колени. Елица смотрела на него, пытаясь отползти чуть в сторону, не видя ещё в выражении широко распахнутых серо-голубых глаз его прежнего. Только один ужас стылый и близость смерти стояла в них, не пуская ничего больше. Угрожая всем, кто рядом окажется.

Она и хотела бежать. Она уже почти поднялась, упиравшись ладонью в пол, но что-то остановило её, несмотря на страх, на желание отгородиться.

— Леден, — она подползла к нему, корчившемуся на полу от борьбы с самим собой и той, чья воля безграничная может раздавить его, если она вдруг того пожелает. — Любый мой, посмотри на меня.

Елица взяла его запястья и развела стискивающие виски руки в стороны. Он снова попытался закрыться, а от соприкосновения с кожей его потоками рваными полилась жива из тела. Княжич вырывался как будто желая оградить от себя же, а она не могла заставить себя отпрянуть тоже. Пусть берёт силы, пусть — лишь бы скорее в себя пришёл. И колотился в груди словно молот чугунный — и рёбра от него трескали, хрупкие, как изо льда сделанные. Сердце замирало то и дело — и тогда темнело в глазах.

— Леден, — Елица обхватила его лицо руками и поймала губы холодные своими.

Задохнулась, вскрикнула сдавленно, будто по нутру когти острые прошлись. Но княжич, кажется, биться перестал. Расслабились скрученные невероятным усилием мышцы, успокоилось дыхание, а

кожа потеплела. Леден замер на миг, глядя Елицу по спине, а после вдруг оттолкнул и отвернулся. А она рухнула на пол, только и находя силы на то, чтобы ещё дышать.

— Еля, что ты наделала, — пророкотал он.

Ударил кулаком по полу со всей силы. Встал, пошатываясь, и, стянув с лавки покрывало, укутал Елицу. Поднял на руки и уложил на смятую постель, стараясь никак не касаться открытой кожи.

— Зато тебе полегчало, — она слабо улыbnулась, рассматривая его серьёзное лицо, склонённое над ней.

Скользнула взглядом по плечам, по ключицам и впадинке между ними — ей только и оставалось сейчас, что просто смотреть на него, любоваться им и в этом находить новые силы.

— Мне не полегчало. Совсем не полегчало от того, что стало с тобой, — он подхватил с пола порты и натянул их резким движением. — Похоже, нам не стоит пока больше...

Он болезненно скривился. Да и сама она теперь представить не могла, как будет без близости с ним, если он вдруг снова решит оторвать её от себя. Уже познав друг друга, ощутив всю сладость этих мгновений — и снова за стеной друг от друга прятаться. Вместе и врозь — как всегда.

— Я отдохну немного, и всё пройдёт, — Елица прикрыла глаза и с трудом перевернулась на бок, подкладывая ладонь под щёку.

Леден вздохнул и, подхватив ведро, вышел прочь. Скоро вернулся — с полным. Захлопотал у печи, готовя какую-никакую утринню. И как будто старался даже не смотреть на Елицу лишний раз, явственно перекаывая в голове тяжёлые мысли. Дали они себе отдохновение, позабыли об опасности в дни временной тишины и спокойствия: ведь снов таких у Ледена давно уж не случалось. А тут Морана напомнила о себе, не дав совсем уж разнежиться.

И теперь по телу гулял стылый сквозняк слабости, а внутри будто дыра зияла чёрная — до того глубокая. Елица наблюдала за Леденом, который нынче выполнял её дела, но ничуть не корила себя ни за невольную задержку, с которой теперь придётся им до Лосича отправляться, ни за то, что решила всё же княжичу помочь, поделилась живой своей. Потому что кто она такая будет, если не станет этого делать?

Подумалось уже, что отступает слабость и скоро силы потраченные, выпитые Леденом, начнут возвращаться. Елица за даже сесть попыталась, прикрывая обнажённую грудь, как увидела на светлом одеяле пятна алые, густые — не слишком много — но и это напугало её до комка в горле, до горячего дыхания и пелены мутной перед глазами. Ведь лунная кровь должна быть ещё не так и скоро. Она всхлипнула тихо, прижимая ладонь к губам.

Княжич насторожился тут же, подошёл быстрым шагом. Страшно побелело его лицо, как он увидел кровь на простыне и на оголившихся коленях Елицы.

— Я к большухе схожу, — выдавил он. — Никуда не двигайся с этого места.

Елица только успела рубаху натянуть, как прибежала Чтава сама — напуганная жутко: видно, Леден рассказал ей, что княжна совсем кровью исходит. Пришла с ней и другая женщина — с сумой большой — окутала сразу запахом пряным трав. Знахарка. Княжича выгнали, конечно. Большуха сняла с печи уже подгорающую кашу, которую тот так и оставил на огне. Елица послушно и без единого слова дала осмотреть себя. Знахарка поцокала языком, а как взглянула на неё — улыбнулась.

— Что напугалась так? — прошамкала, щерясь уже прореженными временем зубами. — Бывает такое. Пришла лунная кровь раньше, чем надо. Встряхнуло, может, тебя что. Или устала в дороге сильно. Всё пройдёт. Только в седло тебе лучше не садиться.

Оставила она травок, кровь запирающих, и унимающих тянущую боль внизу живота — да и ушла с заметно повеселевшей большухой. А на душе всё равно словно тяжесть осела. Елица мысленно прикинула, сколько дней прошло с первой близости их с Леденом — не так и много, конечно — а всё равно такая тревога в душе разрослась, что хоть плачь.

Пришлось ещё день почти целый на лавке проваляться. Леден вставать запретил под угрозой того, что розгу сделает и отстегает по мягкому месту, если она себя хотя бы нынче не побережёт. А Дажьбожье око заливало двор теплом и светом щедрым — только в путь и трогаться, пока ведро. А то ведь мало ли как дальше может повернуться. Нынче дело к Перунову дню идёт. Грозы частые теперь — бывает, и дня не проходит, чтобы не обрушился на землю ливень

густой, оставляющий за собой размытые дороги и лужи — коням выше бабков. Но Сварогов чертог молчал, ясный, безмятежный, и только это Елицу успокаивало.

На другой день она уже проснулась совсем пришедшая в себя. Подготовилась в путь справно: тело и не чувствовало ничего дурного после добрых трав, что знахарка ей подарила. Бывает такое, что знахарки готовят сборы, да проку от них мало: то ли неумелые они такие, то ли не вкладывают в них силы те, что надобно. А бывают такие кудесницы — у них и подорожник открытую рану заперёт, и зверобой обычный и правда от сотни болезней поможет. Такой, видно, и оказалась здешняя травница.

Леден телегу одолжил у старосты, чтобы Елицу туда усадить, и она хотела бы отказаться, да куда уж ей верхом ехать. Придётся день потерпеть в немочи.

Как собрались да погрузились, привязали лошадей к телеге и скоро за околицу выехали. Княжич молчал всё. И утром ни разу Елицы не коснулся, хоть и опасность миновала уже. Всё взгляд теперь прятал, и одной, даже лёгкой улыбки не пробежало по его губам. Елица терпела до первой остановки: подкрепиться, размять ноги да дальше ехать. Но до того терзал её отстранённый вид любимого, что подкатывали к горлу слёзы то и дело. Что же это? Решили ведь всё — а теперь снова чураться её будет?

Как отобедали и собрались уже дальше отправляться, она поймала княжича за грудки, зажав между своим телом и боком коня.

— Не смей, слышишь? — процедила, приближая к нему лицо. — Не смей снова меня отталкивать!

И до того она, верно, смешно сейчас выглядела: привставшая на цыпочки, чтобы хоть как-то повысить стать, чтобы в глаза его смотреть равно — что княжич наконец улыбнулся, качая головой.

— Нам просто осторожнее надо быть. Забылись мы, Еля. Хоть и сладкая это топь, но опасная, — он поймал её запястья и мягко отвёл от своей груди.

А после вдруг склонился и губами её завладел так жадно и горячо вторгся языком в рот, что даже в голове поплыло что-то. И немедленно ещё захотелось. Но они одновременно шагнули прочь друг от друга, понимая, что, коли затянется поцелуй, так и не уйдут отсюда ещё долго.

К вечеру, как и собирались, выехали к Лосичу — со стороны, противоположной Звянице. Елица и хотела завернуть в весь, проведать, может, жива всё ж Сновида — да глубинами души самыми сокрытыми, понимала, что проверять там нечего. Не зря она встретила волхву в том видении. Не зря не услышала та её. Осмыль всё расскажет, как завершилась жизнь Сновиды и когда. А с Веселиной, коль получится, и позже свидеться можно.

Оказались ворота острога закрытыми наглухо, пусть и час стоял ещё непоздний. Почти никого из людей не было под стенами, хоть раньше шла постоянно живая торговля, собирались люди неподалёку, чтобы вестями свежими обменяться да спросить, как у кого жизнь течёт. А теперь словно вымерло всё. Даже озноб колючий по спине пробежался.

Проехали они с Леденом через мост к створкам самым — и тогда уж увидели движение в тени заборол: стражники собирались смотреть, кто пожаловал.

— Кто будете? — гаркнул один. — Чего на ночь глядя носит вас?

— Так то ж княжна Елица, кажись, — ответил ему приглушённо другой голос.

— Да это я, княжна Елица Бориловна, — пришлось подтвердить громко, чтобы все уж слышали. — Я к воеводе Осмылю приехала. Говорить надо о многом. Со мной княжич остёрский — Леден Светоярыч.

Больше никто ничего выпрашивать не стал. Открылись ворота, впуская в шумное нутро острога. Несмотря на внешнее затишье, тут жизнь бурлила, как в самые людные дни. И воинов было до того много, что только диву даваться оставалось. Леден одобрительно посматривал по сторонам, а кмети, что кругом сновали, поглядывали на него с любопытством даже чаще, чем на Елицу.

Вышел спешно на крыльцо Осмыль, осунувшийся будто, словно хворал не так давно. Или заботы лютые, что свалились на него, как прибыли в княжество зуличане вместе с косяками, так его измотали?

Он спустился во двор быстрым шагом и тут же Елицу в объятия большие сгрёб. Леден хмыкнул тихо, но вмешиваться не стал.

— Здрава будь, Елица, — воевода отстранился, шаря взглядом по её лицу. — И ты, княжич, тоже.

Тот кивнул ему и пожал крепко запястье поданной руки.

— Поздорову, Осмыль.

— Случилось что? Ты словно с лица спал, — всё же спросила Елица, маясь нехорошими догадками.

Но воевода только рукой махнул, слегка поморщившись.

— Ранило тут меня малеха. В последней стычке с косяками. Да уже поправился я. Не тревожься.

Проводили их отроки в терем прохладный, помогли устроиться. А там и вечерю собрали для них с Осмылём и самыми ближними к нему гриднями. И каково ж удивление оказалось Елицы, как увидела она среди них Денко. Не поверила сначала глазам своим, поморгала даже часто, как вошёл он в гридницу тесноватую против Велеборской. Но нет, это и правда он оказался.

— Ты на него не серчай, Елица, — начал разъяснять воевода, как увидел удивление на лице её. — Денко парень сильный и умелый. Давно уж в дружину ко мне напрашивался, да Благослав не сильно хотел его пускать. А тут уж не до упрямства. Каждый воин на счету.

Сын старосты сел рядом с Осмылём напротив Ледена — и тут же вперился в него тяжёлым взглядом. Показалось, смолчит вовсе, но он разомкнул губы и даже улыбнуться попытался, здороваясь. Хотя в голосе его ещё слышались остатки былой неприязни. Возмужал он за луны эти сильно, будто сразу на несколько лет. О том парне, который четыре зимы от Елицы не отставал, как начал мужчиной зваться, годным в женихи, ничего как будто и не напоминало.

— Думается, слышал ты, Осмыль, что у вас под Велеборском деется, — после того, как все хоть немного поели, заговорил Леден.

— Как такое не услышать, — хмыкнул воевода. — Зуличане с косяками вперемешку и к нам наведались. Попрыгали, попрыгали на стены, поджечь пытались да и ушли. Правда, Звяницу потрепали сильно. Многих в полон свели, — он вздохнул и на Денко покосился.

— Веселину увели, — добавил тот. — И других девиц тоже, кто укрыться не успел. Мы нагнать пытались, отбить хотели, да их много дюже было, чтобы нападать.

Елица опустила голову, кусая губу — чтобы не расплакаться тут же. Настолько остро ударила её весть, что Веселина сейчас неведомо где — то ли в косяцких рабнях теперь ходит, то ли повезли её дальше: как узнать? Леден руку протянул под столом и положил на

колени ей, стиснул крепко, утешая, хоть подругу её и помнить-то не помнил, наверное.

— Мы войско собираем, — после короткого молчания продолжил Осмыль. — Как раз под Звяницей. Уже лагерь стоит. С другой стороны из-под Логоста прийти должны. Там Чтимир заправляет. Через седмицу выходить думаем. Доброга приказал. Зуличане покамест встали под Велеборском. Бесчинствуют помалу, да в сам город не суются. Тебя вот, Елица, требовали выдать, чтобы говорить. Да где ж мы тебя взяли бы... Да и не надо говорить с ним. После всего...

Воевода покривил губами, сжимая кулак на столе.

— А войско ваше достаточно, чтобы с зуличанами бороться? — Леден чуть вперёд наклонился, внимательно ожидая ответа Осмыля.

— Может, и не слишком, — огрызнулся тот. — И времени нет особо, чтобы собирать вои по весям. Да потреплем их всё равно хорошо. Может, и косяки сбегут. Их обычно ненадолго хватает.

Княжич вздохнул протяжно, о чём-то размышляя.

— Я поеду в Велеборск всё равно, — вступила в разговор Елица. Мужики вскинули головы, уставились на неё яростно и непонимающе. — Буду с Грозданом говорить, раз он хочет того. И время потяну, чтобы войско с силами собралось. Хотя несколько дней лишних.

И нехорошо заворочалось в груди от воспоминаний всех, что с ним связаны были, а делать нечего. Если она встретей с зуличанином сможет битву от ворот Велеборска отвести или хотя бы задержать, то она должна попытаться. Выслушать его, узнать, чего хочет он — а там уж решать.

— Думаешь, подпущу я теперь его к тебе близко? — почти прорычал Леден, едва давая гнев. — Да он и взглядом тебя касаться больше не достоин, мразь этакая.

— Я за Велеборск в ответе теперь, — Елица накрыла его ладонь, ещё лежащую на колени, своей. — И не могу прятаться в тот миг, как люди страдают и как гибнуть будут, если битва всё ж случится.

— Подожди, княжна, — попытался увещевать её Осмыль. — Поедешь вместе с войском. Под нашей защитой, с опорой всем словам, которые ты пожелаешь Гроздану сказать.

— Я не буду ждать ещё седмицу! И без того долго меня не было — до такого дошло. Вы собирайтесь. Сколько можете воев собрать — делайте. А мне пора ехать дальше.

— Можно подумать, коль сидела бы ты в Велеборске, Гроздан не пришёл бы, — Леден склонился к ней ближе — и глаза захотелось прикрыть от силы его негодования, что впивалась сейчас в сердце. — Ему воля твоя — не воля. Смех один. Как и воля Богов, которые меч Чаяна на него направили в поединке. Сам Даждьбог луч ярый ему в глаза бросил — и всё нипочём.

Уж как разозлился княжич: никогда таким Елица его не видела. Даже Осмыль притих совсем, а Денко и вовсе вперился в него неподвижно с осторожным ожиданием того, что дальше будет. А Леден ярился всё, и казалось сейчас, что в охапку Елицу сгребёт и утащит куда в хоромину да запрет там. Она поднялась, сбрасывая его руку. Мужа выпрямили спины, растерянно переглядываясь.

— Я решила, что в Велеборск завтра же поеду, — проговорила громко, так, что даже за соседним столом гридни в её сторону повернулись. — И с Зуличанским княжичем встречусь. Коль хочешь со мной отправиться, Леден, то изволь. А коль к войску Осмыля хочешь присоединиться, так право твоё. Только попросить хочу, воевода. Мне люди нужны — сопроводить. Дело ещё одно есть по дороге.

Лицо княжича посерело, губы дёрнулись, а взгляд застыл позабытым уже, казалось, льдом.

— Я с тобой поеду, княжна, — отозвался Денко. — Хоть один, без подмоги, но поеду.

— Языком не чеши, — фыркнул Осмыль. — Дам я тебе, Елица, воинов. Сколько скажешь, столько и дам. Лишь бы в здравии добралась, раз сама того пожелала. А мы всё ж выдвинемся, как и собирались. Будет тебе ещё подмога — ты знай. Я всех старост перетряхну.

Она кивнула, улыбнувшись воеводе, перешагнула через скамью и пошла прочь из гридницы. Всё обернуться хотела — посмотреть, что Леден делать будет, но удержалась от порыва малодушного. На кого бы она сейчас ни опиралась, а по-прежнему она княжна. Править ей в Велеборске или нет, а она — старшая из детей Борицы, кто в живых остался ещё. И слабости она себе позволить не может, чтобы от Гроздана теперь бегать.

Только спустилась Елица с невысокого крыльца гридницы, как услышала за спиной шаги тяжёлые, торопливые. Хлопнула дверь — и

через миг обьяли плечи ладони широкие, от одного касания которых в груди так всё и затрепыхалось.

— Прости, что накричал, Еля, — проговорил княжич, касаясь виска её губами. — Но не разумнее было бы всё ж выждать несколько дней?

— Седмицу, Леден, — поправила она и попыталась из рук его выскользнуть. — А может, и больше. За седмицу эту сколько ещё люд настрадается. Ваше войско шло, их трепало. А теперь ещё и зуличане. Ещё пуще. Вы хоть в полон не угоняли и с косяками не якшались. А я смогу хотя бы бесчинства остановить!

Леден только пальцы сжал крепче и к себе её лицом развернул. Покопался на двоих гридней, что мимо прошли, наострив уши, и вздохнул коротко.

— Раз хочешь ехать, поедem вперёд войска. Но только, как бы Гроздан ни просил, одну я тебя на встречу с ним не пущу. А то станется с него...

Елица усмехнулась, разглядывая княжича. Уже отхлынул стылый гнев из его глаз — и разлилось тепло в них родное, пленительное. Вскипел — бывает. Так это всё от тревоги за неё.

— Тогда завтра назад отправляемся. Коль не шутишь, — она качнулась вперёд и мимолётно коснулась его губ своими.

И как ни старалась, чтобы не заметил никто из гридней, что то и дело мимо проходили, а всё равно кто-то хмыкнул тихо неподалёку. Елица, вовсе вида не подавая, повернулась и пошла к терему, оставив княжича и дальше дела ратные с мужами решать — поговорить им явно ещё есть о чём.

Распорядился в тот же день Осмыль, кому с Елицей и Леденом в путь к Велеборску отправляться. С почти спокойной душой она улеглась нынче спать в хоромине справной, на лавке, застеленной и правда как для княжны — челядинки здешние оказались заботливы. Хоть и болтали, конечно, разное. Что Елица с княжичем остёрским вовсе без другого сопровождения приехала, как и не подобает ей вовсе. И что живёт с ним, как с мужем своим. Да что теперь слухов опасаться, раз такое вокруг деется?

Спала она хорошо поначалу, да среди ночь скрутило её нехорошей болью внизу живота. Никогда не было у неё в дни женские, чтобы так худо становилось — не вздохнуть. Она согнулась на лавке, глядя

сквозь мрак на суму свою, где травки нужные лежали, да и подняться не могла. Но вскоре ослаб тугой комок боли — и осталось только слёзы с глаз утереть и вздохнуть наконец свободно.

Утро выдалось хмаристым — после грозы, что прогремела над Лосичем аккурат перед рассветом. Стояла сырость в воздухе туманная, глухая; все звуки тихие плыли в ней над землёй неспешно, словно барахтались, как мухи в кружке с водой. Кмети, которых назначил Осмыль в охранители к Елице, собирались спешно под присмотром Ледена, поглядывая на него с опаской и недоверием. Видно, до сих пор не могли они привыкнуть к мысли, что остёрцы уж вовсе не враги им: так вот скоро всё поменялось после смерти Борины.

Елица спустилась во двор, пока не закончили они сборы, чтобы никого не задерживать, попрощалась с Осмылём: хорошо, что удалось хоть коротко с ним свидеться и узнать, что в здравии он и в духе решительном. Погрузили последние вещи в телегу небольшую: теперь уж почти десятку людей да целую седмицу в пути не обойтись малым. Тут и укрытия нужны на ночь, и снеди достаточно.

Скоро выехали, как не рассвело ещё полностью, и направились мимо Звяницы в сторону Велеборска — дорогой хорошо знакомой. И кажется, всё так же было веси, да и поменялось многое. То, что не глазами увидеть, а лишь почувствовать можно. Опустела она, хоть и была безлюдной ещё по раннему часу. И в каждом дворе здесь поселилась ощутимая скорбь.

Опасалась Елица, что случаться будут в пути стычки какие между Денко и Леденом. Но сын старосты на рожон не лез, а княжич его будто бы вовсе не замечал. Да только, думается, сдерживали Денко лишь напутствия воеводы, которые тот втолковывал ему перед самым отъездом. Но хотелось верить, что и понял он своим разумением что-то. Что не ему тягаться с княжичем.

Прошло несколько дней пути, как начала Елица узнавать те места, где случилось нападение зуличан. И холмы приметные выросли сначала вдаль, а после взобралась на их плечи дорога, запетляла немного — и спустилась к руслу реки. Елица невольно заторопилась, подогнала лошадь свою и пустила её дальше по тропе тенистой, средь зарослей ивовых, через которые тогда неслась, убегая от Камяна. Леден за ней поспешил, а остальные чуть подотстали. Ехать пришлось недолго. Словно сызнова Елица увидела, как на этом самом месте

спешила в мешанину размытую и бросилась прочь среди деревьев, взбираясь на пологий пригорок. Прошла она тем же путём спокойно, но остановилась, озираясь. Совсем точно нельзя было сказать, где нож выронила. Пока стояла она в раздумьи, нагнали их с Леденом и другие мужи, собрались кругом, ожидая, что дальше делать придётся.

— Надо всё здесь прошарить, — велел княжич. — Всюду, куда княжна укажет, землю осмотреть, все кусты раздвинуть и траву прочесать. Но нож приметный, с украшенной самоцветами рукоятью отыскать надо.

Кмети только плечами пожали и без возражений больших принялись за поиски. Елица и сама кругом ходила, пытаясь припомнить, где же точно её Камян настиг. Показалось, даже нашла то место, прошарила внимательно всё вокруг него — но не нашла клинка. Присела в траву, почувствовав вдруг, что страшно устала — и натолкнулась на взгляд Ледена, который неподалёку от неё осматривался. Мужи бродили тут и там, переговариваясь и перекликаясь, будто в лес по грибы вышли. Но сколько бы они нож отцовский ни искали, ничего найти не смогли. Подошёл Денко, весь в обрывках травинок, отряхнул руки от пылицы и паутины.

— Ты уверена, что здесь его потеряла? — спросил с явным раздражением в голосе.

Елица огляделась — и кивнула только.

— Уверена. Такое не забудешь.

Вон и камень приметный, торчащий из земли, в сторону которого она бежала, думая укрыться за ним. И две берёзы, сросшиеся у основания. Нет. Это то место, отпечатавшееся чертами теми, которые, кажется, забыться должны в пылу побега от преследователя, но засели в памяти занозами.

Ещё долго бродили мужчины кругом. Пока смеркаться не начало. И только тогда Елица поняла окончательно: ничего они здесь не найдут.

— Дальше надо ехать. До веси успеем добраться на ночлег, — громко проговорил Леден и махнул остальным, чтобы собирались все.

Кмети завздыхали облегчённо и двинулись в сторону тропы, где дожидались их лошади, уже вдоволь отдохнувшие. Елица проводила их взглядом, ещё пытаясь убедить себя, что непременно должна

почувствовать тот нож, что он найдётся в самый последний миг. Но и понимала она, что этого уже не случится.

— У Камяна он, видно, — сказала тихо, как подошёл к ней Леден.
— Видно, заприметил его и себе забрал.

Княжич обнял её за плечо, сжал легонько — и неведомое напряжение, что нитью в груди натягивалось, отпустило вдруг.

— Этот проныра, верно, не мог такой нож не заметить и упустить. Теперь мы только в этом убедились. Значит, с него спросим. Давно уж он на встречу со мной напрашивается.

Елица подняла голову и взглянула в его решительное и усталое лицо. Видно, чему быть суждено, того миновать не удастся, как ни пытайся.

ГЛАВА 19

Сколько дорогами разными ни петляй, а всё равно пришлось выехать к большаку, что вёл напрямик на Велеборск. Там, в одной из весей — Борогосте — должны были встретиться с ближниками Ледена и Брашко. А может, и со Знаславом, если тот успеет вернуться из Логоста после разговора с Чтибором о том, какая участь постигла дочь его, которую он, верно, уж и за живую считать перестал.

Не слишком-то легко было на душе после поисков ножа обрядного, что не увенчались успехом. Одно оставалось: с Камяна его спросить — да как забрать только — неизвестно.

— Сам я с ним говорить буду, — решил Леден сразу, как понятно стало, что нож не отыщется на том месте, где потерян был. — Уж к нему я тебя точно не допущу и близко. Одним воздухом с ним уже замараться можно.

И глаза его пыхнули льдом голубым при воспоминании о том, что сотворил ватажник Гроздана с Вышемилой.

— А коль отдавать не захочет? — усомнился Денко, который рядом с ним ехал, прислушиваясь ко всему, о чём княжич говорил с Елицей — если ему позволяли. — Нож, наверное, красивый был, дорогой, раз он на него позарился. Вдруг продал куда или подарил кому?

— Не подарил, — Елица поморщилась от того, как кислым мазнуло по языку от одного упоминания Камяна. От мысли одной о нём. — Такие, как он, любят себе на память оставлять что-то от тех, кого мучили.

Леден покосился на неё с подозрением, но она взглядом одним попыталась его уверить, что совсем уж худого ватажник с ней сотворить не посмел. Только синяк, им оставленный, сходил с лица больно долго. Княжич, кажется, понял всё, снова успокоился — и больше они Камяна до самого Борогоста не вспоминали.

Добрались они до веси нужной по накатанному до каменной твёрдости большаку и вовсе быстро. Большим погостом, последним крупным на пути к Велеборску был Борогост. Много здесь всегда сновало люда перехожего и торгового — на пути из столицы и в неё.

Здесь даже были не только избы гостинные на случай приезда князя и дружины его, но и настоящий постоялый двор, хоть и не такой большой, как в городе. Но нынче и здесь было тихо. Может, даже тише, чем в тех весях, что лежали далече от Велеборска: туда не слишком охотно совались зуличане. А тут, видно, похозяйничали вдоволь.

И пострадал зажиточный Борогост от их набегов сильнее: много погорело изб. И оттого взгляды борогостчан были нынче настороженными и даже неприветливыми к незнакомым путникам. Только немногие, кажется, узнавали Елицу — и тут же начинали шептаться, а то и откровенно громко переговариваться: кто с радостью скрытой, а кто и с обидой. Явилась, мол — ждали давно. Да она старалась на слова эти недобрые внимание своё не распылать. Направились они напрямик к дому старосты здешнего: поздороваться, спросить разрешения подобающего в гостинных избах остановиться. Да Елица и глазам своим не поверила, как увидела, что остались от избы Копыля, которого она с детства самого знала, только брёвна одни обгоревшие.

— На дом Копыля первым напали, — буркнула громко баба со двора соседнего, что наблюдала за пришлыми как только появились они вдалеке. — Его убили, дочерей в полон свели. Теперь мы без старосты покамест.

— Мы в избах гостинных у вас остановиться думаем, — вместо Елицы, которая не сразу пришла в себя от страшных вестей, заговорил Леден.

— Остановитесь, — милостиво разрешила женщина, как будто было у неё на то право. — Если место вам там сыщется. Приехали тут одни недавно, а после ещё. Княжич, что ли какой. Говорят, из Остёрска. И...

Не стали они выслушивать говорливую бабу. Леден сразу коня развернул и едва не галопом помчался через весь на окраину — к гостинным избам. Елица едва за ним поспела в окружении лосичанских кметей, которые даже на ходу успевали недоуменно переговариваться и гадать, как такое вообще приключиться могло. Да дело нехитрое. Всё ж не стерпел побега Чаян — сам лично вослед за умыкнутой невестой отправился. Теперь, что будет — неведомо. И хотелось заставить Ледена остановиться, подумать хорошенько,

прежде чем пред очи брата являться, а знала Елица, что никакими силами того не сумеет сделать. Они промчались по узкой улице, распугивая редкий люд, что попадался навстречу или выходил во двор, чтобы глянуть, кого принесло. Оставалась за ними только полоса туманная пыли, что светилась бронзой в косых лучах вечерней зари. Все приостановились лишь у самой околицы, как завидели избы, в которых случалось и раньше останавливаться в дороге.

Вокруг них было теперьлюдно — и правда ведь, всем места может и не хватить: с Елицей тоже немало мужчин прибыло. Да и ладно бы, беда небольшая, да волновало вовсе не это. Ведь чем ближе подъезжали к постою, тем яснее узнавались среди воинов, что были сейчас во дворе, ближники Чаяна. Уж их Елица запомнила неплохо за всё время знакомства со старшим княжичем и жизни его в Велеборске.

Те тоже заметили, что пожаловали к ним другие путники — а вперёд всех — Ледена, который скрываться и присматриваться издалека ничуть не думал. Да только, кажется, собой всё норовил Елицу прикрыть, которая чуть позади него держалась. Подобрались кмети, запереглядывались, тихо переговариваясь меж собой. Метнулся кто-то в избу самую большую — и не успели ещё на двор заехать, как вышел из сеней сам Чаян.

Знакомый до ёканья в сердце — и другой едва уловимо. Как ни мало было разницы в возрасте княжичей: погодки ведь — а сейчас явственно виделось, что Чаян — старший. Показалось даже на миг, что вовсе не он это, а Светояр, приехавший наконец своё забрать — хоть Елица князя и не видела никогда раньше. Он встал, переступив порог и, вскинув подбородок, оглядел отряд, что следовал за Леденом, после брата, который спешился уже — а уж самой последней — Елицу. И что-то на его лице дрогнуло, отразилось проблеском острой боли, словно ударили его в бок клинком. Слетела на миг вся суровость с его лица, и губы побелели.

Леден сразу ухватил Елицу за руку, не давая сотворить что-то сгоряча — а она ведь уже хотела выйти вперёд и с Чаяном заговорить первой. Из-за неё всё. Пусть и не всегда волей её злоключения случались с ними, но до многого она тоже доводила. Не пожелала внять голосу разума, который, может, вывел бы её на более спокойную и устойчивую тропку. Сердце послушала — и теперь шаталось твердь под ногами.

— Здрав будь, Чаян, — гаркнул Леден так ровно и бесстрастно, будто булыжник ему на голову уронил.

— И тебе не хворать, — ответил тот, не делая больше ни одного шага навстречу, дожидаясь, как младший сам подойдёт.

Лосичанские кмети встали позади, слегка изогнутой дугой охватывая Елицу и Ледена, зорко наблюдая, как бы не начало вдруг смыкаться кольцо Чаяновых людей. Но те с мест своих и не двинулись, но напряжение ощущалось в позе каждого. Ко всему прочему добежал от соседней избы Брашко, сам всклопоченный и напуганный такой, будто его посреди ночи в темноте кто за ногу ухватил. Но, повинувшись взмаху руки Ледена, отрок остановился, растолкав дружинников — а те даже оплеухи ему не отсыпали за дерзость. За ним протолкнулся и Зареслав — ещё, видно, только сам с дороги.

— За чем прибыл? — Леден крепче сжал руку Елицы. — Разве не понял уже, что не желает она с тобой быть и уж тем более женой твоей становиться? Снова будешь неволить? Обманывать себя в том, что сладится у вас жизнь, коли ты душишь её станешь своей волей?

Чаян покачал головой, усмехнувшись горько, и снова в Елицу вперился. Так страшно стало от взгляда его тусклого, пустого. Как много раньше было жизни в нём, огня, который распалить мог любого, кто в него окунался. Или утопить в воле своей, заставляя поступать так, как нужно ему самому. Сколько женщин попало в силки его притягательности — а сейчас Елица видела, что сам он задохнулся в сетях, что опутали на сей раз его сердце.

— Не за тем я прибыл, чтобы тебя убивать и Елицу выдирать из твоих мёртвых рук, — сказал он бесцветно. — Хоть, как из Остёрска выезжал, была у меня такая мысль. Только она и вела вперёд. Ты не яришь и не пытайся щитом встать между мной и княжной. Не нужно это. Её я не обижу. Но и поговорить хочу с ней. С глазу на глаз.

Леден повернулся к Елице, молча испрашивая ответа, пожелает ли она согласием ответить на просьбу Чаяна. Она не долго сомневалась, взглянула на него и кивнула легонько, пытаясь унять тревогу любимого: всё хорошо будет. Неведомо почему она верила Чаяну. Наверное, потому что он был с ней искренен всегда, что бы ни делал: угрожал ли, пытался ли соблазнить и признавался ли в собственных чувствах. Он всё всегда делал с открытой душой — и сейчас она не видела в нём ни капли лживости.

— Поговорим, конечно, Чаян, — она высвободила руку из пальцев Ледена, хоть тот отпустить её и не хотел.

Чаян отступил в сторону, пропуская в сени, а как только вошли они в хоромину — приказал кметям, что были внутри, выйти. Тихо стало вокруг. Явственно прислушивались все, кто был снаружи, к тому, что будет теперь в избе твориться. А больше всех — Леден. Его беспокойство Елица чувствовала кожей даже через дверь. И касание руки его на ладони ещё не остыло, придавая решимости.

— Сочувствую я тебе в той беде, что сейчас над Велеборском нависла, — неожиданно не о том заговорил Чаян. Он опустился за стол узкий и длинный — как раз на большую ватагу людей — и поднял взгляд на Елицу, которая остановилась чуть в стороне. — Хоть и знаю, что не только из-за неё ты сбежала из Остёрска, да всё ж понимаю, что и она тебя в спину толкала.

— Всё верно говоришь, — Елица всё же приблизилась и опустилась на лавку рядом с ним, всё разглядывая его красивое, да похолодевшее лицо. Словно он нарочно старался не пустить на него никаких отражений мыслей своих и чувств. — Я не могу остаться в стороне, когда Гроздан и войско его мают людей в княжестве. Когда Вышемилу в полоне держит. Я должна сделать всё, что...

— Под Гроздана ляжешь, коль он прикажет тебе в обмен на спокойствие этих земель? — жестоко оборвал её Чаян.

И Елица не нашлась сразу, что на это ответить. Не могла она сказать, что не всплывало мысли такой в голове — ведь от Зуличанского княжича можно было ожидать чего угодно. Но надежда, что всё ж этого не случится, пока оказывалась сильнее.

— Не лягу. Но говорить с ним стану. А коль не договоримся — значит, и воевать придётся.

Княжич хмыкнул тихо, чуть сощурившись — и показалось, что в глазах его мелькнул прежний огонёк — да и погас тут же.

— Я мог бы дать тебе войско. Они готовы сражаться за Сердце, чтобы вернуть его. Готовы голыми руками зуличан душить. И не важно, на своей земле или на Велеборской, — он смолк на миг. — Да только какой мне в том прок, коль ты от меня сбежала, как от прокажённого?

Елица опустила взгляд на его кисть, что лежала сейчас спокойно на столе рядом с её рукой — один вершок в сторону — и дотронется.

Она ощущала какими-то тёмными глубинами души ту связь, что волей-неволей, а всё ж натянулась между ними за всё то время, что бок о бок они провели. И оттого сейчас тревожно было с ним рядом сидеть — очень близко. Будто тело её ещё не до конца забыло всё, что случилось между ними когда-то.

— Прок в том, Чаян, что ты князем будешь. И Сердце вернётся на земли твои по твоей воле. Но не моей неволей. Потому как однажды уже Лада наказала отца твоего за то, что он обидел жрицу её. Сейчас она может и вовсе осерчать. Коль встанешь ты у меня на пути, Сердце никогда не вернётся.

— Угрожаешь? — княжич улыбнулся слегка удивлённо.

— Что делать мне прикажешь, коль все вы меня в угол загнать пытаетесь? — она повела плечом. — Ты мог бы сделать меня своей женой. Но сердца моего, уж прости, не получил бы. Скорее, убил бы его.

Чаян покивал задумчиво, чему-то улыбаясь — не беспечно, как бывало раньше — а так, словно нашли слова Елицы созвучие с собственными его мыслями.

— Я говорил уже, что хотел брата убить, когда из ворот Остёрска выезжал? Но в дороге у меня было времени много, чтобы обо всём подумать. И охолонуть, — он сдвинул было руку чуть. Показалось, сейчас накроет её кисть Елицы, да он пальцы в кулак сжал и поднялся. — Не того ждали от меня бояре. Да я и не мальчик уже, чтобы мной помыкать. Хоть это им почти удалось. Я вступлюсь за тебя, Елица. Коль скоро брат мой стал твоим выбором. Твоей судьбой. И раз уж он решил разделить жизнь твою, принять и поддержать. А поддержи его. Я должен тебя уберечь — другого мне, кажется, на судьбе не написано. Потому как возьмёт Гроздан Велеборск, а после и на нас двинется. А без Сердца нам против него не выстоять. Моё войско уже идёт лодьями к по Велечихе.

— И ничего взамен не попросишь? — всё же решила спросить Елица, ещё не веря до конца в то, что слышит от него.

— Только то, что тебе Богиня сделать завещала. Больше ничего.

Она встала и подошла к нему, ступая неспешно, приглядываясь всё, будто заново узнавала. Остановилась рядом и по плечу его ладонью провела — не знала больше, как благодарить.

— Спасибо. Я и без войска твоего вернула бы Сердце. Да не всё так просто — понимаешь ведь.

— Понимаю, — княжич кивнул и повернулся к ней.

Опустил взгляд на губы её и вдруг под локоть поймал. Елица дёрнулась прочь, высвободилась, да княжич обхватил её ладонью под затылком и в поцелуе прижался крепком. Отстранился на миг:

— Последний раз... Позволь...

И поцеловал снова, вдавливаясь в её губы отчаянно, до боли. Елица попыталась руку его содрать, да только хуже сделала. Отшатнулась, упёрлась бёдрами в край стола. Но всё ж замерла на миг, разомкнув веки: остановило её мучение болезненное, что разлилось по лицу Чаяна сейчас. Словно за соломинку он пытался ухватиться, когда болотная топь уже подступала к горлу его. Он врывался в рот её языком торопливо, грубо, чувствуя сопротивление, нежелание отвечать. Но он хотел хоть одно это мгновение украсть у брата. И Елица прикрыла веки снова, расслабляясь. Как в Лельник, когда только по просьбе его позволила себя целовать. Тем всё началось — пусть тем и закончится.

Чаян отпустил её, оставив на шее ощущение своих пальцев, а на губах — огонь своей страсти невыплеснутой. Отвернулся, сжимая зубы.

— Уходи, — бросил хрипло. — Решили всё.

И Елица прочь пошла сразу, услышав только уже в сенях, как громыхнула по полу опрокинутая скамья. Она едва не вывалилась во двор, почти налетела на Ледена, который прямо у двери стоял, явственно пытаясь расслышать, о чём она с Чаяном говорила. Тот схватил её за плечи, обвёл взглядом вопросительным лицо — и сощурился, сдавливая руки сильнее. По губам одним Елицы, припухшим, горячим, всё можно было понять. Он дёрнулся было — в избу войти, да она удержала.

— Всё хорошо, — зашептала. — Ничего он дурного не сделал. Он войско к Велеборску на лодьях ведёт. Небольшое, но нашим в подмогу хорошо будет.

Леден ничего не ответил, только обнял её крепко, глядя по спине. А позади него загомонили ближники: всё ж расслышали, что она княжичу передала. Дюже острым слух становится, когда хочется узнать что-то важное.

Переночевали на погосте тихом и пустынном, прибитом невзгодами и потерями, что свалились на него. А наутро уже выступили в путь дальше.

Чаян осталась покамест в Борогосте, собираясь скоро выезжать навстречу войску своему, к веси глухой, где изгибалась Велечиха излучиной крутой — там незаметно можно было оставить корабли. А оттуда и до Велеборска идти недалёко. На том условились, что, как поговорит Елица с Грозданом, как станет что известно — Леден снова с братом увидится, а там уж решит, быть ли схватке под стенами городскими, станут ли они силы воинские бросать дальше.

Поначалу Леден молчал всё больше. Елица чувствовала взгляд его искоса и хотела спросить, что пуще всего его беспокоит, да ждала, что сам он скажет. К ночи добрались они уж и до Велеборска, но совсем близко подходить не стали. И даже в свете тусклом почти погасшего на небосклоне заката стало видно с пригорка невысокого, что стан зуличский широко раскинулся подле города, обхватывая стены его разогнутой подковой. Дымили костры, пылили по дороге всадники, возвернувшись откуда-то. Неприятель чувствовал себя здесь, видно, совсем уж твёрдо, зная, что рано или поздно окончится осада Велеборска — а там ворота откроются, и можно будет занять детинец чужой, как свой собственный.

Пока разворачивали укрытия кмети, собираясь остаться здесь теперь уж неведомо, на сколько дней, Елица всё стояла, взобравшись на холм пологий, у границы перелеска чахлого, и смотрела на стены Велеборска, вольготно раскинутые вдоль русла Велечихи. На ров его тёмный, крутые насыпи, что казались неприступными. И на ворота замкнутые накрепко — никто не войдёт туда без крови. Да и никто не выйдет, пока стоит перед ними вражеская рать.

Скоро кликнули её — чтобы к костру шла. Она помогла Брашко с вечерей на всех, слушая разговоры мужицкие. Уж много Зареслав сокрушался о недоле, что постигла Вышемилу и продолжала до сих пор маять. Тревожился он, жива ли ещё боярышня, не замучил ли кто её там. Хоть и под защитой она княжича, а всё равно вокруг мужи все жадные да недобрые. И до того на душе тяжело становилось от его слов, что и кусок в горло не полез.

Елица только чуть попробовала гороха с мясом копчёным, да и в шатёр к себе отправилась. Подумать надо было ещё о многом: ведь

завтра отправятся посыльные к становищу зуличан, чтобы княжичу их передать волю княжны встретиться с ним. И понимала она, что дело затеяла опасное, да отступить уже не могла.

— Что-то ты скрываешь от меня, Еля.

Она едва не подпрыгнула от неожиданности: за думами своими рванными, сумбурными, и не услышала, как вошёл Леден. Он приблизился неспешно, навис над ней, сидящей на лежанке своей.

— Что мне скрывать? — она подняла на него взор, задрав голову.

— Встречусь с Грозданом. Попробую Вышемилу вызволить. И поговорю с ним о том, что битва здесь не нужна ни ему, ни нам.

— Думаешь, так просто он спохватится и уйдёт отсюда? — хмыкнул княжич.

Она покачала головой. Нет, конечно.

— Велит с ним остаться. Знаю я...

— И я знаю. И как прикажешь тебя отпустить? Может, просто дождёмся войска и выбьем его? Иногда разговорами не поможешь. Иногда только так и приходится решать.

— Значит, останусь. До нужного мига останусь, чтобы внимание его отвлечь. Чтобы уговорить начать войско отводить от стен, — заговорила Елица всё твёрже и торопливее. — А там и ударить можно будет, как рассеется его рать. Как...

Леден схватил её за плечи. Встряхнул с силой, ставя на ноги.

— Остаться у него? Чтобы снова тебя неволить начал, мучить?

— Найду управу, — огрызнулась она. — Теперь найду.

— Убьёт тебя, — рыкнул Леден. — Убьёт, как узнает, что мы наступаем.

— Не убьёт. Я нужна ему, — Елица обняла его лицо ладонями, пытаясь вложить в него свою уверенность, свою решимость и отчаяние. — Вышемилу он убить может, коли почует опасность. А без меня недолго ему продержаться у Велеборского стола. Коль погубит княжну, наследницу князя законного по крови, так вытерпят его люди мало. И жизнь мою на свою, коль отвернётся от него милость Перуна, он подумает выменять. Так будет. Я узнала его. Хоть немного, но узнала, пока...

— Еля, ты в своём уме? — зашептал княжич, сминая её плечи пальцами до рези по коже. — Как я могу позволить? Чтобы добровольно ты ушла к нему.

— Я не могу. Я должна Вышемилу вызволить. И заставить Гроздана остановить буйства в округе. Снять осаду с Велеборска. Ты видел всё. Сам всё видел, — Елица почти захлёбывалась собственными словами, которые лились и лились из души, сжатой страхом и болью. — Ты понимаешь меня. Как хочется всё остановить, когда все вокруг страдают. Не за этим ли вы Сердце искали?

— Плевать на Сердце, — выдохнул Леден зло, горячо. — На всё плевать, кроме тебя.

— Ты заберёшь меня обратно, — она прижалась лбом к его лбу. — И я сама буду к тому стремиться. Гроздана убью, если надо. Не останавлиюсь. Но и ты меня сейчас не останавливай. Может, так легче и вам станет его одолеть.

Леден отшатнулся, выпуская её из рук. И показалось, что сейчас воспротивится упрямо. Запретит, угрозами засыпет неведомо какими. Но он смолчал — только наполнило его черты мучение страшное. Ведь понимал, что во много она права, но и не хотел в это верить: проще отрицать всё. Просто не принимать.

Елица шагнула за ним. Поймала за локоть и потянула к себе. Он вжался губами в её губы, не лаская — наказывая. Дёрнул ворот рубахи, едва щадя завязку на нём. Парой рывков оголил сверху и смял ладонями груди.

— Останься со мной сейчас, — запоздало прошептала Елица, зная уже, что уйти он не сможет.

Потянула за собой к лежанке, вновь к нему притиснулась обнажённой кожей, сдирая с него рубаху едва не клоками. Они рухнули вместе на твёрдое ложе, борясь и схлёстываясь, хватаясь, царапая нещадно плечи, спину, бёдра. Елица жадно принимала поцелуи Ледена — злые, грубые. Принимала его до конца. Первый раз он брал её так — чтобы больно было, чтобы поняла она весь его гнев. И она понимала — да только распалялась сильнее. И бились они в постели долго, собирая губами испарину с кожи друг друга, пока не обмякли в изнеможении оба — и только смотреть теперь оставалось, ни слова не говоря.

А наутро выехали кмети до стана зуличанского. Вернулись скоро с приглашением пылким от Гроздана — княжне наведаться к нему. Поговорить и принять угощение: ведь гостья дорогая и долгожданная.

Хотел было Брашко с Елицей ехать, помимо ближников Ледена, да, показалось, в последний миг сам княжич в седло поднялся.

— Не смотри так, — бросил, заметив, как Елица напряглась, приподняв брови. — Сказал, одну не пущу. Осмотрюсь в их лагере. Выведаю что. Так мне спокойнее будет. Да и Гроздан подумает, прежде чем говорить что и бесчинства творить.

Неведомо, что мог бы Леден изменить, реши вдруг княжич Зуличанский проявить жестокость и упрямство, но Елице было рядом с ним, под его присмотром, всё ж спокойнее.

Скоро выехали по большаку прямо к стану шумному, пёстроу. Были тут и шатры зуличан — привычные. Да попадались и округлые, пологие — косяцкие. Да и рожи их мелькали то и дело повсюду: Елица насмотрелась на них, пока ехала в седле до укрытия княжича.

Встретил их молодой отрок — откинул полог тяжёлый, приглашая войти внутрь, мол, Гроздан Мстивоич ждёт давно. И Елица шагнула в полумрак, набрав в грудь воздуха, едва удержавшись, чтобы не оглянуться на Ледена. Зуличанин сидел у очага потухшего, а рядом с ним по обе стороны — ближники, уже хорошо знакомые. Среди них и воевода из Зулича самого — стало быть, Мстивой знает и позволил. Елица только по лицам их взглядом провела и на княжича посмотрела. Изменился он слегка, загорел в пути под жарким Оком, и под бровями его выгоревшими сияли сталью глаза безжалостные. Он глядел на неё неподвижно, впивался в кожу, словно крюками. И казалось, останься она сейчас с ним наедине — и тут же он сневолит её, возьмёт прямо на ковре этом потёртом, истоптанном, чтобы напомнить место её рядом с собой.

Но как появились за спиной Елицы кмети, а после и Леден сам, так сразу внимание Гроздана на них перекинулось — и полегчало тут же. Посерело лицо зуличанина: верно, не ждал он и таких гостей. Елица прошла дальше в шатёр.

— Чего ты хочешь, Гроздан? Зачем на Велеборских землях бесчинствуешь? — заговорила она твёрдо, стараясь не пустить и малой доли робости в голос. — Никогда отец с твоим отцом не воевал. Жили в мире всегда. Так чего же ты сюда пришёл завоевателем, разве Мстивой-то одобрил?

Гроздан пока не ответил, только жестом пригласил всех сесть напротив, у скатерти походной. Пришлось повиноваться, да только

ничего со стола этого Елица брать пока не собиралась. Чай не друзья.

— Я уж давно из отроческих портов вышагнул. Мне воля отца не всегда указ, — Гроздан беспечно пожал плечами, как устроилась она на ковре, подогнув под себя ноги. — Осаду я держать буду, пока люди все в Велеборске с голоду помирать не станут. Войско Доброги мне не препона, коль и придёт сюда. Сама знаешь. Да рано или поздно он сам мне ворота откроет. Вон, и княгиня уж приглашала к себе — говорить. Да только то, что предложила, мне ни к чему. Зачем мне другая женщина, если ты есть? И только ты можешь скорее прекратить их мучения. Если волей своей наследницы Борины прикажешь меня выпустить. Тогда многие выживут.

— Чего же должна я тебе наследие отца своего отдавать? Ещё его прашуры здесь устраивались. И земли эти исконно наши, — Елица чуть осеклась, как громко хмыкнул Камян, что сидел подле княжича, на её слова.

Невольно она скользнула взглядом по поясу его, выискивая нож материн — и показалось, заметила рукоять красивую. А может, почудилось только.

— Не думай, что мне нравится убивать безвинных. Девиц пригожих и парней крепких в полон уводить. Тогда как могли они родить справных детей — чтобы и дальше княжество процветало, — Гроздан вздохнул как будто с сожалением. — Но тут деваться мне некуда. Забрали у меня моё. Твоим отцом мне обещанное. И отступаться я не намерен. Не ты мне достанешься, так княжество твоё. А коль станешь моей женой, так сразу всё это прекратится. Всё честь по чести справим. И ничего дурного с тобой не станется ни до тех пор, ни после. И с другим людом, что здесь живёт. Ещё я верну пленников захваченных туда, куда они сами пожелают идти.

— Кроме тех, которых ты косякам отдал? — Елица усмехнулась горько.

— Да хоть кого-то, — развёл руками княжич. — Многое ещё можно исправить. Коли будет твоя воля.

Елица промолчала, хоть и хотелось сыпать упрёками и обвинениями на Гроздана — заведомо бестолковыми. Да только и думать тут, похоже, было не о чем. Не могла она позволить и дальше давить люд Велеборский, сжимать удавку на шее города — ей того никто и никогда не простит.

— То, что отец тебе мой обещал, неверным оказалось. Он сам не знал, но муж мой, которого я погибшим считала, оказался жив, — Елица взглянула на Гроздана исподлобья, не без удовольствия отметив, как вытянулись лица княжича и его ближников. — Считаешь, что могу я твоей женой стать?

Недолго длилось замешательство зуличан. Гроздан вновь губы в улыбке насмешливой растянул, окинул её очередным тягучим взглядом, словно раздел.

— Отправлю своих людей, — ответил он, чуть поразмыслив. — За мужем твоим, чтобы сюда приехал и перед взором Богов в святилище признал, что ты больше ему не жена. Я подождать готов. И ещё больше: как тот срок после выйдет — и ты сможешь со мной обручиться. То небольшая цена за спокойствие наше и людей княжества.

Елица едва удержалась, чтобы не фыркнуть презрительно. Да разве ж он о других мечется? Тщеславие его вперёд толкает и желание честь, поруганную в поединке с Чаяном, восполнить. Гордость и мстительность — страшная смесь, которая многое может порушить на своём пути.

— Всё верно говоришь, — как можно мягче попыталась согласиться Елица. А кмети, что подле неё сели, заёрзали вдруг, будто взволновались от слов её. Хотя обо всём было заранее говорено. А уж какая волна горячего негодования от Ледена колыхнулась — сразу спина потом покрылась вся. — Да только я тоже хочу попросить. И право на то имею. По совести. Коль я останусь с тобой, в твоём лагере, то ты отпустить Вышемилу. И косяков отсюда отводишь, с которыми, верно, по недомыслию спутался. И осаду снимешь с Велеборска в тот же день.

Гроздан брови вскинул — и зашло всё в груди трепетом: что скажет теперь? Очнётся в нём благоразумие, и пожелает ли он хоть в чём-то навстречу ей пойти? Зашевелился рядом с ним Камян, который до того слушал их разговор неподвижно и внимательно. Переглянулся с другим старшим, что рядом с ним сидел, и крикнул хрипло, с недоверием.

— Ты что ж, бабьи приказы слушать будешь, княжич? Ты здесь теперь хозяин, а не она. Ей только подол задрать перед тобой и остаётся.

— Рот захлопни свой, — предупредил его Леден — не выдержал.

Ватажник вперился в него нагло. А Гроздан махнул рукой резко, заставляя его молчать.

— Не думай, что мне радость доставляет то, что косяков пришлось на подмогу созвать. Посулил им многое — да. Потому... Я согласен на твоё веление. Но ты сегодня же останешься в моём стане, а люди твои вернутся в свой. И мыслить забудут, чтобы путаться у меня под ногами.

Кмети заворчали тихо. Вздохнул Леден. Кто-то даже уж к Елице подвинулся: сказать ей что-то. Но она заговорила раньше, пока не оставила её решимость, пока не начала она сомневаться в том, что рассудила обо всём правильно, и не станет решение это для неё губительным.

— Сегодня же Вышемилу отпустишь, — напомнила она.

— Как скажешь, княжна, — пожал плечами Гроздан. — А завтра наутро косяки начнут отбывать из становища. Слово даю. Сама проследишь. Покуда доберётся сюда муж твой оживший, их тут и вовсе не останется. Но и тебе придётся княжича своего ручного домой отправить. Вместе с той ватагой, что с ним прибыла, — он кивнул на Ледена.

— А коль не захочу? — усмехнулся тот.

— А что ты мне сделаешь своей горсткой воинов? Свои шкуры поберегите.

Елица кивнула только, спокойно взглянув на любимого, который напрягся страшно, задышал гневно, будто силился удержаться от других слов резких, что точно во вред окажутся. Гроздан подозревал к себе отрока ближнего из тех, что в шатре были; тот подошёл и склонился к нему, внимательно слушая приказ тихий. Кивнул и умчался — а вокруг молчание разлилось. Скоро парень вернулся, а за ним вошла внутрь Вышемила. Елица как глянула на неё, так и чуть не вздрогнула: до того осунулась, похудела — одни глазищи, казалось, на лице её остались, тревожные и уже затравленные. Да боярышня будто и спину выпрямила пуще, как её увидала. Расплылась улыбка робкая, недоверчивая на её губах, как посмотрела она на Ледена.

— Благодарю до конца жизни княжну, — проговорил Гроздан, на неё и не глядя. — Её волей и согласием со мной остаться ты станешь нынче свободной.

Вышемила потухла тут же, всхлипнула тихо, прикладывая ладонь к губам бледным, растресканным. Замотала головой, но натолкнулась на взгляд Елицы и утихомирилась как будто. Поняла что-то. И до того заметно стало, как изменилась она не только наружностью, но и внутри. Повзрослела никак? О многом узнала за луны эти, покинув дом отчий. О том, что может деяться кругом. И не всегда эти деяния добрые.

Елица кивнула ей спокойно, стараясь успокоить пуще.

— Что ж, раз решено всё — то можешь охранителей своих отсылать прочь, — Гроздан прервал их безмолвный обмен взглядами. — С тобой всё хорошо теперь будет. А тебе, Вышемила, всего доброго.

Недовольно дёрнулся на своём месте Камян, шепнул что-то княжичу на ухо, да тот отмахнулся раздражённо: не внял. Боярышню увели прочь, а Елица поднялась на ноги, как начали вставать мужи вслед за княжичем, который разговор посчитал завершённым.

— Я не подпущу его к себе, — успела шепнуть Елица Ледену во время заминки небольшой: словно запуталась чуть в подоле собственном. Кмети на миг окружили их, загородили спинами. — Долго не подпущу. Делай всё, как должно. Как только косяки уйдут.

Княжич придержал её под руку заботливо.

— Одно ещё дело к тебе, — проговорил он тихо и торопливо. — Гроздана от войска его отдели. Я пущу слух, что нападение на их стан будет. Пусть уводит тебя из-под удара.

Елица кивнула, глянув на Гроздана искоса — тот занят был разговором с воеводой своим. Леден сжал её локоть крепко — и в сторону отошёл. И выдворили скоро его и ближников из шатра едва не силой — подгоняя. Ушли они — и внутри всё застыло ледяной обречённостью.

— Тебе отдельный шатёр поставят, — прежде чем выйти, сказал Гроздан. Подошёл и поймал пальцами Елицу за подбородок. — Но только помни, что меня ты в нём должна принимать, как только я захочу.

— А я хочу, чтобы теперь всё по-другому было, — ответила твёрдо, высвобождаясь. — Коль скоро стану твоей женой, то и хочу, чтобы вёл ты себя подобающе.

— Я подумаю, — хмыкнул княжич. — Крепко подумаю. Обещаю.

И нехорошо дрогнуло в животе, закрутилось узлом. Елица промолчала — и княжич, верно, принял её безмолвие за согласие. Едва покинул он укрытие, как зашли внутрь рабыни, одетые справно и чисто — видно, так их блюли, чтобы не брезговали ближники Гроздановы, а то и он сам, с ними на ложе устраиваться. Захлопотали кругом, повели куда-то. И скоро оставили в другом шатре, совсем новом, будто ни разу ещё его раньше на разворачивали. И ковры на земле тут лежали совсем не потёртые, чистые — шёл от них запах шерсти, густой, ещё не перебитый ничем. Похоже, давно жильё это походное Елицу дожидалось, явно не только что его поставили. Уж больно много уюта успели навести здесь, обо многом позаботиться.

Да только не успела ещё Елица и осмотреться толком, как наведася к ней Камян. Постоял он в стороне немного, наблюдая за тем, как ходит она по шатру неспешно, и за размышлениями не сразу удалось его заметить. А как увидела — вздрогнула невольно, пусть и не хотелось слабость лишнюю показывать.

— Вот и свиделись снова, княжна, — проговорил он хрипло. — Так уж выходит, что вдругорядь мне за тобой приглядывать придётся, покуда Гроздан не утвердился в Велеборске.

Елица уняла вспышку страха и омерзения от вида его, подошла размеренно, стараясь увереннее впечатывать шаги в мягкие ковры.

— Коль скоро нам бок о бок придётся находиться, — даже улыбнуться ему получилось, хоть и коротко, — может, пойдешь ты на уступки для меня? Вернёшь мне то, что я потеряла, но что мне очень дорого.

— С чего взяла ты, княжна, будто у меня это есть? — он и правда не понял будто бы.

— А вижу просто. Глазами своими.

Она опустила взгляд на пояс его, увешанный оружием, как гривна берегами. И указала взмахом руки на нож приметный, да мало подходящий тому, чтобы у него оставаться. Камян догадался теперь, клинок вынул и, подбросив в ладони, ловко поймал за рукоять.

— Помню-помню. И правда ведь, забирал, да вернуть все недосуг было. Думается, ты снова меня им пырнуть захотела бы, — он указал остриём в лицо Елице. — А сейчас не станешь?

— Не стану, — она развела руками. — Теперь я по доброй воле здесь осталась.

— А я вот не верю тебе, — хмыкнул ватажник и нож снова за пояс себе убрал — по груди аж разочарованием полоснуло. — Такие птички, как ты, княжна, хоть и красивые, безобидные с виду, а глаза выключают вмиг, коль зазеваться. Но я отдам тебе твою безделушку, которой только в зубах ковыряться. Коль ты моё условие исполнишь.

— Какое же? — Елица уж приготовилась услышать всё что угодно.

— Приласкаешь меня хорошенько, а Гроздану мы о том не скажем. Брать тебя не стану, перебыюсь. Да вы, бабы, и по-другому ублажить можете легко. Вышемилу ты спасла. Так, может, надо бы за неё выполнить, то, для чего я её забирал?

Он руку протянул плавно, но уверенно, и провёл пальцем большим по губам Елицы, надавливая, чуть размыкая их. Она отшатнулась, задыхаясь от ужаса, от негодования жгучего. От омерзения. Сглотнула прогорклую горечь, что заструилась по горлу от слов его паскудных и улыбки похабной. То ли и правда он считал, что может она на то согласиться, то ли посмеяться решил, поиздеваться и унижить лишний раз.

— Я подумаю, стоит ли нож того, — попыталась ответить она спокойно, а не броситься тут же выцарапывать ему глаза. Пусть и хотелось страшно.

Гроздан за то её слишком не наказал бы. А всем стало бы жить легче без мрази этой, которого только клинок по горлу исправит.

Ватажник хмыкнул громко, а на лице его отразилось удивление, граничащее даже с недоумением явным. Стало быть, не ожидал всё ж такого ответа уклончивого. Да пусть уж лучше так, может донимать будет меньше.

К счастью, скоро вернулись и рабыни, принесли, чем ложе застелить, рушники, чистые и большие, да ковши для умывания. За суетой их размеренной, привычной для них, и Елица сама забылась как будто, всё перемалывая в голове мысли о том, что дальше будет. О том, что ей сделать надобно. Как долго удастся ей время тянуть, чтобы добрались рати Чаяна и воевод велеборских сюда. Выходило не слишком радостно, да подступила к горлу самому другая опасность, хоть и не самая страшная, зато насущная. Справиться бы тоже.

Как скатилось Дажьбожье око к окоёму самому, разошлись женщины из шатра, будто кто их о том наперёд предупредил. Вот были

тут, помогали ко сну собраться, разговорами досужими развлечь пытались — а тут вдруг пропали все мигом. И остался кругом только гомон стихающий, шум стана большого, от которого голова разламывалась, как скорлупа ореховая. Елица насторожилась от этого спокойствия — да и не зря.

Пришёл Гроздан, задвинул полог за собой, отослав стражников, что снаружи стояли, и к Елице направился. Без слов лишних, как и в первый раз было. Да и многие другие. Будто не услышал того, что она ему намеренно сказала. Елица отшагнула прочь, собираясь отбиваться что есть силы, коль не выслушает, и снова заговорила торопливо, боясь упустить миг:

— Не могу, Гроздан. Нынче — не могу, — улыбнулась губами дрожащими, стараясь страха не выдать. — Немочь женская в разгаре. Хочешь, у рабынь спроси, что нынче со мной были. Они знают.

Княжич нахмурился было, а после скривился даже. Любой мужчина знает, что в дни такие женщина нечистая — и лучше её не тревожить, не касаться. Да коль проверить захочет — быть беде.

— Жаль, конечно, — проговорил он разочарованно. Подхватил пальцами прядь волос её, расчёсанных на ночь со всем тщанием и заботой. — Но я подумал над твоими словами... Скучал я по тебе, признаюсь. Что-то есть в тебе такое. Особое. Коль испробовал, другое не нужно. Любая девка после тебя, как лепёшка пресная. Но я подожду, как ты попросила. И будет всё на сей раз по-другому. Сама меня позовёшь. Да только не испытывай моё терпение слишком долго. А за то, как раньше случалось — прости.

Сыпались его слова прочно, взвешенно. И задуматься бы о том, что, может, правда он ошибки свои и поступки непотребные, жестокие, осознал — да не верилось. И прощать его Елица вовсе не собиралась. Не забывается такое, сколько бы извинений после ни прозвучало. И оставаться с ним рядом слишком долго она не станет: скорее сама извернётся и зарежет, коли снова руки распускать начнёт. А потому оставалось надеяться, что ждать подмоги не придётся долго.

ГЛАВА 20

Тяжко было покидать зуличанский стан, оставляя там даже не Елицу — сердце своё. Но увидел Леден довольно, пока ехал через лагерь: воинов много, а косяков среди них — едва не каждый третий. А стало быть, если напасть даже всей ратью, что скоро соберётся воедино, их не одолеть. Несмотря на горячность свою, княжна рассудила верно: выждать нужно и избавиться хотя бы от части войска Гроздана. Иначе толку не будет.

Да всё равно словно душа сама на клоки расползалась, как становился лагерь вражеский всё дальше. Приблизилась к Ледену Вышемила. Ехала поначалу молча, всё всматриваясь в его лицо. Будто понять хотела что-то. И понимала всё больше, всё глубже ощущая, отчего он такой смурной.

— Спасибо вам, что вызволили меня, — заговорила она наконец. — Да только... Неужто Елица и правда останется у Гроздана теперь? Примет его князем Велеборским?

Леден повернул к ней голову: совсем истончилась боярышня, измучилась за эти седмицы, что провела в плену у Гроздана. И представилось на миг, что и Елица такой может стать, если не достанет у него сил её забрать. Вырвать из рук зуличанина.

— Конечно нет. Глаза отвести ему хочет. Чтобы не видел, как войско наступает на его стан, — он снова отвернулся. — А тебя она не могла в беде оставить. Тебя убили бы сразу, как Гроздан понял бы, что ты для него бесполезна. Или отдал бы Камяну снова. Что, наверное, ещё хуже.

Он не хотел смягчать. Не хотел успокаивать. Ему хотелось сейчас, чтобы Вышемила тоже ощутила свою вину. Пусть и невольную — потому что оказалась в беде.

— Я понимаю, — та понурилась ещё пуще. — И ты, верно, не оставишь всё так?

— Не оставлю, — Леден вздохнул, чувствуя, что ждёт от него боярышня ещё и других слов. Да, понимала она уже всё. Но хотела услышать. — Прости, Мила. Но судьба моя отдана только Елице. А

ты... Надеюсь, жизнь у тебя сложится хорошо. Ты заслужила это давно. Знаешь, кто помог мне в том, что я здесь оказался?

Он даже попытался улыбнуться, но девушка только всхлипнула тихо, чтобы он, верно, не услышал. Быстро провела по щеке, слегка чумазой, ладонью — и снова вцепилась в повод.

— Кто же? — всё же выдавила без интереса.

— Зареслав. Помнишь такого?

Боярышня кивнула и вдруг зарделась. Удивительно, но щёки её и правда налились бледным румянцем: помнит, конечно. Значит, успел купчик оставить в её душе память о себе. Больше она ничего говорить не стала, а после придержала лошадь свою, позволяя уехать чуть вперёд.

Добрались до стана своего скромного уже к темноте самой. Здесь было спокойно, почти безмятежно — вдали от утопшего в крови лагеря зуличан. Метнулся навстречу Брашко, принял повод коня. И заглянул в лицо Ледена вопросительно, ожидая хоть какого-то рассказа о том, что нынче приключилось. Тот махнул ему рукой, приказывая за собой идти. Прежде чем скрыться в своём шатре, успел заметить, как спешно подошёл Зареслав к Вышемиле, обхватил за плечи её встревоженно и расспрашивать о чём-то принялся. А она отвечала рассеянно, никак на него не глядя и комкая пальцами подол платья поношенного, застиранного — явно с чужого плеча.

— Что же, княжна боярышню на себя выменяла? — показалось, едва не плача спросил Брашко, как зашли они в укрытие.

— Как видишь, — заставил себя говорить Леден.

Да уж отроку следовало всё рассказать.

— И что же теперь? — глаза того и вовсе округлились от ужаса.

Хоть и готовится он стать кметем по осени — а всё равно ещё порой как мальчика малый, который ещё и портов не надел.

— Гроздан обещал косяков прочь отослать, — продолжил Леден, будто сам себе вслух решил всё проговорить, в голове уложить крепче. — И людей собирается к Радиму отправить. В Радогу. Привезти его сюда, чтобы обряд провести. Разорвать их связь. Перехватить их надо. Выглядчиков к стану их отправлю. Чтобы не пропустили.

Брашко только кивнул на его слова, но промолчал, ожидая, что Леден ещё скажет. Но тому не удалось из себя больше ни слова выдать. Теперь уйти придётся — будто жилу из нутра у себя вырвать

— ведь как княжну совсем без своего пригляда оставить, хоть и сейчас он не видел, что Гроздан с ней в этот миг творит? Аж перед глазами темнело, как представишь. Но Елица решила всё. А он понимал, что пока не придут войска с трёх сторон, другого им не оставалось. Надо внимание Гроздана распылить, отвлечь победой, что уже витала ясно перед ним. Из-за тщеславия своего и гордости, что застили, обласканные, его взор, он многое может не увидеть. Только бы руки его княжны не коснулись. Иначе Леден просто отрубит их ему: с живого или мёртвого тела.

— Завтра мы снимемся с места и уйдём, — помолчав, добавил он к сказанному. — Только недалеко. С Чаяном встретимся, где договорились. А там уж пусть на себя пеняют.

Он вздохнул, успокаивая в голове все мысли, взывая к обычной своей холодности, которая теперь всё чаще ему изменяла. Но он пытался проникнуться той уверенностью, которую передала ему Елица. Всё хорошо будет. Он не допустит, чтобы случилось с ней скверное. Как может, будет стремиться скорее её себе вернуть.

Не стали выжидать долго: поутру начали становиче сворачивать, зная уж, что наблюдают за ними соглядатаи Гроздана. Коль хорошенько в кустах пошарить — так и надутся, небось: следы их — уж точно.

Там отправились навстречу Чаяну. Все пути, по которым он должен был к Велеборску двигаться, они уж заранее обговорили. И постарались забыть о тех обидах, что между ними ещё висели. Не мог простить Леден брату, как тот хотел у него Елицу силой забрать; а Чаян и вовсе всё принять пытался, что не его она выбрала. Трудно ему было, памятуя о том, что редкая девица или женщина ему вообще когда-либо отказывала. Да на том хоть спасибо, что помочь не отказался, что не стал вредить ещё больше.

Остались только выглядчики, чтобы присмотреть за княжной. И проследить, как будет войско косяцкое уходить — и куда. Они уехали другими тропами назад, когда ослаб взор Гроздановых подручных. Пропало ощущение надзора тяжкого. Нехорошо становилось внутри, как отдалялся Велеборск — и Елица вместе с ним. Но гораздо легче стало, как наконец случилась встреча с Чаяном подле веси малой совсем, где дворов-то было не больше десятка — тихо кругом, безлюдно. Вечером свиделись, как совсем уж стемнело, как опустился

туман на луга заливные, что раскинулись вокруг селения да в пойме речки широкой — одной из дочек Велечихи, верно. Там они простояли лагерем общим до следующего дня. Войско привёл Чаян не слишком большое: всего часть от того, что стояло когда-то под Велеборском. Да и того, коль объединиться с воеводами здешними, будет достаточно, чтобы хорошенько зуличанам бока намять.

— Осталась Елица, значит, — только и сказал брат, как Леден к нему в шатёр вошёл.

Сидел он у очага небольшого на постеленном рядом плетёном половике. Большого удобства сейчас в походе никто не ждал и не требовал. Леден остановился чуть поодаль, глядя на фигуру его ссутулившуюся, словно давило ему на плечи многое.

— Осталась. Она так решила. И моё дело теперь её вызволить.

Чаян поднял взгляд на него укоризненный. Словно не он вынудил однажды княжну бежать, а брат велел. И теперь по его вине ждало её невесть что.

— Наше дело, — поправил Чаян, вставая. — Отправил я посыльных к воеводам в обе стороны, с которых они сходиться будут к Велеборску. Встретимся с ними на подходе к городу через три дня. А там ударим с трёх сторон.

— Дождёмся, что выглядчики скажут, как сюда доберутся. Отослал ли Гроздан косяков.

— Думаю, что, коли и отошлёт, то не всех. Для вида только. Елице-то и другое показаться может. Она успокоится, что выполнил он всё, как просила она. Но надеяться особо не на что.

— Думаю, в стороне встанут, — согласился Леден. — И надо бы узнать, где. А там и придавить, чтобы обратно не сунулись.

Долго они ещё говорили с братом — уж и окоём восточный светлеть начал, как разошлись по лежанкам своим. Да одно ещё радовало, кроме того, что решили они многие вопросы важные, всё обсудили, что делать дальше будут и когда: они снова почувствовали себя родичами, снова заодно стали. Может, дело было в том, что одну девушку они выручать собирались — да пусть лучше так, чем морды друг от друга воротить, безуспешно пытаясь сделать вид, что никаких распрей между ними нет.

Наутро выдвинулись дальше. Ладьи оставили в укрытии подле той же веси, названия которой никто и не знал. Старейшина там

оказался понимающим и горячо поддержал он тех, кто, посчитай, всех велеборцев выручать шёл.

Как и условились раньше, встретились с воеводами в месте приметном, подле святилища Перуна, что стояло в недалёко от Борогоста, в котором бывать уже приходилось. Проследили зорко, чтобы никто за ними не шёл. Собрались тут Чтибор и Осмыль — с концов княжества, что с косляками граничили. И ещё один боярин пожаловал — назначенный вместо себя Добройгой, который оставался пока в Велеборске. Его ни Леден, ни Чаян раньше не встречали. Звали его Вереск — имя такое захочешь, не забудешь. И был он мужем видным и серьёзным — таким, что двое других воевод рядом с ним едва не мальчишками беспечными выглядели. Годы давали своё, виделся в его глазах опыт такой, который не каждый к старости наживает. И даже странно, что раньше не сталкивались с ним где в бою.

Рассказал Осмыль, как натолкнулись они на ту часть войска косляцкого, что обратно в земли свои шли. Кого порубили, кто ноги унести успел — да теперь не приходилось сомневаться, что назад он ещё долго не пожалуют.

Говорили долго: почти всё утро. Отроки уже и обедню им справили, вместе с требами Перуну, которые и поднесли ему после, как расходиться надумали. Запалили огонь большой во славу Громовержца, омыли в нём мечи свои и топоры, наполняя силой божественной, чтобы разило не хуже, чем у покровителя воинов, отца всех князей.

Решено было через день, как совсем к Велеборску подойдут, напасть на рассвете, как тронет только Дажьюожье око самый край окоёма. Так и перед взором Богов они останутся честными, да и время удачное подгадают, когда уж у самого стойкого дозорного притупляется внимание.

На том и разошлись, каждый в свою сторону, оставив на столе требном подношение Перуну — с надеждами, что сила окажется за ними, а уж в справедливости и сомневаться не приходилось.

Вышемили под приглядом Зареслава оставили в Борогосте — нечего ей вослед за войском таскаться. Купчич, конечно, и хотел к воинам примкнуть, да удалось его убедить в том, что боярышне он сейчас нужнее.

А Леден и Чаян выдвинулись дальше, как удалось поспать хоть немного. Тропы, знакомые только смутно по тому, как раньше приходилось бывать подле Велеборска во времена сражений со здешним войском, вели уверенно и скрытно, пряча от взора лишнего даже несколько сотен воинов. Старались держаться в стороне от жилья людского, даже ненароком не попадаться на глаза случайных людей. Припомнил Леден — случилось так — место одно, как мимо него проезжали. Там погибли в начале весны князь Борила и сын его — Отрад. Показалось, целая жизнь прошла с тех пор. И кто мог подумать, что бывшие враги, между которыми, казалось, мира не будет никогда, теперь вместе собирались город отбивать, гнать супостатов, что пришли с земель других и в дела их вмешались так неожиданно и нахально.

Мысли о том, что не совсем уж избавится Гроздан от подмоги косяков, оказались верными. Доложили выглядчики, что часть их отрядов под Велеборском всё же осталась. Да совсем немного — а значит, это уже было не так и важно. Ещё беспокоило, сумеют ли ближники, которых Леден отправил наперерез Гроздановым людям, что выехали к Радоге, их остановить. Вестей от тех приходилось ждать не раньше, чем бой закончится — стало быть, и думать рано.

В ночь перед наступлением встали лагерем в лесу густом, что ближе всего подходил к границам веси, лежащей подле Велеборска. Вышли выглядчики в последний дозор, чтобы уж всё разузнать. И тут-то стало понятно, что, как и замыслил Леден — о приближении какого-никакого войска к лагерю Гроздан узнал. Много ли они ожидали противников — неведомо — а готовились воины серьёзно. Валы укрепляли, а лагерь малый, что предназначался для княжича и ближников его, перенесли в сторону, к западу, почти под самые стены городские. Там холм невысокий, окаймлённый с одной стороны редким лесочком стоял: и наблюдать удобно за тем, что будет на поле твориться, и в отдалении, в безопасности до поры оставаться можно. Значит, и Елице удалось княжича увещевать, чтобы поберёгся и её сохранил. Оставалось только дивиться силе чар её женских, которые пленили уже бессчётное число мужских сильных сердец.

На тот-то стан мысленно и нацелился Леден. Знал он уже, что будет делать дальше. Хоть и вразумлял его Забура, воевода, что привёл войско Чаяново на ладьях: оставаться нужно княжичам в стане, что

нарочно для них устроили отдельно от основного да поближе к городу. Наследников Светояра беречь теперь надо, не бросать в бой без надобности, а там уж помогут с дружинами своими ближними, если совсем тяжко придётся.

Леден молчал, как и Чаян — казалось бы, согласно. Да заметили они в один миг решительные огоньки в глазах друг друга — и сговорились, не произнеся и слова лишнего. За княжной поедут — выручать, не дожидаясь, как одержит верх какое войско. Даже это может переломить ход сражения, если удастся Гроздана убить. Наверное, воевода и не понял ничего, а может, просто вида не показал. Но предупредил крепко, чтобы в сечу самую густую не совались.

Перед боем отдохнули справно: как сил не набраться? Ведь махать оружием придётся неведомо сколько. Но поднялись воины заранее по приказу сотников и десятников. Быстро, точно тело одно, собрались, надели кольчуги и шеломы, подготовленные — и выдвинулись рядами, разделённые на полки правые и левые — к городу.

А Леден с Чаяном и ближниками своими отделились от них на тропе одной — ушли к месту удобному, где стоял для них шатёр — один на всех. Там ждать теперь вестей с поля боя. А после вмешаться, коли понадобится.

Нынче Дажьбожье око обещало строго следить за тем, что на земле деяться будет, а может, и судить кого справедливо. Чистое небо, без единого облака, светлело всё больше, как уходило к западу войско Остёрское. Заливали лучи лес тихий, безмятежный как будто: ему и дела нет до того, что случится совсем скоро, за его границей — среди пала широкого, истоптанного уже вдоль и поперёк копытами вражеских лошадей. Сначала одних, а там и других.

Пронеслось, разрезая покой и тишину утреннюю, эхо рога, что возвестил о начале боя. Видел Леден из лагеря своего малого, что у границы леса стоял, как метнулись тёмные потоки воинов вперёд — с их стороны. Что деялось с других — он не ведал вовсе. Да призывающий к бою гул раздался тут же второй раз и в третий — едва слышно, но грозно. И в душе будто успокоилось что-то. Теперь только умения воинов, дружин обученных и опыт воевод решат, каков исход будет.

Чаян маялся в нетерпении, молчал напряжённо, то возвращаясь в шатёр, то присоединяясь к воинам своим, что ждали только веления

одного — в бой с товарищами своими, которых с отрочества знают, кинуться. Да другой уговор был между ними. И Леден едва сдерживал себя, чтобы не вспрыгнуть уже в седло и не погнать его через поле к стану Зуличского княжича.

Вот уж и завязался бой крепким узлом. А после, как подступил день к середине и запекло Око нещадно, самым лютым липеневым зноем, примчался первый посыльный от Забуры, который доложил, что удалось пока прорвать первые встретившие их ряды вражеского войска. И сбили его в ком с трёх сторон дружины Велеборские — теперь в том котле, наполненном до краёв кровью людской, недолго осталось вариться.

И кусок в горло не лез в ожидании других вестей от воевод. Хотя кто-то из них должен был сообщить, не требуется ли уже подмога кому, не нужно ли нанести удар решающий, влить силы свежие в войско — самых сильных воинов, приближенных к княжичам. Но бояре пока молчали — и оставалось только надеяться, что все они живы и так же ведут воинов за собой — к скорому разрешению нежданной вражды.

Покатилось светило дальше по небосклону — и уж, глядишь, к вечеру клониться начнёт. И тихо так было, страшно кругом, только, кажется, едва-едва доносились отголоски боя до стана. Невольно закрадывались в голову опасения, что обернулась удача первая другой теперь стороной. И, может, просто некому уже сообщить о том, что на поле, в самой гуще боя, делается.

— Отправлю людей своих, — решил Леден, ведь нельзя до лагеря Гроздана ехать, не узнав всего, оставить без помощи войско, коли такая понадобится.

И только уж собрались назначенные им кмети в сёдла подниматься, как показался вдалеке всадник. Быстрее камня, пущенного из пращи, достиг он становища и остановил коня так резко, что тот едва копытами в землю не зарылся.

— Тесним! — выдохнул, блестя глазами, воспалёнными от ветра. — Косляки прорваться пытаются, чтобы сбежать. Зуличане бьются крепко и смело. Но ждём, что совсем отступят к лагерю своему.

— Пустите косляков, пусть бегут, — подобрался тут же Чаян. — Неча силы на них тратить. Нам больше воинов живыми сохранить надо. По возможности.

Посыльный закивал только, тараща на него глаза, жадно глотая воду из меха, который поднесли ему тут же.

— Выдвигаться надо, — окликнул Леден брата. — Коль не передумал со мной за Елей ехать, то сейчас пора.

Тот обернулся через плечо, глянул без малой тени сомнения и кивнул, не проронив больше ни слова. Ближники погрузились на лошадей.

Леден гнал коня так, что страшно становилось — падёт, не добравшись до малого стана, где сейчас ждал в стороне от битвы Гроздан. Да только торопиться хотелось: нельзя оставлять ему Елицу слишком долго — мучение одно. Сердце не на месте до того, что кажется, сейчас оборвётся. И хочется либо в сечу кинуться, чтобы забыться, окунувшись в кровь чужую, в запах земли, вздыбленной ногами и лошадьми, пота и ярости воинской, либо броситься уже выручать любимую. Он обещал, он должен был, и душа его на части рвалась от мысли, что она в руках того, кто уже не раз над ней надругался.

Чаян едва поспевал за ним. Да тут, как прорвались они через полосу боя — по самому краю — увидели на холме невысоком шатры лагеря. Братец ударил коня пятками так, что тот едва не взвился, и вырвался вперёд. Даже сейчас, когда всё уже не раз они между собой решили, когда уразумел он, что Елица с ним не будет, как бы он того ни хотел — всё равно пытался он первым стать, первым до неё добраться. Ближники старались не отставать. Слышались их голоса позади и топот лошадей их — между дальним шумом сражения.

Они ворвались в стан, едва шатры не сминая, пронеслись между ними. Но там как будто пусто было. Выскочили и воины навстречу, да не так много, как ожидали увидеть — их сразу уложили во взбитую облаком пыль. Едва всех не посекли, не сбавляя галопа, да вовремя одумались, когда поняли: княжича здесь нет.

Леден спешил, едва остановив коня. Ворвался в шатёр тот, где должен был Гроздан найтись — но там не оказалось никого. Заглянул через плечо Чаян, фыркнул.

— И где искать теперь, паскуду?

Они вернулись наружу и едва успели остановить десятника Жимира, который уж собирался добивать противника из зуличан.

— Стой! — гаркнул Леден и подоспел вовремя, чтобы за руку его, занесённую для удара, схватить.

Зуличанин едва жив был — и так подохнет. Да может успеет чего рассказать.

— Куда Гроздан уехал? — Леден схватил его за грудки, поднимая с земли и усаживая.

Тот накренился опасно — вот-вот снова свалится, а там уж не поднимется вдругорядь.

— Куда княжну увёз? — едва не в ухо ему гаркнул Чаян, присаживаясь рядом с ним на корточки. Зуличанин посмотрел на него мутно.

— В свою сторону увёз, вестимо. На лодью сядут под Ореховицей.

— Какой дорогой скрылся? Говори быстро! — Леден уж и заозирался, пытаясь хоть какие-то следы увидеть.

Кметь махнул рукой на север и завалился на спину тяжко. Ещё что выпросить бы у него, да не ответит — испустил дух. Чего ждать? Нагонять надо княжича, пока быстрым ходом — по воде — не умыкнул он княжну снова. Ближники поняли всё без слов. Как собрались одной гурьбой после того, как лагерь прошарили — так и выехали дальше. Может, не успел ещё Гроздан далеко уйти.

Леден пригибался к шее коня, давясь собственным сердцем, что в горле застревало. На смелый шаг пошла Елица, чтобы время потянуть, боярышню выручить. И сама в трясину угодила. Можно было о том догадаться, что, коль случилась всё ж битва, не отдаст княжич так просто её. Хотя бы что-то урвать попытается. Да всё ж не верилось поначалу, что настолько труслив он окажется, чтобы войско своё бросить на растерзание противнику.

Неведомо когда уехал он и увёз Елицу — удастся ли нагнать? Коли затемно, так слишком много их теперь вёрст разделяет. Леден старался о том не думать, только подгонял коня, а тот нёс его быстро по дороге, что шла на север, к Ореховице. Приходилось иногда всё ж давать лошадям отдых. Да не короткий. Растягивалась вереница воинов по тропе далеко, змеилась меж деревьев. Бежало в чащу зверьё испугнутое и птицы — далеко от страшного грохота копыт.

Скоро показались в чуть влажной земле и следы. Обоза небольшого — телеги две — и подков. Не так и много воинов ушло с

Грозданом — но и достаточно. Видно, самые ближние. Может, и Камян там окажется: ведь вряд ли пёс этот княжича оставит. Казалось уж, слишком далеко от Велеборска уехали. Кабы не посчитали собственные воины, что княжичи их оставили. Да воеводы знают, что это не так. Лишь бы дал Перун справедливый им выжить всем — редко таких мужей отважных и преданных столу княжескому встретишь. Но в том разбираться по возвращении придётся.

— Загоним лошадей, — сетовали кмети то и дело.

Но и понимали сами, что торопиться надо. Сократить вёрсты те, что разделяли их сейчас с зуличанами. Леден с Чаяном ничего не отвечали: что скажешь тут? Чуть отдохнув, снова в сёдла громоздились — и ехали, когда рысью, когда галопом вовсе — до ломоты в ногах, до онемения сжатых на поводьях пальцев. Сумерки уж начали опускаться на бор сосновый, который вырос по обе стороны дороги после светлой полосы березняка. Спустилось Око к окоёму, путаясь в ветвях ломатых и в облаках, что вытянулись по небу в стороны тонкими обрывками.

Мелькнули среди стволов ровных, тёмных, тряпичные стены шатров — трёх, кажется. И огонь меж ними сиял, почти сокрытый спинами людей, что собрались вокруг него. Некогда было наблюдать и выгадывать — налетели на лагерь с наскока. Прямо из тени лесной. Никто того не ожидал. Встрепенулись воины, только как донеслось эхо топота до их слуха.

— Елицу ищи! — проорал Чан Ледену и первым метнулся в самую гущу кметей и ватажников, что повыхватывали уже оружие.

Смели ближники всех, кто навстречу им вывалился. Леден и хотел прорваться дальше, да не так уж мало оказалось воинов в отряде княжича — пожалуй, поболее, чем у Светоярычей. Остановили скач бешеный, сбили наступление. Вышел из шатра своего и сам Гроздан. Сверкнул его меч отблеском костра. И бросился он сразу к Чаяну, уже спешенному силой, не раздумывая. Леден хотел прорваться к укрытию его, где, верно, Елица сейчас была. Да увяз. Цеплялись руки за повод коня, стаскивали с седла, не давая развернуться. Одного жеребец всё ж ударил копытом, как тот подобрался к нему сзади неострожно. Но скоро животину усмирили. А Леден к тому времени уж на земле оказался. Махнул мечом широко, отогнал ближних противников. Подоспели кмети свои, растащили в стороны зуличан, увлекая в

схватки отдельные. Леден пробился вперёд. Одного ударил по шее, разрубив жилы. Другого достал по руке, а после по животу — вскользь. Вдругорядь посмотрел на шатёр полосатый Гроздана, желая хоть на шаг приблизиться. Да всё кто-то на пути вставал.

Он видел ещё голову брата, что хорошо возвышалась надо всеми чуть в стороне. Там и зуличского княжича рассмотрел. Сцепились они крепко. Гоняли друг друга вокруг костра, почти уже затоптанного.

Падали воины наземь, убитые — и видно становилось гораздо лучше теперь, как наступает брат на Гроздана, как теснит его уже к колючей стене молодого сосняка. Да с ним мало кто тягаться может. Уж один раз одолел зуличанина — и второй сумеет. Леден почти пробился к шатру, как заметил мельком, что загородила спину брата тень второго противника. Метнулся к нему — помочь, пока никто на пути не стоял. Озарились светом торжества глаза Гроздана, как почувал он подмогу. Да только брат её пока не видел, увлекшись схваткой с ним.

— Чаян! — давясь собственным криком, гаркнул Леден.

Сбился на бег. Оттолкнул кого-то. Да налетели на него плечом, задержали. На миг только обернулся ватажник, что наступал на брата подло — со спины. Сверкнули белками глаза его волчьи, холодные. И Леден узнал его тут же. Не глядя полоснул он мужика, что преградил ему дорогу, по груди. Развернулся, добил в шею сзади. Шаг к брату. Ещё один. Согрел волной бок костёр, снова разгоревшийся.

Камян поймал Чаяна предплечьем поперёк горла и всадил нож широкий над воротом кольчуги между плечом и шеей. Вынул и ударил ещё раз. Леден споткнулся, хоть под ноги ничего не попало. Показалось, и ему под рёбра клинок всадили. Провернули, размалывая кишки в кашу. Кровью залило взор — так, что и не разглядеть почти ничего — лишь фигуры тёмные противников, которые ещё в живых остались, но не могли его достать, завязнув в схватке с ближниками княжичей.

Он налетел на Камяна, когда тот уже отпустил тело брата, дав ему рухнуть в пыль. Ударил — тот отскочил проворно. Бросился снова — и тут сбоку напал Гроздан. Теперь только вертеться остаётся. И хорошо бы на затылке глаза появились — да куда там. Но кровь бешеная так по телу неслась, что всё вокруг как будто замедлилось. Не так резво замахивался Камян, не так скоро наступал княжич. И отступить Леден

не мог, и надеяться оставалось, что кольчуга всё ж спасёт от некоторых ударов, потому как теперь не до того, чтобы себя беречь. Он поворачивался во все стороны, успевая отбивать оба меча, что опасно мелькали то у висков, то у шеи. Трогали порой и бока — да слабо слишком, чтобы рубаху стальную пробить.

Леден не чувствовал почти ничего. Только дыхание берёт и старался не суетиться слишком — чтобы не устать. То и дело взор падал на Чаяна, который, кажется, ещё шевелился. И даже подняться пытался, хватаясь за рану, через которую кровь так и лилась ему на плечо.

— Отступись, княжич, — тяжело дыша, прохрипел Гроздан, когда разошлись они в стороны, давая себе мгновение отдыха.

Позади уже стихал лязг, а кто верх одерживал — недосуг было высматривать.

— Не отдам тебе Елицу, — качнул головой Леден. — Сдохнешь тут. Как тебе, собаке, и положено.

И сделал шаг к нему. Камян бросился наперерез — и тут он развернулся, встречая его взмахом меча по ногам. Полоснул по коленям, ушёл из-под удара ответного в сторону. И Гроздан тоже промахнулся, не ожидая такого выверта. Леден, ведомый собственным весом, прошёл чуть вперёд, наслаждаясь вздохом тяжким, что издал ватажник. Снова к нему повернулся, со всей силы ударил подступившего княжича плечом, отшвырнул подальше. Снял с пояса нож и левой рукой всадил его в загривок Камяна, который уже валился вперёд. Опрокинул его, вдавив в землю. Встал с колена и Гроздана встретил. Нагнулся, кинулся вперёд. Сшиб его с ног, обхватив поперёк пояса так, словно раздавить хотел.

Он и хотел — чтобы нутро всё в труху. Чтобы собственной кровью давился, тварь. Чтобы кости хрустели и в кишки ему впивались обломками. Жаль только силы ему такой Перун не дал.

Со всей мощи — толчок. Они проехали по земле. Гроздан — спиной. Леден, вжимая его плечи в камни гладкие и сосновые корни. Меч отлетел в сторону от удара. Хрустнуло в запястьи. Другой рукой он поймал руку княжича, что взметнулась в замахе. Опустил резко, ударил ею о булыжник ближайший — один раз и другой, пока пальцы его не разжались. Схватил клинок и в шею ему направил лезвием самым — поперёк. Гроздан подставил ладонь — да где ж ему удержать

булатную сталь, которая и перо на лету рассечёт. Полилась кровь собственная ему на лицо — в глаза и в рот. Леден схватился рукой подбитой за остриё, подавился воздухом, что метнулся тугим комком по горлу от боли страшной. Навалился всем весом — и меч, упав вдруг резко, раскроил Гроздану шею. Застыли глаза княжича. Булькнуло где-то в груди у него — и стихло всё вместе с дыханием.

Леден упал рядом с ним, прижимая к груди окровавленную ладонь, на которой, верно, разрезал немало жил. Даже кольчуга собственная казалась теперь горячей. Вокруг стало и вовсе тихо. Коль не слушать шум крон кудрявых сосновых над головой. Почти уже совсем стемнело. И небо потускневшее не слепило ставших вдруг слишком чувствительными глаз. Кровь Гроздана, густая, липкая, не успевая впитаться в землю каменистую, дотекла уже до его плеча. Говорили о чём-то кмети уставшие: сколько их в живых осталось? Потом видно станет. Леден отсчитал десяток вдохов и выдохов. Качнулся — сесть. И боль перетекла вся в руку, как он поднялся.

Едва волоча ноги, дошёл он до Чаяна, упал на колени рядом. И понял только, что закрыл глаза, чтобы не смотреть. Не видеть его лица застывшего. Толкнулось в голове камнем неповоротливой мысль: как случиться могло такое? Ведь не могло. Не может... Леден подсунул руки под тяжёлое тело брата и встал вместе с ним, не обращая внимания на дрожь в напряжённых мышцах.

— Леден! — окликнул кто-то.

Он и головы не повернул. И пока шёл до шатра всё слушал, склонившись, пытаясь уловить хоть малый вздох, что сорвался бы с губ Чаяна. И не смотрел на него. Не мог.

Елица была внутри. Связанная по рукам и ногам: видно, вырваться пыталась. Встретила она Ледена взглядом остановившимся, как будто знала уже всё. И смотрела неподвижно, мёртво, пока шёл к ней. Всхлипнула вдруг и дёрнулась, отворачиваясь.

Леден опустил Чаяна перед ней, снял с пояса брата нож и быстро разрезал путы на её руках и ногах. Бездумно размял пальцами хрупкие запястья, лодыжки холодные, пачкая кожу её светлую собственной кровью.

— Еля, — прохрипел. — Мы можем сделать так, как с Раданом тогда? Можем его спасти?

Княжна повернулась вновь к нему и взгляд на брата опустила. Побелели её губы до синевы холодной. Метнулись две дорожки мокрые по щекам вниз — и слёзы оставили на рубахе её два тёмных пятнышка.

— Он мёртв, Леден, — шепнула она едва слышно. — Тут нельзя помочь. Даже ты не сможешь.

Леден наконец посмотрел на Чаяна, и забилося дыхание в груди ворохом сухого песка. Мёртв ведь — и правда. Умер уже тогда, верно, как не отбился он ещё от княжича с ватажником его. И стылые глаза брата смотрели перед собой, выделяясь ярко на перемазанном в бурой крови лице. Елица заплакала тихо, опустив голову, подтянув к груди колени. Рыдания её всё разрастались, становились громче. А в голове Ледена не было ни единой мысли. Ни единого проблеска. И боль билась уж не в кисти порезанной, а может, и сломанной даже, а по телу всему — такая же сильная.

— Ты ранен, — Елица качнулась к нему теплом своим, подалась всем телом. — Леден. Слышишь меня? Кровь льёт.

Он поймал её лицо в ладони и рванул в себе. Вдавил в грудь свою, просто желая, чтобы она была рядом с ним, касалась его и дышала ему в шею. Цеплялась пальцами за рукава и уговаривала, уговаривала отчаянно — побережься. Она вырывалась, проклиная его, укоряя невесть в чём. Убирала руки его и прижималась вновь — сильнее. Плакала — и слёзы влагой тёплой оседали на коже, даруя странное облегчение.

— Я люблю тебя, Елица, — пробормотал Леден в её макушку первое, что пришло в голову после гулкой пустоты.

Она замолчала, просто осев в его руках неподвижным кулём. Он чувствовал, как вздымается её спина под ладонью. Второй рукой он уже и пошевелить не мог. Княжна держала его поперёк пояса крепко — и губы её касались шеи — влажные, дрожащие.

Гомонили озадаченно кмети снаружи. Разгорался вновь костёр, почти затоптанный. Освещал стены шатра неподвижного и фигуры воинов, что неспешно ходили по устланной телами поляне. Они как будто не знали теперь, что делать. За что схватиться вначале.

Зато Леден знал теперь, что будет дальше. Что ещё должно им сделать — вдвоём с Елицей. И тогда... Может, тогда хоть немного полегчает на душе.

ГЛАВА 21

Свободный ветер гонял по Курганному полю кудель дыма. Он проносился над землёй, терялся среди берёз и сосен, золочёных лучами Дажьбожьего ока, и растворялся совсем.

Огонь на краде Чаяна уже спал, потрескивали ещё брёвна, сыпался пепел, расплзаясь в стороны. Как остынет — соберут всё, что осталось — и укроют в кургане высоком — под Остёрском, вестимо. Хоть отправляться в последний путь по Смородине ему пришлось и вдали от родного дома. Пронёсся ветер вдоль луга, на котором сложили погребальный костёр, бросил в лицо запах гари — и Елица не удержала всхлипа громкого, торопливо стирая с щеки скользнувшую по ней слезу. Дух смерти и праха — он совсем не подходил Чаяну, всегда полному жизни, щедро раздающему её силу всем, кто нуждался. И ей тоже.

Леден обнял за плечо и к себе прижал. Она уткнулась в его грудь и тихо заплакала, в который раз за эти дни давая себе волю. Стояла неподалёку Зимава, бледная, словно каменный столп обледеневший. Склонили головы перед крадой воеводы — все до единого оставшиеся живыми в схватке с зуличанами. Те отступили тут же, как прознали, что княжич их Гроздан погиб. Забрали и тело — да скрылись по реке на ладьях в своей стороне. Теперь ответ им держать перед Мстивоем, что не уберегли. Остатки косяцких отрядов умчались в степи свои и затаились, опасаясь теперь, верно, что наведаются к ним обиженные, захотят с кем из ханов ближних поквитаться. Да пока не до того было, чтобы месть лелеять и строить замыслы о возмездии.

Как потухли последние всполохи огня на обрушившихся брёвнах, хлопотали вокруг волхвы, завершая обряд. Леден отступил от Елицы и подошёл ближе к пепелищу, постоял немного, прижимая к груди перевязанную ладонь, словно обратился мысленно к брату. А после возложил сверху на краду меч его — суждено тому в курган с хозяином отправиться.

— Пойдём, — он вернулся и взял Елицу за руку.

Они направились обратно к Велеборску, через всё Курганное поле, укрылись в стенах крепких, которые нынче неприятелю не

покорились, а теперь распахнутыми оказались для той, которая готова была принять наследство отца, но не хотела.

По-другому она намеревалась поступить. По другому пути отправиться — но обязательно рядом с Леденом. Княжич оставил её пока в горнице одну, дать отдохнуть немного перед тем, как начнётся тризна по Чаяну, а после и страва щедрая, чтобы приняли его Чертоги Богов с радостью — и Перун в войске своём место почётное ему отвёл. Уже вовсю шумели во дворе, вокруг выставленных там столов: даже гридница большая не смогла бы теперь вместить всех, кто желал почтить остёрского княжича, который бросил войско своё на защиту велеборцев.

Она присела у окна, стянула с головы повой, не наклонившись за упавшим на пол очельем с колтами. Не могла она ещё поверить, что нет больше Чаяна. Не могла принять, несмотря на то, что сотворил он немало глупостей. Да одумался ведь! Разве заслужил такой расплаты?

Тихо дверь скрипнула, почти неслышно. Даже не повернув головы, Елица узнала Зимаву. Та и вовсе последние дни осунулась, словно жива из неё вышла вся до капли. Тоже немалых бед она натворила, как пришлось Елице из Велеборска уехать. Да только наказывать жестоко её за то не хотелось. Она сама себя наказала. Мыслями вечными о том, что Эрвара убила, поддавшись слабости и страху. Наказала ещё и тем, что сына её теперь воспитывать будет Доброга, а ей придётся вернуться в Логост, порядком подпаленный, но всё ещё крепко стоящей на той земле, где его возвели.

— Я завтра поеду, — словно отвечая мыслям Елицы, проговорила княгиня. — Коль не позволишь сына дожидаться...

— Не позволю, — та качнула головой и перевела на неё взгляд. — Чему ты можешь научить его? Как воспитать, если собственные деяния никак оправдать не сумела? Хватит. Езжай. Ему без тебя лучше будет. А там свидитесь. Как время минёт.

Зимава вздохнула и вдруг положила ладонь Елице на плечо.

— Мне тяжело было потерять всех. Всех почти — по своей вине.

Елица ударила её по запястью, сбрасывая, соприкоснувшись с кожей холодной — и словно вспышка яркая выглянувшего из-за туч Ока ослепила на миг. Княгиня отшатнулась, кривя губы, но она вскочила и теперь — напротив — удержала её руку. Зимава нахмурилась, вглядываясь в её лицо. Почти мёртвой она была, застывшая её душа не

шевелилась, не несла света. Но то, что билось внутри неё — под сердцем самым — виделось горячим, трепещущим комочком.

— Ты должна его уберечь, — проговорила Елица, отпуская руку княгини.

— Кого? — не поняла та в первый миг, но ахнула вдруг, прижимая ладонь к животу.

Покачнулась — и пришлось её под локоть поддержать, а то и упала бы, наверное. Вошла в горницу Мира и, застав женщин почти в обмороке, подбежала, налила воды в кружку и подала Зимаве, вопросительно и тревожно глядя на Елицу. А та и сама не понимала, как случилось такое, как смогла она увидеть жизнь, что уже зародилась в женском лоне. Так ясно — никаких сомнений быть не может.

— Отведи княгиню в её покои, — велела она челядинке строго.

Мира кивнула и помогла Зимаве встать, вышла вместе с ней прочь. А Елица взяла с полки отполированный до гладкости круглый серебряный лист, взглянула на себя, на лицо своё — и не увидела никаких перемен. Да, верно, не снаружи они, а внутри случились. И до того усталость тело сковала, что и не встать, кажется. И озноб пробежался по спине, веля прилечь хоть ненадолго. Да пришлось уж на тризну идти: в хоромаш не отсидишься.

Отшумела страва буйная только через три дня, и стало наконец тихо в крое. Да жизнь, что входила помалу в русло спокойное, привычное, не остановилась совсем. Пришлось уж собираться и в дорогу до Радоги. Честь по чести предстать перед Остромиром и Радимом — мужем, с которым Елица дальше жить не могла просто. Не могла после всего, что случилось, после того, как забились жаром в душе её любовь настоящая, та, которая до смерти самой не угаснет. И которой она едва не лишилась.

Собиралась с ней в дорогу Мира, которая всё сетовала, что в детинце уж засиделась: до того сильно хотелось ей снова в путь отправиться. Елица усмехалась только её рвению: уж она о дорогах тех хотела бы хоть на луну одну забыть, да всё не получалось никак. Коль сложится всё в Радоге, там и в Остёрск надо будет ехать. Вести недобрые туда, конечно, раньше долетят, да Ледену теперь всё одно княжий стол принимать, а Елица в тот миг хотела рядом с ним быть. И

с Любогневой желала свидеться, чтобы хоть как-то поддержать в дни трудные, как узнает та о смерти старшего сына.

Вынесли отроки ларь Елицы во двор, в телегу обозную сгрузили. Она ещё раз окинула взглядом горницу свою, словно та вдруг перестала быть для неё желанным домом. Теперь дом там, где Леден — и никак иначе. Мира встала у дверей, подгоняя безмолвно, а после едва не бегом побежала впереди.

Внизу уж собрались все, ожидая только, как женщины спустятся. Туманный нынче выдался рассвет. Всё пряталось Око в ворохе облаков, что тянулся вдоль окоёма, расползаясь лениво, переливаясь то золотом, то багрянцем бледным. Духота стояла в воздухе — не иначе гроза в пути застанет. Елица чуть ослабила повой вокруг шеи. Нехорошо так стало на миг, словно перед глазами всё перевернулось, поплыло — да и остановилось снова.

И тут тонкие пальчики сомкнулись на её локте. Она оглянулась: Вышемила смотрела в её лицо, блестели глаза её большие, чистые под тревожным изломом бровей.

— Я уеду вместе с Зимавой, верно, — почти шепнула боярышня. — Нечего мне тут больше делать. Надолго слишком я ушла из дома. Другого здесь не обрела.

Елица не удержала вдоха. Погладила Вышемилу, очень повзрослевшую за эти луны, по плечу, зная, что не слишком-то это её утешит. Пусть и случилось за неё отмщение смертью Камяна, а не облегчало это её души. Потому как печалилась боярышня дюже о том, что Леден не к ней сюда вернулся. Пусть и вызволить помог, да после оборвал все надежды на то, что они могут вместе быть. Наверное, и хотелось Вышемиле винить в том Елицу, которая милого её сердцу мужчину у неё увела. И даже сторонилась она ту, как вернулись они все в Велеборск, словом лишним обмолвиться не желала. И крутился всё рядом с ней купчик Зареслав с дивными медовыми глазами — его Елица приняла в тереме, как дорогого гостя — а никак утешить Вышемилу не мог.

И вот только сегодня та хоть немного оттаяла, поговорить напоследок захотела — да хотя бы попрощаться. Да только взор её всё к Ледену, который поодаль стоял, держа своего коня под узду, обращался. Словно Вышемила ещё ждала чего-то, поверить не могла.

— Это хорошее решение, — проговорила Елица. — Мать счастлива будет увидеть тебя снова. И в Логосте ты сейчас нужнее. Меня ещё долго не будет.

— Ты Ледена береги, — не удержалась от напутствия Вышемила, чуть отстраняясь от её руки. Видно, всё ж долго ещё серчать будет. — А то он всё в опасности рядом с тобой оказывается.

Изогнулись неприязненно полные губы боярышни, и взор она потупила, вновь коротко взглянув на княжича.

— Я постараюсь, — Елица и сама на него обернулась.

Встретила взгляд его вопросительный, будто очень он хотел в этот миг слышать, о чём женщины разговаривают. Посмотрела она на кисть его, крепко перевязанную: порез глубокий на ладони его остался, пальцы двигались плохо, да лекарка Меленья, самая умелая в Велеборске, сказала, что сильно жил он не порезал, а потому заживёт со временем, хоть и подвижности былой в руке уже не будет. Благо, что в довесок ко всему, запястья он не сломал, только ушиб крепко.

— Доброго пути тебе, Елица, — Вышемила замялась на миг, но всё же обняла её порывисто.

А после отошла, вернулась под взор отца, который тоже провожать княженку вышел. Чтибор скоро собирался возвращаться в Логост вместе с дочерьми обеими. Подошёл сказать пару слов в путь и Доброга. А за ним Осмыль — как Елица вернётся, его здесь уже не будет.

Каждого она благодарить хотела за то, что сделали они, что сумели сплотить остатки Велеборского войска и прогнать захватчиков. Да столько раз она это сделала за последние дни, что уже неловко было повторять.

Скоро и выехали из ворот. Да вновь зародилось в душе чувство, что по кругу их с Леденом Макошь водит. Вот и снова легла дорога в Радогу. Снова вместе, да теперь не врагами, которые лишь по необходимости одной вынуждены были рядом ехать — а теми, кто жизнь связать решил друг с другом. Будто хотела Мать, чтобы поняли они многое на дорогах этих, осмыслили. Воспитала она детей своих, вразумила — и отправила к началу, чтобы избавились они от последних преград там, где рухнули первые. В тот миг рухнули, как решила Елица идти в лес — искать пропавшего княжича.

Волновалась она, конечно, что Радим от обиды большой не пожелает её отпускать. Что встанет на сторону сына Остромир, а там и вся Радога: хоть дела семейные надо бы внутри решать. Да уж убедилась Елица, что люд, коли хочется ему сильно, в любое дело личное вмешается. А там худом обернуться может. Но старалась она мысли такие от себя прочь гнать — даже Ледену о том не рассказывала. Да он, кажется, чувствовал всё, все тревоги её. Каждый раз, как прикасался, как удавалось им хоть единое мгновение наедине побыть. А это гораздо труднее стало: кметей кругом много. Да ещё Мира глазастая, заботливая дюже, словно решила в деле этом обязательно переплюнуть Вею.

Мелькали веси знакомые, то дождь мочил хвосты лошадям, то Дажьбожье око опаляло взором своим неподвижным — и скоро уж Радога показалась впереди, укрытая мехами лесистых холмов и гор старых, что стояли стражами по берегам реки и в чаще непроглядной. Елице и вовсе дурно делалось последние дни от волнения. Уж сколько она препон пережила, а эта казалась ей самой трудной. Схватывало порой недомогание, да усиливалось с каждым днём. А нынче совсем худо было — аж в седле качало. И взор Ледена тревожный не сходил с Елицы, окутывал, поддерживал будто. И предательски хотелось в повозку попроситься к Мире, да она держалась, уговаривая себя, что скоро будет отдых хороший. Всего до околицы доехать осталось и до избы Остромира.

Скоро и завиднелась она впереди, как проехали через весь людную до серёдки самой. Да староста уже прознал обо всём, как и всегда. Языки быстрые донесли споро, что вновь пожаловала княженка к его порогу. Но вышел первым из сеней не он — Радим. Быстрым шагом, словно и бежать уж хотел, но едва удержался. Пронеслось разочарование по его лицу, как увидел он, что помогает Елице спешиться Леден. Видно, ждал, что приедет она виниться и прощения просить за то, что увидеть ему довелось.

Радим вздохнул шумно. Остромир коротко пожал его плечо, как вышел вслед за ним, разгадав, видно, печаль сына. Тот подошёл к гостям, всё оглядывая Елицу с головы до ног, а после и Ледена.

— Признаться, думал, что, коли и с княжичем приедешь, так с другим, — он всё же протянул руку Ледену.

Тот пожал её с готовностью, исподволь посматривая в его лицо. Не доверял ему, опасался, видно, как бы глупости какой не натворил с горячности. Радим заметил всё ж, что ладонь правая у княжича ранена сильно, покорёжена кожа на ней ровным, стянувшимся за время дороги рубцом.

— Мой брат погиб, — ответил ему Леден, опуская руку. — Но я подле Елицы вовсе не поэтому, ты прав.

— Мешаю тебе? — прищурился Радим.

Княжич повёл плечом и пошёл вслед за ним, как тот повернул обратно к избе. И Елицу не забыл за руку прихватить, чтобы за собой повести — и всем показать, кому она принадлежит.

— У меня нет никаких обид на тебя, Радим, — спокойно продолжил Леден. — Но правда в том, что я хочу в жёны Елицу взять. А она хочет стать моей женой.

Остромир крикнул громко, рассерженно, как услышал его слова. Жена его, что стояла за спиной заметно дёрнула его за рубаху и шикнула тихо. Закипала ссора: Елица чувствовала тугое напряжение, что зарождалось между мужами. Но они пока держались, и хотелось верить, что сумеют и дальше.

Все прошли в избу — подальше от любопытных соседских глаз, которые так и впивались взглядами с каждого ближнего двора. Жестом предложил Остромир сесть за стол. Кмети все за него не поместились — а потому расселись по лавкам вдоль стены. Сияна, кажется, и захлопотала уже, чтобы на стол накрывать, да муж рукой взмахнул, останавливая её. Надо бы разобраться.

— Стало быть, ты, Леден требуешь, чтобы Радим отпустил Елицу? Жену, которую Боги для него одобрили? И связь их порушить, которая на капище нашем была скреплена?

— Всё верно, до единого слова, — согласился тот.

— Не серчай, Осмыль, — вступила Елица в разговор. — И ты, Радим, тоже. Пять лет прошло. Думала, любить буду всю жизнь того, кому женой стала под взором Богов. Но и не дадут они мне солгать: ничего от тех чувств не осталось. Может, не время тогда было... И не считаю я себя в праве заставлять Радима жить с той, кто его любить уже не будет. Той, которая будет о другом печаль в сердце нести. Разве будет ему от того радость? Разве будет мир и счастье в таком доме?

Она замолчала, не зная, что ещё сказать может. Радим всё это время взора с неё не сводил, и блуждала по его лицу гримаса то ли сожаления, то ли гадливости какой. Но не виделось в его взоре тепла: и тут самому бы признать, что схлынуло из души всё, что связывало их. Пусть не помнил он толком, как жил эти пять лет, а всё равно не выкинешь из памяти следов минувшего.

— Не будет счастья, верно, — вздохнул Остромир и усмехнулся горько. А после взор на Ледена перевёл. — Ты поменялся, гляжу, княжич. А я ведь и в тот день, как вы сюда приехали, многое увидал между вами, во что верить не хотел. А вона как всё обернулось.

— Я счастлив, что всё обернулось именно так, Остромир, — спокойно улыбнулся Леден. — И прошу не пытаться помешать мне только из одной обиды. Дело это пустое.

Староста хмыкнул громко, так, что даже кмети на своих местах подобрались настороженно: кто знает, чего от него ждать?

— Ты-то чего скажешь, Радим? — он взглянул на сына.

Тот понурил и без того ссутуленные плечи.

— Я не могу её силой удержать, — почти прохрипел. — Наверное, не имею права — Боги не простят. Пусть идёт, счастье своё обретает рядом с тем, кого душа её просит. А я переживу как-то.

Елица протянула руку через стол и сжала пальцами его ладонь — да он отдёргнул. Встал порывисто и вышел прочь из избы — все только взглядами его проводили растерянными. И тяжело на душе стало от того, что столько невзгод причинила Елица мужу, столько печали поселила в сердце. Но верила она, что Радим и правда свыкнется и забудет всё со временем.

Тут уж и справил обедню хорошую Осмыль для гостей, когда понятно стало, что вражды между мужами, которые с Елицей оказались связаны, да по-разному, не случится. Хоть и становилось его лицо мрачным время от времени, словно он к мысли той неприятной всё возвращался, что сын его, едва отыскавшись, обретши жизнь потерянную, что-то в ней не удержал.

Долго тянуть с обрядом не стали. Позвали наутро волхва того, который соединял судьбы молодых на капище пять лет назад. Тот губами покривил, конечно, поворчал, что негоже связь, данную Богами, рвать. Но принесли требы щедрые остёрцы на капище —

Перуну, а там и Богиням, под чьей дланью и брал Радим в свой род Елицу, княжескую дочь — и волхв успокоился.

Признаться, тревожилась Елица накануне, что лихо какое случится с Радимом: ведь тот, как из избы выскочил в пылу разговора, так до утра самого и не появлялся. Рассказала после Сияна, что пришёл на рассвете только, кажется, во хмелю слегка. Да и завалился на лавку свою — так и проспал до того мига, как пришлось на капище идти. А сейчас стоял, всё ещё смурной, но не сопротивлялся больше ничему.

Хоть и нужно было Елице рядом с ним находиться, пока обращался к Богам волхв с просьбой не гневиться на то, что нарушают благословение их два сердца неразумных, а чувствовала спиной взгляд Ледена. словно не с мужем сейчас расходилась в стороны, а другого обретала в этот самый миг. И хотелось обернуться, посмотреть в глаза его хотя бы коротко, но она стояла смиренно, ожидая, как завершится обряд и разрубит на требном столе волхв два кольца — те, что носили на гривнах своих она и Радим.

Она вздрогнула мелко, как лязг топора о камень, а за ним и другой — звонкий, оглушительный — возвестил о том, что ныне свободна она от тех уз, которые тяготили её с того мига, как узнала, что муж жив. Вздохнули, кажется, все, кто собрался в святилище, дабы стать видоками случившемуся.

Зашевелился люд, начал расходиться помалу, ворча, конечно, что вышло так: ведь нечасто приходится обряды свадебные вспять поворачивать. Радим тоже ушёл, не взглянул больше на Елицу ни разу. Она посмотрела ему вослед, наверное, так, как смотрела, когда уходил он вместе с воями из своей веси, не зная, доведётся ли увидеть его ещё раз. Но если тогда она надеялась и ждала встречи, то сейчас думала о том, что ещё долгое время им лучше не видеться.

— Ну, что? — тихий голос Ледена позади не напугал, но заставил встрепенуться. — Домой поедем?

Она кивнула, поворачиваясь к нему. И руку в его ладонь вложила.

ГЛАВА 22

Задерживаться в Радоге не стали более: на другой день после обряда поблагодарили хозяев за понимание, за гостеприимство тёплое, какая бы нужда ни привела нынче Елицу к ним — и собрались отбывать. Остромир даже провожать их пришёл, обнял Елицу напоследок с пожеланием наконец счастье своё заслуженное обрести.

И покатилась вновь дорога обратная, разворачиваясь под копытами лошадей бесконечной серой лентой. И всё бы ничего, да Елица всё маялась то и дело скверной слабостью. Не всегда, но больше по утрам, как приходилось в путь дальше двигаться. То голову кружило порой — с седла бы не свалиться — то мутило от вида одного еды, и приходилось заставлять себя есть. Мира тревожилась, всё спрашивала, как княжна себя чувствует, а та и не знала, что ей ответить. И боялась предположить, что же творится с ней на самом деле — боялась ошибиться.

Уж недалеко осталось до Велеборска — всего пара дней пути. Незаметно время прошло и тем незаметнее, как наполняли голову мысли разные и, наконец, всё больше светлые. Остановились нынче на ночлег в Беличе. Прибыли уж поздно, даже старосту Годана тревожить не стали по такому часу — к избам направились. И можно было бы остановиться раньше, развернуть стан на ночь, а Леден приказал лошадей подогнать, чтобы добраться до селения, ведь недалеко уже: Елице, которая нынче в седле всё как былинка качалась, отдых нужен.

— Измотали тебя дороги, — сказал он напоследок, как надо было уходить уж спать. — Ничего, скоро отдохнём хоть малость.

Поцеловал её коротко и нежно в губы, так, что захотелось немедленно забиться вместе с ним в угол какой — подальше ото всех — и соединиться, хоть торопливо, рывками нетерпеливыми, цепляясь за одежду его и чувствуя, как сминает он пальцами бёдра её, держа на весу. Да сил, кажется, и на это уже не осталось к вечеру.

— Конечно, отдохнём, — она улыбнулась, глядя плечи его.

Но расходиться всё же пришлось. Скоро Елица улеглась на лавке своей, что для неё заботливо мягко постелила Мира. Прозвучали ещё тихие шаги челядинки в сенях — та за водой напоследок вышла — и

всё стихло ненадолго. Елица перевернулась с боку на бок, прислушиваясь к дыханию своему частому, сбитому. И к ощущениям странным, да уже привычным, что разрастались внутри, поднимаясь от живота, давя на рёбра и прокатываясь всё выше — по горлу. Закрутило нехорошо в груди, повело голову. И качнулось ложе, как лодка.

Елица вскочила резко и босиком метнулась по хоромину, шаря взглядом по полу. Подхватила ушат первый, что попался, и упала на колени, склоняясь над ним. Скрутило всё нутро сильным рвотным позывом — и вечера едва не вся без остатка оказалась на дне посуды. Елица села на полу, вытирая губы и глядя перед собой неподвижно. И казалось, мысли метались всё какие-то в голове, но в то же время как будто и пусто в ней было. Легко так, хорошо.

— Чего это ты, княжна? — совсем рядом раздался растерянный голос Миры, которая вернулась уже в избу с ведром, полным воды из колодца — чтобы за ночь нагрелась для умывания.

— Чего я? — Елица подняла к ней лицо.

Челядинка пожала плечами.

— Сидишь на полу. Стошнило тебя, а ты улыбаешься.

Она подхватила испачканный ушат и обратно во двор отправилась — сполоснуть. Не поняла ничего — да и ладно. Главное, Елица сама всё уразуметь смогла. Недаром трепало её последние дни — то в жар, то в озноб. И усталость такая страшная давила, что пожалела она не раз, как отправилась в путь далёкий до Радоги. И захотелось так к Ледену бегом броситься, рассказать обо всём, да побоялась — вдруг ошиблась всё ж?

Но нет, чувствовала она теперь ясно: дитя от любимого в ней всё же зародилось. Теперь осторожнее вдвойне надо быть, хоть и горько от того становилось, что с Леденом придётся и вовсе отдельно быть невесть сколько. Да и сам он не пожелает опасности её подвергать.

Наутро послала Елица Миру в соседнюю избу, чтобы та кликнула княжича немедленно. Челядинка и с прошлого вечера посматривала на неё подозрительно, а тут и вовсе покосилась пытливо: и так, видно, хотелось ей расспросить Елицу о виде её загадочном, о случае вчерашнем — да не её это дело, коли та не хочет сама рассказывать.

Леден пришёл быстро, даже не подпоясавшись толком — на ходу в порядок себя приводил. Сунула и Мира нос в избу — да пропала тут же, как Елица махнула на неё рукой, прогоняя.

— Случилось что, Еля? — княжич остановился подле неё, тронул за плечо легонько.

И тут же загорелись щёки от мысли одной, что сказать ему надобно. Хоть ничего особого в том и нет. Елица вертела весть радостную в голове так и эдак всё утро. Разбегались все слова ещё пуще от того, что мутило её перед утренней крепко — да после прошло всё, кажется.

— Случилось, — она повернулась к нему, оставив на столе протёртый рушником кувшин, в который собиралась воды налить.

Леден голову чуть набок склонил, шаря взглядом по её лицу, наверное, глупому в этот миг. Обхватил его ладонями — и Елица глаза прикрыла от того, как колыхнулась в груди пером мягким нежность к нему. Такая необъятная, что плакать хочется. Чувствовала она кожей шрам на руке его, грубый, только недавно совсем заживший. И то, как неловко двигается ещё кисть порезанная острой сталью.

— Я ребёнка от тебя жду, Леден, — она разомкнула веки.

Так легко нужные слова пришли вдруг, словно сами в горле родились. Княжич вскинул брови неверяще, впились его пальцы в щёки легонько. А по губам поползла вдруг улыбка, пока ровные белые зубы не показались. Кажется, никогда он так не улыбался. Ни слова не говоря, Леден обхватил её за талию и к себе прижал настолько крепко, что вздохнуть нельзя. Они стояли так долго, молча — да что тут ещё сказать можно?

И всё чудилось, что Леден обязательно всё чувствует. И что он сам понял бы рано или поздно — да хотелось самой ему о том поведать. И давило теперь что-то в груди, словно распирало изнутри — всё вокруг хотелось обнять вместе с Леденом: и челядинку, которая сердито в сенях топталась, и кметей всех, которые уже собирались скоро выезжать.

Теперь уж твёрдо велел Леден Елице в телеге вместе с Мирой ехать. Вот тогда-то та совсем обо всём догадалась: просветлел её взгляд, и лицо стало такое хитрое, как у девчонки, которая ленту у сестры старшей умыкнула, чтобы с парнем на свидание сбегать.

И остаток пути до Велеборска показался на диво лёгким. Как будто от высказанных слов и радости отступило даже недомогание. И как часто глядел на Елицу Леден раньше, а теперь и вовсе, казалось, никто отвлечь его не сможет, никто в сторону и на полсажени

оттеснить. Стражем верным он ехал рядом с телегой всю дорогу, а кмети посматривали на него с любопытством. Только Брашко не смотрел: видно, он лишь и знал всё. А потому каждый раз, как не успевал княжич оказать заботу невесте, так отрок оказывался тут как тут: то поддержать под локоть, то спросить, как она себя чувствует. И оттого невольная улыбка то и дело наползала на губы.

В Велеборске не стали задерживаться надолго. Передохнули всего седмицу: хотела Елица в спокойствии провести это время, дать телу ощутить уют дома, стен надёжных, а не трепет колышущихся тканей шатра. Мира так и кружила рядом, всё заглядывала в лицо вопросительного и улыбалась загадочно, давая понять, что малая тайна Елицы ей известна, но выпрашивать она сама ничего не станет, коли та рассказать не пожелает. И благодарить её за то уже можно было, что не пустила она слухов по детинцу. Хоть и знала уже Елица наверняка, что тяжела, а всё ж не хотела слишком рано кому-то лишнему о том говорить. А уж совсем уверилась, как не пришла в срок кровь лунная.

Задержало ещё на пару дней возвращение в Велеборск Радана вместе с Веей, которая опекала его исправно всё это время. Наставница кинулась опростеть к Елице, как увидела, что та на крыльцо вышла встречать.

— Что творилось тут, я слыхала, — забормотала она сбивчиво, хватая её за руки. — А Любогнева как горюет — страшно.

Елица сжала ладони Вее пальцами.

— Мы с Леденом отправимся в Остёрск скоро. Уже собираемся. Останусь я там неведомо, насколько. Но до осени ещё приеду сюда. Я ведь замуж за княжича, наследника стола, выходить собралась. Теперь место моё рядом с ним.

Наперсница покивала и в сторону отошла, позволяя с братом поздороваться. Уж до того Радан за эти седмицы подрос, вытянулся — почти и не узнать теперь. Оставался он в Велеборске, как князь будущий. Елице только за ним присматривать нужно будет вместе с Доброгой, который пообещал воспитать из мальчика настоящего воина и правителя. И не было причин ему не доверять.

Как поговорили ещё обо всем грядущем с воеводой, так решили, что пора и в Остёрск собираться. Ждало их там дело самое важное. Вернее, по дороге к нему. Как ни хотелось навсегда забыть о том капище старом, а всё равно придётся наведаться туда. Не хотела Елица

долго с тем тянуть. Раз уж сомнений в том больше не оставалось, что готова она вернуть Сердце на землю, где ему быть положено, где править будет муж её будущий.

И страшило то, что случится там, ведь Елица не знала особых обрядов, не ведала толком, что делать ей надо, чтобы всё завершилось удачно. Но надеялась, что подскажет наитие, а может, вмешается и воля Лады самой.

Разбудил её в то утро, как отправляться они собирались, сам Леден. Нежданно — а оттого ещё слаще стало такое пробуждение. Почувствовала сквозь сон Елица касания губ осторожные — по скуле, щеке до самого уголка рта. Она повернула голову вяло, ещё не понимая, сновидение это или явь — и приняла поцелуй мягкий, но будоражащий.

— Просыпайся, Еля, — пронёсся шёпот отрывистый.

Она обвила шею княжича руками, не желая отпускать. Ахнула Мира, которая пришла уже Елицу будить — да опоздала. Смутилась, наверное, но было всё равно. Только жаль стало, как разомкнул поцелуй Леден и выпрямился. И тогда уж она увидела перед собой глаза его ясные.

— Негоже, княжич... — заворчала было челядинка.

И как будто обида застарелая, да позабытая уж, вновь в её голосе колыхнулась.

— Знаю, что негоже, — он усмехнулся и поднялся с края лавки Елицы, куда присел. — Только не утерпеть никак. Собирайся скоро, Еля. Ждём тебя.

Она и собралась, как могла, быстро. Всё уж готово было с вечера в дорогу новую. Там и выехали из ворот, как едва поднялось Дажьбожье око над лесом, бросило лучи поверх стены детинца, заливая двор тягучей бронзой.

Потянулся путь меж весей, что помалу возрождались после набегов зуличан да косяков. Много ещё горя пережитого сохранилось в них, да жизнь всё залечит временем, а уж в воле тех, кто дальше править будет в княжестве — не допустить других мучений люда, что в нем живёт. Елица хотела, чтобы было так.

Минули скоро и границу между княжествами — а там и вовсе Елица взволновалась. И дурнота, что маяла её до сих пор, как будто усилилась. Она даже слегла на один день в Полянке. Просто сил не

было никуда дальше ехать. И тошнило с утра до ночи, кусок в горло не лез. Мира едва не плакала, хлопоча вокруг княжны вместе с большухой. Та пыталась девку успокоить, мол, бывает такое с теми женщинами, что ребёнком тяжелы, а та всё равно тревожилась и суежилась дюже. Будто корила себя за то, что чего-то не доглядела.

Но на другой день схлынула немочь, и Елица готова стала дальше ехать. Только Леден натерпелся тоже тревог накануне, запретил ей вообще вставать. Постелили ей мягко в телеге небольшой — да так она и устроилась там, хоть и не желала большой слабости показывать.

Минули дни один за другим, остановился отряд, что сопровождал княжича и княженку, в Ярунице. Встретил их Макуша хоть и приветливо, да не без печали. Может, и впрямь жаль ему было Чаяна, может, просто жалел он о том, что дочь его меньшицей княжича так и не стала. Но радости в нём не виделось: только вежливость одна.

До капища старого вместе с Елицей и Леденом отправились только Брашко да Мира: другого им и не нужно было. Кметям нечего по тем местам слоняться, нечего ту землю топтать лишний раз. Ещё неведомо, как встретит она гостей, от которых недавно только, кажется, отвязалась. Выехали затемно, как ещё не посветлел даже край окоёма. Елица лежала в телеге, укутанная одеялом шерстяным, да всё равно дрожала: ночью вдругорядь навалился на неё озноб — аж зубы стучали.

— Может, всё же выждем день-другой? — Леден посмотрел на неё сердито, заглянув в повозку через невысокий борт. — Чего ты себя загоняешь зазря, Еля?

— Разве зазря? — она улыбнулась дрожащими губами.

Сегодня и правда худо ей было, да это проходит. То легчает, то снова наваливается — из-за того не следует задерживаться лишние дни и на полатях разлёживаться, жалея себя и принимая только заботу от остальных. Не хвораю всё ж — только тяжела, а когда это было поводом, чтобы отдохнуть попусту? Леден головой покачал, конечно, и повернулся было уже уходить, да вновь к телеге метнулся и, склонившись, жарко губами к губам Елицы прижался. Она и сообразить ничего не успела.

Боялся он, тревожился, что пожелает снова Морана вмешаться в их жизнь. Пусть не через него, так по-другому до Елицы дотянуться. Хоть и убеждала та его, что Богиня не станет без причины

злобствовать, пусть и смерть ей подвластна, пусть гибнет всё под взором её холодным. Он соглашался, а всё равно спокойствия обрести не мог.

Минуло времени больше, чем полдня, как добрались по колдобинам размытой буйными грозами дороги до той избушки незабвенной, где было теперь пусто и тихо. Зарастал помалу порог, поднималась трава во дворе, никем не притоптанная и не скошенная. Животину всю тот знакомец Радима всё ж забрал — хоть в том худого не случилось. Еле сумел Брашко дверь открыть: бурьян молодой мешал, пришлось подсечь его ножом торопливо. Внутри и разместились. Растопила Мира печь — и Елицу прямо к её тёплому боку уложили: она уж не слишком хорошо понимала, что кругом происходит. Как будто была её лихорадка.

— Еля, что с тобой? — сквозь мутное марево горячего тумана донёсся до неё голос Ледена.

Она и ответить ничего не смогла — только выпила воды, что поднесла ей Мира. Почувствовала, как коснулись пальцы её рук — на миг один — как пронеслась влага прохладная по горлу. И в полузабытьё провалилась.

— Как же на капище пойдёт... — слышался вздох разочарованный.

И больше ничего.

Показалось, темнота сомкнулась вокруг, будто свет весь погас в избе. Откуда-то издалека горел ещё огонёк в печи, но лишь едва ощутимо дотягивался. Елица шевельнуться попыталась — и вдруг всколыхнулась перед взором гладь тёмной колодезной воды. Замерцали на ней звёзды бесчисленные, мягко перекатываясь по ряби.

— Отдашь Сердце Лады, и ребёнок его тебя изведёт, — строго проговорила женщина, голос которой знала Елица хорошо, хоть и слышала всего пару раз в жизни.

— Как же изведёт? — выдохнула она, еле ворочая языком.

Вновь проступили очертания фигуры Макоши среди яркой пыли небесной, что отражалась в студёной воде.

— Моране он подвластен так же, как и отец его, — покачала Богиня головой. — Хоть и живой он уже, а не родился ещё. Потому между мирами находится. А значит, через него твоя жива утекать будет. Сначала помалу, а как будет расти, так и сильнее. Сердце

сдерживать его будет, тебя питать. А отдашь в землю — лишишься поддержки его.

Елица дёрнулась, словно речи Богини ударили её со всех сторон. Но коснулась ладонь ласковая лба — и утихомирила бурю обиды и негодования в душе. Она замерла, дыша тяжело и громко — и казалось, что от её дыхания идёт гладь водная в колодце едва не буйными волнами.

— Я не могу его оставить. Я должна отдать...

— А коль не справишься? — показалось, Макошь сейчас и пальцем погрозит.

— Справлюсь. Всё выдержу, — Холодные дорожки слёз побежали по бесплотным во сне щекам. Но Елица ощущала их так живо, словно и правда плакала — наяву. — Это мой ребёнок, он не может убить меня. Он в любви зачат. Как может навредить?

— А разве не чувствуешь?

— Чувствую...

— Оставь Сердце.

Она отвернулась, чтобы не видеть этой темноты бесконечной, что наполняла колодец. Безразличной, слишком древней и огромной, чтобы понимать мелкие людские печали. Чтобы чувствовать то, что бьётся в маленьких людских сердцах. Мудрость великая, из самого Ирия льющая, хранится во взоре Макоши, в мерцании звёзд над её головой, похожих на крапинки в радужке глаз Отца Небо — Сварога. Они видят многое, да не всё им подвластно.

— Еля, — совсем другой оклик тронул, кажется, душу самую, обвил лентой, скользя по ней мягко и ласково. — Еля, любимая, ты слышишь?

Она открыла глаза, моргнула медленно один раз и другой — пока не встало чётко лицо Ледена перед ней. Он был встрепанный и бесцветный будто. Тёмные круги залегли вокруг его глаз, выдающие лютую бессонную ночь.

Она подняла руку, словно из камня вновь живой плотью обращалась, коснулась его щеки колючей, прохладной — он повернул голову и губами к ней прижался.

— Напугала меня как. Вернёмся. В Остёрск поедem — там, как окрепнешь, сюда снова наведаемся.

— Дальше только хуже будет, — возразила она хрипло. — Я сейчас... только полежу ещё — и на капище.

И вновь веки прикрыла, собирая себя по крупичкам воедино — чтобы не сдаваться: для себя, для Ледена, для них обоих. Позже заставила Мира поесть хотя бы похлёбки жидкой — и от того сил заметно прибавилось. Леден из избы не выходил почти. Всё рядом сидел, то за руку держал Елицу, то принимался касаться легонько её волос, чуть влажных от пота. Иногда она просила поцеловать её — и он выполнял беспрекословно. И странно — словно теперь не забирал живу, а отдавал её. Наполнял тело всё больше, будто сумел повернуть реку вспять.

В этот день, конечно, они на капище не отправились. Но на другой Елица проснулась — и увидела всё вокруг так ясно, что едва не задохнулась. Не стояла перед взором горячая пелена. И грудь вздымалась легко и свободно, жадно наполняясь травяным воздухом знахарской избы. Дажьбожье око заглядывало в окно приоткрытое, и лился вместе с ним щебет тонкий птичий — из самой чащобы. Леден сидел неподалёку, за столом, уронив на него голову — и спал так крепко, что даже шорох покрывала, когда Елица села на лавке, не разбудил его.

Она встала и подошла на цыпочках. Вздогнула малость, как всхрапнул во сне Брашко у другой стены. Положила ладонь на спину Ледена и провела вниз — сердце вмиг заколотилось взволнованно, как ощутила она кожей, что напряглись мышцы его. Княжич вскинул голову и повернулся к ней резко — будто вмиг всю сонливость скинул.

Она не поняла, как так случилось, но оказалась вдруг в объятиях его крепких, но бережных. Взметнулась над полом и опустилась вновь на лавку свою.

— Леден, — шепнула, подставляя шею под его поцелуи. — Леден, ты делаешь чего? Проснутся...

Да он ничего не ответил — продолжил только прижимать её к себе, губами скользить по её плечам, лицу. Ладонями — по бёдрам, нетерпеливо задирая рубаху. А после вдруг остановился, упёрся в лавку рукой и взглянул на Елицу — прямо в глубину глаз — до души самой дотянулся.

— Я не жил, Еля. Я эти дни не жил будто, — проговорил он серьёзно.

Она обхватила его лицо ладонями.

— Вместе мы всё переживём.

Они начали собираться тихо, да Мира и Брашко всё равно проснулись. Приготовила им челядинка даже снеди в дорогу, хоть и близкую, отпускать без неё отказалась. Елица, всё чувствуя, как прокатывается по телу слабость прозрачная, вышла из избы вслед за Леденом, рука об руку с ним.

Принесли они требу Лешему кашей да хлебом на месте особом, где осталась ещё кровь засохшая от жертв, которые здесь Димина возносила. Да негоже дальше её проливать. Достанет той, что собиралась оставить Елица на капище.

Пошли дальше, по тропе хорошо уж заросшей, но ещё заметной. Всё рядом держались. Леден руки Елицы из своей не выпускал, будто боялся, что снова недуг на неё навалится. Да ничего худого по пути не случилось.

Скоро потянуло уже знакомой гарью — совсем слабо, будто ветер носил запах этот меж деревьев. Развернулся чёрный шрам, как ступили они за границу леса, окутала земля рыхлая ступни, засыпалась даже в чеботы, опалая кожу стужей — будто снегом. Елица невольно схватилась за рукоять ножа обрядного, что висел на поясе. Впились в ладонь самоцветы на ней, узоры выпуклые — и решимости прибавилось.

Леден провёл Елицу до самого капища. Будто бы покосились ещё больше здесь остатки идолов. Оплыли, словно соты медовые под светом Ока. Она отпустила руку княжича и прошла дальше, переступила через обломки забора и требного стола, приблизилась к изваянию обугленному — Лады.

— Прости, Мать Матерей, — проговорила тихо. — Что обидели тебя когда-то. Что принесли в святилище твоё боль и ненависть. Страх и обиду. Что осквернили землю эту обрядами теми, которым не нужно было деяться здесь. Прости. Я возвращаю Остёрскому княжеству то, что принадлежит людям его по праву. Тобой данному. Сердце, что милостью своей ты подарила Милогневу и потомкам его.

Она вынула нож, не глядя на блестящее его лезвие, хоть и земетила, как пробежался по нему отблеск Ока, которое строго наблюдало с выси своей недостижимой за тем, что деялось сейчас внизу. Тронула кончиком пальца остриё и подняла голову к самой

вершине идола. Она набрала в грудь воздуха — страхась ещё того, что будет дальше. А вдруг и правда не сумеет выносить ребёнка Ледена без помощи Лады, без силы Сердца, к которой привыкла уж за долгие годы, что в себе его носила?

Елица закусила губу — и вздрогнула, как легли на плечи её ладони тяжёлые. Любимые.

— Я с тобой, Еля, — низкий голос Ледена объял теплом. Прикрыл словно щитом кованым ото всех тревог. — Я всегда буду с тобой.

Она подняла руку и полоснула по ладони лезвием холодным, острым. Вскрикнула сдавленно от того, как пыхнула боль тонкой полоской — и затерялась где-то в глубинах ощущения странного, словно мир вдруг принял Елицу. Обнял и обогрел, понимая всё, через что она прошла на пути сюда. На пути к тому, чтобы обрести любимого и пожелать продолжить род его.

Закапала кровь липкая наземь, пропадая в толстом слое пепла, так и не растворившегося под сотнями сотен дождей. Малыми крупичками она вонзилась в нутро капища, дотянулась до самого сердца Матери Матерей — и растеклась в стороны, наполняя всё вокруг первородной живой.

Елица прислонилась затылком к плечу Ледена, глядя в чистое небо, слыша, как колышутся ели под дыханием ожившего вдруг ветра, как зарождается где-то в груди то ли её, то ли земли самой — песня. Незнакомая, но слова которой она знала давно. И каждое из которых находило отклик внутри. Теперь она знала, что сумеет одолеть всё, что ещё вытянет для неё нитями из колодца своего Макошь.

ЭПИЛОГ

Елица смотрела в тёмный закопчённый потолок бани. Женские голоса, что звучали сейчас словно из дальней дали, сливались в один неразборчивый, взволнованный гул. Кто-то обтирал мокрой тёплой тряпицей её бедра, поднимая ещё из глубин истерзанного нутра отголоски стихающей боли. Кто-то смахивал со лба прилипшие к нему пряди. Одно только слышала Елица ясно: звонкий обиженный плач сына, уже завернутого в отцовскую рубаху — чтобы принял он от него защиту и силу его, которая сделает его достойным наследником князю Остёрскому.

— Какой мальчик крепенький. Не иначе богатырём будет! — радостно щебетала Вея. — Посмотри, Елица!

Она подставила руки и приняла в них тёплый свёрток. Но и разглядеть не успела личика сына, как тот, настойчиво тыкаясь носом, добрался до её груди и затих. Она улыбнулась, едва чувствуя собственные губы. И смутно понимая, что теперь творится вокруг неё. И как она сумела всё это пережить.

Эти луны тяжёлые, за которые ребёнок, что рос внутри, забирал её силу. Она и старалась не страшиться этого. Не смотреть на себя лишний раз, всё ж чувствуя, как сильнее проступают рёбра под кожей, как заостряются плечи и колени. Сколько бы она ни пыталась поддерживать силы свои, сколько бы ни кормила её Вея, которая приехала в Остёрск незадолго до родов — а Елица таяла, иссыхала как будто.

Одно держало её в Яви, заставляло бороться: осознание, что этот ребёнок Ледена. И муж её всегда был рядом, как и обещал. Бывало, уводили его дела из детинца Остёрского — да куда от того денешься, ведь стал он, как вернулись с капища старого, князем. А потому и заботы на него все навалились. Он даже уехал на время вместе с ближниками за данью по осени. И как будто не было его в городе, в тереме, за несколькими стенами от Елицы — а всё равно ощущала она его. Соприкосновение их особое — душами самыми — не размыкалось, сколько бы вёрст не разделяло их.

Как узнал Леден, что ребёнок его Елицу мучает, хотел уж и лекарку какую умелую позвать, чтобы избавила её от дитя. Да она запретила даже челядь гонять за делом таким непотребным. Он долго гневился: на неё, что не сказала раньше. На себя, за то, что до такого довёл. За проклятие своё, которое не разрушить.

И Морану клял. Так, что страшно становилось: осерчает та и погубит вконец, не проснётся он после сна очередного, что стали мучить его чаще. Но он всегда возвращался. Выждав день, приходил к Елице, распугивая всех челядинок, что были в тот миг в её горнице. И любил её исступленно, нежно, держа в руках, словно перо, которое смять боится силой своего желания.

Тогда ей становилось легче. Тогда она наполнялась опять силой и начинала верить сызнова, что ребёнка всё ж выносит.

Да к весне, будто мало бед, пришла весть из Логоста: Зимава в родах умерла. Оставила после себя сына, велев назвать его Эрваром. В глазах потемнело от того. И скрутил Елицу недуг сильный, из которого она выбраться не могла седмицу целую. Только цеплялась в бреду за голос Ледена, который всегда слышался рядом. Ничто ей не было нужно в те муторные дни — только он.

Но всё это вмиг закончилось. Казалось, длилось-тянулось бесконечно долго. И конца и края не будет этому мучению, этому страху извечному — не пережить ещё один день. А вот ведь — пережила. И держала теперь в неожиданно крепких руках своего сына.

Она уснула незаметно, чувствуя, как разомкнулись губы дитя на соске.

Пришла тьма, дарующая долгожданный отдых измученному телу. Окутала мягкой топью, словно болотом, нагретым жаром земным. И ничего не было больше вокруг — Елица покачивалась, плыла и отдалялась всё куда-то от того места, где быть должна. Страшно не было — только спокойно и безразлично.

Но засияло что-то в мутной выси, глубокой, бесконечной. Елица присмотрелась: то ли месяц вышел из-за облаков плотных, то ли застыл перед глазами серп начищенный, гладкий — одним взмахом перережет нить человеческой жизни.

— Забрать меня пришла? — шевельнула Елица губами.

Тихий смешок колыхнул серый туман, который почти невесомо трогал лицо, змеился меж прядей спутанных волос, проникал в ноздри.

— Нет, — бросила Морана, и мрак окружающий вдруг принял очертания женской фигуры. — Жить будешь долго, княгиня. Детей родишь. Не одного.

— Не переживу, — она усмехнулась горько. — Других — не смогу.

— Сможешь, — уверенно отрезала Богиня. — Увидела я достаточно. Узнала многое. Ты Ледену жизни дала больше, когда касалась его только, чем я, когда от смерти его берегла. За тебя держится. К тебе одной возвращается.

— Надолго ли? Твоей волей...

Снова качнулась мгла под спиной, мазнула холодом по коже. Елица взмахнула руками, боясь сверзиться с ненадёжного ложа в неведомую бездну.

— Отпускаю его. Совсем. Пусть живёт так, как сможет. Ни милости больше не будет ему моей, ни неволи.

И до того слова эти твёрдо прозвучали, словно гранитной плитой придавили. Осознанием странным, а оттого почти болезненным: неужели всё?

— Неужто не станешь больше терзать его? — не поверила было Елица.

Очертилась фигура Мораны яснее, словно приблизилась она, выплыла чуть больше из скрывающего её марева.

— Не стану. Но и всё, что дала ему — заберу. Потому что ты одарила его больше. А он — тебя. Из меня силы тянул, чтобы жила ты. Никогда такого не было, чтобы кто-то сумел сильнее Навьей воли стать.

Она вновь отшатнулась, пропала в густом пепельном облаке. И стал туман рассеиваться помалу, становясь светлее, будто дым давно потухшего костра.

Елица вдохнула резко — и открыла глаза. Оказывается, лежала она на лавке удобной, не банной, уже укрытая одеялом мягким, чистым — сама вся отмытая от пота и крови. Причёсанная аккуратно — и когда только женщины всё это сотворить с ней успели?

— Ты так крепко спала, — прозвучал в уютной тишине голос ровный, помертвевший, видно, от беспрестанных тревог. — Так спала, что тебя как угодно поворачивай — не просыпалась. Два дня... Боялись сильно.

Подошла Вея, вытирая руки рушником чистым. Усталая, серая, будто полотно застиранное. Подала воды сразу, зная уж, что это Елице сейчас всего нужнее. Та напилась вдоволь, обвела взглядом хоромину свою, где лежала, и зацепилась за колыбель, исчерченную знаками бережными. Теперь Лея её дитя хранит. А Елицу саму — муж её.

— Зато выпалась, — она медленно села, морщась от резкой боли между ног.

— Да уж выпалась, — усмехнулась наставница хмуро. — Князь чуть с ума тут, под дверью твоей не сошёл. Кормилицу пришлось искать спешно. У тебя-то молока не пришло.

— Придёт. Ледена ко мне позови.

Вея ушла, а после скоро ворвался в горницу князь. С глазами бешеными, налитыми бессонными ночами и страхом, что поселился в них давно уж. Ничего он не боялся в жизни. А вот жену потерять — да. Неосторожно хлопнул дверью, да спохватился, замер, глянув на колыбель — но ребёнок спал крепко.

— Еля... — он подошёл, приглядываясь к ней пристально.

Она протянула руки к нему навстречу, ни слова не говоря, просто желая ощутить себя в его объятиях. И он понял всё, сел рядом, подхватил и перетянул к себе на колени. Елица прижалась к нему, глядя то на огонёк лучины на столе рядом, то на колыбель, что легонько покачивалась на подвесе. Миг тишины объял их с Леденом — и ничего не нужно было говорить: всё понятно и так. Но Елица всё ж подняла лицо к мужу, коснулась кончикам пальцев его щеки.

— Свободны мы теперь, — улыбнулась, чувствуя, как натягивается до хруста кожа сухих губ.

Леден поймал её ладонь и прижал к своей груди.

— Знаю.

КОНЕЦ